

ЛЕОНАРД
КОТРЕЛЛ

ВО ВРЕМЕНА ФАРАОНОВ

ПО СЛАВЯН
ИСТОРИЈАМ

КАЛЕНДАРЪ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ЛЕОНАРД
КОТРЕЛЛ

ВО ВРЕМЕНА ФАРАОНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1982

Leonard Cottrell
THE LOST PHAROHS
Pan books Ltd, London,
1956

LIFE UNDER THE PHAROHS
Pan books Ltd, London,
1957

Редакционная коллегия

*К. З. Ашрафян, Г. М. Бауэр, Г. М. Бонгард-Левин,
Р. В. Вяткин, Э. А. Грантовский, И. М. Дьяконов,
[И. А. Коростовцев (председатель), С. С. Цельникер,
И. С. Клочков (ответственный секретарь)]*

Перевод с английского
Ф. Л. Мендельсона и В. И. Андрушова

Ответственный редактор и автор
предисловия И. С. Кацнельсон

К $\frac{0507000000-134}{013(02)-82}$ 151-82

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1982.

КНИГИ ЛЕОНАРДА КОТРЕЛЛА И ИСТОРИЯ ЕГИПТА

На Западе, особенно в англоязычных странах, всем, кто интересуется древними цивилизациями и новейшими достижениями археологии, хорошо знакомо имя Леонарда Котрелла. Ему принадлежит около десятка книг, которые неоднократно переиздавались и переводились в других странах. В Советском Союзе его книги до сих пор не появлялись. Возможно, потому, что в свое время двумя изданиями была опубликована превосходная книга К. В. Кераса (Марека) «Боги, гробницы, ученые», заслуженно получившая у нас, точно так же как и за рубежом, всеобщее признание и ныне ставшая библиографической редкостью. Но ей не уступают и книги Л. Котрелла, тесно связанные между собой, — «Убытые фараоны» и «Жизнь при фараонах». Непринужденность, раскованность и легкость повествования, несомненно высокий уровень изложения, а также свободное владение материалом обеспечили им широкую популярность. Обычно Л. Котрелл пишет о какой-либо одной культуре, с историей открытия и достижениями которой он стремится популяризировать и как можно полнее ознакомить читателя. Не пренебрегает он при этом иногда и формой беллетризованного очерка, как, например, в «Жизни при фараонах», и передачей личных впечатлений. Естественно, это придает книгам Л. Котрелла определенную живость изложения. Он охотно приводит отрывки из подлинных текстов. Читателя это приближает к мыслям, чувствам и образам создателей древних культур, а цитаты из специальных трудов вводят в творческую лабораторию ученых. Кстати, Л. Котрелл устанавливает со многими из них личные контакты, чтобы из первых рук и путем живого общения получить нужные ему сведения. Недаром первая книга посвящена крупнейшему английскому египтологу сэру Алану Гардинеру и никак нескрепленной дружбы.

Главное, что привлекает к очеркам Л. Котрелла, — их познавательная ценность. В значительной степени это объясняется отмеченным только что стремлением пользоваться первоисточниками, правда, в переводах, но, как правило, наиболее квалифицированными, и специальной литературой, что позволяет ему избежать фактических ошибок, нелепых предположений и домыслов, нередко свойственных популярной, точнее, популяризаторской литературе. Изложение истории Египта ведется на фоне археологического изучения наиболее ярких и впечатляющих открытий, ознакомления с известными великолепными памятниками, например комплексом гробницы матери фараона Хуфу — Хетенхерес или усыпальницы Тутанхамона. При этом раскрывается значение археологии для истории, для изучения жизни давно ушедших поколений и быта различных слоев общества. Л. Котрелл справедливо подчеркивает, что основная задача археологии заключается не в поисках «древностей», а в восстановлении былого. Он убедительно показывает на наглядных примерах, что древние египтяне вопреки довольно распространенному мнению, подобно другим народам, отличались жизнелюбием, ценили радость земного бытия, боялись смерти и, хотя много внимания уделяли посмертному существованию, делали это лишь потому, что хотели пользоваться и в потустороннем мире всеми теми благами, какие имели при жизни. Кроме того, он совершенно точно отмечает практичность, здравый рационализм давних обитателей долины Нила и доказывает, что всевозможные, имеющие, к сожалению, и в наши дни достаточно широкое распространение взгляды о присущих им, доньше не раскрытых тайных знаниях противостоят объективному положению вещей и, следовательно, антинаучны. Представления о якобы свойственной египтянам склонности к мистике появляются позднее, когда греки, попав в страну пирамид, пораженные иероглифическим письмом и диковинными, на их взгляд, изображениями в гробницах, приписали им постижение какой-то скрытой мудрости, как справедливо отмечает автор. Поэтому Л. Котрелл самым решительным образом отвергает всевозможные, еще имеющие широкое хождение небывлицы о пирамидах, хотя уже доказано авторитетными специалистами, что их соорудили только для погребения фараонов.

Хотя Л. Котрелл и отмечает, что «между культом Осириса и христианством есть существенная разница», некоторые приводимые им факты, по существу, опровергают его слова. Влияние религии древних египтян и созданных ею образов на христианство бесспорно. Вопреки мнению многих пишущих о культуре, созданной обитателями долины Нила, и склонных приписывать заро-

ждение основных достижений цивилизации греческому гению Л. Котрелл отмечает великие заслуги древних египтян перед человечеством, прежде всего в области науки, хотя и указывает на примитивность их религиозных верований, в чем, впрочем, они «были не одиноки».

Верно определяет автор натуральный характер экономики и социальную структуру общества страны фараонов, чье благосостояние держалось на безжалостной эксплуатации подневольного населения: рядовых земледельцев и рабов; для них, на чьих спинах держится весь Египет, жизнь — нескончаемый труд, заканчивающийся в безымянных могилах на краю пустыни.

Не скрывает Л. Котрелл от читателя и то, что за истекшие тысячелетия мало что изменилось для египтян. Когда он посетил Египет в 50-х годах нынешнего века, те же глинобитные деревушки окаймляли берега Нила, и такие же голодные ребятишки играли на пыльных улицах. Прибавилась лишь ненависть к чужеземцам-англичанам, захватившим в свои руки богатства страны. Он прямо пишет: «История последних полутора столетий Египта — это не только история научных поисков, но также история бесстыдного грабежа. Тысячи драгоценных предметов были вывезены за эти годы в Европу и Америку». К этому можно добавить, что с памятниками старины переправлены были туда и многие миллионы, добытые потом и трудом египетских феллахов. Точно так же, упоминая о прежних заслугах Англии в изучении прошлого Египта, главным образом в минувшем веке и в самом начале нынешнего, он указывает, что давно миновали дни, когда меценаты, подобные лорду Карнарвону, оплачивали расходы на раскопки, стоимость которых значительно возросла после второй мировой войны. Изыскания теперь можно вести только при «финансовой поддержке правительства, но у правительства и без того масса расходов».

Нужно признать, что Л. Котрелл достаточно удачно разрешил в обеих книгах поставленную перед собой задачу, а именно описать и объяснить значение некоторых выдающихся открытий археологов в долине Нила и ознакомить с жизнью и бытом древних египтян. Автор предупреждает, что первая книга его не претендует на изложение истории Египта. Действительно, он рассказывает лишь об отдельных ее эпизодах на фоне тех наиболее примечательных находок археологов, с которыми он счел нужным ознакомить читателя. Поэтому порой смещается хронологическая последовательность событий, например о религиозной реформе «царя еретика» Аменхотепа IV (Эхнатона) говорится после того, как он повествует о царствовании Тутанхамона и открытии его

гробницы, хотя Тутанхамон был преемником Эхнатона, в других случаях опускаются даже целые периоды, оставившие малозначительные или не привлечшие внимания автора памятники.

В далекой древности, восемь-десять тысяч лет назад, когда климат Северо-Восточной Африки был более влажным и в саваннах и степях, ныне превратившихся в выжженные солнцем песчаные пустыни, выпадали дожди, первобытные кочевые племена, увековечившие свой быт в наскальных рисунках, избегали селиться в болотистой и нездоровой, заросшей камышом пойме Нила. Лишь иссушение климата вынудило их спуститься туда.

Именно в ту отдаленную эпоху и в ближайшие за ней тысячелетия в результате смешения племен, обитавших в Северо-Восточной Африке и, возможно, пришедших из прилегающих к ней районов Аравийского полуострова — кушитов, берберов и протосемитов, формируется египетская народность. Затем, много позднее, особенно на юге, отмечается примесь негроидов. Во всяком случае, к концу IV тысячелетия до н. э. формируется однородный антропологический тип, сохранившийся и до наших дней, особенно в сельских местностях, и складывается в общем единый, если не считать диалектические различия, язык, принадлежащий к обширной семье семито-хамитских языков, в которой египетский составляет отдельную группу. Л. Котрелл определяет его как хамитский, согласно устаревшей, но принятой и теперь в западной литературе терминологии.

С течением времени, по мере роста населения, охота, собирательство и рыболовство, которыми занялись, попав в пойму Нила, древнейшие неолитические племена, уже не могли прокормить увеличившееся число людей. Это обусловило переход к скотоводству и появление земледелия. К середине VI века до н. э. распространившиеся неолитические орудия повсеместно сменяют грубые и менее специализированные палеолитические. Тогда же примерно складываются первые характерные черты столь своеобразной и специфической египетской культуры.

В IV веке до н. э. к прежним материалам, служившим для изготовления орудий и оружия — камню, дереву, кости, добавляется медь. Использование металла знаменовало подлинную революцию в развитии производительных сил.

Переход к новым, более прогрессивным формам хозяйства повлек за собою и новую социальную организацию: первобытнородовые отношения кочевых охотничьих племен сменяются территориальной общиной. По мере дальнейшего роста населения, продол-

жавшегося в связи с большей стабильностью источников пропитания, понадобились дополнительные площади обрабатываемой земли. Началось строительство оросительных каналов и водозащитных дамб.

Из-за воды, земли и скота между соседними общинами нередко возникали вооруженные столкновения. Эти междоусобицы способствовали накоплению имущества у отдельных лиц и, следовательно, социальному расслоению. Выделяется родовая знать, появляются рабы. Сильные общины насильственно поработали слабых соседей. Этот процесс, длительный и для многих общин мучительный, в конечном счете завершился формированием классов и возникновением небольших примитивных государственных образований. Город — центр с его рынком и ремесленниками — обычно резиденция вождя (позднее царька), местонахождение святилища — храма главного местного божества, который нередко служил и сокровищницей, и тяготевшие к нему поселения составляли государство, которое нередко либо само нападало на соседей, либо вынуждено было обороняться от них. По мере освоения новых земель под посевы требовалось затрачивать все больше сил на сооружение ирригационной системы, а это, в свою очередь, обуславливало и необходимость расширения кооперирования труда и усложняло руководство им.

К IV тысячелетию, согласно традиции, возникло 20 таких «государств» на севере страны и 22 на юге, всего 42. Границы их в дальнейшем легли в основу административно-территориального деления Египта на округа, или, как их называли греки, номы.

В результате войн между этими «государствами», длившихся столетиями, очевидно, во второй половине IV века до н. э. возникло два крупных царства: на севере — со столицей в Буто, а на юге — в Иераконполе (Нехене). Царь Северного царства носил красную корону, Южного — белую. Символом первого была пчела, второго — тростинка.

Объединение всей страны по традиции, сохраненной египетским жрецом Манефоном, завершил царь Южного (Верхнего) Египта Менес, которого некоторые египтологи отождествляют с Нармером. Вопрос этот остается пока открытым. Не исключена возможность, что объединение произошло еще до Менеса, который считается основателем I династии, но именно при нем начали вести древнейшие летописи.

К Манефону, написавшему на основании древних хроник-анналов в конце IV века до н. э. для завоевателей-греков историю своей родины, восходит принятая ныне в науке, правда, с некоторыми изменениями и уточнениями, периодизация истории Египта.

Он ввел счисление по династиям, которых от Менеса до своего времени насчитал тридцать. Им же предложено было обозначение и более крупных периодов как Древнее, Среднее и Новое царства. Каждое из них включает десять династий. Время, непосредственно предшествующее Менесу, получило название додинастической эпохи.

На рубеже Верхнего и Нижнего Египта, юго-западнее современного Каира, Менес заложил крепость, названную им «Белые стены», что по-египетски звучало примерно «Инбу-хедж». Здесь возник впоследствии город, ставший в эпоху Древнего царства столицей Египта и названный греками Мемфисом. Название это происходит от расположенного вблизи пирамиды фараона VI династии Пиопи I поселения Мен-нефер. Одно из местных наименований Мемфиса — Хикупта («Крепость духа Пта» — главного бога города), вероятно, послужило основой для греческого обозначения всей страны как Аигюптос, т. е. Египет. Сами египтяне называли свою родину «Кемет» — «Черная», отличая таким образом черную, орошаемую Нилом плодородную землю, где они жили, от «красной», непригодной для обитания, пустыни.

Еще к концу додинастической эпохи формируются основные характерные для египетской культуры особенности: иероглифическое письмо, художественный стиль, религиозные представления. Медленно изменяясь и совершенствуясь, они сохраняются на протяжении долгих веков, включая греко-римскую эпоху. Медлительность эта — следствие медлительности развития производительных сил, присущей вообще древнему обществу, когда средства и орудия производства эволюционируют, но не столь быстрыми темпами, как в позднейшие эпохи. Поэтому никак нельзя согласиться с утверждением Л. Котрелла, что Египет не менялся на протяжении тысячелетий. Многие, очень многие отличает, например, эпоху Древнего царства от Нового царства, не говоря уже о греко-римской эпохе. Изменения проявляются решительно во всем: в социальной структуре общества, в его культуре и даже в такой косной области, как религия.

С объединением страны при первых двух династиях, правивших с 3000 до 2800 г. до н. э., т. е. в период, который теперь принято выделять из Древнего царства под названием Раннего царства, Египет превращается в централизованную деспотию. Однако сохраняются еще многие пережитки первобытнообщинного строя как в области религиозной идеологии (например, культ обожествленного царя, воплощавшего производительные силы природы, тотемистические представления и т. д.), так и в сфере социально-экономических отношений, о которых мы осведомлены хуже. На

основании позднейших и далеко не всегда проверенных данных можно предполагать, что сохранялась сельская община. Ведь только коллективным трудом можно было поддерживать систему оросительных сооружений и строить новые, когда в том возникала потребность. Это обусловило ее стабильность и вместе с тем замедлило развитие частнособственнических отношений, что, в свою очередь, повлияло на то, что социальная структура Египта оказалась весьма устойчивой и относительно мало менялась на протяжении веков.

Массу непосредственных производителей составляли земледельцы-общинники, находившиеся под неограниченной властью фараона и его вельмож, и рабы. На их подневольном труде зиждилось благосостояние страны и ее господствующей прослойки, как это справедливо признает и автор. Вот почему принципиально ошибочно определять, как это делает он, следуя общераспространенным в буржуазной науке взглядам, общество Древнего Египта как феодальное. Ведь при феодальных отношениях непосредственным производителем является крепостной.

Объединение долины Нила было важнейшим событием в жизни страны. Оно положило начало качественно отличному этапу в ее судьбе. Единство воплощалось в неограниченной власти фараона, провозглашенного земным богом. Даже имя его не следовало произносить. Говоря о нем, надо было прибегать к эвфемизмам, например «великий дом», т. е. дворец. По-египетски это звучало примерно как «пер-о», превращенное впоследствии греками в «фараон».

Разумеется, создание единой ирригационной системы для всей страны и обусловленная этой насущной экономической потребностью ее централизация были явлением несомненно прогрессивным, но едва ли правильно определение Котрелла, что своими достижениями Египет обязан тому, что фараоны обладали неограниченной властью. Здесь следствие берется за причину.

Земледелие на всем протяжении истории долины Нила оставалось главной отраслью хозяйства ее обитателей. Работы, связанные со строительством оросительной сети, предопределили специализацию и разделение труда. Хозяйство в основном оставалось натуральным вплоть до эпохи эллинизма. Обмен между отдельными существовавшими в додинастический период ранними государственными образованиями постепенно перерос в обмен между Югом и Севером, а затем с течением времени охватил и прилегающие страны Восточного Средиземноморья, а также Куп. Внешняя торговля была сначала монополией царя.

В эту пору формируется и государственный аппарат с обслу-

живающими его чиновниками-писцами. Выделяется прослойка придворной знати. Отчетливо проступает в дальнейшем сохранявшаяся по традиции двуединость страны. Фараон носит двойную объединенную корону: «белую» и «красную» — Верхнего и Нижнего Египта, его величают «владыкой Обеих Земель»; двуедиными были и важнейшие учреждения, например сокровищницы — «дома», «белый» и «красный». Обособляются административные округа — номы, нередко совпадавшие с прежними государственными образованиями. Во главе их находятся правители, назначенные, видимо, фараонами, но происходившие, возможно, из местной знати.

Отряды, очевидно уже постоянные, воинов-телохранителей осуществляли и полицейские функции. Набираемому по мере нужды ополчению тоже приходилось подавлять то и дело поднимавшиеся на севере, в Дельте, восстания, о чем сохранились определенные сведения. Кроме того, они вели войны с обитавшими на Синайском полуострове кочевниками (из-за медной руды), а на юге и западе — с племенами кушитов и ливийцев. После успешных походов в Египет пригоняли различный скот и толпы рабов. Добыча доставалась в основном царю и ближайшему его окружению. Труд рабов уже широко использовался на государственных работах и в хозяйстве самого фараона и вельмож.

Эпоха Древнего царства (около 2880 — около 2270 г. до н. э.) охватывает время правления III—VI династий. Она началась с воцарения Джосера, при котором его верховный сановник — Имхотеп, гениальный архитектор, врачеватель и мудрец, впоследствии обожествленный, воздвиг в Саккара (недалеко от современного Каира) первую пирамиду — ступенчатую.

Эта эпоха, особенно первые ее века, характеризуется дальнейшим развитием земледелия. На смену мотыге приходит плуг, влекаемый быками. Совершенствуются и орудия труда из меди.

Расширяются связи с соседними странами. Египет нуждался в привозном сырье, в первую очередь — дереве. За ним посылали корабли в порты Сирии и Палестины. Учащаются хищнические походы и торговые экспедиции в Куш, откуда доставляли рабов и скот, а также слоновую кость, шкуры экзотических животных, благовония и т. д. О походах в южные страны рассказывают вельможи, выполнявшие поручения фараонов, в автобиографиях, высеченных в гробницах. В Северной Нубии возникают поселения египтян.

Продолжается дальнейшая централизация страны и бюрократизация государственного аппарата, возглавляемого везиром. Могущество фараонов достигло небывалой прежде, да, пожалуй, и впоследствии, силы. Былая двойственность сохраняется как архаи-

ческий пережиток. Номами управляли назначенные царем сановники; древняя номовая знать там, где она сохранилась, становится придворной. Часто, особенно во время правления IV династии, важнейшие должности занимали близкие родственники царя. Фараон был также верховным жрецом, высшей законодательной и судебной властью. Вся страна и все ее население рассматривались как его собственность. Конечно, в действительности это право осуществлялось лишь номинально. Частноимущественные отношения продолжали развиваться, и земля, как и другая собственность, могла отчуждаться.

Неограниченная власть царя нашла воплощение в грандиозных гробницах — пирамидах. Самые большие воздвигнуты фараонами IV династии Хуфу (Хеопсом), Хаффа (Хефреном) и Менкаура (Микерином). При примитивной технике труд, затраченный на их строительство, даже не поддается учету. Десятки тысяч крестьян и, вероятно, рабов-военнопленных отрывались от производственной деятельности. Преемникам Хуфу уже пришлось довольствоваться меньшими усыпальницами. Попутно следует отметить, что упоминаемая Л. Котреллом, правда с соответствующей оговоркой, теория английского египтолога И. Эдварса — бывшего хранителя Британского музея о запечатленной в пирамидах символике не получила признания, как, впрочем, и другое соперничающее с нею предположение немецкого ученого Л. Борхардта¹.

Для трудового населения были введены регулярные, строго учитываемые повинности в пользу казны, храмов, сановников, которым для «кормления» передавались целые поселения. С этой целью через определенные промежутки времени — обычно каждые два года — производились переписи земли и скота. По мере надобности население привлекалось для несения военной службы. О конкретных событиях того отдаленного времени, как внутренних, так и внешних, до нас дошли лишь отрывочные и смутные отголоски. Так, например, можно установить, что во время правления V династии усиливается местная знать, опиравшаяся на хозяйства номов, как, впрочем, и вельможи, пребывавшие при дворе. Этот процесс завершается в годы правления VI династии, особенно при последнем ее представителе — Пиопи II, почти столетнее царствование которого было, очевидно, самым продолжительным во всей мировой истории.

Он и некоторые его предшественники так называемыми «грамотами защиты» вынуждены были освобождать от общегосударст-

¹ Подробно эта проблема освещена в книге Ф.-Ф. Лауэра «Загадки египетских пирамид». М., 1966.

венных повинностей целые области пирамидных поселений и храмовых владений, в первую очередь на юге, где влияние столицы Мемфиса и двора сказывалось слабее. В конце концов помогая знать выступила против тяготившей ее центральной власти, которая к тому времени выполнила свою основную задачу, создав оросительную систему, соответствующую потребностям населения и уровню социально-экономических отношений.

Вскоре после смерти Пиопи II (около 2250 г. до н. э.) страна распалась на отдельные враждующие между собой области. Децентрализация длилась более двух столетий. Следствием ее было разрушение многих ирригационных сооружений, что губительным образом сказалось на производительных силах. Это время междоусобных войн и волнений называют Первым периодом распада. Тогда правили эфемерные VII—VIII династии, о которых источники сохранили смутные сведения. Цари IX и X династий владели Гераклеополем. Им удалось воссоединить значительную часть страны — прежде всего Дельту. На юге, в Фивах, обосновались местные правители, которые образовали XI династию. Со временем усилившись, они, приняв полную титулатуру фараонов, стали претендовать на власть над всем Египтом, что привело к затяжной войне с Гераклеополем, потерпевшим в конце концов поражение. Юг оказался более сплоченным. При фараоне XI династии Ментухоте I (около 2050 г. до н. э.) Египет был вновь объединен.

В период распада земледелие и огородничество развивались преимущественно на землях, которые орошались вручную. Частновладельческие отношения способствовали интенсивному проявлению инициативы отдельных лиц, а это, в свою очередь, повлекло за собою некоторые усовершенствования и орудий производства и техники сельского хозяйства. Нужда мелких и средних собственников в рабочих руках способствовала увеличению числа рабов. Постепенно эта прослойка становится все более влиятельной и обеспеченной. Именно она больше всего была заинтересована в единстве страны. Только сильное государство могло не только восстановить и даже расширить сеть оросительных сооружений, но и наладить нарушенный в годы смут товарообмен с соседними странами.

Новое объединение Египта положило начало эпохе Среднего царства (около 2050 — около 1750 г. до н. э.). В сфере развития производительных сил она характеризуется распространением бронзы, хотя наряду с ней продолжали применять медь и даже камень. Совершенствуется плуг, продолжается специализация инструментов и оружия, улучшаются породы скота. В интересах «педжесов» проводятся большие работы по орошению заболочен-

ного оазиса Фаюма, что позволило засевать новые земли. Интенсивнее разрабатываются медные рудники Синайского полуострова. Египетское влияние закрепляется в Финикии, откуда вывозят лес; завязывается обмен и с Критом.

В обширных поместьях знати, храмов и фараона применялся, очевидно, труд и свободных земледельцев, хотя и число рабов возрастает. Имели их и «неджелисы». Источником пополнения рабов служили грабительские походы в Куш и в области западнее Дельты. Полностью была завоевана Северная Нубия, и мощные крепости у Второго порога охраняли новые рубежи.

Около 2000 г. до н. э. престол захватил визир последнего фараона XI династии Аменемхет I — основатель XII династии. Резиденция была перенесена из Фив в район Фаюма — крепость Иттауи — «Захватившая Обе Земли» (совр. Липт). Очевидно, здесь, в центре страны, было удобнее следить за всем происходящим, а также за грандиозными по тому времени работами по осушению Фаюма. Отдельными областями управляли номархи, которые на первых порах пользовались относительной самостоятельностью. Долгое время обстановка в стране оставалась напряженной вследствие попыток некоторых номов отмежеваться от центральной власти и социальных смут. Только при Аменемхете III (1850—1800 гг. до н. э.) удалось подавить сепаратистские устремления и добиться относительно устойчивого единства с помощью служилой знати, включавшей теперь и незнатных людей. Появляется профессиональное войско, укомплектованное и наемниками. Именно с его помощью Сенусерт III (1887—1850 гг. до н. э.), которого греки называли Сезострис, — самый удачливый из фараонов XII династии — совершил успешный поход в Палестину.

Среднее царство — эпоха расцвета египетской культуры: язык этого времени считался классическим и в последующие столетия ему стремились подражать. Созданные тогда художественные произведения: сказки, повествования, поучения — впоследствии переписывались и изучались в школах. От того времени дошли и первые научные тексты — математические и медицинские.

При сменивших Аменемхета III царях постепенно назрел новый мощный социальный кризис. Мы осведомлены о нем из так называемых «Речений Ипусера», составленных в форме прорицаний человеком, явно настроенным враждебно к восставшим. К сожалению, написаны они в самых общих выражениях, и поэтому нельзя определить, в какую конкретную форму вылились события. Ясно лишь, что страна вновь распалась на части и одновременно в них правили XIII и XIV династии. Это время и последую-

щие десятилетия обозначаются как период Второго распада Египта (1750—1580 гг. до н. э.).

Страна ослабла и не смогла помешать вторжению с востока племен завоевателей-гиксосов, как их называл Манефон. Их этническая принадлежность — один из самых спорных вопросов истории Египта. Гиксосы овладели большей частью страны. В Дельте, где их правители обосновались в городе Аварисе, в восточной ее части, они господствовали безраздельно, образовав XV и XVI династии — так называемые «гиксосские». На юге, в Фивах, продолжали править местные цари.

Власть гиксосов длилась немногим более ста лет. Согласно традиции египтяне обязаны им знакомством с лошадыо и колесницами, хотя сравнительно недавно при раскопках в крепости Бухен (Северная Нубия) в слоях Среднего царства обнаружен скелет лошади. Поэтому сведения, приводимые Л. Коттреллом, несколько устарели.

Сидевшие в Фивах фараоны, возможно потомки XIII династии, создавшие XVII династию, видимо, вынуждены были некоторое время подчиняться гиксосам. Однако последние ее цари — Секененра и Камос — начали освободительную войну, завершившуюся изгнанием захватчиков из долины Нила около 1560 г. до н. э. при фараоне Яхмосе I — основателе XVIII династии. Его правлением начинается новая эпоха — эпоха Нового царства (около 1580 — около 1085 гг. до н. э.).

Никогда ни до этого, ни после Египет не достигал такого могущества, как именно в этот период, охватывающий время правления XVIII, XIX и XX династий. В результате длившихся столетиями успешных походов была создана «империя», включившая значительную часть Северо-Восточного Средиземноморья и Куш до Четвертого порога Нила.

Яхмос I, окончательно изгнав гиксосов, сплотил страну, разобщиенную в годы смут и борьбы с гиксосами, преследуя которых он вторгся в Южную Палестину, а затем восстановил господство Египта в Северной Нубии. Освобождение от иноземного ига и установление сильной центральной власти, естественно, благоприятствовало развитию производительных сил.

В эпоху Нового царства все шире применяется бронза, появляются, еще, правда, очень редкие вначале, изделия из железа. Существенные преобразования отмечаются и в ремесле, например в ткацком, в кузнечном деле. Повсеместно распространяются изделия из стекла. Совершенствуются орудия труда, повышающие его производительность и облегчающие усилия работающих. Продолжает расширяться площадь обрабатываемых земель, орошае-

мых теперь с помощью *шадуфа* (журавля). Лошадь и колесница, взятые на вооружение, укрепляют военный потенциал.

Значительно увеличивается внутренний обмен, хотя в основном он остается натуральным. Все чаще мерилом стоимости служат золото и серебро.

После победоносных походов, особенно при фараонах XVIII династии — Аменхотепах I и II и Тутмосах I и III, — в Египет, и главным образом в Фивы, стекается обильная добыча: золото из рудников Куша, серебро из Азии, медь, слоновая кость, драгоценные камни, редкие породы деревьев, изделия искусных ремесленников Сирии, Крита и Кипра, а также десятки и даже сотни тысяч рабов. Все это фараон и его ближайшее окружение получали путем грабежа. Поэтому отпадала нужда в торговом обмене с окружающими странами, что сдерживало рост товарно-денежных отношений.

Рабов отдавали внаем и продавали. Подавляющее большинство принадлежало храмам, знати, царю. Широко распространялось и частное рабовладение.

Некоторые льготы, возможно добытые в результате социальных смут массами земледельцев и ремесленников, постепенно отмирали. Со временем положение свободных крестьян, приписанных к царским и храмовым владениям и поместьям вельмож, значительно ухудшилось вследствие увеличения обязательных поставок и повинностей. Занятые на работах царя и храмов ремесленники целиком зависели от жалованья, которое им выдавали с большим опозданием, особенно в периоды кризисов, как это было, например, при Рамсесе IV, когда рабочие Фиванского некрополя организовали нечто вроде стачки, требуя задержанного им довольствия.

Основу войска составляли колесничие. Их набирали из знати и зажиточных слоев. Среди пехотинцев, которых вооружало и снаряжало государство, значительный процент составляли иноземцы. Но основной массой воинов были рекруты, набираемые из трудящегося населения. Их положение было не легче положения земледельцев и ремесленников. К изнурительным работам, в которых их заставляли участвовать, добавлялись тяготы дальних и опасных походов. Недаром в школьных поучениях, где превозносятся преимущества должности и профессии писца, чтобы заставить нерадивых прилежнее учиться, вопреки явно ошибочному мнению Л. Коттрелла участь земледельца, ремесленника и воина описывается в самых мрачных тонах.

Знать, как и назначаемые фараоном администраторы и наместники, продолжала пользоваться на местах значительной властью.

Они иногда владели огромными поместьями, хотя, вероятно, менее обширными, чем в эпоху Древнего царства. Фараон оставался носителем высшей неограниченной власти, от него зависела жизнь и благосостояние любого из его подданных, вплоть до везира.

Со знатью было тесно связано и жречество: вельможи нередко занимали жреческие должности. Храмы, т. е. те же служители культа, получали от фараона в дар земли, скот, рабов, золото и т. п. в несметных количествах, особенно после победоносных походов. В их интересах иногда несколько поколений трудились над сооружением огромных, великолепных храмов, как, например, Карнак и Луксор в Фивах, посвященных главе египетского пантеона — Амону. Накапливаемые в сокровищницах святилищ богатства обеспечивали значительное, а порой и решающее политическое влияние служителям культа, ведь религия была тогда основным фактором идеологического воздействия.

Продолжая дело, начатое Яхмосом I, его ближайшие преемники значительно расширили рубежи Египта, обеспечив его господство над прилегающими как на юге, так и на севере странами. Самым удачливым из фараонов-завоевателей был Тутмос III; совершив 17 походов в Азию, он дошел до Кархемиша на Евфрате, а на юге достиг Четвертого порога Нила. В итоге была создана первая «мировая империя», простиравшаяся на 3200 км с севера на юг. При правнучке Тутмоса III Аменхотепе III Египет достиг зенита своего могущества. Никто не мог ему противостоять. Цари соседних стран обращались в Фивы с льстивыми посланиями, униженно восхваляя фараона и выпрашивая подачки; Аменхотеп III мог наслаждаться миром и роскошью. Но внешнее благополучие было обманчиво. В конце более чем тридцатилетнего правления фараона все более явственную и действенную форму принимает антагонизм между царем-деспотом и рабовладельческой знатью. Для сохранения своего могущества царь вынужден был опираться на военачальников, важнейших сановников, высшие круги жречества. Но они же ограничивали его власть. В их руках, особенно жречества, сосредоточились огромные богатства и обширные земельные угодья. Храмам принадлежали целые города и поселения. Чтобы ослабить противника, следовало лишить его основного оружия — идеологического влияния жречества и тесно связанной с ним знати.

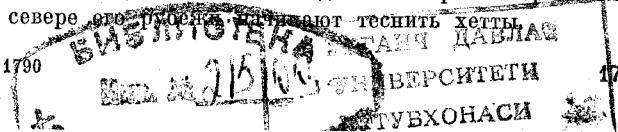
Старая религия казалась неприемлемой и по другим причинам. Созданной фараонами «мировой империи» должна была соответствовать и религиозная идеология, а древние ее формы с чисто египетскими чертами не отвечали новым потребностям, и она оставалась чуждой населению покоренных стран.

Таковы были объективные предпосылки реформы, осуществить которую выпало на долю сына Аменхотепа III — Аменхотепа IV (конец XV в. до н. э.), ставшего соправителем отца в последние годы его жизни.

В самом начале своего самостоятельного правления молодой фараон устанавливает, опираясь преимущественно на средние служилые круги, культ бога Атона — солнечного диска. Солнцу в Египте под различными именами и в различных ипостасях поклонялись издревле. Если вначале Атон только выделяется среди других богов, то в дальнейшем он провозглашается единственным божеством. Культы всех прочих богов, прежде всего Амона, особенно ненавистного царю, отменяются. Имена их повсеместно уничтожаются. Сам Аменхотеп, что значит «Амон доволен», переименовывает себя в Эхнатона — «Угодного Атону». Дабы окончательно порвать со всеми традициями, он оставляет резиденцию предков — Фивы — и основывает в 450 км севернее новую столицу — Ахетатон, т. е. «Горизонт Атона» (совр. Эль-Амарна). Вот почему время его правления называют иногда Амарнским периодом.

В результате реформ Эхнатона был сделан неоспоримый шаг вперед к более передовым на том уровне человеческого сознания монотеистическим представлениям. Конечно, этот фараон своими мероприятиями выделялся среди других царей Египта, но не следует его идеализировать, как это делают многие, кто пишет о нем; это иногда проскальзывает и в книгах Л. Котрелла. Он был таким же деспотом, как и его предшественники и преемники, и многое при нем осталось по-прежнему, и не только в социальных отношениях, но и в религиозных верованиях; например, не произошло никаких изменений в заупокойном культе. Просто очень много мы не знаем и, может быть, никогда не узнаем. Поэтому следует избегать категорических суждений, которые порой встречаются у Л. Котрелла, например о том, что мать Эхнатона уговорила его примириться со жрецами или что Сменхкара вернулся в Фивы, что Тутанхамон был сыном другого сводного брата царя. (Скорее всего, он был сам его сводным братом или сыном.) Все это предположения и гипотезы; неопределенность наших знаний об Эхнатоне и его реформах лучше всего доказывается противоречивостью приведенных в Приложении суждений о них египтологов. Что касается оценки Л. Котреллом искусства Амарны, которому он предпочитает искусство эпохи Древнего царства, то это, конечно, дело вкуса.

Распри, вызванные мероприятиями Эхнатона, ослабили военный потенциал Египта, в азиатские владения которого вторгаются хитры.

Внутри страны поднимается недовольство. В последние годы правления Эхнатона ему противостояли не только жрецы и знать, лишившиеся своих доходов и влияния, но и средние слои, на которые опирался фараон. Расправившись с их помощью с противниками, он ничего не дал им взамен. Нельзя недооценивать и идеологического фактора. Народ за долгие века привык к своим богам, и, конечно, никакие «декреты» не могли заставить его сразу отказаться от веры предков. Неудачи Эхнатона в Азии тоже приписывались отступничеству от исконных богов.

Словом, к концу семнадцатилетнего царствования Эхнатон оказался в изоляции. Уже при его преемнике малолетнем Тутанхамоне все его реформы были отменены, восстановлен культ Амона и других богов, жрецам которых возвратили их состояние, а Эхнатона предали анафеме, объявив еретиком и преступником; его имя повсеместно уничтожали. Все же, сколь ни эфемерными оказались проведенные им реформы, они оставили заметный след в истории культуры Египта. Именно тогда возникли величайшие произведения изобразительного искусства и такие шедевры, как «Гимн Атону».

Вскоре после Эхнатона при поддержке клира Амона престол захватил энергичный и настойчивый военачальник Хoremхем (начало XIV в. до н.э.). Хотя он и был ставленником жрецов и знати, в своей внутренней политике он старался принять во внимание и интересы мелких и особенно средних собственников, достояние которых специальным «декретом» защищалось от посягательств. Преследовалось и взяточничество.

Основные усилия обосновавшихся на севере, в Дельте, фараонов XIX династии, что в большей степени соответствовало задачам их внешней политики и ослабляло влияние фиванского жречества, были направлены на восстановление и укрепление господства в Сирии и Палестине. Через 16 лет после битвы при Кадеше (1296 г. до н.э.) Рамсесу II удалось договориться с царем хеттов о полюбовном разделе Сирии. Этот фараон прославился и как строитель: он превзошел всех своих предшественников числом воздвигнутых им храмов, правда, он не гнушался «плагиатом», присваивая постройки прежних строителей.

Сразу после смерти престарелого фараона в стране возникла кризисная ситуация: в Сирии начались неурядицы, его сыну Мернептаху пришлось отражать нашествие «народов моря» и коалиций ливийских и каких-то средиземноморских племен. В морском сражении враги потерпели поражение. Затем при быстро сменявшихся фараонах одни за другими следовали смуты и волнения, о которых очень мало что известно.

Новые нападения на Египет ливийцев и «народов моря» не без усилий были отбиты первыми фараонами новой, воцарившейся XX династии (около 1200 г. до н. э.). Второй фараон ее — Рамсес III — устремился в Сирию, однако закрепиться там не смог, хотя и прибег к помощи иноземных наемников. В своей внутренней политике он пытался щедрыми дарами храмам завоевать благосклонность жрецов, что, видимо, губительно отразилось на экономическом положении страны. Именно при нем не выплачивалось довольствие рабочим Фиванского некрополя. В конце концов он был убит на 32-м году правления в результате дворцового заговора. При последующих царях этой династии — их по традиции звали Рамсесами (IV—XI), владели они престолом до начала XI в. до н. э. — Египет постепенно теряет все свои владения в Сирии, Палестине и Куше. Это было следствием глубокого внутреннего кризиса, сопряженного с ослаблением власти фараонов, которые не могли уберечь от расхищения могилы своих предков, о чем подробно рассказывает Л. Коттрелл. С воцарением XXI династии кончается эпоха Нового царства (около 1085 г. до н. э.). Страна вступает в очередной этап своей истории — Поздний период. Он длится до ее завоевания Александром Македонским (332 г. до н. э.). Л. Коттрелл ошибочно называет его *основателем* династии Птолемеев. В действительности эту династию основал его полководец Птолемей I Маг, прозванный Сотером (Спасителем).

Поздний период охватывает XXI—XXXI династии. Тогда повсеместно распространяется железо, которое с VII в. до н. э. становится основным материалом для изготовления орудий труда и оружия. Сравнительно позднее вступление долины Нила в железный век объясняется тем, что там не было ни залежей железной руды, ни дерева для ее выплавки. Продолжает совершенствоваться техника сельского хозяйства. Наряду с *шадуфом* для полива полей используется, видимо, с начала Позднего периода или несколько позднее и водоподъемное колесо — *сакиз*. Налаживается массовое производство изделий из фаянса и бронзы. Распространяются и товарно-денежные отношения. Большое значение имела торговля со странами Восточного Средиземноморья: то, что прежде доставлялось в Египет в результате грабежа, теперь приходилось обменивать или покупать.

Развивается и внутренний обмен. Сделки в основном заключают знать и жрецы, которые занимаются и ростовщичеством, ссужая под высокие проценты зерно. Это приводит к усилению рабства. С развитием денежных отношений усиливается эксплуатация, особенно в больших ремесленных мастерских. Обостряются противоречия между свободными и рабами. Патриархально-до-

машинные формы рабства постепенно уступают место отношениям, присущим более развитому рабовладельческому обществу — античному. Однако, разумеется, сравнивать общество Древнего Египта с развитыми рабовладельческими обществами Греции и Рима не следует.

В этот период Египет со сравнительно небольшими перерывами находится во власти иноземцев. XXII и XXIII ливийские династии сменяет XXV — эфиопская, которую, в свою очередь, сменяют ассирийцы, а затем и персы (525 г. до н. э.). Только при XXVI династии (Саисской) страна обретает независимость (663—525 гг. до н. э.). На это время приходится массовое проникновение в Египет греческих наемников и купцов (они основывают в VII в. до н. э. колонию Навкратис), что, естественно, значительно облегчило Александру Македонскому завоевание Египта. С этого времени древняя страна пирамид вошла в состав созданной им мировой империи, возникновение которой знаменовало начало нового, качественно иного этапа в истории Древнего Ближнего и Среднего Востока — эпохи эллинизма, времени органического слияния культур Востока и Запада.

Естественно, наиболее самобытно, совершенно и красочно египетская культура и связанный с нею быт проявились до начала Позднего периода, точнее, до конца Нового царства, хотя и после появлялись отдельные выдающиеся памятники. К этому же времени относятся и самые впечатляющие и ценные находки археологов. Именно о данном периоде и пишет Л. Котрелл в своих тесно связанных между собою и насыщенных познавательным материалом книгах. Строго и добросовестно отбирая факты, он очень редко неверно их интерпретирует. Вот немногие примеры, о которых, быть может, стоит предупредить читателя.

Конечно, пленных зачастую убивали или увечили, но никогда в историческую эпоху их не приносили в жертву. Человеческие жертвоприношения в Египте не засвидетельствованы. Не следовало бы утверждать, ссылаясь на устаревшую работу М. Маррей, что брачные законы не были сформулированы. Мы просто очень многого не знаем. Ведь ни одного законодательного памятника не дошло до нас. Но законы обычного права соблюдались, видимо, строго. В иных случаях прибегает Л. Котрелл и к модернистским сопоставлениям, столь присущим вообще буржуазной историографии, сравнивающей совершенно отличные друг от друга явления. Так, дабы ограничиться отдельными примерами, сопоставляются победы египетской армии при правлении XVIII династии с победами французской Революции 1789—1793 гг. или Наполеона. Не свободен автор в иных случаях и от некоторой идеализации от-

дельных персонажей, выведенных им во второй книге, например везира Рехмира.

Но не этими немногими и в конце концов незначительными недочетами определяется оценка книг Л. Котрелла. Обе они полезны и увлекательны, что, несомненно, привлечет к ним читателей, особенно если принять во внимание законный интерес к великим древним цивилизациям Востока, от которых нами столь многое унаследовано.

И. С. Кацнельсон

ДИНАСТИИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

I и II династии примерно 3000—2800 гг. до н. э.

Около 3000 года до н. э. фараон Менес впервые сумел объединить Верхний и Нижний Египет.

Древнее царство (ок. 2880—2110 гг. до н. э.)

III династия	ок. 2800—2720 гг. до н. э.
IV династия	2720—2560
V династия	2560—2420
VI династия	2420—2270
VII и до X династии	2270—2100
(Первый период распада)	

Среднее царство (2050—1750 гг. до н. э.)

XI династия	2100—2000
XII династия	2000—1750

Период распада и царство гиксосов (1750—1580 гг. до н. э.)

XIII династия	1750—1710
XIV—XVI династии	1710—1600
XVII династия	1600—1580

Новое царство (1580—1085 гг. до н. э.)

XVIII династия	1580—1350
XIX династия	1350—1200
XX династия	1200—1085

Таниско-ливийский период
(1085—712 гг. до н. э.)

XXI династия	1085—945
XXII династия	945—745
XXIII династия	745—718
XXIV династия	718—712

Поздний период (712—525 гг. до н. э.)

XXV династия	712—663
XXVI династия	663—525

Персидское господство (525—332 гг. до н. э.)

XXVII династия	525—404
XXVIII династия	404—399
XXIX династия	399—378
XXX династия	378—332

Греко-римско-византийский период
(332 г. до н. э.—641 г. н. э.)

I Александр Великий и Птолемен	332—30 до н. э.
II Римский период	30 до н. э.—395 н. э.
III Византийский период	395—641 н. э.

ЗАБЫТЫЕ ФАРАОНЫ

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга написана любителем-неспециалистом для таких же любителей. Она не претендует на научную глубину, однако все изложенное в ней достоверно, насколько это возможно. Главной же целью было помочь тысячам читателей, которые хотели бы узнать побольше о Древнем Египте, но теряются среди множества ученых трудов и зачастую узкоспециализированных статей по отдельным разделам египтологии и тонут в лабиринтах библиографии.

Я это говорю не для того, чтобы избежать критики. Пятнадцать лет работы над документальными программами для радио показали мне, что никакие неточности не оправдываются «популярным» изложением темы: аудитория радиослушателей настолько широка, что всегда найдется человек, который подметит малейшую ошибку автора. Вместе с тем эрудиция не всегда будит фантазию. Один из «недостатков» глубокого знания заключается в том, что египтологи, поглощенные исследованием мельчайших подробностей, иной раз забывают о красоте того, что привлекло их вначале. К счастью, у любителей против этого профессионального заболевания имеется стойкий иммунитет. Тысячи обыкновенных людей испытывают благоговение и восхищение пирамидами, которые во время второй мировой войны привлекали тысячи солдат союзников в залы каирского Египетского музея.

Интерес широкой публики к изысканиям египтологов гораздо больше, чем думают многие ученые. Я убедился в этом, когда писал и ставил на радио драматическую ис-

торию фараона Эхнатона, этого «правителя-еретика» XVIII династии. В течение многих недель после передач на мой стол сыпались письма не только от профессиональных египтологов, но и от людей самых разных общественных положений, письма, выражающие искреннюю заинтересованность и знание предмета. Одно, особенно длинное и к тому же ценное, письмо, т. к. в нем вежливо указывалось на мои хронологические ошибки относительно царствования Аменхотепа III, прислал одиннадцатилетний мальчик! Такую же реакцию вызвали мои позднейшие передачи о Древнем Египте: «Грабители фиванских гробниц», «Забытые фараоны», «Гробница Тутанхамона» и «Мать Хеопса». Столь живой интерес широкой публики, а также уговоры моих ученых друзей заставили меня взяться за эту работу. Среди последних я должен упомянуть знатока древних надписей сэра Алана Гардинера и добрейшего ученого, кавалера ордена Британской империи 4-й степени, магистра гуманитарных наук покойного профессора Ньюберри.

Еще одним оправданием необходимости подобных книг по египтологии может служить следующее. До сравнительно недавнего времени археологические раскопки в Египте финансировали в основном отдельные состоятельные лица. Они оплачивали не только сами раскопки, но и научные публикации о сделанных находках, что зачастую обходилось столь же дорого. Сегодня ученые не могут более полагаться только на богатых покровителей. Разумеется, существует благородное Общество по изучению Египта, которое в прошлом финансировало ряд великолепных изысканий и по сей день ухитряется, несмотря на свои скудные средства и растущую дороговизну, посылать экспедиции в Судан. Однако совершенно очевидно, что в будущем археологам предстоит полагаться на государственные субсидии. Например, в 1948 г. Обществу по изучению Египта удалось получить скромную дотацию от казначейства для финансирования раскопок в Западной Амаге.

Такая дотация, предоставленная впервые, — большая заслуга правительства Великобритании. Французское правительство давно уже субсидирует своих ученых в Египте, но поскольку англичанам приходится поддерживать традиции, установленные такими крупными египтологами, как Питри, де Гарис Дэвис, Карнарвон, Картер и многие

другие, то, естественно, они обязаны выделять все больше государственных средств, чего давно требует информированное общественное мнение.

Египтологи ненавидят шумиху и справедливо опасаются всего, что может опопылить их науку, которой они посвятили всю свою жизнь. Кое-кто из них, наверное, прочтет эту книгу. Мне хотелось бы уверить их, что любая книга об их работе, рассчитанная на более широкую аудиторию, чем лекционный зал университета, тоже способна принести пользу египтологии.

Кроме вышеупомянутых ученых я хочу искренне поблагодарить профессора Г. У. Фейермена, который прочел главы об Амарнском периоде, а также профессора Черни из Лондонского Университета и сэра Алана Гардинера, прочитавших мою книгу в рукописи. Эти ученые внесли ценные поправки и многое подсказали мне, но я хочу здесь подчеркнуть, что они ни в коей мере не ответственны за мое личное мнение, а тем более за ошибки, которые могли вкратиться в текст.

Что же касается египетских имен, то тут я целиком полагаюсь на филологические познания сэра Алана Гардинера. Но и в этом я позволил себе сделать некоторые исключения. Транскрипция некоторых египетских имен за многие годы стала настолько привычной, что, если сейчас исправлять ее пусть неверное, но уже традиционное произношение, это только запутает непросвещенного читателя. В подобных случаях, например в названии Пунт, я сохраняю более привычное написание.

Я также признателен сэру Алану за то, что он прочел и прокомментировал две мои главы о гробнице Тутанхамона, однако я хочу подчеркнуть, что мой рассказ о трудностях, с которыми столкнулся Картер, основан на книге Чарльза Брэстеда и на газетных и журнальных статьях, появившихся во время раскопок, а вовсе не на тех сухих фактах, которые предоставили мне профессор Ньюберри и сэр Алан Гардинер.

Я выражаю свою благодарность Закарию Гонейму, главному инспектору Службы древностей Верхнего Египта, и Рашиду Новере эффенди, главному инспектору Службы древностей Среднего Египта, за их помощь и сотрудничество во время моих поездок по их стране.

И наконец, приношу глубокую благодарность всем авторам и издателям работ, список которых приведен в кон-

це этой книги. Некоторые эти работы я цитирую в своем тексте в надежде, что читатели заинтересуются ими и обратятся непосредственно к первоисточникам.

Глава I

СТРАНА И ЕЕ ИСТОРИЯ

«Земля египетская протянулась на шестьсот миль между двумя рядами обнаженных известняковых холмов, которые то сужаются, то расходятся, образуя долину ширину в среднем около семи миль. На севере они все больше отдаляются друг от друга и совсем исчезают, уступая место травянистой заболоченной равнине, которая тянется до самого Средиземного моря. На юге известняковые холмы сменяются гранитными скалами с зубчатыми вершинами; скалы все теснее подходят друг к другу (почти вплотную), и сквозь эти узкие ворота с грохотом вырываются нильские пороги, чтоб превратиться в Великий Нил, текущий через всю долину на север, к морю.

Зимой и весной он катит свои ленивые воды по сухой и пыльной долине. Но летом река становится мутной и стремительной, воды ее багровеют, как кровь, а затем зеленеют, вздуваются, пока наконец не затопливают всю ее пойму вплоть до прибрежных холмов по обеим сторонам. Вся долина превращается в длинное озеро, на котором деревни кажутся островками, ибо они построены на искусственных возвышениях».

Так Уинвуд Рид начинает свое великое произведение «Крестный путь человечества», и, пожалуй, для вступления к любой книге о Египте не найти лучших слов. Ибо Египет — это Нил. Я вспоминаю, как по дороге к Тель-эль-Амарне, когда мы переправлялись через реку, лодочник-араб сказал нам:

— Египет — это дар Нила, а Нил — дар доброго бога. Поэтому все мы, египтяне, дети бога.

Почему же именно на берегах этой великой реки возникла одна из древнейших цивилизаций на земле? Главным образом потому, что цивилизация способна развиваться лишь там, где люди могут жить длительный период времени. Десять тысяч лет назад, задолго до того, как

человек научился использовать окружающую среду, на земле было немного мест благоприятных для постоянных поселений. Человек вел кочевой образ жизни, постоянно передвигаясь в поисках новых охотничьих угодий или пастбищ. Порой он сеял случайные злаки, собирал урожай и снова двигался в путь, нигде не задерживаясь надолго.

По-видимому, первые обитатели Нильской долины — хотя и не все так думают — пришли с юга, с берегов Красного моря, и проникли в Египет через Вади-Хаммат. Сами древние египтяне верили, что их предки пришли из страны Пунт, которая сегодня называется Сомали. Этот кочевой народ хамитской группы обнаружил здесь болотистую долину, заросшую папирусом и тростником и населенную гишпопотамами и другими животными, ныне отесненными далеко на юг. Здесь же они нашли самую плодородную в мире почву, которую река приносила каждый год со склонов Абиссинского нагорья. Баснословное плодородие Египта объясняется его уникальным географическим положением. Великие озера Альберт и Виктория, подобно гигантским резервуарам, накапливают воды тропических ливней, что позволяет могучей реке пробегать тысячу миль между знойных пустынь, которые иначе поглотили бы ее. Однако ежегодные разливы Нила объясняются другой причиной. Раз в год Абиссинское нагорье перехватывает дождевые облака, несущиеся на север с Индийского океана. И тогда тропические ливни наполняют пересохшие русла Атбары и Голубого Нила, главных притоков Белого Нила.

Стремительное течение этих двух рек поднимает уровень Белого Нила, вырывается наконец из плена скал, преграждающих ему дорогу через Нубию, и затопляет всю долину на севере; этот разлив приносит отложения с Абиссинского нагорья, которые и являются источником плодородия Египта. Доисторическим обитателям Нильской долины оставалось лишь после спадения наводка бросить в эти наносы семена, которые в хорошие годы обеспечивали их зерном до следующего разлива, — при этом работать им приходилось всего несколько недель, а все остальное делало жаркое солнце. Поэтому нет ничего удивительного в том, что кочевники задержались в Нильской долине.

Однако вовсе не «дары Нила» превратили их в цивилизованное общество, а как раз то обстоятельство, что иногда Нил лишал их этих даров. В иные годы Нил «гневал-

ся». Тропических ливней оказывалось недостаточно, река приносила слишком мало наносов, или же, наоборот, чересчур обильные ливни вызывали катастрофические паводки, когда Нил смывал дома и целые деревни и уносил людей и скот. В такие «плохие годы» люди голодали. Профессор Гленвилл говорил об этом следующее:

«Ежегодные разливы Нила определяют успех или неудачу сельского хозяйства всей долины. И отсюда вытекают самые характерные особенности цивилизации Древнего Египта — от централизованного контроля правительства до консервативного духа крестьян».

Постепенно, за десятки столетий, первобытные египтяне научились управлять своей рекой. Было замечено, что разливы Нила совпадают с определенным расположением светил. Начались астрономические наблюдения, и был изобретен календарь. Египтяне научились отмечать уровни воды в разные времена года (на протяжении многих лет) и по этим отметкам довольно точно предсказывать высоту очередных разливов. Необходимость вести такие записи естественно привела к возникновению письменности; вначале это были немногочисленные примитивные символы, но со временем выработался письменный язык, достаточно сложный и выразительный. Древние египтяне освоили также ирригационное искусство: научились строить дамбы, рыть каналы и водохранилища, где можно было держать излишек воды на случай засухи. Те же разливы, которые ежегодно сносили межевые знаки, заставили египтян разработать точную систему землемерия, позволявшую правильно заново размежевывать поля, что, в свою очередь, привело к развитию геометрии, которая позднее пригодилась им при строительстве различных сооружений. Таким образом, мы можем с уверенностью сказать, что великие пирамиды и все другие архитектурные чудеса Древнего Египта обязаны своим происхождением Нилу.

От египетской цивилизации сохранилось гораздо больше материальных памятников, чем от Греции, Рима и даже средневековой Европы. Частично это объясняется климатом Египта, а частично — заботой древних египтян сохранить тела своих умерших и все необходимое для загробной жизни. Последнее ввело в заблуждение многих

авторов, считавших, что над всем существованием египтян тяготели мрачные образы смерти. В начале XIX столетия египетский поход Наполеона вновь пробудил интерес к древним обитателям этой страны и дал пищу воображению писателей-романтиков. Теофиль Готье в одной из своих повелл вкладывает в уста Клеопатры такие слова:

Хармион, говорю тебе, эта мысль ужасает меня! В других странах люди погребают своих мертвецов, и вскоре их прах смешивается с землей. А здесь кажется, что у живых нет важнее дела, чем сохранять своих покойников: могущественные бальзамы оберегают их от разрушения, и они вечно хранят свою форму и обличье... Под этим народом лежит еще двадцать народов; каждый город стоит на двадцати слоях гробниц, и каждое новое поколение проводит жизнь над тысячами мумий в их обителях вечного мрака...

Яркий образ и довольно страшный, но вряд лисправедливый по отношению к древним египтянам: подобно своим потомкам, нашим современникам, они были скорее веселыми и довольно материалистическими людьми, которые любили жизнь и совсем не спешили с ней расстаться. Именно потому, что они полнокровно наслаждались земными благами, египтяне всеми силами стремились сохранить их в загробной жизни. Так, богач испытывал удовлетворение от мысли, что его стада и отары последуют за ним, гонимые его пастухами; судья и после смерти сохранит свое высокое положение, и верные писцы будут по-прежнему ему служить; у полководца останутся его войска, флот, а знатный придворный будет вечно принимать своих друзей на великолепном пиру, где играют музыканты и рабы обносят гостей изысканными блюдами и винами, или же будет охотиться в тростниковых зарослях на берегах небесного Нила на диких уток, или пронзать рыб раздвоенным гарпуном, а его стройная юная жена будет обнимать его колени, чтобы он не выпал из лодки из стеблей папируса.

Все эти сценки, изображенные на настенных фресках или рельефах гробниц, предназначались вовсе не для того, чтобы напоминать живым о социальном положении покойного, а для того, чтобы сохранить ему в загробной жизни все те блага, которыми он пользовался при жизни. Единственным исключением был фараон, который сам считался богом: если его оправдывал суд Осириса, он получал высшую награду и мог вечно сопровождать Ра в его еже-

дневных шествиях по небосводу. Сценки семейного счастья в гробницах менее знатных людей наводят на мысль, что они вряд ли завидовали фараонам.

Египтянам не составляло труда строить многочисленные гробницы и храмы, потому что по берегам Нила на многие километры тянулись гряды известняковых холмов, откуда они могли брать любое количество легкого в обработке камня. Памятники же их сохранились благодаря своей массивности, но, главное, благодаря сухому, жаркому климату, в котором камень не так подвержен эрозии. До сих пор надписи времени Рамсеса II выглядят так, словно их высекли только вчера. В засушливом климате сохранились также тысячи более мелких древних предметов, которые пролежали столетия в сухом песке между известняковыми холмами и полосой обрабатываемых полей.

Археологи до сих пор находят на границе пустынь тела египтян додинастической эпохи, умерших задолго до изобретения бальзамирования. Они лежат в неглубоких могилах со своими предметами туалета, оружием и горшками с пищей, и на скелетах зачастую сохраняются клочки кожи и волосы. (Одно такое захоронение выставлено в Британском музее.) Легко представить себе, как древние египтяне, наблюдая подобные явления, постепенно пришли к мысли о необходимости сохранения материального тела покойного, чтобы он мог пользоваться им в загробной жизни. Отсюда развитие искусства бальзамирования, которое зародилось еще до века пирамид и сохранялось вплоть до конца династической истории. Вера в необходимость *материального сохранения тела* лежит в основе всей египетской религии. А поскольку тело остается нетленным, значит, надо обеспечить его всеми материальными благами — пищей, одеждой и другими земными предметами первой необходимости. Египтяне так и поступали и в результате оставили после себя то, что профессор Гленвилл назвал «уникальным национальным музеем древней жизни».

Египтяне были по преимуществу практичным народом: все, что они создали — математическую систему, инженерные сооружения и даже искусство, — имело утилитарное назначение. Они не увлекались абстрактной философией. Их воображение было ограничено безводными пустынями, окружающими Египет со всех сторон, и двумя

единственными источниками существования: животворной рекой, оплодотворяющей их долину, и раскаленным добела солнцем, которое каждый день проплывало над ними в слепящем безоблачном небе. Они жили в четко обозначенном реальном мире жестокого белого солнечного света и черных теней и, наверное, посмеялись бы над теми, кто спустя тысячелетия облек их мир в таинственные покровы.

Своей таинственностью Египет до известной степени обязан *иероглифам*, в переводе с греческого «священным письменам». Эти странные письмена-рисунки покрывали стены храмов и гробниц и стелы как в самом Египте, так и в пределах его империи. Прочесть их уже никто не мог. Кроме высеченных на камне иероглифов встречались их измененные, так сказать, скорописные варианты, *иератические письмена*. Ученые находили целые свитки папирусов, покрытые этими столь же непонятными знаками. Таким образом, о Древнем Египте люди знали только по рассказам греческих и римских историков, таких, как Геродот, Плиний и Диодор Сицилийский, которые беседовали с египетскими жрецами во времена Птолемеев и в римский период. Однако собранные ими сведения и отдельные яркие подробности, несмотря на их ценность, были все же слишком скудны. Современная египтология родилась лишь в начале XIX столетия, когда Роберт Юнг и Жан-Франсуа Шампольон расшифровали наконец иероглифические и иератические надписи. Но еще задолго до них многие европейские путешественники побывали в Египте и оставили поразительные записи.

В средние века, например, врачи свято верили, будто растолченная в порошок египетская мумия обладает чудодейственными свойствами. «Мумию, — писал один такой врач, — надлежит сначала растолочь в порошок, затем смешать с растительным маслом до консистенции благовонного умещения или целительного бальзама. После этого лекарство готово и оным можно исцелять переломы или растяжения связок, а также воспаления, плевриты и легочные болезни».

Однако не всякая мумия для этого пригодна. Французский врач Савари писал:

Мумия должна быть как можно менее блестящей, очень черной и с приятным запахом...

Аптекари платили бешеные деньги за это снадобье, и европейские купцы специально отправлялись в Египет на поиски мумий. В XVI в. торговля ими достигла широкого размаха. Египетские феллахи во время разливов (поля в это время находились под водой) отправлялись в пустыню в поисках мумий. Когда же запас их начал, по-видимому, иссякать, в Александрии принялись изготавливать фальшивые мумии. Они покупали трупы рабов, вываривали их в битуме и продавали как настоящий товар. Но еще долгие столетия источником подлинных мумий оставалась Саккара близ Каира.

Путешественник XVIII столетия граф Сэндвич побывал в Саккара в 1739 г. Он писал:

Большая часть равнины Саккара усеяна подземными пещерами, вырубленными в скальном грунте... В них ведут многочисленные входы, квадратные в сечении, со сторонами около трех и глубиною до двадцати футов.

В один из таких входов мы спустились с помощью веревочной лестницы и оказались в почти засыпанном песком горизонтальном проходе, по которому нам пришлось довольно долго ползти чуть ли не на животе, пока перед нами не открылся склеп высотой около семи футов. Мы сразу обнаружили множество набальзамированных тел: они были в беспорядке разбросаны на полу пещеры, многие оказались разломанными на куски. Все эти тела были вынуты из своих саркофагов или гробов, обысканы грабителями в поисках ценных идолов, которые часто находятся вместе с ними, а затем брошены...

Другой английский путешественник, Ричард Покок, посетил Саккара в 1753 г. Он вспоминал:

...я отправился осматривать катакомбы. Обычный способ спуска посетителей вниз на веревке до крайности неудобен, но я привез с собой веревочную лестницу и по ней спустился вполне благополучно, хотя на меня сверху и сыпался песок. Я увидел внизу на полу множество обрывков погребальных цепен; некоторые сохранились почти целиком, однако тела покойных из них были изъяты ради мумий, а также предметов, которые могли быть вместе с ними... Я также увидел много черепов, впрочем, на равнине их встречалось не меньше. Битум или бальзам из них извлекли, по-видимому, еще в те времена, когда это целебное средство было в большем почете, чем ныне...

Поккок усердно изучал Египет. Два написанных им увесистых тома живо повествуют о трудностях и опасностях, подстерегавших путешественников в его дни. Он поднялся на парусной лодке до Луксора и посетил Фиванский некро-

поль, включая знаменитый Бибан-эль-Мулук, который уже в те времена — и на протяжении веков — привлекал многих посетителей.

С величайшим удовольствием, — писал Покок, — осмотрели мы при свете купленных нами восковых факелов необычайные гробницы фиванских царей, но были сильно утомлены и решили присесть и подкрепиться принесенными с собой фруктами... К несчастью, мы забыли взять воды, и к тому же шейх торопился уйти, опасаясь, как я полагаю, что соберется народ, если мы надолго здесь задержимся. От Гурны до этого места ведет очень трудная пешеходная тропа через горы, на которой жители Гурны могли оказать нам далеко не дружелюбную встречу... Ранее они уже грубо осаждали фелюгу в мое отсутствие и говорили: посмотрим, осмелится ли этот чужестранец завтра сойти на берег, — ибо их весьма оскорбило то, что я копировал надписи. И еще, судя по их словам, они собирались напасть на мою лодку ночью, если я останусь... Видно, они очень хотели, чтобы я убрался отсюда, потому что верили, будто европейцы могут с помощью волшебной силы отыскивать и похищать сокровища...

Описания Покока фиванских гробниц в целом поразительно точны, а его гравюры просто великолепны. Но при всем своем желании художник XVIII в. не мог придать статуям и архитектурным памятникам древнеегипетское обличье: они упорно выходили у него «классическими». Читатели, увлекающиеся литературой XVIII столетия, должны непременно перелистать «Путешествия в Египет» Ричарда Покока.

Он и другие путешественники его времени старательно копировали египетские надписи, но ничего не могли из них извлечь. Иероглифы оставались неразрешимой загадкой еще целых шестьдесят лет. История о том, как был найден ключ к этой тайне, известна всем египтологам, но, поскольку наша книга предназначена для широкого круга читателей, перескажем ее здесь еще раз.

В 1799 г. Наполеона Бонапарта в его походе в Египет сопровождало несколько выдающихся французских ученых, приглашенных специально для изучения страны. В августе того же года отряд французских солдат возводил укрепления в Розетте, в дельте Нила. И вот тогда-то один из них по имени Буссар, или Бушар¹, обнаружил в стене разрушенного арабского форта древний камень — плиту неправильной формы. На плите были высечены надписи на двух языках: одна на греческом, а две другие — иероглифами и демотическими знаками древнеегипетского языка. (*Демотическое письмо* — это скоропись иероглифических

и иератических письмен.) Таким образом, надпись фактически была двуязычна.

Камень переправили в Египетский институт в Каире, где его принялись тщательно изучать французские ученые. Сам Наполеон заинтересовался этим: он приказал сделать копии надписей и разослать их европейским ученым. В 1801 году по договору о капитуляции ценнейшие египетские древности были переданы англичанам как военные трофеи, и среди них — Розеттский камень. Но заполучить его оказалось не так-то просто: генерал Мен, которому отослали камень, объявил его своей собственностью. В конечном счете он был изъят из дома французского генерала английским генерал-майором Тейлором при содействии артиллерийского расчета и одного орудия.

«Это было довольно трудное дело, — писал Тейлор. — Французские офицеры и солдаты осыпали нас насмешками, но нас выручил находчивый сержант-артиллерист, командир отряда; к тому же все его подчиненные выполняли эту миссию с большим энтузиазмом».

Так Розеттский камень был приобретен (или, если угодно, «завоеван» или «освобожден») британской армией и обрел свое место в Британском музее, где и находится до сих пор.

Было сделано множество переводов греческого текста и установлено, что надпись на Розеттском камне представляет собой «копию указа Верховного совета египетских жрецов в Мемфисе по случаю первой годовщины правления Птолемея V Эпифана, царя всего Египта». Оригинальный текст был передан демотическими письменами; иероглифические и греческие надписи оказались его переводами. После того как греческий текст перевели, встал вопрос о расшифровке иероглифов. В случае удачи ученые могли бы узнать хотя бы часть древнеегипетского алфавита. А это уже много. Ибо каждому специалисту по дешифровке известно, что, если понятна часть кода, с ее помощью можно воссоздать весь код. Честь раскрытия тайны Розеттского камня, а с нею — тайны древнеегипетского языка делят между собой англичанин доктор Р. Юнг и француз Ж.-Ф. Шампольон².

Юнг продемонстрировал и доказал то, о чем уже подозревали другие ученые. А именно:

- а) что на камне знаки *иероглифического алфавита*;
- б) что всюду, где надпись окружена вытянутым ова-

лом, или *картушем*, она содержит собственное или царское имя³.

Он также понял, что иероглифы означают звуки, и применил к их дешифровке фонетический принцип. Возьмем хотя бы один пример: когда он установил, что овальный картуш окружает царское имя, стало очевидно, что картуш на Розеттском камне содержит имя Птолемей. Поскольку Птолемей — имя греческое и произношение его известно, иероглифы внутри картуша должны означать звуки П, Т, Л, М и т. д. Этот принцип был применен для изучения других картушей. На обелиске в Филе было найдено имя Клеопатра по-гречески, и там же иероглифическая надпись с царским картушем. Поскольку в имени Клеопатра тоже содержатся звуки П, Л и Т, стало возможным проверить правильность расшифровки Юнгом картуша с именем Птолемей. Все оказалось верно: те же самые символы присутствовали в обоих картушах на соответствующих местах. Так, если иероглифический эквивалент звука П в имени Птолемей стоял на *первом* месте, то в имени Клеопатра он был на пятом. Следовательно, знак, стоящий в ее картуше перед знаком Л, должен означать К. Таким образом Юнг и его последователи постепенно подбирали фонетические эквиваленты другим иероглифам, воссоздавая весь алфавит.

До сих пор все шло хорошо. Ученые уже могли читать древнеегипетские имена, но не могли переводить текст. Для этого необходимо было знать грамматику и лексику египтян. Ключ к ним скрывался в древнем коптском языке.

Когда в Египте распространилось христианство, египетские христиане перевели на свой родной язык греческие писания. Их стали называть коптами, прежним названием египтян. Они продолжали пользоваться своим древним языком и в религиозных обрядах сохраняют его по сей день. На этот факт обратил внимание французский ученый Ж.-Ф. Шампольон, уже знакомый с открытиями Юнга. Он с юности начал изучать коптский язык и со временем стал его крупнейшим знатоком.

«При изучении надписей на Розеттском камне, — писал Бадж, — знание коптского языка позволило ему [Шампольону] определить дедуктивным методом фонетическое значение многих таинственных знаков и установить правильное произношение многих иероглифов, значение ко-

торых было ему известно благодаря греческому тексту на камне». Это ответ на вопрос, который часто задают египтологам: откуда вам известно произношение древнеегипетских слов? Ключ к их произношению дает до сих пор живой коптский язык.

Однако работы Юнга и Шампольона были только началом. Прошли десятилетия, прежде чем ученые смогли правильно прочесть от начала до конца самые простейшие надписи. Египетская филология — наука о древнем египетском языке — специализированная область египтологии, которой отдельные ученые посвятили всю свою жизнь. Филологи XIX столетия, в частности Шаба, Бругш и Гудвин, опираясь на фундамент, заложенный Шампольоном, по камешку воссоздали сложную грамматическую структуру древнего языка. Результаты их работ систематизировал Эрман, основатель современной египетской филологии. Интересно отметить, что некоторые кропотливые исследования были проведены людьми, считавшими египтологию всего лишь приятным времяпрепровождением, так сказать хобби. Например, Шаба был французским купцом, а Гудвин — английским барристером⁴. Таким образом иероглифы, остававшиеся загадкой для многих поколений ученых, наконец выдали свою тайну, и отныне стало возможным совершать путешествия на 5000 лет назад и познавать мир Древнего Египта.

Почти одновременно с этим открытием произошло еще одно, до известной степени более значительное. Речь идет о дешифровке клинописи, которой пользовались сначала вавилоняне, а после них — персы и хетты, игравшие значительную роль в истории Древнего Египта. В отличие от египтян, для которых основным письменным материалом служили камень и папирус, эти народы наносили клинообразные знаки на глиняные таблички, которые затем обжигали. Самые интересные образцы таких табличек были найдены в Тель-эль-Амарне, столице Египта конца XVIII династии. Нашли их в развалинах здания, по-видимому архива «министерства иностранных дел» при фараонах. Здесь хранились сотни писем от независимых царей Ассирии, Вавилона, государства Митанни и от многочисленных вассальных князей Палестины, Сирии, Финикии; но последним египтологи смогли определить границы древнеегипетской империи в период ее наивысшего расцвета.

Подобно иероглифам, клинопись была известна на протяжении столетий, но молчала до 1810 г., когда ее наконец расшифровал немецкий ученый Гротефенд. Подвиг его был еще поразительнее открытий Юнга и Шампольона, потому что в отличие от них он не имел благодатного двуязычного текста. Гротефенд заметил, что на некоторых клинописных табличках в строчках, следующих одна за другой, встречается набор одинаковых знаков. Ему пришло в голову, что это, возможно, хронологические списки персидских царей и что повторяющиеся знаки, видимо, означают слова: «сын... такого-то». Следовательно, надпись можно прочесть так:

(А) сын...

(Б) сын...

(В) сын...

(Г) сын... и т. д. (А, Б, В, Г — имена царей).

Гротефенд хорошо знал хронологию царей-Ахеменидов и сразу попытался подставить их имена вместо знаков А, Б, В, Г и т. д. Он решил, что одним из царей должен быть Ксеркс, — и это весьма помогло бы ему, ибо в имени Ксеркс имелось два звука «кс», а следовательно, одинаковые клинописные знаки. К его великой радости, в строках Б и Г действительно оказались две одинаковые надписи, и именно в тех местах, где им положено было находиться, если бы они означали имя «Ксеркс». Дело в том, что в династии Ахеменидов было два царя по имени Ксеркс. Но если Б и Г означают Ксеркс, то А должно означать Дария, сына Ксеркса II, В — Артаксеркса, отца Ксеркса II, а Д — Дария I, отца Ксеркса I. Следовательно, надпись можно прочесть так:

(А) Дарий II сын

(Б) Ксеркса II сына

(В) Артаксеркса I сына

(Г) Ксеркса I сына

(Д) Дария I.

В каждом случае Гротефенд обнаруживал, что клинописные знаки там, где встречались эти имена, были идентичными, и это позволило ему постепенно подобрать для них фонетические эквиваленты. Разумеется, то было лишь началом великого открытия. Читателям, которые захотят познакомиться с этой историей поподробнее, лучше обра-

таться к трудам самого Гротефенда или к книге профессора Сейса «Основы ассириологии». Там они смогут узнать, как после долгих лет упорной вдохновенной работы великий филолог открыл одну дверь в Древний мир. Совершенно случайно перед самым началом первой мировой войны в Богаз Кёйе обнаружили клинописную табличку с текстом договора между Рамсесом II и хеттским царем Хаттушилем. А в карнакском храме в Верхнем Египте сохранился тот же договор, записанный иероглифами.

Новая волна интереса к Египту прокатилась по Европе и Америке. В основном она захватила любознательных дилетантов, и сейчас горько думать о том, сколько ценных археологических свидетельств загубили они, растаскивая египетские древности для своих национальных музеев и частных коллекций. Сотни статуй были вывезены из Египта; огромные гранитные обелиски сняли с их древних пьедесталов и вновь воздвигли на берегах Темзы или Гудзона, надписи вырубili из стен гробниц, а ценнейшие папирусы переправили контрабандой за пределы страны. Е. М. Форстер, описывая этот период, вопрошает:

«Что же произошло? Развивались наука и вкус, но одновременно появился новый потребитель и покупатель, куда более богатый, чем все кардиналы, и столь же мало щепетильный — европейские нации. После Венского конгресса все прогрессивные правительства считали своим долгом собирать предметы древности и выставять их в своих музеях, открытых иной раз и для широкой публики. Теперь эти коллекции называли „национальным достоянием“. Каждое правительство стремилось перещеголять другие по числу экспонатов — подлинных предметов древности, а не подделок, иначе нация могла потерять престиж».

Даже сегодня большинство людей считает, что основная задача археологии — это поиски в земле «древних предметов» — и главным образом ценных предметов! — для музеев и коллекций. На самом же деле для археолога зачастую гораздо важнее самого предмета место, где он найден, его точное местоположение по отношению к другим объектам. Археологу важны факты, ибо порой ничего не стоящий сам по себе черепок в древней глинобитной стене позволяет установить важную дату и заставляет перописывать заново целую главу истории. А в музеях и частных коллекциях собраны груды древностей, которые

может быть и прекрасны, но были бы гораздо ценнее для ученых, если бы они знали точное место и обстоятельства их находки. Однако, как правило, эти древности сначала были найдены «охотниками за сокровищами», затем проданы скупщикам и, лишь пройдя через многие руки, попали в музеи, где уже никто не мог определить их происхождение. Сэр Леонард Вулли справедливо заметил:

«Охота за сокровищами» стара, как мир, а научная археология — чисто современная область знаний, но за короткий период своего существования, за какие-нибудь семьдесят лет, она совершила чудеса... Историки прошлых времен опирались главным образом на письменные документы и, таким образом, в значительной степени зависели от того, какие факты считал нужным фиксировать летописец, — войны, политические события и т. д. ...Археолог при раскопках может обнаружить письменные источники, но, кроме того, он находит массу предметов, рассказывающих об искусстве и ремеслах прошлого, храмы, в которых люди когда-то молились, дома, где они жили, места, где они селились...»

Большую часть того, что мы знаем о Древнем Египте, дали нам раскопки и упорные исследования ученых этого нового направления. Среди них — люди самых разных национальностей: англичане, французы, американцы, немцы, бельгийцы и другие. Их научные исследования, плоды целой жизни, хранятся в библиотеках всех стран, но широкой публике они зачастую неизвестны. Чтобы рассказать об их достижениях, потребовались бы десятки книг, куда более объемистых, чем эта, а потому мы можем здесь только отдать должное этим ученым и поблагодарить их за чудесные открытия, которые они нам подарили. Назовем лишь несколько замечательных имен. Это великий Мариетт, первооткрыватель Серапеума и основатель Египетского музея в Каире; Бартон, Розеллини, Уилкинсон и Лепсиус — пионеры египтологии. Это сэр Флиндерс Питри, который раскрыл гробницы фараонов I династии в Абидосе и пролил новый свет на имена строителей пирамид, а также вел раскопки города Эхнатона и открыл нам сокровища Амарнского периода. Немецкий археолог Борхардт раскопал храм солнечного бога в Абусире. Сэр Гастон Масперо, один из выдающихся французских ученых, возглавил в Египте Службу древностей. Адольф Эрман сумел понять всю сложность религии древних егип-

тия. Профессор Дж. Г. Брэстед, крупнейший американский ученый, написал «Историю Египта». Профессор И. Е. Ньюберри был одним из самых способных и наименее самонадеянных английских археологов. И, конечно, нельзя не упомянуть филолога сэра Алапа Гардинера. Говард Картер и лорд Карнарвон известны больше других благодаря открытой ими гробнице Тутанхамона. Датский ученый Лееманс составил опись всех древностей в Лейденском музее. Доктор Дж. А. Рейснер и его группа Гарвард-Бостонской экспедиции обнаружили единственную нетронутую царскую гробницу эпохи Древнего царства. И уже в последние годы профессор Т. Эрик Пит изучил и перевел папирусы, похищенные из гробниц во времена Рамсесов, и возродил для нас эту древнюю трагедию. Фёрс, Квибелл и Лауэр под руководством М. Этвенна Дриотона, главного директора Службы древностей, открыли великолепный комплекс строений, окружающий ступенчатую пирамиду Джосера в Саккара. Упомянем также профессора У. Б. Эмери и наконец Дж. Д. С. Пендлбери, который вместе с Г. У. Фейерменом завершил исследования Питри в Тель-эль-Амарне и героически погиб на Крите во время второй мировой войны⁵.

Имена этих выдающихся египтологов приведены здесь главным образом потому, что с ними связаны открытия, о которых пойдет речь в последующих главах. Но перечень исследователей Древнего Египта далеко не ограничивается только ими. Множество других достойных ученых названы в библиографическом списке, приведенном в конце книги.

Глава II

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

Граница — это Время, и глава эта посвящена людям, которые раздвинули ее на многие тысячи лет. Первым был Жак-Жан Мари де Морган, а за ним — сэр Уильям Мэтью Флиндерс Питри (1853—1942), один из величайших египтологов всех времен.

Питри написал о Египте много книг, в том числе знаменитую «Историю Египта», которая остается образцом и

по сей день. В издании 1894 г. во второй главе, посвященной первым трем династиям, есть следующее замечание:

Первые три династии не оставили ничего, если говорить о материальных памятниках. Для нас это всего лишь миф или литературная традиция, как цари — основатели Рима или первые короли Ирландии... О первых трех династиях до нас дошло только несколько записей придворного летописца, и то сделанных лишь три тысячи лет спустя, и мы должны рассматривать их как таковые, не более, ибо никаких материалов того периода уже тогда не сохранилось...

Когда Питри писал это, он пользовался последними имевшимися в то время данными. Для него, как и для всего первого поколения египтологов, граница времени проходила через царствование Снофру, последнего фараона III династии (около 2740 г. до н. э.). Начиная с его царствования историки уже ощущали твердую почву под ногами. Можно было проследить историю не только по хроникам Манефона и других, но и по сохранившимся гробницам, памятникам, надписям, произведениям искусства и прочим древним предметам. Но период до Снофру, как писал Питри, не оставил ничего. Ничего, кроме имен разных царей, в том числе великого Менеса, основателя I династии. Что же касается их гробниц, искусства, памятников, — все исчезло! И по всей вероятности, сами эти цари были плодом воображения более поздних египетских летописцев.

В издании 1894 г. Питри смог изложить всю историю первых династий Египта на одиннадцати страницах. А всего через восемь лет в издании 1902 года уже содержалась конкретная историческая информация о восемнадцати фараонах, правивших до Снофру, с описанием их гробниц, надписей, утвари и предметов искусства! В последующих изданиях этот раздел разросся до сорока четырех страниц, а о раннем периоде набралось так много новых сведений, что Питри был вынужден выпустить целый том, посвященный только доистории Египта!

Представьте себе 3000-летний отрезок документально зафиксированной истории Египта в виде длинного туннеля. В одних местах, там, где наши знания достаточно обширны, он ярко освещен, в других — свет меркнет, но в общем его хватает, чтобы пройти по всему туннелю вплоть до строителей первых пирамид. Дальше же пути нет — крошечная тьма! Но вдруг темнота рассеивается, свет озаряет нашу дорогу, и можно идти по ней еще на тысячу

с лишним лет вперед, вернее, назад. Это драматическое отступление хронологических границ произошло на рубеже столетия и стало одним из величайших событий в истории египтологии благодаря трем открытиям, совершенным между 1894 и 1900 годами.

Первое великое открытие совершили Ф. Питри и Дж. Е. Квибелл. Они обнаружили около трех тысяч могил неизвестного народа, совершенно отличного от египтян династических эпох. Питри давно уже подозревал, что раса, завоевавшая в свое время Египет, раса основателей I династии, перекочевала сюда с берегов Красного моря, преодолела пустыню через Вади-Хаммамат и осела в Верхнем Египте в районе Коптоса. По ранним скульптурам он определил пять различных народностей, более древних, чем династические египтяне, и шестую, совсем на них непохожую. У этих людей были «прямые ото лба греческие носы без впадины и очень энергичные, одухотворенные лица». Во время раскопок храма в Коптосе в 1893 г. Питри нашел фрагменты трех статуй антропоморфного бога Мина, покрытые рельефной резьбой, способ исполнения которой самый древний из всего, что когда-либо находили в Египте. Две из этих статуй ныне украшают Ашмолианский музей в Оксфорде. Поблизости от статуй Мина Питри обнаружил остатки керамики, тоже с неизвестным орнаментом. В следующем, 1894 г. Питри и Квибелл решили провести раскопки на западном, противоположном от Коптоса берегу между деревнями Нагадэ и Балас. Квибелл работал на северном участке близ Баласа, а Питри — на южном, у древнего города Омбос. Вначале они нашли и раскопали несколько обычных гробниц времен Древнего и Среднего царств, но однажды на месте раскопа, сделанного местными арабами, Квибелл обнаружил шиферную палетку в форме рыбы, а рядом с ней множество глиняных горшков.

Почти в то же время Питри, работавший в двух милях южнее, натолкнулся на странные углубления в почве. Он раскопал одно из них и обнаружил неглубокую могилу со скелетом, шиферную палетку и различную керамику. По самым интересным было положение скелета. Египтян династической эпохи всегда клали в могилу в вытянутом положении, на спину. Этот же скелет лежал на боку в согнутой эмбриональной позе с прижатыми к телу руками и ногами. Питри вскрыл другие углубления, и всюду скеле-

ты лежали на левом боку, головой на юг, лицом на запад. Он раскапывал могилу за могилой и везде находил на груди или перед лицом скорченных скелетов шиферные палетки, а рядом — керамические изделия ранее неизвестного образца. На них не было никаких надписей, а встречались лишь различные знаки: кресты, полумесяцы, пальмы, скорпионы и нечто похожее на виселицы. Археолог наткнулся на забытое кладбище неведомого народа, совершенно непохожего на династических египтян. Всего было найдено, раскопано и описано три тысячи могил.

В наиболее крупных могилах Питри обнаружил и другие предметы: игральные фигурки из известняка — четырех львов и зайца; маленькие палочки слоновой кости и кусочки кремня, похожие на мраморные игральные шарики; гребни и браслеты слоновой кости, каменные булавы, лампу с плавающим фитилем, маленькие статуэтки из раскрашенной глины, а в некоторых — даже изделия из меди. Керамика была представлена в виде красных и черных горшков, полированных и неполированных, а также расписанных и украшенных орнаментами сосудов, в которых когда-то хранилась пища, а иногда и косметические мази, но по большей части эти изделия не походили ни на что, до сих пор извлеченное из династических гробниц. Лишь отдельные предметы смутно напоминали керамику Древнего царства. Шиферные палетки в форме рыб, антилоп, черепах и птичьих голов, по всей видимости, служили для того, чтобы на них растирать зеленый малахит, которым подводили глаза.

Археологов больше всего смутила одна странная особенность этих могил: в них иногда отсутствовали черепа или отдельные конечности скелетов. Вначале ученые подумали, что это дело рук древних грабителей, изуродовавших тела в поисках сокровищ. Некоторые могилы несомненно были ограблены в глубокой древности, но в остальных, где все предметы оставались на своих местах, скелеты все равно были расчленены. Кроме того, в одних случаях череп был аккуратно установлен на кирпич или на кучу кремневых осколков рядом с телом. В других, когда у скелета недоставало руки или ноги, на их место клали маленькие предметы. В одной могиле позвоночник сохранился полностью, однако все ребра лежали отдельно, позади него, в углублении могилы, как будто кто-то нарочно отрубил их. Грабители могил, скорее всего, не стали бы этого

делать. Питри пришел к выводу, что в отдельных случаях тела расчленили до их погребения. Но для чего? На основании находки в еще одной могиле археологи сделали трагическое заключение. «Здесь,— писал Питри,— на полу лежала куча переломанных и расколотых костей... Концы костей были не только расколоты, но и костная масса выскоблена из них... кроме того, на костях остались бороздки, словно их обгладывали...»

Животные не могли этого сделать, потому что кости были аккуратно уложены в могиле; вместе с черепами лежали украшения. Питри пришел к выводу, что до погребения отдельные части трупа отрубали и — со всем уважением к покойному — частично съедали. В этом плане привлекает внимание один странный факт, установленный историками: вплоть до поздней греческой эпохи Осирис остерегал египтян против каннибализма. Тем не менее теория Питри встретила множество возражений. Некоторые ученые утверждают, будто кости скелетов могли быть разбиты грабителями, а затем родственники вновь похоронили останки. По всей видимости, истины нам не установить никогда.

Главной же задачей, стоявшей перед Питри, было определить, что же это за странный народ? Вначале он думал, что обнаружил новую расу захвативших Египет в незапамятные времена чужеземцев, которые жили особняком от местного населения и потому сохранили свои примитивные обычаи. Последние действительно сильно отличались от обычаев египтян, чьи могилы были в то время раскопаны. У Питри и его помощников было искушение отнести этих «чужеземцев» к доисторической эпохе, однако археолог отличался осторожностью и основательностью и никогда не выдвигал фантастических домыслов, не подтвердив их фактами. Большая часть предметов из могил принадлежала к неизвестному до сих пор типу, однако в некоторых более крупных и, видимо, более поздних могилах археологи находили предметы, отдаленно напоминавшие изделия Древнего царства. Благодаря таким предметам Питри временно приписал этот неведомый народ к периоду VI и VII династий (около 2400 г. до н. э.), поскольку об этом периоде почти ничего не было известно, и он вроде бы подходил к нему. Оказалось, однако, что в данном случае Питри был кругом не прав.

Второе великое открытие совершил три года спустя

М. Дж. де Морган, директор Службы древностей Египта. Он обнаружил недалеко от селения Нагадэ царскую гробницу с предметами, на которых стояло имя Менеса, основателя I династии (3200 г. до н. э.).

Сначала все приняли ее за гробницу самого Менеса, но, поскольку считалось, что великий фараон погребен в Абидосе, решили, что, по всей вероятности, это гробница его супруги. Во всяком случае, несомненно было одно: археологи обнаружили подлинную царскую гробницу I династии и внутри нее — *предметы «новой расы», открытой Питри!* Следовательно, этот неведомый народ жил в Египте до царствования Менеса. Окончательное же подтверждение было получено в 1897—1898 гг., когда сам Питри раскопал несколько захоронений близ Дендера, относящихся к периоду VI—VII династий. Поскольку в этих погребениях не нашлось ни одного предмета, принадлежавшего «новой расе», — так же как в погребениях всех других династий, — то эта так называемая «новая раса» существовала до I династии. Итак, Питри обнаружил предков древних египтян. А найденная в их могилах керамика, напоминающая изделия Древнего царства, очевидно, относилась к промежуточному периоду — между додинастической и династической эпохами.

Однако оставался еще один неизвестный период — между двумя первыми династиями и правлением Снофру. Де Морган нашел гробницу Менеса или, в любом случае, гробницу времен Менеса. Но что же делать с хроникой Менефона и других летописцев, которые приводят имена девяти фараонов, царствовавших до Менеса, и еще двадцати четырех, правивших Египтом между его царствованием и царствованием Снофру? Куда они девались? Может быть, по словам Питри, они были всего лишь «мифом или литературной традицией, как основатели Рима или первые короли Ирландии»? Ответ на это был получен в 1898 г., когда другой французский египтолог, Этьенн Амелино, объявил, что нашел в Абидосе (Верхний Египет) гробницы фараонов I и II династий.

Каждый уважающий себя турист считает своим долгом посетить Абидос. Он прибывает поездом или на речном пароходике в маленький городок Эль-Бальяна и отсюда автобусом по разбитой и пыльной дороге между хлопковыми полями добирается до места, где чернозем внезапно сменяется песком и голыми холмами Западной пустыни,

замыкающими горизонт. «Это и есть Абидос,— как писал Питри,— дикий и безмолвный... Холмы теснятся по обеим сторонам узкого ущелья и смыкаются в конце его. Далеко вдаль простирается бесконечная зеленая долина Нила, за которой в десяти милях отсюда тает в дымке восточная цепь холмов».

Большинство посетителей направляется к храмам Сети I и Рамсеса II, воздвигнутым во времена XIX династии (1350—1200 гг. до н. э.). Однако вовсе не эти храмы, несмотря на все их великолепие, сделали Абидос одним из самых знаменитых мест в Египте. В историческом отношении эту славу перехватил темный холмик из глиняных черепков в устье высохшей реки или оврага, потому что под этим холмиком Амелино нашел гробницы царей и цариц I и II династий (около 3200—2780 гг. до н. э.) — основателей египетского государства.

Эти правители пришли из расположенного неподалеку города Тиса, а затем, после завоевания Северного царства, основали свою столицу в Мемфисе. Но, видимо по семейной традиции, они продолжали хоронить своих сородичей в Абидосе. Даже после того, как этот обывай угас, Абидос еще многие столетия оставался священным местом царских погребений. Но пришло время, когда ничего, кроме древней традиции, не сохранилось, и к периоду XVIII династии (1580—1350 гг. до н. э.) никто уже не помнил, где были гробницы древних царей и их жен. В последующие столетия Абидос приобрел известность как место погребения бога Осириса. Он стал центром религиозных паломничеств, во время которых устраивались культовые мистерии, нечто вроде «мученических страстей Осириса». А гробницы древних фараонов, по большей части разграбленные в далекие времена, оставались в неизвестности под слоем нанесенного песка. За исключением одной — гробницы фараона Джера, — которую случайно нашли и объявили местом погребения самого бога Осириса. Таким образом, начиная с XVIII династии эта гробница стала одним из главных святилищ, к которому стекались египтяне пятидесяти поколений и приносили здесь жертвы Осирису. Фрагменты глиняной посуды от этих бесчисленных жертвоприношений образовали целый холм, который арабы позднее назвали «Ум-эль-Ку'аб» — «Мать горшков». С приходом христианства фанатичные копты, чей монастырь оказался поблизости, вскрыли гробницу и разбили

все прекрасные изделия, которые в ней оставались, дабы навсегда покончить с языческим поклонением Осирису. И снова пески засыпали руины, и место их было почти забыто.

В XIX столетии искатели сокровищ и торговцы древностями вновь вспомнили об Абидосе, и он был снова разграблен людьми, не имевшими ни малейшего представления о его исторической ценности. В 1897 г. здесь начала работать экспедиция, или «Миссия Амелино». Она обнаружила ряд гробниц, но раскопки были произведены таким образом, что египтологи последующих поколений не могли говорить об этом без осуждения. «Миссия Амелино» действовала с большим энтузиазмом, не думая об осторожности. Археологи старались добыть как можно больше «товарных» образчиков, не заботясь об их научной ценности. Питри был горько разочарован. Четырежды он пытался получить право на раскопки в Абидосе, но каждый раз ему отвечали, что это будет возможно лишь, когда «Миссия Амелино» закончит свои работы. В каком состоянии эта «Миссия» оставила место раскопок, лучше всего характеризуют слова самого Питри. После первого сезона он писал в своем отчете:

«В царских гробницах уже похозяйничали древние грабители, искавшие драгоценные металлы и другие стоящие предметы... затем фанатики-копты, систематически разрушавшие все старое... и наконец произошло самое ужасное для истории: явились люди, которые в течение последних четырех лет рьяно изымали все, что могло иметь хоть какую-то ценность в глазах любителей-покупателей... при этом все, что они не могли вынести, они сознательно и злобно уничтожали, чтобы не снизить предполагаемых доходов европейских спекулянтов древностями...»

В отличие от археологов, открывших гробницу Тутанхамона и другие непотревоженные погребения, Питри и его помощники очутились перед грудой мусора, оставленного грабителями и спекулянтами, и именно потому их открытие столь необычно и знаменательно. Сезон за сезоном они разгребали кучи обломков, терпеливо и систематически раскапывали и описывали гробницы, устанавливая их владельцев по надписям на глиняных черепках, — практически это было все, что им осталось от предыдущих раскопок. Даже каменные сосуды, разбитые коптами в древности, были с согласия самого Амелино сознательно

превращены в крошку его подручными. И все же по этим жалким остаткам Питри смог проследить эволюцию додинастических гробниц — от выложенных в один кирпич могил периода, предшествовавшего воцарению Менеса, до более сложных захоронений фараонов II династии с окружающими их комнатами и галереями.

Там, где Амелино оставил только путаницу исторически никак не связанных имен, Питри сумел восстановить последовательную хронологию восемнадцати фараонов — от Ка, правившего до Менеса, всю I династию вплоть до Хасехемуи, девятого царя II династии. Кроме того, благодаря керамическим черепкам и табличкам из черного дерева и слоновой кости и другим предметам, найденным в грудях мусора, он смог проследить развитие искусства на протяжении всего этого архаического периода и, таким образом, восполнил почти четырехвековую лауну в египетской истории.

Рискуя навлечь на себя недовольство некоторых нетерпеливых читателей, мы все же хотим вкратце описать здесь эти древние погребения, ибо они были прототипами *мастаб* III династии, из которых, в свою очередь, выросли пирамиды.

Самой древней была могила, выкопанная в песке, 23 футов длиной, 16 футов шириной и глубиной 10 футов. Стены были выложены кирпичом, а деревянный потолок с балками когда-то поддерживал насыпанный сверху песчаный холм. Гробница фараона Джера, самое большое из ранних царских погребений, состояла из деревянной усыпальницы площадью 28 кв. футов и окружавших ее комнат для жертвоприношений, занимавших площадь примерно от 48 до 38 футов. Вокруг этой гробницы располагалось еще семь покоев с 338 могилами домохозяев фараона, в том числе женщин, по-видимому, из его гарема. Среди обломков, оставленных Амелино и его помощниками, Питри нашел несколько чаш слоновой кости, две игральные фигурки львов из того же материала и прекрасные ювелирные украшения.

У Денсемита, пятого фараона I династии, гробница была еще больше, а главное, вымощенная гранитом. Впервые в Египте в качестве строительного материала использовали камень.

Ко времени Хасехемуи, девятого фараона II династии, царские гробницы превратились в огромные сооружения.

Так, его гробница была длиной 223 фута при ширине 54 фута и имела 58 отдельных комнат, расположенных вокруг центрального погребального покоя из камня. *Это древнейшая ныне известная каменная постройка.* Несомненно, фараон был погребен в каменном покое. Остальные помещения предназначались для жертвоприношений, а также для захоронения членов царской семьи.

«Только вера в загробную жизнь,— писал Бадж,— может объяснить наличие в погребениях утвари и пищи. Фараоны были потомками Гора и Осириса и их живыми воплощениями на земле; поэтому и после смерти они оставались богами и требовали божеских почестей».

Бальзамирование в его примитивной форме было известно уже в ту раннюю эпоху египетской истории, и религиозные верования и погребальные ритуалы позднейших эпох уходили корнями в глубокую древность. Осирис, Исида и другие известные нам божества уже фигурировали в священных текстах, а фараоны издревле носили титул «Сын Гора».

Следовательно, такими были цари, правившие Египтом на заре его письменной истории. Они жили в царских поместьях: на некоторых табличках с надписями они изображены вместе со своими придворными и верховными жрецами в процессиях по случаю победы над врагами. Они воевали: булава с надписью свидетельствует, что Нармер захватил 120 тыс. человек, 400 тыс. быков и 142 тыс. коз. Искусство при них было высоко развито: в гробницах остались фрагменты изысканной дворцовой утвари, ювелирных украшений, а также полупрозрачных алебастровых и диоритовых сосудов. Таблички черного дерева времен Менеса содержат самые ранние образцы пероглифического связного письма. Уже тогда они несли не только фонетическое значение.

Вот те сведения, которые Питри извлек из груды археологического мусора. Что же касается драгоценных предметов, то их оказалось немного. Но и тут ему улыбнулась удача. Раскапывая гробницу Джера, которую также считали священной могилой Осириса, один из его рабочих нашел какое-то отверстие в глинобитной стене у основания ступенчатого спуска в усыпальницу. Он засунул руку в дыру и вытащил оттуда руку мумии. Араб отнес свою

находку Питри. Тот развернул пелены и увидел на высохших костях три великолепных золотых браслета с сердоликами и лазури́том. Этот простой рабочий нашел руку супруги фараона Джера.

Ты́сячи лет назад его далекий предок наверняка помогал грабить царскую гробницу, раздирал тела фараона и его жены в поисках драгоценностей. И видимо, ему помешали, или же он уже хватал слишком много, — во всяком случае, грабитель сунул руку мумии в первую попавшуюся дыру в стене, несомненно рассчитывая вернуться за ней позднее. По каким-то причинам он не вернулся. Начиная со вре́мен XVIII династии, когда эта гробница стала считаться священной усыпальницей Осириса, тыся́чи паломников спускались и поднимались по проходу в нескольких футах от руки царицы, и никто не заметил ее. Не отыскивали ее и копты. Не нашли охотники за сокровищами. Никто ее не обнаружил до этого знаменательного дня. «И даже „Миссия Амелино“», — насмешливо заключает Питри.

Глава III

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПИРАМИД

Взять на себя смелость рассказать о происхождении пирамид — все равно что рискнуть описать восход или закат или наступление весны. До меня прошли сотни поколений, которые видели и описывали пирамиды, и после меня грядут еще не рожденные миллионы тех, кто увидит их и ощутит необходимость высказать свое восхищение.

За спиной каждого посетителя Великих пирамид стоят тени писателей, путешественников и историков — вплоть до Геродота и тех, кто был до него. В таком обществе, с одной стороны, приличнее всего постараться избежать банальностей и очевидных истин, а с другой — не становиться в позу современного туриста-всезнайки.

И тем не менее да будет мне позволено занять место наивного и восхищенного человека. Я четырежды бывал в Египте и каждый раз не упускал возможности посетить

плоскогогорье Гизе — и воспользуюсь такой возможностью, если она мне представится еще. Ибо пирамиды в Гизе — высшее воплощение могущества и величия фараонов, откуда на них ни смотри: либо с противоположного берега Нила, когда они вздымают свои вершины в утреннем тумане, либо стоя рядом с ними, когда их гигантские известняковые грани в слепящем свете полуденного солнца кажутся ступенями, ведущими прямо в небо. Фоном для них служит Западная пустыня, и первое, что поражает, не размеры пирамид, а их цвет — теплое солнечное золото, подчеркнутое черными тенями на стыке гигантских прямоугольных блоков, из которых они сложены. Каждый из этих блоков, образующих подобие гигантских ступеней, весит примерно две с половиной тонны. В Большой пирамиде, построенной при фараоне Хеопсе около 2720 г. до н. э., таких известняковых огромных блоков насчитывается два миллиона триста тысяч.

Отчасти из-за того, что эти пирамиды самые большие и совершенные, а отчасти — что до них легче добраться из Каира, они стали самыми популярными. В сущности, многие люди даже не знают, что существуют другие пирамиды. Тем более следует подчеркнуть, что они — лишь одна группа из многих. Цепь пирамид протянулась от Абу-Роаша на севере вплоть до Мероэ в Судане, и многие из них гораздо старше пирамид Гизе. Для того чтобы понять значение Большой пирамиды Хеопса, необходимо хотя бы познакомиться с ее предшественницами. А потому эта глава — о происхождении пирамид и о том, как они возникли из самых ранних форм захоронений.

Прежде всего — зачем их строили? Ответ очень прост: это были гробницы царей. Во всех — от самых маленьких до крупнейших — стояли или еще стоят саркофаги, на большинстве сохранились имена захороненных в них фараонов. Многие люди, завороженные великолепием Великих пирамид, отбрасывают это объяснение как слишком примитивное. Они разделяют усложненное представление, скажем, о пирамиде Хеопса как о комбинации астрономической обсерватории и некоего архитектурного инструмента, размеры которого якобы позволяют понять хронологическую последовательность основных событий прошлого и предсказывать будущее. Это представление о пирамидах было широко распространено в прошлом столетии до тех пор, пока Питри на основании строго научных

фактов не разрушил его в своем фундаментальном труде «Пирамиды и храмы Гизе». И хотя теории эти до сих пор имеют приверженцев, сегодня большинство из нас поражают не они, а то, как были спроектированы и воздвигнуты эти гигантские сооружения в те времена, когда у египтян не было никаких машин сложнее рычага, катков и наклонных плоскостей.

Следует ответить еще на один вопрос: почему фараоны Древнего царства избрали для своих гробниц форму пирамид? До недавнего времени большинство египтологов придерживались теории знаменитого немецкого археолога Борхардта, согласно которой пирамиды были логическим завершением развития более ранних и простых гробниц. Однако последние исследования в некрополе Саккара заставляют усомниться в этой версии. Новая и гораздо более интересная теория была выдвинута, в частности, И. Е. С. Эдвардсом, которому мы обязаны многими сведениями, приведенными в этой главе.

Суть теории Эдвардса, подробно объясненной в его книге «Египетские пирамиды», вкратце изложена в конце IV главы.

Как мы уже говорили, царей I и II династий хоронили в выложенных кирпичом или камнем гробницах, разделенных на отдельные покои (с прямоугольными перекрытиями из необожженного кирпича), где хранились пища, оружие и другие предметы, как считали египтяне, необходимые для загробной жизни. Эти сооружения с наклоненными внутрь стенами известны под названием *мастабы* — от арабского слова «скамья». Когда такие гробницы сооружали среди песков, верхняя часть их выглядела как каменное ложе или скамья, какие встречались возле арабских домов. Археологи раскопали тысячи мастаб, самые интересные и древние из них были найдены профессором Уолтером Эмери в некрополе Саккара, близости от древней столицы Мемфиса в Нижнем Египте⁶. Одна мастаба, обнаруженная в 1937 г., была 46 ярдов длиной и 17 шириной. Под ней находилось пять подземных помещений, которые некогда перекрывали деревянные брусья и доски, как в Абидосе. Интересно, что стены этих камер были увешаны тростниковыми циновками, причем часть из них сохранилась. Очевидно, так же были украшены стены царского дворца.

Глиняные печати на сосудах для пищи и вина в этой

гробнице посят имя *Аха*, которого некоторые египтологи отождествляют с Менесом, первым фараоном I династии. Таким образом, возможно, что гробница в Абидосе вовсе не принадлежит этому правителю, как полагал обнаруживший ее Питри, поскольку она гораздо меньше и беднее усыпальницы в Саккара. Но, возможно, также, что у Менеса было две гробницы — одна в Абидосе, близ Тиса, его родного города, а другая в Саккара, рядом с его новой столицей.

Следует заметить, что каждый египетский фараон носил несколько имен, и поэтому точно определить, чья это гробница, довольно трудно. Владелец данной гробницы был похоронен в центральном подземном покое. Верхняя надстройка из кирпича-сырца состояла из 27 камер, или кладовых, с ложными дверями. От них почти ничего не сохранилось, кроме обломков утвари, оставленных древними грабителями гробниц. Внешние стены обрисовывают отделанные панелями ниши, какие обычно встречаются в мастабах Архаического периода. Видимо, они должны были имитировать расположение комнат в царском дворце, да и вся гробница, очевидно, была моделью дома фараона. Судя по всему, в те времена египтяне верили, что покойник в загробной жизни обитает в самой гробнице и окружающих ее помещениях, а потому усыпальница должна была походить на его прижизненное жилище. Настоящие двери были ему ни к чему: дух покойного мог проникать и сквозь ложные двери. С этими ложными дверями мы еще встретимся позднее.

В эпоху III и IV династий, когда для знатных людей строилось множество мастаб, форма этих гробниц претерпела ряд значительных изменений. Трупы начали хоронить в маленьких подземных комнатах на дне глубоких шахт, вырубленных в скальном грунте. А надстройка из кирпича-сырца, ранее разделенная на ряд помещений, превратилась в массивное, почти глухое сооружение — за исключением небольшой комнаты для жертвоприношений на западной стороне. Со временем кирпич-сырец уступил место камню, а позднее мастабы стали огромными параллелепипедами каменной кладки без всяких отверстий — опять же за исключением комнаты для жертвоприношений, где друзья и родственники могли оставлять вино и пищу для поддержания жизни «Ба», духа покойного.

Этот «Ба», по-видимому, считался духовным элементом, который отделился от тела после смерти человека, однако все еще зависел от смертного тела, которое поэтому следовало сохранять. Был у египтян еще один духовный элемент, «Ка», о природе которого до сих пор идут споры. Некоторые ученые считают, что это был двойник покойного, другие — его дух-покровитель, а третьи полагают, что в «Ка» воплощались некие абстрактные качества, необходимые для продолжения загробной жизни. Тем, кто захочет более углубленно разобраться в этом вопросе, рекомендуем книгу Адольфа Эрмана «Религия египтян». Но главное, следует заметить, что египтяне свято верили, будто все эти духовные элементы могут существовать лишь в том случае, если физическое тело покойного сохранено и обеспечено всем необходимым для жизни. Если эти условия не выполнены, загробная жизнь невозможна.

Погребение тела на дне глубокой, вырубленной в скальном грунте шахты разрешало ряд проблем, но одновременно создавало новые. Теперь грабителям было труднее добираться до мумии, но в то же время сама она оказывалась гораздо дальше от камеры для жертвоприношений. А родственникам необходима была уверенность, что дух покойного сможет получать пищу, которую они ему принесут. Египтяне справились с этой трудностью.

В массивной каменной кладке мастаб они оставляли комнату, где ставили статую покойного в натуральную величину, точную копию его при жизни. Но эти прекрасные скульптуры не должен был видеть ни один смертный. Их замуровывали в темных помещениях, которые арабы называли *сердаб* (погреб), лишь узкая щель на уровне глаз статуи позволяла им «заглядывать» в комнату для жертвоприношений. Таким образом, дух покойного, воплощенный в его изваянии, мог обитать в нем, через него получать жертвоприношения.

Большая часть скульптурных шедевров периода Древнего царства, которые ныне украшают наши музеи, извлечена из таких мастаб. Это великолепные произведения искусства, хотя египтяне создавали их в чисто утилитарных целях. Изысканные барельефы на стенах позднейших мастаб имели то же назначение, что и статуи. Знатные египтяне, опасаясь, как бы последующие поколения не

забыли о священных жертвоприношениях, приказывали изображать себя на стенах гробниц в момент принятия ритуальных даров. Для древних египтян было достаточно резных изображений этих даров, чтобы их «Ка» жил вечно и не погиб от недостатка жертвоприношений.

На восточной (внутренней) стене жертвенной комнаты изображалась ложная дверь, через которую «Ка» мог входить в этот покой. В некоторых мастабах такие же ложные двери высекали на внешних, западных стенах, чтобы дух покойного имел возможность выходить из гробницы и, глядя через долину Нила на свое прежнее жилище на восточном берегу, наслаждаться вечерней прохладой, как он это делал при жизни.

И это вовсе не забавное предположение. Во многих египетских гробницах, хотя и более позднего периода, сохранились такие надписи:

Да буду я вдыхать сладость Северного Ветра,
Напоенного благовоениями моего Божества.

Египтяне верили, что запад — страна умерших, которых они называли «обитателями Запада», и Осирис для них был «первым из обитателей Запада». На западе ладья солнечного бога, переплыв за день небосвод, отправлялась в ночное путешествие по загробному миру. И, естественно, все захоронения египтяне совершали на западном берегу Нила, на границе Западной пустыни, в то время как восточный берег был обителью живых.

Самая древняя пирамида Египта построена в Саккара на некотором расстоянии от Мемфиса вверх по Нилу фараоном Джосером, основателем III династии (2780—2720 гг. до н. э.). Это знаменитая Ступенчатая пирамида, названная так потому, что она состоит из поставленных друг на друга уменьшающихся к вершине террас. Это древнейшее в мире крупное каменное сооружение. Здесь мы присутствуем при зарождении архитектуры, ибо это первая попытка человека создать монументальное строение из камня. Даже сегодня, после того как бесчисленные поколения грабителей содрали облицовку с искусно обтесанных известняковых плит и изуродовали острые углы ступеней, Великая пирамида Джосера поражает нас до глубины души. И не только сама пирамида, а весь чудесный ансамбль дворов и зданий, которые некогда ее окру-

жали и лишь недавно были откопаны и частично восстановлены усилиями К. М. Фёрса, Дж. Э. Квибелла и Ж.-Ф. Лауэра, возглавлявшими работы египетской правительственной Службы древностей.

Чтобы оценить все значение пирамиды Джосера, надо вспомнить, что даже в конце II династии его предшественник фараон Хасехемуи построил свою мастабу из высушенного на солнце кирпича-сырца и воспользовался известняком только для облицовки погребального покоя. Сам Джосер воздвиг в Бет-Халлафе поблизости от Абидоса массивную мастабу, но, по-видимому, так ее и не использовал. А затем, как бы внезапно, появилось гигантское каменное сооружение, окруженное сложным комплексом тоже каменных зданий, занимавшим площадь 180 тыс. квадратных ярдов. Причем все эти здания свидетельствовали о поразительном художественном вкусе и мастерстве исполнителей.

Это гениальное сооружение задумал и воплотил главный царский архитектор по имени Имхотеп. Последующие поколения египтян чтили его как великого мудреца, философа и мага. Писцы по традиции чествовали его возлияниями перед началом своих работ. Изречения Имхотепа помнят до сих пор, и до наших дней сохранились тысячи его маленьких статуэток. Он был обожествлен, и греки отождествляли Имхотепа с богом врачевания Асклепием.

С высоты птичьего полета пирамида Джосера выглядит темным массивным квадратом в окружении более светлых линий и геометрических фигур, обозначающих древние стены и здания. Пустыня вокруг испещрена ямами и траншеями — здесь похоронили и археологи и древние грабители. И все же великий замысел Имхотепа отчетливо ясен и сегодня. Легко понять, почему Имхотеп избрал именно это место для гробницы своего царственного повелителя. Она стоит на краю Ливийской пустыни, возвышаясь над древней столицей Мемфисом. Ниже и дальше на юго-восток простирается зеленая долина Нила, уходящего к Дельте. А квадрат, который мы видели с воздуха, представляет собой огромную площадь, некогда окруженную стеной высотой до 33 футов. Подданные Джосера, глядя из глубины долины, видели только эту стену из ослепительно белого известняка, над которой величественно вздымалась пирамида, вечная усыпальница их обо-

жественного повелителя. Подобный монумент мог воздвигнуть только монарх богатейшей страны. К тому времени объединение Обоих царств, Верхнего и Нижнего Египта, было окончательно завершено.

Расчистка большой стены и заключенных внутри нее зданий, произведенная Фёрсом, Квибеллом и Лауэром, стала крупнейшей работой египтологов за последние двадцать лет. Она по-новому осветила происхождение пирамид и впервые позволила проследить их развитие от простейших кирпичных мастаб тинитских правителей до монументальных сооружений IV династии.

Вначале могилы царей окружали стеной, внутри которой родственники или специально назначенные жрецы регулярно приносили жертвы духу усопшего монарха. Архитектор Джосера пошел гораздо дальше. У северной стороны пирамиды он построил храм для совершения погребальных обрядов и последующих жертвоприношений. Кроме того, внутри ограды он воздвиг ряд зданий, каких не было нигде в Египте. По-видимому, они предназначались для того, чтобы дух умершего фараона мог совершать там важные религиозные обряды, как при жизни. Главным из них была церемония *хеб-сед* очень древнего происхождения. В доисторические времена царей, вероятно, убивали, когда они достигали преклонного возраста и не могли управлять своими подданными. Позднее этот обычай был отменен, однако цари совершали церемонию, которая якобы возвращала им молодость и силу. Частично она состояла из принесения жертв на алтари богов Северного и Южного Египта, после чего фараона как бы вновь возводили на престол. Кроме того, он должен был пробежать определенное расстояние, видимо, чтобы доказать свою физическую силу. Один из самых прекрасных рельефов на стенах пирамиды Джосера показывает нам царя во время этого ритуального бега.

Имхотеп построил внутри ограды здание, предназначенное для церемонии *хеб-сед*. Здесь также стояло множество храмов с ложными дверными проемами из резного камня. Фасады их украшали высокие колонны с каннелюрами⁷. Профессор П. Ю. Ньюберри утверждает, что прообразами этих колонн были *Herculanea gigantum*. Он показал мне образчик этого растения в своем саду, и он действительно похож на колонны Имхотепа, даже его свисающие листья поразительно напоминают капители.

Эти колонны с каннелюрами, довольно схожие с колоннами дорического ордера, но более высокие и без фундамента, были весьма характерны для строений Имхотепа. И чем внимательнее мы изучаем эти архитектурные детали более чем пяти тысячелетнего возраста, тем очевиднее становится, что перед нами — первые опыты крупномасштабного строительства из камня. Нигде человек еще не нашел подходящих архитектурных форм для нового материала. Здесь он еще только нащупывает дорогу, воспроизводя в камне то, что раньше делали из дерева или других материалов. Например, по словам Ж.-Ф. Лауэра, «входная колоннада поддерживает тяжелое каменное перекрытие из уложенных перпендикулярно друг другу длинных блоков с закругленными нижними сторонами, чтобы они походили на бревна из пальмовых стволов» (курсив мой. — Л. К.). И далее: «Сами колонны похожи на деревянные, в свою очередь напоминающие более древние опоры, которые делались из связок тростника». Подобные же примеры мы встречаем в подземных галереях под самой пирамидой. Мы уже говорили, что центральный покой в обнаруженной Эмери гробнице фараона I династии Аха был увешан тростниковыми циновками. В восточной галерее Ступенчатой пирамиды такие же циновки воспроизведены маленькими глазированными плитками синего цвета. Несомненно, подобные циновки висели на стенах дворца фараона при его жизни.

К востоку от входа в Заупокойный храм археологи обнаружили сердаб и в нем, в замурованной комнате, — статую Джосера в полный рост. Царственное изваяние в длинном парике ниже плеч сидело на кресле в парадном одеянии, ниспадающем до пола. Эта статуя ныне находится в Египетском музее, но ее гипсовая копия возвращена в сердаб.

За храмом, в северной стороне пирамиды, ряд крутых ступенек ведет к туннелю, спускающемуся сквозь скалу под пирамиду. Туннель сворачивает на запад, соединяется с другим и наконец приводит к вертикальному колодцу глубиной 92 фута. Над этим колодцем и стоит пирамида, а на дне его находится погребальный покой из черного гранита. От галерей, окружающих покой, разбегаются во всех направлениях многочисленные ходы. В одних были найдены барельефы с изображением Джосера, выполняющего религиозные обряды, в других — алебастровые сар-

кофаги (один — с человеческими останками). Алебастровые пьедесталы указывали, где некогда стояли саркофаги, разбитые и разграбленные в глубокой древности. С восточной стороны под пирамиду ведет одиннадцать коридоров, прорубленных в скальном грунте. Очевидно, они предназначались для захоронений членов царской семьи.

Интересно отметить, что Ступенчатая пирамида первоначально была задумана не как пирамида, а как обыкновенная каменная мастаба. Внимательное изучение этого сооружения показало, что оно прошло через пять отчетливо различных стадий развития, прежде чем приобрело свою теперешнюю форму. Вначале Джосер строит такую же мастабу, какие обнаружены в Бет-Халлафе, но только из камня, а не из кирпича, и не продолговатую, а квадратную. Далее он решает расширить свою мастабу во все четыре стороны. Пристройка оказалась на два фута ниже первоначального сооружения, и таким образом возникла первая ступенька. Он вновь изменяет свой план и делает гробницу продолговатой. И это его не удовлетворяет, и Джосер принимает новое решение. Он увеличивает основание в четвертый раз и строит на нем еще три мастабы, каждая из которых меньше предыдущей: получилась небольшая ступенчатая пирамида. Это ему понравилось, и он еще больше расширяет основание до 411×358 кв. футов. На нем он воздвигает окончательный вариант своей ступенчатой пирамиды из шести террас и облицовывает ее прекрасным известняком из Туры. В таком виде, если не считать исчезнувшей облицовки, пирамида Джосера сохранилась до наших дней.

Заслуга раскрытия эволюции пирамиды Джосера принадлежит в основном Людвигу Борхардту, однако за последние столетия ее изучали многие археологи: фон МинутOLI (1821), англичане Виз и Говард Перринг (1837), Лепсиус (1843) и К. М. Фёрс (1924—1931). Каждому из них пирамида открывала часть своих тайн, но, когда современные исследователи добрались до более глубоких подземных галерей, они нашли множество предметов, которые проглядели их предшественники, в том числе два алебастровых саркофага — один из них с телом ребенка — и 30 тыс. каменных ваз. Чтобы извлечь их на поверхность, понадобилось три сезона работ. Тело самого Джосера так и не было найдено. Подобно большинству гробниц, его пирамида была ограблена еще в древности.

Правда, в 1934 г. археологи нашли стопу мумии. Возможно, это все, что осталось от великого фараона.

Джосер вовсе не был единственным правителем III династии, избравшим для своего погребения пирамиду. В Завиет-эль-Ариане близ Гизе найдены остатки двух сооружений, которые, по-видимому, были задуманы как пирамидальные гробницы, однако так и не были достроены. Одна из них, так называемая «Незаконченная пирамида», имеет глубокую, прорубленную в скальном грунте вертикальную шахту с длинным наклонным коридором, ведущим к ее основанию. По нему строители спускали гранитные блоки для погребального покоя. Такие же коридоры обнаружены в более поздних пирамидах: в полу их вырублены ступени, по посередине и по бокам оставлены приподнятые над ними гладкие поверхности, по которым спускали гранитные плиты. На некоторых из них доктор Рейснер нашел имя Небка — фараона III династии, о котором, кроме его имени, ничего не известно. По-видимому, он задумал воздвигнуть себе гробницу, подобную пирамиде Джосера, но успел соорудить лишь ее основание. От другой гробницы, Слоеной пирамиды, почти ничего не сохранилось. В конце III династии фараон Снофру сделал новый шаг в развитии пирамид. В Дашуре, намного севернее Саккара, он воздвиг одно из интереснейших сооружений Древнего Египта, так называемую Ромбовидную пирамиду, или Пирамиду с ломаными гранями. Она не ступенчатая, стены ее прямые, но на середине угол их странно меняется. Она достигает в высоту 320 футов, а сторона ее квадратного основания равна 620 футам.

До недавнего времени эту пирамиду связывали с именем Хуни, фараона III династии. Однако весной 1947 г. Абдессалам Хусейн эффенди, занимавший до своей кончины пост директора отдела изучения пирамид при египетском правительстве, вновь открыл, впервые за последние сто лет, внутренние покои пирамиды. На одной из облицовочных плит погребального покоя он нашел картуш с именем фараона Снофру, и теперь эта пирамида считается гробницей последнего. В то же время археолог обнаружил на одном из каменных блоков маленькой, примыкающей пирамиды имя жены Снофры, царицы Хетехери. Мне посчастливилось быть в Египте, когда Абдессалам Хусейн совершил это открытие, и я оказался

одним из первых англичан, допущенных во внутренние покои пирамиды Свофру, с тех пор как их в последний раз видел Перринг в 1837 г.

Чтобы добраться до Дашура, нам пришлось от Каира миль двадцать плыть вверх по Нилу, затем верхом пересечь пустыню по руслу неглубокого вади. Наконец перед нами предстала величественная Ромбовидная пирамида, стоящая на высоком каменистом плато. От соседних пирамид она отличалась необычной формой. Грани ее не были прямыми от основания до верхушки, а в середине как бы переламывались, подъем сразу становился более пологим. Очевидно, это было сделано для того, чтобы уменьшить чрезмерное давление на центральный погребальный покой, а может быть, как полагал Перринг, строители просто торопились закончить работу.

На середине северной стороны пирамиды перед входом в нее был установлен деревянный помост. На нем стояла лебедка, с помощью которой археологи спускались в пирамиду на глубину 300 футов в маленькой тележке. Вместе с Абдессаламом Хусейном мы совершили такой спуск, лежа в тележке на спине, потому что галерея была очень узкой и низкой, сечением не более трех кв. футов.

Мы спускались ниже и ниже, и квадратик солнечного света над нами все уменьшался, пока, наконец, мы не достигли дна шахты. Здесь мы очутились в неожиданно просторном помещении площадью около 20 кв. футов, а высотой — до 80 футов! Кровля терялась в тени, которую не могли рассеять наши лампы-молнии. Казалось, мы попали в готический собор. Но мы были глубоко под землей. Вход в шахту находился примерно на уровне поверхности, а над нами еще возвышалась монолитная масса самой пирамиды высотой более 300 футов. Примерно в центре этого подземного покоя археологи соорудили шаткие леса и прикрепили к ним несколько веревочных лестниц. По этим лестницам нам и пришлось карабкаться, пока мы не достигли потолка. Наши лампы осветили сотни летучих мышей, свисавших со свода зала. Здесь, на высоте 80 футов от пола, Абдессалам Хусейн показал нам отверстие, прорубленное в стене. Это был вход в горизонтальную галерею сечением около двух квадратных футов. По ней мы поползли на животах, отметив про себя надпись: «Открыто в 1837 году». Ее оставил английский археолог Перринг сто лет назад.

Наконец мы получили возможность встать во весь рост. Пока мы переводили дыхание, я увидел, что мы стоим под входом в другую камеру пирамиды, но он находился от нас уже не так высоко. С помощью арабов-рабочих мы вскарабкались по почти вертикальной стене и очутились, потные и грязные, в Верхнем покое. Рабочие осветили потолок, и мы увидели, что в отличие от потолка Нижнего покоя он неровный и грубо обработан. Большие куски камня вывалились из кровли, несомненно, из-за чудовищного давления всей массы пирамиды, а другие блоки выглядели так, словно вот-вот обрушатся нам на головы. Абдессалам Хусейн рассказал нам, что, когда Перринг обнаружил этот покой, состояние потолка настолько его тревожило, что он боялся здесь работать. Где находилось тело фараона — в Верхнем или Нижнем покое, — до сих пор неизвестно.

От Верхнего покоя отходит еще одна галерея. Она пронизывает всю толщу пирамиды и выходит примерно на середину ее западной стороны. Этим проходом не пользовались со времен постройки пирамиды: верхний его конец до сих пор закрыт облицовочными плитами, а нижний — задвинут каменным блоком, зацементированным с обеих сторон. Таким образом он был запечатан в те времена, когда узкий горизонтальный лаз был открыт, иначе рабочие оказались бы замурованными в пирамиде. Перринг указывает на это в своей книге, поэтому нам было трудно согласиться с Абдессаламом Хусейном, который считал, что примитивная горизонтальная галерея, по которой мы сюда прошли, якобы вырублена позднее грабителями пирамид. Ни в одном из этих покоев не оказалось ни саркофагов, ни следов погребальной утвари. Правда, Абдессалам Хусейн нашел в шахте близ Нижнего покоя остатки благовоний. Он также обнаружил в верхнем конце этой шахты две ложные двери, высеченные на камне. Они представляют особый интерес, ибо Тексты пирамид, самые древние религиозные документы в истории Египта, содержат следующие слова: «Отверзши двери на небеса уопшму фараону».

И вот здесь впервые внутри пирамиды оказались изображения таких дверей.

Поскольку никто не мог обнаружить ни тела фараона, ни следов саркофагов, Абдессалам Хусейн предположил, что древние грабители тоже не смогли их найти. Возмож-

но, они лежат до сих пор где-нибудь в потайной комнате, скорее всего, в толще каменной кладки между полом Верхнего покоя и потолком шахты с ложными дверями. Такое предположение соблазнительно и романтично, однако до последнего момента, когда писалась эта книга, никакого захоронения обнаружить так и не удалось. Вполне вероятно, что Снофру так и не был погребен в этой пирамиде. Он построил себе еще одну в Медуме, в нескольких милях южнее. Правда, Масперо, проникший в эту вторую пирамиду в 1881 г., и там не нашел даже следов саркофага.

Можно лишь посочувствовать царям Древнего царства. Их грандиозные памятники, пусть даже изуродованные всесильным временем и руками грабителей, стоят до сих пор, а от хрупких тел человеческих, которые они должны были хранить, не осталось, увы, ничего!

«Те, кто хотел увековечить себя только пирамидами, — писал сэр Томас Браун, — увековечили свои заблуждения...»

Глава IV

КАК И ДЛЯ ЧЕГО СТРОИЛИ ПИРАМИДЫ

Самая древняя пирамида, сохранившаяся в Египте, это Южная пирамида в Дашуре, расположенная недалеко от Ромбовидной пирамиды Снофру. Хотя она построена раньше Великой пирамиды, она не намного уступает ей по размерам. Сторона основания Южной пирамиды достигает 720 футов, а высота — 325 футов. Строитель ее неизвестен. Долгие годы ее приписывали Снофру, однако его имя обнаружили на камне основания Ромбовидной пирамиды. Очевидно, ее соседку воздвиг другой фараон III династии, скорее всего Хуни, который правил до Снофру.

Снофру построил себе в Медуме вторую пирамиду, которая первоначально, по-видимому, была ступенчатой, но затем углы между ступенями заполнили и стены сровняли. Более поздние поколения ободрали каменную облицовку, оставив какое-то странное сооружение, уцелевшее до наших дней: гору песка и щебня, над которой возвышается высокая башня — сердцевина пирамиды. Такая же участь постигла многие другие пирамиды. Они служили

удобными каменными карьерами для последующих фараонов, без зазрения совести разрушавших памятники своих предков.

Сыном и преемником Снофру был Хеопс. Решив перецементировать всех своих предшественников, он воспользовался высоким местоположением Гизе и воздвиг там самую большую, Великую пирамиду, со сторонами по основанию 755 футов и высотой 481 фут. Она называется «Горизонт Хеопса». Даже сегодня, когда ее размеры уменьшились до 746 футов по основанию и 450 футов в высоту, Великая пирамида остается царицей всех пирамид. Ни один из преемников Хеопса не смог его превзойти. Лишь Хефрену, которого отделяет от Хеопса только одно царствование, почти удалось построить такую же пирамиду. Он построил свою рядом с пирамидой Хеопса. Она имела первоначально 707 футов по основанию и 471 фут в высоту. Но Хефрен сплутовал: он поставил свою пирамиду на более высоком месте, и потому сейчас она кажется даже выше своей предшественницы. Зато пирамида Микерина уже не идет ни в какое сравнение: основание ее занимает вдвое меньшую площадь. Это постепенное уменьшение размеров пирамид свидетельствует об ослаблении могущества последующих фараонов. Великую пирамиду мог построить лишь правитель, который осуществлял полный контроль над всей экономикой страны. Все принадлежало ему: материалы, неограниченные ресурсы рабочей силы, искусство лучших мастеров страны. Правление Хеопса было вершиной могущества египетских фараонов. После него начался спад.

Как архитектурный ансамбль пирамиды Гизе не имеют себе подобных. Приближаясь к ним со стороны Каира, путешественник проезжает по мягкой, залитой гудроном дороге на Гизе мимо вилл каирских богачей, утопающих в тенистых рощицах пальм, за которыми среди густой зелени полей поблескивают воды оросительных каналов. Дорога идет вверх, сворачивает налево, поднимаясь на плато, и внезапно перед глазами встает Великая пирамида. 450 футов побуревшего от солнца известняка. За ней — вторая, пирамида Хефрена, третья — пирамида Микерина. А дальше — тянутся многочисленные «улицы» мастаб, гробниц знати, везирей, хранителей казны, военачальников царского двора, сопровождавших фараона после смерти, как они это делали при жизни. Вокруг

вскрытых, разграбленных могил пустыня изуродована производившимися веками раскопками, почва усеяна черепками, но чуть подалее взрытое море песков успокаивается и до самого западного горизонта простирается золотое ровное пространство, такое же бесплодное и пустынное, как во времена фараонов.

Это первое незабываемое впечатление. Второе далеко не столь приятно. Пирамиды, до которых довольно просто добраться из Каира, заплатили печальную дань всех великих памятников, ставших излюбленным местом туристов. Тем не менее тысячи посетителей, снующих вокруг, подобно пигмеям, не мешают вам наслаждаться. Пирамиды колоссальны, а пустыня необъятна. Однако существуют еще арабские драгомены, которые набрасываются на путешественника, как рой слепней, и отогнать их невозможно. После яростной схватки между собой — «Я увидел его первым!» — они предлагают, нет, требуют, чтобы вы следовали за ними — только за ними! — и выслушивали их весьма красочные, но далеко не точные объяснения. В большинстве своем эти «гиды» симпатичны и довольно забавны, кое-кто из них даже показывает потертые бумажки с благодарностями от знаменитых посетителей. Наибольшей популярностью пользуются благодарности лорда Ллойда и лорда Китчера, а нам однажды попался драгоман, который гордо заявил, будто сопровождал самого Ноэла П. Коуэрда⁸. Разумеется, драгоманов нельзя ругать огульно. Им надо как-то зарабатывать на жизнь, а Египет — их родная страна. Но порой вас охватывает жгучая зависть к исследователям и археологам прошлого, которые видели эти памятники задолго до того, как они превратились в объекты коммерческого туризма.

Одним из первых европейских «посетителей» был греческий историк Геродот, побывавший в Египте примерно в 450 г. до н. э. Большую часть сведений о пирамидах он получил от жрецов. Они же рассказали ему, что Хеопс, строитель Великой пирамиды, «повелел закрыть все святилища и запретил совершать жертвоприношения. Затем заставил всех египтян работать на него. Так, одни были обязаны перетаскивать к Нилу огромные глыбы камней из каменоломен в Аравийских горах (через реку камни перевозили на кораблях), а другим было приказано тащить их дальше до так называемых Ливийских гор. Сто тысяч человек выполняли эту работу непрерывно, сменя-

ясь каждые три месяца. Десять лет пришлось измученному народу строить дорогу, по которой тащили эти каменные глыбы. Работа, по-моему, едва ли не столь же огромная, как постройка самой пирамиды... Сооружение самой пирамиды продолжалось 20 лет. Она четырехсторонняя, каждая сторона ее шириной 8 плефров [29,6 м] и такой же высоты, и сложена из тесаных, тщательно прилаженных друг к другу камней. Каждый камень длиной по крайней мере 30 футов.

...Сначала она идет в виде лестницы уступами, которые ученые называют площадками или ступенями. После того как заложили первые камни [основания], остальные поднимали при помощи помостов, сколоченных из коротких балок... Таким образом, сначала была окончена верхняя часть пирамиды, затем соорудили среднюю и напоследок самые нижние ступени на земле. На пирамиде египетскими письменами было обозначено, сколько редиски, лука, чеснока съели рабочие. И, как я очень хорошо помню, переводчик, который читал мне надписи, объяснил, что на все это было израсходовано 1600 талантов серебра⁹...» [Геродот, II § 124—125, перевод Г. А. Стратановского].

Археологические свидетельства, собранные Питри и другими учеными, в основном подтвердили сведения Геродота, хотя размеры пирамиды были неверными, а упоминание о «редиске, луке и чесноке» и прочем заставляет предполагать, что Геродот, по всей видимости, беседовал с переводчиком. Он также пересказывает старую скандальную историю о дочери Хеопса, которая якобы построила себе пирамиду из постыдных даров — по камню с каждого любовника. И эту историю он явно почерпнул из того же источника.

Однако Геродот приводит два факта, которые следует запомнить.

Во-первых, пирамида от вершины до основания была облицована прекрасными известняковыми плитами и увенчана гранитной «пирамидкой» с позолоченными гранями, чтобы отражать первые лучи восходящего солнца. Сегодня на Великой пирамиде не осталось и следа этой облицовки из известняка. Она вся ободрана, и теперь вместо сверкающих гладких стен перед нами предстают ряды ступеней. Мы уже не видим пирамиду такой, какой видели ее строители или даже Геродот.

Во-вторых, первоначально пирамиду с берегом Нила соединяла дамба, которая имела двойное назначение: по ней перетаскивали на плато пирамид обтесанные глыбы, а затем она играла роль церемониальной дороги, по которой проходили погребальные и другие религиозные процессии. У начала дамбы на берегу реки ставился Нижний храм, где совершали обряды, связанные с бальзамированием, а на другом ее конце, в тени самой пирамиды — Погребальный храм. В заключительной стадии строительства эти дамбы перекрывали крышей, так что они представляли собой длинный крытый коридор с рельефными изображениями на стенах. Кровли и стены их давно исчезли, и от самих храмов почти ничего не осталось, за исключением руин Нижнего храма Хефрена. Однако в эпоху Древнего царства эти сооружения занимали одно из важных мест во всем комплексе пирамид. Сегодня, рассматривая пирамиды изолированно, в отрыве от этого комплекса, нам невозможно представить себе, как они выглядели на самом деле в древности.

Геродот не говорит, входил ли он в Великую пирамиду. Скорее всего, нет. Иначе такой внимательный наблюдатель, как он, наверняка бы об этом упомянул. Но если бы он и вошел в пирамиду, он увидел бы только пустую гробницу, ибо погребения Хеопса и его преемников были разграблены за две тысячи лет до Геродота, во времена смут VII и X династий. Несомненно, когда-то входы в пирамиду вновь замуровали, а месторасположение их забыли: об этом говорят следы взломов и новые лазы, прорытые в последние столетия. Пирамиду вскрывали и в римскую эпоху: Страбон рассказывает, как был открыт, а потом опять замурован главный вход. Восемь столетий спустя арабский халиф Ма'мун решил поживиться сокровищами пирамиды и приказал прорубить в западной ее стене туннель, который до сих пор называют «Дыра Ма'муна». Однако грабители выбрали неправильный путь и никогда бы не добрались до входной галереи, если бы случайно не выворотили гранитную глыбу, замыкавшую запечатанный вход в наклонную шахту. Слуги Ма'муна услышали, как огромный камень с грохотом обрушился в недра пирамиды. Сориентировавшись по звуку, они начали прокладывать туннель в западном направлении и наконец сделали пролом в первоначальную входную галерею. Сгорая от нетерпения, ворвались они по ней в цар-

скую усыпальницу в самом сердце пирамиды. Но они опоздали. Опоздали на целых тридцать столетий! Перед ними стоял пустой саркофаг.

Интерес к пирамидам начал вновь расти в XVIII в. Неутомимый Ричард Покок, разумеется, видел их, и появление его «Путешествий» привлекло в Египет еще больше европейских путешественников. Но лишь XIX столетие стало веком исследования пирамид. Их изучали, измеряли, зарисовывали и создавали всевозможные теории. Пирамидами занималась целая плеяда египтологов: Кавилья, Бельцони, Виз и Перринг, Лепсиус, Борхардт, Питри и другие.

Среди первых исследователей пирамид следует отметить Джованни Бельцони. Этот итальянский инженер жил в Англии. В 1815 г. он отправился в Египет, надеясь продать султану Махometу Али изобретенную им гидравлическую машину. Ему это не удалось, и Бельцони очутился в Египте на мели. Денег у него почти не оставалось, и он решил поехать по стране в поисках предметов древности. Он провел в Египте и Судане пять лет и позднее написал очаровательный и наивный отчет о своих приключениях под названием «Об исследованиях и последних открытиях в пирамидах, храмах, гробницах и на раскопках в Египте и Нубии». Современные египтологи с недоверием относятся к его методам исследований, но эта увлекательная книга свидетельствует об истинной любви автора к Древнему Египту. Кроме того, во время своих поисков ему пришлось столкнуться с такими трудностями и опасностями, что большинство путешественников XX в. от них бы просто поседело.

Бельцони первым за последнее столетие вошел в пирамиду Хефрена, и рассказ об этом подвиге стоит процитировать:

Предприятие мое имело немалое значение: речь шла о попытке проникнуть в одну из великих пирамид Египта, в одно из чудес света. Я был уверен, что в случае неудачи сделаюсь всеобщим посмешищем за то, что взялся не за свое дело. Но в то же время я считал, что вина моя не столь уж велика, ибо, если не пытаться, мы никогда ничего не достигнем.

Для начала Бельцони изучил южную сторону пирамиды Хефрена:

Я осмотрел каждый участок, почти каждый камень. То же самое сделал я на западной стороне и наконец дошел до противоположной, северной. Здесь в глаза мне бросились некоторые отличительные особенности этой стороны от других. Очевидно, постоянные наблюдения, которые я вел среди фиванских гробниц, позволили мне заметить то, чего не видели другие путешественники. Воистину, я полагаю, что это решающее доказательство, что во многих случаях практический опыт полезнее любых теорий.

У Бельцони было совсем мало денег, однако ему удалось нанять арабов для расчистки песка у северной стороны пирамиды Хефрена. После долгих поисков они нашли вход в «проломленный лаз», сделанный, видимо, в то время, когда в пирамиду пробивались слуги Ма'муна. Условия работы в этом проходе были весьма опасными:

Несколько человек по моему приказу принялись за дело, однако вскоре я убедился, что продвигаться дальше по этому проходу невозможно. Одного из спустившихся вниз рабочих едва не раздавило насмерть. Большой каменный блок, не менее шести футов в длину и четырех в ширину, свалился на него сверху, когда он делал под ним проход... Он оказался замурованным под камнем, и нам стоило немалого труда его вызволить... Падение этого камня сдвинуло с места многие другие блоки в проходе: положение было таково, что я счел за благо поскорее выбраться из пирамиды... Опасность грозила не только от камней, которые могли свалиться на нас сверху, но и от тех, что могли обрушиться в самом проходе и таким образом похоронить нас заживо.

После этой неудачи Бельцони заново обследовал пирамиду Хефрена и сравнил ее с Великой пирамидой. Он вычислил, что вход в гробницу Хеопса находился не в самом центре северной стены, поскольку входная галерея вела строго по прямой к восточному углу царской усыпальницы, а не к ее середине.

Следовательно, вход должен быть смещен от середины на расстояние, равное расстоянию от центра усыпальницы до ее восточной стены... Сделав это простое и очевидное наблюдение, я пришел к выводу, что если в пирамиде Хефрена есть усыпальница, то вход должен находиться не в центре, где я копал, а, судя по измерениям Великой пирамиды, по крайней мере футов на тридцать восточнее. Удовлетворенный этими расчетами, я вернулся ко Второй пирамиде и осмотрел завалы щебня. С немалым удивлением нашел я те же самые признаки и посередине стены, где я стоял, и футах в тридцати восточнее от ее центра. Это доставило мне немалую радость и верную надежду моей одержимой пирамидами душе...

Археолог снова собрал своих арабов, и они принялись за работу, бормоча про себя: «Магнун!», что означает сумасшедший.

Вскрыть вход оказалось так же трудно, как и при первом раскопе, вернее, еще трудней, потому что помимо обвалившихся облицовочных плит на нашем пути встали более крупные каменные блоки, из которых сложена сама пирамида.

Надежда возродилась 1 марта, когда Бельцони обнаружил три больших гранитных блока, из которых два были вмурованы в кладку друг против друга. И на следующий день:

...мы наконец-то открыли истинный вход в пирамиду... Очистив лицевую сторону трех камней, я увидел, что вход этот представляет собой коридор высотой четыре фута и шириной три фута шесть дюймов, сложенный из больших гранитных блоков; и длиной он был сто четыре фута пять дюймов и спускался к центру пирамиды под углом двадцать шесть градусов.

Внизу дорогу исследователю преградила вставленная в пазы плита толщиной один фут и три дюйма.

Поднять ее стоило превеликих трудов. Высота прохода всего четыре фута, ширина — три фута шесть дюймов. Когда двое становились рядом, плечом к плечу, им было трудно пошевелиться, а чтобы поднять скользящую в пазах гранитную плиту высотой не менее шести футов, нужны были усилия многих людей... И рычаги не должны были быть слишком длинными, иначе ими нельзя было здесь работать. А к коротким рычагам нельзя было приставить необходимое для подъема плиты количество людей. Оставался единственный способ... поднимать ее постепенно, каждый раз на чуть-чуть... Мы продолжали поднимать скользящую плиту, и наконец под ней образовалась щель достаточно большая, чтобы я смог в нее протиснуться. После тридцати дней напряженных усилий я с благоговением вступил в коридор, ведущий к центральному покою одной из двух великих пирамид Египта, которая долгое время была предметом всеобщего восхищения.

Описав входную галерею, Бельцони рассказывает, как он очутился в другой, горизонтальной, вырубленной в скальном массиве. Она привела его в большую комнату.

Мой факел из нескольких восковых свечей давал слишком слабый свет. Тем не менее я мог отчетливо различить главные детали. Естественно, я прежде всего устремил взгляд к западной стене покоя, надеясь увидеть там саркофаг, который, должно быть, был в том же состоянии, что и в первой пирамиде; но я был глубоко разочарован, когда не увидел там ничего... Продвигаясь к западной стене, я тем не менее был приятно удивлен, обнаружив саркофаг на одном уровне с полом. В саркофаге не оказалось ничего, кроме какого-то мусора и нескольких костей. На стенах покоя была сделана надпись по-арабски, грубо начертанная углем. Вот ее перевод:

«Мастер Мохаммад Азмед, каменотес, открыл ее, и мастер Отман присутствовал при сем, и царь Али Мохаммад от начала и до закрытия ее».

Бельзони нашел гробницу пустой, так же как и арабы, опередившие его на много столетий. Однако его раскопки, измерения и описания уцелевших проходов представляли для египтологов немалую ценность. Что касается костей из саркофага, то Бельзони вначале думал, что это остатки человеческого скелета. Однако, как он сам объясняет: «Когда их отослали в Лондон, оказалось, что это бычьи кости. Некоторые самодовольные личности, для которых возможность состричь важнее исторической истины, не нашли ничего умнее, как окрестить эти кости говяжьими, просто так, шутки ради. Что ж, это говорит об их вкусе и понимании древнего мира».

На этом выпаде, под занавес, против его извечных противников мы покидаем сеньора Бельзони. Впрочем, нам еще предстоит с ним встретиться вновь в Долине царских гробниц в Фивах.

После него пришли полковник Виз и Говард Перринг, одержимые исследователи, которые изучили, измерили и зарисовали многие пирамиды. Затем немецкий ученый Лепсиус, создатель «теории наращения», согласно которой каждый фараон ежегодно надстраивал свою пирамиду на определенную высоту, следовательно, чем больше пирамида, тем дольше царствовал фараон, и наоборот. Но кроме этой, давно уже отброшенной теории существовали и другие фантастические измышления людей, которых влекли к себе пирамиды Гизе: будто бы это обсерватории, храмы, зернохранилища, эталоны стандартных мер — все что угодно, но только не гробницы! Все эти бессмыслицы развеял прахом и в то же время открыл нам истинное чудо пирамид один человек — сэр Флиндерс Питри. И сделал он это не путем догадок и абстрактных рассуждений, а на основе научных измерений и точного математического расчета.

Он провел в Гизе три рабочих сезона, с 1880 по 1882 г., изучил каждый дюйм некрополя, тщательно определил ориентировку пирамид и измерил все их детали, снаружи и внутри, с помощью самых совершенных измерительных инструментов, доступных в то время. Результаты Питри опубликовал в книге «Пирамиды и храмы Гизе», которая остается одним из основополагающих трудов на эту тему, хотя с тех пор и были проведены более точные измерения.

Поражает своим совершенством ориентировка Большой пирамиды. Четыре ее стороны длиной более 700 футов каждая смотрят почти точно на север, юг, восток и запад. Они ориентированы так безупречно, что по ним, право же, можно выверять компас. В 1925 г. мистер С. Г. Коул из Топографического департамента Египетского правительства, пользуясь более точными инструментами, чем Питри, определил ошибки в ориентировке сторон Большой пирамиды так:

Северная сторона — $0^{\circ}2'28''$ на юго-запад.

Восточная сторона — $0^{\circ}5'30''$ на западо-север.

Южная сторона — $0^{\circ}1'57''$ на северо-запад.

Западная сторона — $0^{\circ}2'30''$ на западо-север.

Таким образом, максимальная ошибка в ориентировке составляет всего $5'30''$, т. е. чуть больше одной двенадцатой градуса! А для южной стороны — всего одну тридцатую градуса.

Какие же великолепные инженеры спроектировали и воздвигли это гигантское сооружение с такой точностью? И как они это сделали? Остается только удивляться. Древние египтяне не знали магнитного компаса. Они, конечно, могли примерно определить восток и запад по наблюдениям за солнцем в дни равноденствия, но, по словам И. Е. С. Эдвардса («Пирамиды Египта»), «конечная ошибка... могла бы быть гораздо больше, чем это обнаружено по крайней мере в двух главных пирамидах Гизе...»

Эдвардс полагает, что строители пирамид могли разделить стороны света, наблюдая за положением звезды в северной части неба в момент ее восхода и захода.

Представьте себе, например, воткнутый в землю вертикальный стержень, окруженный на некотором расстоянии низкой стеной с абсолютно горизонтальным верхним срезом. У стержня стоит человек, а у стены, внутри нее, другой. На северном небосводе выбрана для наблюдений яркая звезда. Когда человек у стены замечает ее, он предупреждает того, кто стоит у стержня. Как только звезда появляется над краем стены, первый наблюдатель смотрит на нее через стержень, отмечает ее положение, а второй делает метку на стене. Звезда пересекает небосвод, и когда она заходит через двенадцать часов за край стены, тот же процесс повторяется, и на стену наносят вторую метку. Для большей точности такие наблюдения проводят множе-

ство раз. Затем прочерчивают линии от стержня к меткам, по земле. (Для точности применяют плотницкий отвес.) Разделив пополам угол между линиями, наблюдатели получают среднюю линию, указывающую север и юг. Две другие кардинальные точки можно получить, проведя еще одну линию, под прямым углом к первой. Это, разумеется, упрощенное объяснение, но оно показывает, каким образом могли быть ориентированы пирамиды по сторонам света.

Питри тщательно изучил облицовочные плиты, которые некогда покрывали всю пирамиду. Некоторые из них, у основания, все еще стоят на своих местах. Чистота их обработки поистине невероятна!

Египетские строители пользовались бронзовыми инструментами. Вставные резцы и зубья могли быть из берилла, топаза, хризоберилла, сапфира или кристаллов корунда. Для распиливания камней они употребляли большие бронзовые пилы с вставными зубьями. В некоторых местах, например на гранитном саркофаге Хеопса, отчетливо видны следы таких пил. Сворачивая пилу в кольцо, египтяне путем ее вращений могли вырезать круглые отверстия. Для обработки более мелких предметов режущий инструмент устанавливали неподвижно, а сам предмет вращали. Питри говорит: «По-видимому, во времена IV династии токарный станок был так же привычен, как в нашей современной мастерской».

Некоторые великолепные диоритовые кубки явно выточены на токарном станке. В ручной обработке они бы не могли быть такими аккуратными. Несмотря на обилие найденных резцов и долот, до сих пор не удалось обнаружить ни одной пилы или сверла со вставными зубьями из драгоценных камней. Но это и не удивительно! Ценность их была велика, и их тщательно оберегали, а по мере износа оправы драгоценные камни вынимали и вставляли в новый инструмент.

Большую часть известняковых блоков, из которых построены пирамиды, добывали в каменоломнях на Моккатамских холмах, на противоположном берегу Нила, и переправляли на баржах в периоды разливов. Гранит для облицовки галерей, погребальных покоев и для запирающих скользящих плит привозили из Асуана (Верхний Египет). Исследования Питри подтвердили рассказ Геродота о том, как каменные блоки поднимали и устанавливали на место.

Когда укладывали ряд блоков, к нему подводили длинную пологую насыпь из камней и земли, по которой втаскивали блоки для следующего ряда. Когда заканчивали укладку этого ряда, насыпь поднимали до нужного уровня, причем наклон ее оставался прежним. Таким образом, по мере продвижения работ эта насыпь становилась все длиннее и длиннее.

Тяжелые, многотонные блоки устанавливали на место с помощью рычагов, тех самых «механизмов из коротких деревянных брусьев», о которых рассказывал Геродот. Судя по настенным росписям, египтяне не знали механизмов более сложных, чем рычаги, катки и наклонные плоскости. Даже самые крупные блоки Большой пирамиды, 56 плит перекрытия над Погребальным покоем Хеопса, можно было поднять с помощью рычагов, хотя каждая из них весила 54 тонны. Питри описал способ, которым, очевидно, пользовались египтяне. Каменный блок сначала с одной стороны приподнимали ломами и подсовывали под него ряд брусьев, а затем то же самое делали с другой. Потом возвращались к первой стороне и подкладывали второй поперечный ряд брусьев. Операция повторялась до тех пор, пока блок не оказывался на нужной высоте.

«Никакая другая система,— пишет Питри,— не могла бы позволить людям поднять такую массу с помощью одних ломов и рычагов». По его расчетам, приподнять ломами край одной плиты перекрытия могли десять человек, а шесть таких бригад могли установить на место все 56 многотонных плит всего за один год. В пирамиде были найдены куски медных листов, которые подкладывали под каменные блоки, чтобы ломом не выкрошить известняк.

Геродот описывает Хеопса как святотатца и тирана, который истощил силы народа постройкой своей колоссальной гробницы. Однако, как указывает Питри, это не совсем справедливо. В течение трех месяцев в году, в периоды разливов Нила, люди все равно не могли работать на полях и пребывали в бездействии. Именно в эти три месяца 100 тыс. человек переправляли на баржах обтесанные блоки из каменоломен через Нил. Для того чтобы управлять тяжело нагруженными баржами на быстрой реке в половодье, требовалось много рук и немалое искусство. Затем блоки на полозьях втаскивали по дамбе на плато пирамид. В течение же всего года на постройке было за-

нято вряд ли более четырех тысяч человек. В основном это были искусные рабочие, каменщики и пр. Питри обнаружил сохранившиеся фундаменты от их бараков. Кроме того, он нашел на северном краю плато огромную кучу бытового мусора, который рабочие сбрасывали со скалы. Среди этого мусора оказались «черепки типичной посуды, перемешанные со щепками и крошкой угля, и даже обрывок веревки; на ней, по-видимому, спускали мусорную корзину».

Интересно, каковы они были, эти тысячи неведомых египтян, которые в поте лица трудились двадцать лет, чтобы воздвигнуть величайший в мире каменный монумент? Чувствовали они себя рабами, всего лишь орудиями в руках охваченного манией величия тирана? Или, может быть, отождествляли себя с могуществом фараона, воплощенным в камне? Вряд ли мы это узнаем.

Как и в Ступенчатой пирамиде, в пирамиде Хеопса были выявлены неоднократные изменения плана. Вначале погребальные покои хотели вырубить в скальном массиве под пирамидой, но они так и остались незавершенными. Когда уложили основание, решили построить эти покои внутри самой пирамиды. Поэтому сквозь кладку с небольшим уклоном была проложена входная галерея, которая примкнула к Большой галерее длиной 153 фута и высотой 28 футов с консольными перекрытиями. Это было одно из самых замечательных архитектурных сооружений Древнего царства. По слегка наклонным ступеням галереи мы поднимаемся в царскую усыпальницу из гранита, расположенную в самом сердце пирамиды (ее длина 34 фута 4 дюйма, ширина 17 футов 2 дюйма и высота 19 футов). По расчетам, кровля усыпальницы должна выдержать вес 400 тонн. Над ней расположены три так называемые «разгрузочные комнаты», чтобы кровля не обрушилась под тяжестью пирамиды. В одном углу усыпальницы стоит гранитный саркофаг без крышки, где некогда покоилась мумия Хеопса. По сравнению с самой пирамидой, саркофаг обработан очень грубо, на нем еще видны следы пил и дыры от сверл. И в самой усыпальнице чувствуется какое-то странное несоответствие. Качество кладки великолепное, но все уровни неверны. Исследование Питри показало, что вся усыпальница перекошена так, что горизонтальные ряды кладки в северо-восточном углу на два с четвертью дюйма выше, чем в юго-западном. Эта и другие погрешности наводят на мысль, что ее достраивали второ-

пах. Возможно, главный мастер-строитель пирамиды, заложивший ее основание с такой поразительной точностью, умер, и уже кто-то другой следил за постройкой царской усыпальницы.

Под усыпальницей находится вторая, меньшая по размерам комната, к которой ведет горизонтальный коридор, отходящий от Входной галереи как раз на пересечении с Большой галереей. Арабы называли эту комнату «усыпальницей царицы», но это неверно. По всей видимости, здесь должен был покоиться сам Хеопс. Однако первоначальный план был еще раз изменен, и усыпальницу фараона построили над ней, соответственно изменилось и направление Большой галереи. Вместе с тем так называемая «усыпальница царицы» могла быть сердабом пирамиды. Там имеется ниша, где когда-то могла стоять статуя фараона.

В этом общем рассказе о Древнем Египте невозможно описать с надлежащими подробностями все памятники Гизе — Вторую и Третью пирамиды, маленькие пирамиды царей, Нижний храм Хефрена и даже сфинкса, который, по-видимому, был портретным изображением Хефрена в образе бога-солнца, охраняющего некрополь. Для этого читателям надо обратиться к специальным трудам, список которых приведен в разделе «Библиография». Однако, прежде чем завершить эту главу, попытаемся рассмотреть еще один интересный вопрос: почему фараоны Древнего царства избрали для своих гробниц форму пирамиды?

Борхардт и другие, как мы уже знаем, полагали, что эта форма появилась в процессе эволюции: от мастабы к ступенчатой пирамиде, от ступенчатой — к настоящей. Таково общепринятое мнение. Однако И. Е. С. Эдвардс считает эту теорию неубедительной. По его мнению, пирамидальная форма царских гробниц была выбрана не столько из практических, сколько из религиозных соображений. Его теория сводится к следующему.

Гробницы фараонов I и II династий в форме мастабы были задуманы как вечное обиталище усопших царей. В этом обиталище и вокруг него должна была проходить их загробная жизнь. Однако позднее, в какой-то неустановленный период, возможно между II и III династиями, возникло иное представление, согласно которому фараон после смерти воплощался в бога-солнце. Тексты пирамид содержат такие слова: «Для него воздвигнута лестница на небеса, дабы он мог по ней подняться на небо».

Весьма соблазнительно предположить, что Ступенчатая пирамида представляла такую лестницу на небеса. Фараон Джосер, как мы уже знаем, строил себе разные гробницы: мастабу в Бет-Халлафе, ступенчатую пирамиду в Саккара и еще одну мастабу внутри ограды Ступенчатой пирамиды. Возможно, в то время две религиозные системы боролись за право господства, и Джосер пытался выбрать себе лучший из загробных миров.

Если эволюционная теория Борхардта правильна, тогда после постройки первой настоящей пирамиды все последующие пирамиды должны были копировать этот образец. Однако Снофру, построивший свою Ромбовидную пирамиду в Дашуре, которая почти несомненно была задумана как настоящая пирамида, тем не менее воздвиг себе в 28 милях от нее в Медуме вторую гробницу. И эта гробница, по мнению археологов, была построена после, а возможно, и одновременно с Ромбовидной пирамидой, но главное, она первоначально была ступенчатой пирамидой.

И здесь, видимо, происходили какие-то изменения в религиозных мировоззрениях. Профессор Брэстед утверждает, что настоящие, истинные пирамиды были, по сути, воплощением символа бога солнца, который почитался в Гелиополе. Этим символом была «пирамидон», маленькая пирамида, названная *бен-бен*.

«Почему же был избран такой символ?» — спрашивает Эдвардс. И вместо ответа дает описание солнечных лучей, пробившихся сквозь тучи. «Когда стоишь на дороге в Саккара и смотришь на запад, — пишет он, — иной раз можно увидеть, как солнечные лучи устремляются к земле... примерно под таким же углом, какой имеют грани Большой пирамиды».

А теперь обратимся снова к Тексту пирамид.

Вот изречение № 523:

Небеса простерли к тебе свои лучи, дабы ты мог подняться на небо, подобно оку Ра...

Может быть, смысл настоящей пирамиды заключался в том, чтобы символизировать лучи солнца?

Эдвардс в подкрепление своей теории приводит и филологические доказательства. Например, древние египтяне называли пирамиду *М(е)г*. Если бы можно было доказать, что это слово состоит из префикса *М*, который обозначает «место», и известного корня, включающего согласную бук-

ву г, который означает «подниматься, восходить, возноситься», то *М(е)г* можно перевести, как «Место Вознесения». Но такое толкование до сих пор не доказано.

Если в то время существовали два враждебных культа, один из которых обожествлял ступенчатую пирамиду, а другой — настоящую пирамиду, это объяснило бы, почему Снофру построил себе и ту и другую. Позднее, когда культ настоящей пирамиды восторжествовал, он перестроил ступенчатую гробницу в Медуме, превратив ее в настоящую пирамиду с ровными гранями. После этого все его преемники строили классические пирамиды, за исключением Джедефра, преемника Хеопса. Вместо того чтобы воздвигнуть себе пирамиду в Гизе, где места было предостаточно, Джедефра построил в Абу-Роаше ныне разрушенный монумент, который предположительно был ступенчатой пирамидой. Не оставался ли он одним из последних приверженцев старого культа? Это неизвестно.

Мы изложили взгляды Эдвардса очень сжато, и те, кто захотят познакомиться с ними подробнее, должны обратиться к его книге «Пирамиды Египта». Он выдвинул интереснейшую теорию, но пока она не получила окончательного подтверждения.

Глава V

МАТЬ ХЕОПСА

Пирамиды Гизе и сотни окружающих мастаб известны более пяти тысяч лет. В отличие от более поздних погребений никто не пытался их скрыть: кирпичные или каменные надгробия четко обозначали, где находятся могилы. На протяжении почти всех этих пятидесяти столетий они были приманкой для грабителей, и трудно себе представить, чтобы хоть одна из этих гробниц, особенно царская, не была обнаружена вплоть до нашего, XX века. Но все-таки так случилось. Об этом, одном из великих подвигов египтологии, о том, как была найдена нетронутая царская гробница, как велись ее раскопки и восстанавливалась из деревянных и металлических обломков великолепная погребальная утварь, мы намерены поведать в форме детектива, пусть читатель сам попробует подобрать

ключи к загадкам, которые одна за другой возникали во время раскопок, а затем сравнит свою версию с драматической историей, восстановленной археологами на основе тех же самых фактов.

С точки зрения истории следует обратить особенное внимание на два действующих лица: Хеопса, строителя Большой пирамиды в Гизе, и его отца, фараона Снофру, построившего Ромбовидную пирамиду в Дашуре и еще одну, полуразрушенную, в Медуме.

В 1902 г. экспедиция Гарвардского университета (Бостон) по лицензии египетского правительства приступила к раскопкам в Гизе. Работы продолжались двадцать три года; за это время было обследовано две трети некрополя к западу от пирамиды Хеопса и малые пирамиды к востоку от нее, вплоть до сфинкса. Улицы мастаб тщательно расчищали, раскапывали и осматривали, но все захоронения, и, разумеется, царские, оказывались разграбленными, и по большей части еще в глубокой древности. Тем не менее экспедиция продолжала работать год за годом, раскапывая, расчищая, фотографируя и зарисовывая настенные росписи, рельефы, статуи и иероглифические надписи.

В 1924—1925 гг. экспедиция под руководством доктора Рейснера приступила к раскопкам мастаб к востоку от пирамиды Хеопса, где были обнаружены погребения его семьи, в том числе три маленькие пирамиды жен фараона. Кроме того, здесь же — между этим некрополем и самой большой пирамидой — было найдено основание Заупокойного храма Хеопса, вымощенное черным базальтом.

Весь этот некрополь пересекала широкая дорога, названная археологами Улицей цариц, потому что на ее западной стороне стояли три малые пирамиды жен фараона. Напротив них было целое скопление больших мастаб, под которыми, как установили археологи, покоились некогда сыновья Хеопса: старший сын Кауаат, а также Хорджедеф¹⁰, Хнумбареф, Хуфукаф и Менхкаф, и дочери — принцесса Мересанх, жена фараона Хефрена, и принцесса Хетепша. Все эти гробницы были разграблены.

1 ноября 1924 г. экспедиция Рейснера приступила к обследованию юго-западного угла некрополя. Работа предстояла нелегкая. Прежде всего необходимо было удалить песок, камни и мусор, чтобы добраться до фундамента, затем проникнуть до нижнего уровня и, наконец, до скального массива. Таким образом, приходилось расчищать и

исследовать каждый квадратный фут и при этом тщательно просеивать весь мусор. Только благодаря таким методическим раскопкам, считал Рейснер, он мог быть уверен, что ничего не упустил.

Неподалеку от пирамид царских жен археолог наткнулся на прорубленный в скальном грунте лаз, который вел под груды строительного мусора, оставленного каменотесами. Когда рабочие начали расчищать этот участок, оказалось, что здесь было основание незавершенной пирамиды. Был начат уходящий вглубь коридор, выложены первые ряды кладки, но затем разобраны: известковый раствор все еще указывал, где лежали каменные блоки. План и размеры незаконченной усыпальницы напоминали самую восточную из пирамид цариц. К северу от этой незавершенной гробницы почва слегка подымалась продолговатым бугром, а рядом находилась древняя каменоломня, где вырубали известняковые блоки во времена Хеопса. Однако запасы камня в ней не были истощены. И все это — под слоем времен IV династии.

9 февраля штатный фотограф экспедиции собирался сделать снимки этой каменоломни, как вдруг заметил белую полоску известнякового раствора, ведущую к продолговатому бугру. Ахмед Саид, главный *реис*, надсмотрщик арабских рабочих Рейснера, расчистил песок и щебень и обнаружил на склоне бугра неправильное овальное пятно из такого же раствора. Позднее анализ показал, что это был сульфат извести.

Когда рабочие удалили слой известнякового цемента, под ним, к их великому изумлению, оказалось прямоугольное отверстие, прорубленное в скале и заложенное блоками из известняка. Блоки убрали и нашли за ними наклонный коридор, который привел археологов к вертикальной шахте, также заполненной обтесанными известняковыми глыбами. Эта шахта явно была прорублена сверху, сквозь стоящую над ней скалу. Сотрудники Рейснера обследовали ее и нашли вход в шахту, тщательно замурованный и замаскированный камнями под естественную поверхность скалы. Над входом не было и следов какой-либо надстройки.

В это время доктор Рейснер находился в Америке в коротком отпуске, и расчистку вертикальной шахты вели его ассистенты Алан Роу и Г. Д. Р. Гринлиз с помощью Ахмеда Саида. Работы начались 23 февраля. Вначале вход-

ной туннель был заложен хорошо обтесанными известняковыми блоками, но под ними лежали необработанные глыбы. Археологи рассчитывали найти усыпальницу в 30 футах от поверхности, поскольку в большинстве масштабов глубина вертикальных шахт колебалась от 30 до 50 футов. Но на этом уровне они обнаружили только небольшой замурованный ход в стене шахты. Вскрыв его, они увидели нишу, где лежали остатки ритуальных жертвоприношений: череп и три ноги быка, два сосуда для пива, кусочки древесного угля и осколки черного базальта.

А дна шахты еще не было видно. На уровне 40 футов археологи нашли черепки красной керамики. В стенах появились опасные трещины, видимо, последствия давнего землетрясения. На глубине 55 футов были найдены фрагменты каких-то медных предметов, но никаких признаков усыпальницы. Ахмед Саид и четверо его помощников рачищали шахту день за днем: двое взламывали массу слежавшихся камней, а двое поднимали их в корзинах на поверхность. Все были возбуждены, ибо чем глубже шахта, тем больше вероятности, что на дне ее находится непо тревоженное погребение.

Рабочие дошли до глубины 60 футов. Здесь восточная стена шахты выдалась вперед, образуя навес, однако несколькими футами ниже начался более твердый слой породы, и стены шахты стали ровнее.

70 футов — черепки глиняной посуды, но ни признака усыпальницы. 80 футов — скальный грунт и сужение шахты. 85 футов — в южной стене шахты обнаружен верхний слой каменной кладки.

Это произошло 17 марта, на тринадцатый день раскопок. Алан Роу вынул один из блоков. За ним была черная пустота. Он попросил подать ему свечу и, просунув ее в дыру, заглянул в подземный покой, который не видели пять тысяч лет. Дрожащий свет свечи выхватил из мрака алебастровый саркофаг и отблески золота. Затем Роу вставил каменный блок на место, чтобы пыль не проникла внутрь, и археологи вернулись в свой лагерь. Можно себе представить, какую они провели бессонную ночь!

На следующее утро они вернулись в шахту и вынули еще несколько каменных блоков. С помощью зеркал направили в усыпальницу солнечный свет и смогли разглядеть другие предметы. Саркофаг стоял у стены, крышка его была запечатана, и на ней лежали обитые золотом ше-

сты, которые, как выяснилось позднее, когда-то поддерживали складной балдахин. Другие шесты и подпорки, окоченные золотом, лежали между саркофагом и стеной. Весь пол усыпальницы был завален всевозможными предметами, вернее, тем, что от них осталось. Здесь были клочки золотой обшивки, некогда украшавшей деревянную мебель, совершенно истлевшую; золотые пластинки в форме львиных лап с фаянсовыми инкрустациями, пальмообразные капители, инкрустированные подлокотники. А дальше, вперемешку с этими остатками, стояли алебастровые, глиняные и медные сосуды.

Непосвященного человека такое зрелище поразило бы и в то же время разочаровало. «Ну что в конечном счете нашли археологи после стольких трудов?» — подумал бы он. Остатки утвари, наверное когда-то прекрасной, но теперь превратившейся в мусор? Археологам такая мысль даже не могла прийти в голову. Они надеялись, что их работа только начинается, что со временем благодаря терпению и умению они восстановят все эти предметы. Но это в будущем, и это — вторая часть нашего повествования.

Ближайшая задача — определить владельца гробницы. Усыпальница была настолько загромождена хрупкими фрагментами всевозможных предметов, что в ней невозможно было сделать и шага без риска что-нибудь раздавить. Тем не менее с помощью полевого бинокля археолог Баттискомб Ганн смог как следует рассмотреть золотые листы обшивки и различил на одном из них надпись:

Владыка обеих диадем Снофру; Гор, Небмаат.

Прослышав об этой надписи, вездесущие корреспонденты сразу объявили, что это гробница самого фараона Снофру. В действительности же надпись лишь указывала, что владелец гробницы жил во времена царствования Снофру.

Роу и Гринлиз отметили, что усыпальница осталась незавершенной. Стены ее были обтесаны грубо, на восточной и западной стенах огрехи были вторых заштукатурены известняковым раствором, на котором сохранились даже отпечатки рук каменщика, а в одном углу остался строительный мусор. Повсюду были следы крайней спешки: и в вертикальной шахте и в самой усыпальнице. Когда доктор Рейснер в июле вернулся в Египет и сам осмотрел погребение, он пришел к выводу, что плачевное состояние

нагроможденных в усыпальнице предметов невозможно объяснить только работой времени. Скорее всего, вся эта утварь предназначалась для более обширного помещения, и сюда ее перетаскивали второпях и свалили как попало. Саркофаг можно было спустить в маленькую усыпальницу через слишком узкую шахту только в вертикальном положении, значит, без мумии внутри него. Да и саму мумию явно пришлось спускать таким же способом. Исходя из всего этого, Рейснер решил, что это *вторичное* захоронение: саркофаг и вся погребальная утварь первоначально находились в другой, очевидно более обширной гробнице, но по каким-то причинам, может быть, из-за того, что ее пытались ограбить, все ее содержимое было перенесено сюда.

Методом дедуктивных умозаключений Рейснер определил, что захоронение было произведено в годы царствования самого Хеопса. Все ключи к такому выводу изложены в предыдущих главах.

Во-первых, кусочки черного базальта, найденные в нише с жертвоприношениями, доказывают, что, когда производили захоронение, Погребальный храм Хеопса был уже построен или строился,— так осколки базальта попали в нишу из основания этого храма.

Во-вторых, тот факт, что гробница находится *под* культурным слоем IV династии, доказывает, что гробница построена раньше четырех малых пирамид, воздвигнутых Хеопсом для своих жен.

В-третьих, когда работы над незавершенной пирамидой были приостановлены и перенесены на новое место, на 90 футов восточнее, гробница уже существовала. Работы в каменоломне были тоже прекращены, видимо, из опасения, что будет открыт вход в гробницу. Судя по всему, это было *тайное* захоронение.

Что касается владельца гробницы, то на данной стадии исследований можно было заключить лишь одно: он или она жили во времена правления фараона Снофру, отца Хеопса. Рейснер полагал, что здесь вряд ли похоронен сам фараон, но наверняка один из членов его семьи, ибо захоронение в таком привилегированном месте могло быть произведено лишь по царскому приказу.

Окончательная расчистка шахты была завершена в феврале 1926 г., и археологи приступили к изучению усыпальницы. Об этой работе Рейснер писал:

Перед экспедицией стояла задача собрать всю археологическую информацию, какой бы малой она ни была. Мы не встречались с аналогичными гробницами этого времени, не знали, чем руководствоваться, и даже не были уверены, что какие-либо надписи откроют нам имя владельца... Все деревянные части сохлись или распались... многие предметы были изъедены грибом и превратились в порошок; одежда, циновки, корзины и другие плетеные изделия... сохранились лишь в виде очертаний или фрагментов, до которых невозможно было дотронуться...

Пол расчищали сантиметр за сантиметром. Каждый мельчайший фрагмент прежде чем изъять, восстанавливали и фотографировали на месте. Каждый предмет описывали в рабочем журнале, который постепенно разросся до 1600 страниц большого формата (13×16 дюймов). На этих страницах члены экспедиции описывали произведенную за день работу: наблюдения, выводы, предложения. Тут же были зарисовки и фотоснимки. Постепенно определяли предмет, от которого остался тот или иной фрагмент. Тут были обшитые золотом шесты и подпорки, которые поддерживали когда-то балдахин, подобный шатру, над царским ложем. Было и само ложе, тоже инкрустированное золотом, на золотых ножках в форме львиных лап. Здесь же стояли два обитых золотом кресла; ручки одного из них поддерживали изогнутые подпорки в форме трех переплетенных стеблей папируса с цветками. Это было главным свидетельством того, что покойный не был фараоном. Если бы кресло принадлежало фараону, то в орнаменте папирус Нижнего Египта переплетался бы с цветком Верхнего Египта.

Археологи нашли также остатки золотого ларца, где, видимо, хранились занавеси для ложа. Содержимое этого и другого ларца было упаковано небрежно, в них попадались кусочки извести и строительный мусор, вероятно сметенный с пола первоначальной усыпальницы, когда погребальную утварь переносили сюда. Археологи нашли еще один большой деревянный ларец с восемью красивыми алебастровыми сосудами и «медным черпачком на длинной изогнутой ручке». На крышке каждого алебастрового сосуда было написано название масла или косметического средства, которое в нем хранилось. Например: *сти-хаб* (праздничное благовоние), *уадж* (зеленая краска для глаз) или *хетет-техену* (лучшее ливийское масло).

28 февраля археологи дошли до участка пола, сплошь покрытого кусочками золотой обшивки в восемь слоев.

Чтобы описать и изъять их, понадобилось четыре месяца. Один из сотрудников экспедиции, Данхэм, лежал на матрасе, подвешенном к шести над полом, и осторожно пинцетом, стараясь не потревожить остальные фрагменты, брал по одному тончайшие золотые листки и укладывал их на поднос. И в один из февральских дней он добрался до истлевшего деревянного бруска, на котором был выложен ряд золотых иероглифов. Их со всеми предосторожностями разложили на подносе, и вся экспедиция собралась вокруг. Иероглифы сложились в надпись:

Мать Владыки Верхнего и Нижнего Египта, шествующая за Гором, поводырь Правителя...

Таким образом, владелицей гробницы была царица, возможно, мать Хеопса или его бабушка. Затем 14 апреля Данхэм нашел другие иероглифы. Тотчас же позвали доктора Рейснера. Он прочел имя «Хетепхерес». Наконец-то стала известна владелица погребения! Ею была царица Хетепхерес, мать Хеопса, строителя Большой пирамиды. Полный текст надписи гласил:

Мать Владыки Верхнего и Нижнего Египта, шествующая за Гором, поводырь Правителя, избранница, коей даны все слова, дочь бога телом своим, Хетепхерес...

Ларец с алебастровыми сосудами был ее туалетным набором. Имя Снофру на надкроватном балдахине, видимо, означало, что она была женой фараона Снофру.

Рядом с саркофагом лежала грудa золотых листков, а среди них кольца с инкрустациями в виде стрекоз из светло-зеленого малахита на лазурите, рядом лежала инкрустированная панель с надписью:

Мать Владыки Верхнего и Нижнего Египта. Ларец для колец.

Рейснер пришел к выводу, что речь шла о наборе южных браслетов, подобранных по размерам так, чтобы охватывать ногу от лодыжки до середины икры. Первоначально их хранили в обитом золотом ларце с колышком посередине, на который они были нанизаны. Царицу щедро снабдили в загробный мир всеми ее личными вещами и домашней утварью. Кроме ее двух кресел здесь же было обитое золотом прогулочное кресло, в котором слуги носили ее на плечах. Был у царицы и полный набор сосудов для пищи; они, по-видимому, использовались в царском хозяйстве. Среди них золотая чаша для напитков, два золотых блюда, медный таз и кувшин для умывания, набор тонких

медных и золотых бритв и маникюрный инструмент, заостренный с одного конца, чтобы чистить ногти, и закругленный с другого, чтобы сдвигать кожу с лунок ногтей.

В других ларцах хранились одежды и льняные пелены, но в одном из них Рейснер обнаружил осколки алебаstra. Для всех это было неожиданным ударом, ибо эти алебастровые осколки были от саркофага. Тот факт, что они оказались внутри ларца, заставлял думать, что саркофаг пытались вскрыть и, может быть, вскрыли грабители, которые обобрали первоначальную гробницу царицы. А позднее, когда тело царицы переносили из нее, осколки собрали и ссыпали в один из ларцов с холстами. На крышке саркофага виднелись следы взлома. Тем не менее Рейснер был твердо уверен, что мумия царицы все еще покоится в нем. Ибо какой был смысл переносить саркофаг и всю погребальную утварь из одной гробницы в другую, если отсутствовало само тело покойницы, для которого все это предназначалось?

Наконец археологи смогли изъять шесты балдахина, лежавшие за саркофагом. На одном из них была надпись:

Гор, Небмаат, великий бог, которому даны жизнь, вечность и благоденствие. Царь Верхнего и Нижнего Египта, Владыка Обеих Диадем, Небмаат, Гор, владыка Нубта, Снофру, владыка «хепет», золотой Гор, первый во всех божественных местах навеки.

Таким образом, балдахин подарил своей жене, скорее всего, сам фараон Снофру.

Этот большой складной балдахин или полог был, пожалуй, самым интересным предметом из всей погребальной утвари. Видимо, он стоял над саркофагом в первой усыпальнице, а затем его разобрали, чтобы перенести во вторую маленькую гробницу в Гизе. В собранном виде он достигал в длину 10 футов, в ширину 8 и в высоту 7. Он напоминал шатер, поддерживаемый по углам шестами, соединенными сверху и внизу перекрещенными планками и другими более тонкими вертикальными стержнями, стоявшими на равном расстоянии друг от друга с трех сторон. Другие, горизонтальные стержни соединялись наверху с перекрещенными шестами кровли. В собранном виде этот полог походил на комнату с одной открытой стороной. Деревянные шесты и стержни были обиты золотом. Ткань балдахина покрывала кровлю и свисала с трех сторон. Спереди открытую сторону задерживали занавесом. Внутри

было достаточно места для ложа царицы и кресел. Когда занавес задергивали, она оказывалась как бы в шатре. Весь каркас собирался с помощью остроумных креплений из меди, в виде шипов и пазов, которые позволяли его быстро разбирать и собирать. Очевидно, царица брала этот полог с собой, когда переезжала с места на место.

Завершая расчистку усыпальницы, археологи обнаружили ряд предметов, совершенно неуместных в царской гробнице, например медные долота и каменные молоты, очевидно оставленные здесь рабочими,— еще одно свидетельство крайней спешки. 16 декабря 1926 года усыпальница была, наконец, очищена полностью. Остался только белый алебастровый саркофаг. На расчистку гробницы ушло 326 дней.

3 марта 1927 г. на церемонию вскрытия саркофага в усыпальнице собрались члены экспедиции и небольшая группа официальных лиц, возбужденных исключительно происхождения. Все были уверены, что увидят в каменном гробу тело великой царицы, умершей пять тысяч лет назад.

С бесконечными предосторожностями крышку саркофага чуть стронули с места, прикрепили к ней строп лебедки, и крышка медленно поднялась. Гости шагнули вперед, чтобы заглянуть в саркофаг. Он был пуст.

Можно себе представить разочарование доктора Рейснера и его верных помощников!

«Уму непостижимо,— пишет Рейснер,— как мог Хеопс приказать перенести останки своей матери в Гизе и тайно похоронить на глубине ста футов под толщей каменной кладки... если он не был уверен, что тело находится в саркофаге».

Единственное, что смог Рейснер найти из останков царицы Хетепхерес, был ее ларец для каноп, замурованный в стенной нише. Такие канопы находят почти во всех царских гробницах и погребениях знати. В них хранятся внутренние органы усопшего, вынутые из тела во время балъзамирования.

Почему же в саркофаге не оказалось мумии?

Здесь мы подошли к тому месту в нашем детективе, когда у читателя уже имеются все факты для разгадки тысячелетней тайны. Вот как истолковал их доктор Рейснер.

Когда царица Хетепхерес умерла, ее похоронили рядом с пирамидой ее мужа в Дашуре. Поблизости от Ромбовид-

ной пирамиды Снофру стоит маленькая пирамида, которая, видимо, и была ее гробницей. Но в это время сын ее Хеопс начал строительство своей Большой пирамиды на новом месте, в Гизе, в 12 милях от Дашура, и, возможно, старый некрополь перестали охранять с прежним усердием. Вскоре после похорон царицы грабители вскрыли ее пирамиду, очевидно не без помощи стражи некрополя или каменщиков, которые строили гробницу. Они работали ночью, и времени у них было в обрез. Провившись сквозь замурованный туннель, они вломились в усыпальницу и увидели огромный золотой шатер, под которым стоял саркофаг. Вероятно, они сорвали полог и разбросали золотую мебель, ибо не могли унести ее и не имели времени ободрать. В спешке они проглядели даже маленькие ценные предметы, такие, как золотая чаша. Они бросились прямо к саркофагу, зная, что там, на царской мумии, найдут самые дорогие украшения. Молотками и долотами они вскрыли крышку, выволокли тело и унесли его из гробницы в потайное место, где никто не мог увидеть свет их факелов. Там они распеленали мумию, сорвали золотые ожерелья, браслеты и кольца с драгоценными камнями. Возможно, внутренний гроб тоже был золотой. Торопливо поделив добычу, они разбежались, бросив царственные останки шакалам, а может, сожгли пропитанные благовониями пелены в надежде, что таким образом избегнут мести царского «Ка».

Вскоре об ограблении доложили высокопоставленному чиновнику, который должен был оберегать некрополь. Со своими подчиненными он посетил гробницу и увидел, что тело царицы исчезло, но погребальная утварь осталась. Несомненно, он приказал начать розыск, но нашел он грабителей или нет, этого мы уже никогда не узнаем. Ради собственного оправдания он наверняка наказал какого-нибудь преступника для примера и устрашения. Однако перед ним стояла куда более сложная задача: как сообщить фараону о том, что могила его матери осквернена? Очевидно, высокопоставленный чиновник сказал об этом, преуменьшив до предела ущерб, а главное, он, должно быть, *не посмел доложить фараону Хеопсу о том, что мумия царицы Хетепхерес исчезла.*

Взбешенный фараон приказал перенести тело матери со всей ее погребальной утварью в Гизе и похоронить рядом со своей пирамидой. Возможно, он сам выбрал место

и для пущей уверенности, что ее вторую гробницу не осквернят, приказал выкопать ее тайно. Работы в каменоломне были приостановлены, и каменотесы начали прорубать шахту. Возможно, в своем гневе и нетерпении фараон дал им наикратчайший срок.

Пока шла подготовка к перенесению саркофага царицы и ее погребальной утвари в Гизе, каменотесы поспешно вырубали шахту. Очевидно, первоначально они собирались остановиться на глубине тридцати-сорока футов, но здесь натолкнулись на неустойчивую породу и вынуждены были рыть дальше в поисках более прочного слоя. И снова им не повезло. Подгоняемые временем, они не могли как следует закрепить стены шахты и должны были сузить ее, чтобы ускорить работу. Наконец на глубине 80 футов они нашли достаточно прочный скальный массив и начали вырубать погребальный покой. Однако к тому времени данный им срок уже истек.

Между тем в Дашуре служители некрополя собирали погребальную утварь и предметы из вскрытой могилы, торопливо засовывали вещи в ларцы, а вместе с ними — осколки алебаstra, отбитые грабителями от саркофага. Балдахин разобрали, ложе и кресла извлекли из гробницы и все погрузили на платформу с полозьями или на судно для перевозки в Дашур.

Мастер, надзиравший за рытьем гробницы в Гизе, узнав о том, что саркофаг и погребальная утварь должны скоро прибыть, отдал рабочим приказ как можно быстрее заканчивать усыпальницу. Первоначально он собирался сделать ее гораздо шире. Каменотесы уже начали выбирать породу из восточной и западной стен и прорубать колодец в одном из углов. Теперь он приказал им бросить все это и замуровать уже вырубленные ниши. Оставили только одну — для ларца с капопами. И уже никто не пытался как следует отшлифовать и отделать стены усыпальницы, а оставшийся строительный мусор просто смели в колодец. Можно не сомневаться, что чиновник, ответственный за вторичное захоронение, торопился опустить в подземелье саркофаг и дрожал от ужаса при одной мысли, что фараону вдруг вздумается взглянуть на тело своей матери.

Саркофаг опустили в глубокую шахту, крышку закрепили и сверху его завалили шестами от разобранного балдахина. Остальную погребальную утварь кое-как втиснули в маленькую усыпальницу. И рабочие тотчас начали зава-

ливать шахту камнями. Они так спешили, что позабыли в усыпальнице свои инструменты, которые так и пролежали среди царской утвари пять тысяч лет. Когда шахта была уже почти заполнена, вдруг вспомнили, что позабыли о красных глиняных сосудах из первоначального погребения. Рабочие сбросили их вниз и засыпали щебнем. Рядом с шахтой совершили жертвоприношение, дабы умиротворить «Ка» усопшей царицы, и остатки замуровали в стенную нишу. Туда же попали черные базальтовые осколки от основания Заупокойного храма Хеопса. Шахту заполнили доверху, а вход замуровали необтесанными глыбами, чтобы он выглядел как естественная поверхность скалы. Можно себе представить, с каким облегчением вздохнул отвечавший за нее чиновник.

Позднее над шахтой была проложена церемониальная дорога, и поскольку ею постоянно пользовались жрецы некрополя, можно было не опасаться, что гробницу снова осквернят. Во всяком случае, тайну эту знали немногие, да и те, видимо, считали, что нет смысла пробиваться сквозь стофуттовую толщу кладки, поскольку самые ценные предметы захоронения уже похищены. Со временем эта гробница была забыта; так она сохранилась до нашего, XX столетия. Интересно, узнал когда-нибудь Хеопс о том, что тела его матери нет в саркофаге? Но это, наверное, было самой страшной и строго хранимой тайной.

Расчищая гробницу царицы Хетепхерес, Рейснер и его сотрудники сделали 1057 фотоснимков и заполнили 1701 большую страницу своими записями. Благодаря тщательности их работы стало возможным полное восстановление уникальной утвари Древнего царства. Археологи добились этого, соединяя тысячи крохотных листочков золота и укладывая их на новые деревянные основания. Данхэм потратил два года (1926 и 1927) на восстановление деревянных остовов переносного кресла, ложа царицы, ее подголовника и туалетного ящичка. Другой член экспедиции, мисс Томпсон, расположила золотые пероглифы в должном порядке на планках из черного дерева. Ее работу продолжил У. А. Стюарт. Реконструкция одного переносного кресла отняла почти два года. А Бернард Райз восстанавливал шатер-балдахин царицы с сентября 1930 до сентября 1931 г.

Если бы тень царицы Хетепхерес посетила сегодня Каирский музей, она увидела бы свою утварь точно такой же,

как при жизни. Под золотым балдахином, который ей подарил муж, фараон Снофру, стоит ложе, где она, наверное, родила Хеопса. Рядом находится ее обитое золотом домашнее кресло и другое кресло для путешествий с длинными золотыми ручками. И тут же — ее туалетный ларец с прелестными алебастровыми сосудами, выстроенными в ряд, и шкатулка для драгоценностей с серебряными ножными браслетами.

Тот, кому хоть раз удалось увидеть эти предметы, никогда не забудет их величия, изящества и простоты, какого-то особого достоинства, присущего властелинам Древнего царства. На наш взгляд, они намного прекраснее утвари Тутанхамона, при всей ее изысканности и прелести, носящей какой-то отпечаток упадка, которого не было в произведениях более древних времен.

Глава VI

«СТОВРАТНЫЕ ФИВЫ»

До сих пор мы главным образом имели дело с Древним царством, когда власть фараонов сосредоточивалась в Нижнем, то есть Северном Египте. Большая часть памятников и гробниц Древнего царства была найдена поблизости от старой столицы фараонов Мемфиса, расположенного неподалеку от Каира, или в некрополях Гизе, Саккара, Дашура, Абусира и в других местностях Нижнего Египта. Теперь нам предстоит сделать большой скачок во времени и пространстве.

В шестистах милях вверх по течению Нила находится Луксор. Многие годы он был самым значительным местом археологических изысканий в Египте и считается почти полностью исследованным. Здесь стоял царственный город Но-Амон, позднее названный Фивами. Более тысячи лет он был столицей Египетской империи.

Впервые в египетской истории Фивы упоминаются в начале царствования XI династии (2100 г. до н. э.), когда после сотни лет анархии и разброда семья провинциальных номархов из Гермонта захватила здесь власть и обосновалась на месте будущей столицы. Помимо своего политического и религиозного значения Фивы также играли роль

значительного торгового центра. Они контролировали пути к золотым рудникам в горах Нубии, откуда же стекались сокровища Судана — благовонные смолы, золотая пыль, страусовые перья и рабы.

Несмотря на все это, величие пришло к Фивам только во времена XVIII династии, пятьсот лет спустя. Именно памятники этой эпохи и более поздних периодов восхищают сегодня тех, кто бывает в Фивах.

Великие фараоны-завоеватели XVIII династии, правившие в Фивах, устремились один за другим в новые походы против соседних стран, и вся военная добыча стекалась в этот город. Она позволяла владыкам Египта воздвигать здесь храмы и памятники, о которых Шампольон писал: «Ни один народ ни в прошлом, ни в наши дни не смог поднять искусство архитектуры на столь величественный, одухотворенный и грандиозный пьедестал, как древние египтяне. Подобно стометровым колоссам, они задумали и воплотили сто сорок колонн Гипостильного зала в Карнаке, которые возносятся выше порталов наших храмов в Европе и заставляют отступить в бессилии наше воображение».

Шампольон был одним из многих — путешественников, просвещенных и непросвещенных, обыкновенных посетителей, грабителей могил и археологов, — кто видел Фивы. Еще во времена Римской империи этот город приобрел популярность «зрелищного центра», но в последние два столетия он привлекал больше внимания, чем какое-либо другое место в Египте. Здесь были совершены самые удивительные открытия: находка тридцати шести царских мумий в Дейр-эль-Бахри в 1881 г., вскрытие гробниц фараонов в Долине царей и в завершение — сенсационная находка почти неповрежденной гробницы Тутанхамона.

Это место настолько тесно связано с великими открытиями, что маленький городок Луксор обрел двойную притягательность. Посетителей привлекала не только сама местность с ее древностью, великолепием храмов на восточном берегу и колдовской печалью и тайной огромного города мертвых в западных холмах. Здесь еще чувствовалась атмосфера недавних приключений, «между восьмидесятью годами прошлого и двадцатыми годами нынешнего века», когда толстосумы из Европы и Америки слетались в Луксор и жили здесь в шикарных отелях, возникших на восточном берегу, или в собственных *дахабиях*¹¹ на Ниле.

Глядя на западный берег, они видели розоватые холмы Фив, некрополь фараонов расцвета могущества Египетской империи. Страсть к египтологии заставила многих из них добиться концессий на раскопки. Свои работы они проводили обычно «изящно» и не спеша, зачастую пользуясь услугами профессиональных археологов; последние занимались раскопками, а они имели возможность блистать в светском обществе Луксора.

То было, наверное, золотое время для настоящих египтологов. Они имели и деньги и время для поисков и раскопок, египетское правительство смотрело тогда благосклоннее, чем сегодня, на европейских ученых, и, казалось, мир пребудет во веки веков.

Кое-что из атмосферы тех безмятежных лет еще сохранилось в шикарных, полупустых отелях на нильском берегу. Высокие слуги-суданцы в своих белых *галабиях* и красных фесках бесшумно скользят между плетеными креслами, но сегодня они обслуживают уже не прежних богатых и праздных джентльменов из Европы. Вместо них по ступеням Винтер-палаца торопливо спускается случайная пара американцев в тропических шлемах с фотоаппаратами и стайкой длинноногих, щебечущих дочерей. Тут и там скучают какие-нибудь богачи из Каира, тщетно пытаясь скрыть свое полное безразличие к древностям, которое полностью разделяет большинство их ближних. Они словно издеваются над теньми энтузиастов в соломенных шляпах, толпившихся здесь сорок лет назад. Тем не менее маленькие коляски *арабии*, запряженные осликами, все еще возят туристов по тряской дороге вдоль берега Нила в Карнак, а у причалов стоят дахабии, ожидая пассажиров, чтобы перевезти их через реку к Фиванскому некрополю.

Нелишне будет напомнить, что в древности здесь существовало два города Фивы. Один на восточном, то есть правом, берегу был городом живых, с царскими дворцами, вилами знати, грандиозными храмами Амона-Ра и других богов. Другой — на западном берегу — был городом мертвых. В Фивах, как и в Мемфисе, полагали, что мертвые обитают на западе.

На восточном берегу над всем доминирует огромный храмовый ансамбль, который называется, как и близлежащая современная арабская деревня, Карнак, однако в древние времена его называли «Самое Совершенное Место», ибо здесь обитал царь всех богов Амон-Ра. Амон со вре-

мен Среднего царства стал государственным богом Египта, но первоначально он был всего лишь незначительным местным божеством. Лишь после того, как власть в Египте перешла к фиванскому роду, их местный бог возвысился вместе с ними, вскоре был отождествлен с великим солнечным богом Ра из Гелиополя и принял новое имя — Амон-Ра. Его также связывало дальнейшее родство с Мином, фаллическим богом плодородия, чей культ был распространен в городе Коптосе, расположенном севернее Фив. Женой Амона-Ра была богиня Мут, а сыном его — бог Хонсу; храмы этих божеств примыкали к храму Амона-Ра в Карнаке.

Обычно Амона-Ра изображали в виде человека с царским *уреем* или коброй на лбу и увенчанного двумя страусовыми перьями. Иногда у него была голова барана, гусь тоже каким-то образом ассоциировался с ним. Эта странная многоликость, поражающая современных ученых, уходит своими корнями в додинастические времена. Консерватизм египтян не позволял им расстаться с древними религиозными символами, даже когда они забывали их смысл. Наконец, сами жрецы уже не могли разобраться в этом теологическом хаосе, и настал час для религиозной революции Эхнатона. Но о ней мы расскажем позже.

А пока напомним читателям, что, в каком бы облике ни выступал Амон, или Амон-Ра, он считался верховным божеством Египта и носил титул «Царь богов». Он присвоил себе атрибуты бога солнца Ра с его солнечной ладьей, в которой свершал днем свой путь по небосводу, а ночью — в подземном царстве. Жрецы Амона-Ра обладали огромной политической властью и соперничали даже с самим фараоном, ибо его право на трон зависело от того, будет ли он признан сыном Амона^{11а}. И это не было каким-то мистическим представлением: египтяне все понимали буквально. Для них жена фараона была «Божественной супругой бога». Рельефы Карнакского храма изображают сцены божественного рождения царицы Хатшепсут. Бог является царице Яхмес, жене Тутмоса I, и надпись гласит:

Он (Амон) принял облик его величества фараона Тутмоса I, он нашел ее спящей среди великолепия ее дворца. Она проснулась и почувствовала аромат благовоний, исходивший от бога... Он отдал ей свое сердце и заставил ее увидеть его в своем божественном облике. Когда он приблизился к ней, она возрадовалась при виде его красоты, и любовь его вошла в ее тело вместе с ароматом, исходившим от бога...

В других сценах изображены роды царицы, появление божественного младенца и его представление Амону богиней Хатор.

Целые поколения фараонов щедро тратили сокровища империи на постройку и украшение храмов Карнака, обители «Царя богов». Эти храмы принадлежат к редкой разновидности архитектурных чудес: они превосходят самые восторженные описания. Даже если относиться к ним критически и признать, что они чрезмерно велики и не так красивы, как греческие или римские храмы, в конечном счете приходится склониться перед их титаническими размерами и всеподавляющей массой. Как говорил Шампольон, «кажется, будто их создали тридцатиметровые великаны».

Самое большое храмовое помещение в мире — знаменитый Гипостильный зал площадью 54 тыс. кв. футов. По размерам он равен Кентерберийскому собору, однако это всего лишь главная часть храма, а целиком, если перенести его в Лондон, он простерся бы от Пикадилли до Гайд-парка. Каждая из двенадцати колонн нефа имеет 69 футов в высоту и 12 футов в толщину и подобна колонне Траяна в Риме. На капители, которая венчает каждую колонну, может уместиться сто человек. Во всех путеводителях приводится множество таких подсчетов и фактов. Например, во внешней ограде храма Амона, уместилось бы десять европейских соборов, а в ограде самого храма — собор св. Петра, собор Парижской Богоматери, а также Римский и Миланский соборы.

Однако никакие цифры и сравнения не могут передать атмосферу самого Карнака, которая возвышает и одновременно подавляет; во всяком случае, автор, несмотря на весь свой восторг, почувствовал себя подавленным. Карнак не так уж красив: в нем нет совершенства пропорций греческих или римских храмов, нет изящества и мягкости египетских росписей и скульптур гробниц. Но в нем есть ужасающая мощь, массивность и величие власти. Невольно чувствуешь себя раздавленным тяжестью этой грандиозной кладки, толщиной этих гигантских колонн, входными пилонами, перед которыми портал собора св. Павла показался бы мизерным, этими шестидесятитысячфутовыми обелисками, высеченными из одного гранитного блока и весящими 140 тонн каждый. Власть, власть, *власть!* — провозглашают они громовым голосом, от которого глож-

пешь. Рельефы и надписи кричат о том же самом. Вот царица Хатшепсут похваляется своими обелисками:

... и ты, кто после многих лет увидит эти памятники и будет говорить о том, что я совершила, ты скажешь: «Мы не знаем, мы не знаем, как могли они насыпать целую гору золота, словно это обычное дело...» Чтобы позолотить их, я черпала золото мерами, словно зерно из мешков. И когда мое величество сказало, что золота достаточно, его было больше, чем когда-либо видели в Обоих Царствах... Когда ты услышишь об этом, не говори, будто это похвальба, а скажи: «Как похоже это на нее, как достойно отца ее, Амона!...»

Вот на седьмом пилоне гигантский барельеф Тутмоса III: в левой руке он держит кучку связанных пленников, а в правой палицу, которой собирается размозжить им головы во славу и в жертву Амону. А рядом хвастливая надпись:

Из неведомых стран, простирающихся до пределов Азии... его величество привел пленников, дабы убить их. Никогда еще ни один фараон, кроме его величества, не попирал их своей стопой, и слава о его подвигах никогда не умрет на земле.

Было расшифровано триста пятьдесят названий завоеванных народов и городов разных стран от Южного Судана до Евфрата. Другие фараоны добавляли (возводили) залы, пилоны и обелиски в ознаменование своих побед и в дар своему богу: Сети I, Рамсес I и, разумеется, Рамсес II, известный своей битвой при Кадеше. Несомненно, многие из этих неоднократно описанных завоеваний были чисто символическими. И так же несомненно, что фараоны вели не только завоевательные войны ради расширения границ империи, но вынуждены были и защищаться от вражеских вторжений. Тем не менее нам сегодня трудно повторить слова путешественника XVIII столетия, который писал: «...Вспоминая обо всем этом, мы восхищаемся величием царей Египта, и душу охватывает восторг при мысли об их великолепии, которое кажется превыше сил человеческих».

Великолепие, да, но что скрывалось за ним? Все то же разрушительное стремление к личной власти, все та же дьявольская страсть, которая до сих пор булбуревает отдельных людей и целые нации.

Храмы Карнака слишком огромны, чтобы их можно было потерять, а потом открыть вновь, и казалось бы, уже

поэтому египтологи должны были давно их изучить. На деле все обстоит не так. Они таят в себе столько нераскрытых тайн, что их хватит ученым многих поколений. Прежде всего встал вопрос о восстановлении храмов и содержании их в надлежащем порядке. Так, в 1899 году рухнули одиннадцать колонн Гипостильного зала, и их с великим трудом восстановил выдающийся французский египтолог Легрен, который сделал сенсационное открытие: обнаружил в храме более тысячи статуй. Египетская Служба древностей постоянно занимается расчисткой руин от песка и копирует надписи. В процессе таких расчисток ученые делают иногда интереснейшие находки.

Более поздние фараоны использовали монументы своих предшественников как строительный материал. Поэтому, когда сняли некоторые пилоны для последующей реставрации, на каменных блоках обнаружили рельефы и надписи. Это потрясло филологов, и один из них мрачно произнес, что надо бы весь Карнак вывернуть наизнанку.

В 1949 г. главный инспектор Службы древностей Верхнего Египта Закария Гонецим обнаружил под слоем песка вблизи знаменитой Аллеи сфинксов ряд дотоле неизвестных девятифутовых сфинксов. Он вел от Карнакского храма к храму в Луксоре, расположенному от него в двух милях. На пьедесталах этих «малых» сфинксов, поставленных гораздо позднее, около 400 лет до н. э., сохранилась надпись:

Я, фараон Нектанеб, построил эту дорогу для бога Амона, дабы он мог благополучно прибыть из Луксора. Никогда доселе не было столь прекрасной дороги.

Таким образом даже в этот поздний период, когда царская столица находилась уже в Себенните, в 700 милях отсюда, Фивы продолжали сохранять свое религиозное значение, и к храму делали все новые пристройки. По сути дела, Амон-Ра поклонялись здесь дольше, чем существует христианство. До сих пор остатки древнего культа сохраняются среди местных жителей, хотя они номинально считаются мусульманами. Например, когда-то в Карнаке во время религиозной церемонии несли изображение Амона-Ра и сопровождающих его богов в их священных ладьях. Это было одной из самых главных религиозных церемоний. В пределах храма сохранилось даже Священное озеро, по которому якобы некогда плыла

ладья Амона. Теперь местным мусульманским святым считается Абу-эль-Хагаг, но на его праздник крестьяне до сих пор выносят священную ладью. Легрен, посвятивший изучению Карнака большую часть своей жизни, приводит отрывок из документа, засвидетельствованного тремя носильщиками из похоронной процессии, которые несли одного из потомков Абу-эль-Хагага к месту его погребения:

Мы несли гроб на плечах, но, когда приблизились к берегу Нила... вдруг почувствовали, что гроб стал очень тяжелым. И не смогли стронуться с места. Мы опустили гроб на землю, прочли *фатху*, снова подняли гроб и ничего не почувствовали. Потом, когда мы вышли на дорогу к кладбищу на западном берегу, опять никто не мог идти, потому что шейх в гробу стал *очень тяжелым*... Все было именно так, и мы можем это подтвердить...

Самое странное во всей этой истории, что бог Амон, по поверью, именно таким образом управлял своей священной ладьей, — в нужный момент давил всей тяжестью на плечи носильщиков.

Покойный профессор Ньюберри в своем обращении к Антропологической секции Британской Ассоциации говорил: «Почти во всех проявлениях повседневной жизни в Египте мы видим старое в новом. Большая часть церемоний египтян от их рождения до смерти вовсе не мусульманские или христианские, не римские и не греческие, а древнеегипетские... Леди Дафф Гордон сказала, что Египет — это палимпсест, на котором Библия написана поверх изречений Геродота, а Коран — поверх Библии, но древние письмена все равно проступают сквозь все наслоения».

Глава VII

«ГОРОД МЕРТВЫХ»

Все здания Луксора расположены на восточном берегу Нила. Здесь лодочники в тюрбанах поджидают на пристани пассажиров, чтобы переправить их через реку, точно так же, как их далекие предки во времена фараонов. На западном берегу простирается примерно на милю широкая равнина, которую замыкает цепь одряхлевших от ветра и солнца известняковых скал, покрытых трещи-

нами и расселинами. В течение дня цвет их меняется. На заре они красно-золотистые, в полдень — тусклые, белокоричневые, размытые дымкой зноя, вечером — выделяются пурпурными силуэтами на черном фоне. Они не высоки — от 800 до 1000 футов — и тем не менее производят ни с чем не сравнимое впечатление, большее, чем все горы мира, ибо в этих скалах находится грандиозный некрополь. Более двух тысяч лет здесь хоронили набальзамированные тела бесчисленных поколений египтян. Фараоны, их жены и дети, знать и простые горожане покоятся в тени этих скал, и рельефы и росписи их гробниц рассказывают нам обо всех подробностях повседневной жизни одной из древнейших цивилизаций.

Некоторые из гробниц относятся к Среднему царству, но основная часть — к Новому, т. е. с 1555 г. до н. э. В отличие от гробниц Древнего царства, описанных выше, они не прячутся под массивными мастабами, а представляют собой глубокие подземные галереи и покои, вырубленные в известняке. В склонах холмов, обращенных к Нилу, находятся могилы знати. Фараонов же хоронили в долине у западной части гор, известной под именем «Бибан-эль-Мурук» — «Врата царей».

Хотя это был край мертвецов, он кормил многочисленную общину живых. Здесь жили жрецы некрополя, они охраняли его, содержали в порядке гробницы, совершали погребальные обряды и ритуальные жертвоприношения. Здесь жили каменотесы, они вырубали новые гробницы, а также граверы и рисовальщики, они их украшали, и еще — бальзамировщики и мастера по изготовлению погребальной утвари, которая с каждым столетием становилась все изысканнее. Неподалеку от Мединет-Абу, к югу от некрополя, Брюйер раскопал остатки деревушки, где жили рабочие, строившие большие гробницы фараонов XVIII династии. Здесь сохранились фундаменты маленьких глинобитных домов, выстроенных вдоль правильно распланированных улочек. Их обитатели не имели права переправляться через Нил в Фивы, но должны были постоянно жить поблизости от места своей работы. До сих пор можно различить дорогу, которая вела от деревушки к Долине царских гробниц.

Помимо гробниц фараонов, составляющих особую группу, фиванские гробницы можно грубо разделить на два основных типа.

К первому относятся гробницы знати и высших чиновников. Они, как правило, состоят из комнаты для жертвоприношений с настенной росписью или рельефами, изображающими сценки загробной жизни, которую надеялся обрести покойный. За нею располагалось одно или иногда несколько других помещений, где находилась мумия и погребальная утварь: ложе умершего, кресла, одежда, оружие и любимые личные вещи, а также жертвенные сосуды с пищей.

Другим, более распространенным типом гробниц были общие захоронения, где покоились мужчины и женщины, не имевшие возможности построить себе индивидуальные гробницы. Здесь многочисленные мумии лежали штабелями от пола до потолка, как рулоны тканей в магазине. Многие сотни мумий, хранящихся ныне в музеях и коллекциях всего мира, попали туда из захоронений этого типа. С тех пор как мумии приобрели рыночную ценность, гробницы безжалостно грабило местное арабское население, особенно жители деревни Шейх Абд-эль-Гурны, расположенной рядом с некрополем. Сегодня большинство этих общих гробниц уже опустошено, но, чтобы представить, как они выглядели сто лет назад, лучше всего обратиться к нашему другу Джованни Бельцони, который посетил Фивы в 1816 г., когда этот зловещий промысел был в самом расцвете. Он пишет: «Многие не выдерживали душливого воздуха в таких гробницах и теряли сознание. Повсюду было огромное количество пыли, такой мелкой, что она проникала в горло и ноздри, забивала рот и нос, так что нужна была большая сила легких, чтобы сопротивляться ей и тяжелым испарениям от мумий. И это еще не все: проход или галерея, где лежат тела, грубо вырублен в скале, а песок, осыпавшийся сверху, с потолка, завалил проход почти полностью... Пробравшись по такому проходу, достигающему иной раз 200—300 ярдов в длину, вы попадаете обычно в более обширное помещение, где можно, пожалуй, и сесть. Но как выглядит это место привала! Со всех сторон, куда ни глянь, вас окружают тела, груды мумий. Даже меня, привычного к таким зрелищам, охватывал ужас. Чернота стен, слабый свет факела или свечи (из-за недостатка воздуха), различные предметы, окружавшие меня, казалось шепчущиеся между собой, и арабы со свечами или факелами в руках, голые и покрытые пылью, сами похо-

жие на живые мумии, образовывали сцену поистине неопишемую...

Крайняя усталость после преодоления прохода... почти сломила меня, я решил отдохнуть, нашел место и хотел уже присесть, но едва опустился всей тяжестью на тело египтянина, оно развалилось, как шляпная коробка. Естественно, я хотел упереться руками, чтобы удержаться, но они не нашли опоры, и я окончательно свалился на разломанные мумии, давя хрупкие кости, лохмотья и деревянные ящики, отчего поднялась такая пыль, что я с четверть часа не мог двинуться с места, ожидая, пока она снова уляжется».

В другом отрывке, которого не постыдился бы сам Эдгар По, Бельцони описывает свое продвижение через подземный ход: «Этот проход был длиной около двадцати футов и такой узкий, что можно было протиснуться в него лишь с трудом. Меня со всех сторон зажали мумии, и я не мог пробраться между ними, чтобы мое лицо не коснулось лица какого-нибудь истлевшего египтянина. Но, поскольку ход вел под уклон, мой собственный вес помогал мне. Тем не менее сверху на меня сыпались кости, руки, ноги и головы. Так я пробирался из одного склепа в другой, и все они были заполнены мумиями в самых разных положениях: стоя, лежа, а некоторые даже вверх ногами, на головах...»

К счастью, в наши дни с разграблением гробниц и торговых мумиями покончено, хотя до сих пор еще производятся тайные раскопки. Также к счастью, не все гробницы были разорены безжалостными охотниками за древностями. Их тщательно раскапывали и любовно восстанавливали такие ученые, как Норман де Гарис Дэвис, Теодор Дэвис, Говард Картер и другие. Эти гробницы теперь находятся под охраной и защитой Службы древностей. И хотя они известны под названием «Гробниц знати», в действительности это маленькие погребальные храмы. Роспись и надписи на их стенах свидетельствуют о жизни фиванских аристократов и их потомков три тысячи лет назад.

Нам посчастливилось посетить несколько наиболее сохранившихся гробниц в сопровождении Закарии Гонейма, главного инспектора Службы древностей Верхнего Египта. Заботам Гонейма поручен и Фиванский некрополь, его гордость и любовь. Ибо Закария, невысокий,

улыбчивый египтянин, обладает редким для его соотечественников качеством — истинной любовью к седой старине. Однажды он сказал нам: «Я делю человечество независимо от расы, нации и принадлежности к той или иной социальной группе на два разряда: на тех, кто интересуется прошлым, и на тех, кому оно безразлично. Есть люди, влюбленные в некрополь. Они могут быть неучеными и даже неграмотными, но они *хотят* знать. Некоторые солдаты и летчики во время войны возвращались сюда снова и снова, и я с удовольствием все им показывал. Но есть и другие, порой весьма выдающиеся и вполне симпатичные люди, однако...» — и Закария оборвал фразу, сверкнул в улыбке белыми зубами и выразительно пожал плечами.

Когда мы прибыли в гостиницу, красная феска Гонейма потонула среди белых тюбанов жителей Эль-Гурны. Они пытались ему что-то продать.

— Ох уж эти люди! — сказал он нам. — Всегда поднимают шум, когда найдут какую-нибудь древнюю вещь. И я знаю, раз уж они явились ко мне, значит, нашли что-то большое, возможно, огромный саркофаг, который они не в силах вынести. Если бы это был маленький предмет, они бы просто прикарманили его и не приходили в Службу древностей, а продали бы свою находку перекупщикам в Луксоре.

Мы протолкались сквозь толпу, влезли в старенький «форд» и двинулись по грязной ухабистой дороге. Поток пасмешливых арабских словечек хлынул нам вслед.

— Ох уж эти люди! — сказал главный инспектор, сжимая кулаки и стараясь сделать строгое лицо. — Это такие плуты, но их трудно не любить. Я вам как-нибудь расскажу о них. Но сначала — гробница Рехмира.

Мы выбрались из машины под ослепительное палящее солнце.

Профессор Брэстед описал эту часовню-гробницу как «самый значительный частный монумент египетской империи». Рехмира был везиром или главным министром у одного из самых могущественных фараонов Нового царства — у великого Тутмоса III (1493—1439 гг. до н. э.). Во время его правления Египетская империя достигла апогея своего величия, и везир был в ней самым влиятельным человеком после фараона. Росписи на стенах его гробницы представляют собой уникальный по яркости

рассказ о жизни, делах и развлечениях высшего чиновника того периода.

За входом открывается узкий поперечный зал, на стенах которого изображен Рехмира, принимающий дары от иноземных послов. Здесь и негры из Нубии, и бородатые азиаты из Сирии, и другие народы, в том числе «морской народ» с островов Эгейского моря с типичными минойскими вазами в руках (сэр Артур Эванс находил подобные вазы на Крите). Ряд за рядом стоят эти люди перед великим везиром, одни — с золотыми и серебряными ожерельями, другие — со снопами злаков.

За этим залом начинается узкий длинный коридор, кровля которого постепенно поднимается от входа к задней стене, так что все это помещение напоминает сплюснутую с боков воронку. Боковые стены расписаны изображениями живых сцен из жизни везира. Высокое положение обязывало его надзирать за всеми работами в храме Амона.

Здесь мы видим Рехмира в мастерских храма: он наблюдает за изящными красно-коричневыми фигурками в белых передниках, которые вытачивают статуи, изготовляют ларцы и мебель, насыпают в сосуды пшеницу, наливают вино, а писцы ведут записи всех этих богатств. На другой сцене Рехмира выходит из лабды после возвращения из поездки в Средний Египет, и друзья и родственники приветствуют его.

На другой росписи изображены похороны Рехмира. Длинная вереница слуг несет различную погребальную утварь и сундуки с одеяниями, а другие слуги — накрытый пологом гроб с мумией Рехмира.

С точки зрения истории интереснее всего сцена, на которой изображен Рехмира, возглавляющий судебное заседание. В центре зала стоят истцы, пришедшие на суд к великому человеку. В стороне — чиновники, готовые выполнить его повеление. Рядом с ними лежат тридцать свитков — как думали прежде, но оказалось, что это сорок палок, которыми били свидетелей! На этой поразительной сценке выписаны все подробности: истцы, ожидающие снаружи, просители, склоняющиеся в низком поклоне при входе в зал суда. Рехмира не сомневался в своих способностях, ибо он сам говорит о себе в одной из надписей: «Ничего нет, чего бы он не знал в небесах, на земле или в подземном мире».

По мере продвижения вперед сцены перед нами менялись. Мы увидели знатных дам из дома Рехмира, которые готовились к какому-то празднику. Они сидели в изящных позах в белых одеяниях, а юные рабыни подавали им драгоценные украшения и благовония, причесывали их и умащали руки и плечи ароматными маслами.

Следующая сцена показывала, какие развлечения ожидали везира в загробном мире: например, катание на лодке по прелестному озеру, окруженному деревьями. В росписях нет и намека на перспективу, которую египтяне вряд ли понимали, но они выполнены очень живо. В каждой сцене везир изображен высоким и важным; он возвышается над всеми окружающими персонажами, как и подобает его высокому званию. На некоторых сценах везир изображен в сопровождении прекрасной жены в белой тунике, ниспадающей мягкими складками. Одно плечо ее обнажено по последней моде тех времен.

Как и в гробницах Древнего царства, описанных в одной из предыдущих глав, на дальней стене высечена ложная дверь, чтобы «Ка» покойного мог входить в комнату для жертвоприношений. А высоко над ней, в нише, когда-то находилась его статуя. В те времена, когда она стояла на месте и смотрела с высоты на каждого, входящего в гробницу, это должно было производить сильное впечатление. За стеной, очевидно, была шахта, но, как сказал нам Закария Гонеим, ее так и не удалось обнаружить. Он с гордостью рассказал о работе, проделанной здесь Службой древностей. В частности, они сняли с росписей толстый слой копоти.

— Еще недавно в этой гробнице жило целое семейство, — объяснил он нам. — Много лет они разводили здесь костры и закоптили все потолки и стены.

В путеводителе Бейки («Египетские древности в долине Нила») перечислено 340 занесенных в каталог погребальных часовен в восточных склонах холмов. Большинству посетителей приходится этому верить на слово, ибо, для того чтобы осмотреть их все, понадобилось бы несколько недель. Самые интересные и красивые гробницы, которые главный инспектор искусно отобрал для нас, составляли лишь малую толику всех гробниц. Те, кто интересуется более подробным их описанием, может обратиться к книге Гардинера «Топографический каталог частных гробниц в Фивах». В значительной степени бла-

годаря щедрости сэра Роберта Монда сотни этих великолепных гробниц были раскопаны, описаны и сохранены. Главная роль в этих работах принадлежит Артуру Вейгаллу, сэру Алану Гардинеру, а также мистеру и миссис де Гарис Дэвис. Именно их мы должны благодарить за то, что они сохранили последние из этих поразительных памятников.

И в то же время горько и обидно думать о том, что утрачено нами навсегда из-за невежества местных грабителей гробниц и алчности спекулянтов, которые заставляли арабов вырубать со стен гробниц росписи и надписи, чтобы затем перепродавать их в европейские музеи. К счастью, многое еще сохранилось на радость не только тем, кто посетит Фивы, но и всем любителям древностей. Для этого достаточно взять превосходно иллюстрированные монографии, написанные теми, кто раскопал, зарисовал и описал эти гробницы во всех подробностях. Ибо именно достоверная публикация отличает научную археологию от охоты за диковинками и обыкновенного грабежа. Еще предстоит немало сделать. Необходимо подробно описать существующие памятники, пока они не погибли, и, разумеется, продолжить поиски неизвестных гробниц.

Иногда такую гробницу находят, потом теряют и вновь находят лишь годы спустя. Отдельные участки Фиванского некрополя сплошь изрыты, словно кроличьими норами. И бывает так, что археолог с трудом добирается до гробницы сквозь лабиринт прорытых грабителями ходов, а потом не может найти к ней дорогу. Так случилось с гробницей Херуефа, впервые найденной супругами Дэвис и Гардинером тридцать лет назад. Долгое время она считалась «потерянной», и только во время второй мировой войны ее вновь отыскал Закария Гонейм. Эта великолепная гробница принадлежала высшему чиновнику времен Аменхотепа III, и мы испытали особое удовольствие от того, что нам показал ее сам Гонейм.

Аменхотеп III, один из величайших фараонов XVIII династии (1555—1350 гг. до н. э.), был отцом «фараона-еретика» Аменхотепа IV, который позднее принял имя Эхнатон. Херуеф был главным управителем жены Аменхотепа III, царицы Ти. Сцены на стенах его гробницы не нарисованы, а высечены тончайшим рельефом. Они отличаются изяществом и точностью линий, характерными для лучших произведений искусства того периода.

Главная сцена, по словам Гонейма, изображает фараона с царицей Тией и богиней Хатор во время ритуального танца по случаю царского праздника *сед*, описанного нами в III главе. Первыми выступают восемь гибких и прекрасных дочерей фараона: они идут парами, неся сосуды для воды, дабы совершить очистительный обряд на месте праздника. За ними другие девушки исполняют грациозный ритуальный танец, символизирующий возрождение жизни в потустороннем мире. Их согнутые руки и сложенные лодочками ладони, очевидно, изображают посев зерна злаков, которые затем прорастут. Точно таким же образом должна обновиться жизнь фараона. На другом рельефе фараон сидит со своей прекрасной супругой, царицей Тией, и смотрит, как воздвигают «столб-жед», символ бога Осириса: этот обряд символизирует воскрешение бога. Есть здесь также сцена ритуального сражения между мужчинами, вооруженными стеблями папируса: она символизирует завоевание Нижнего Египта народом Верхнего Египта. Эти обряды исполнялись до 1400 г. до н. э., но своими корнями они уходят в глубь предистории Египта. Изображение самого Херуефа имеется на всех рельефах, кроме одного, сколотого его врагами.

Закария Гонейм нашел его погребение, когда обследовал другие гробницы, вскрытые и изуродованные грабителями. Он около часа ползал по узким подземным ходам, как вдруг очутился под самым потолком обширного помещения, на три четверти заваленного всякими обломками. Ему понадобилось два месяца, чтобы расчистить гробницу, но большего он тогда сделать не мог из-за недостатка средств. Главному инспектору пришлось удовлетвориться тем, что он убрал обломки и тщательно замуровал вход в гробницу, чтобы грабители не вырубили с ее стен рельефы для перепродажи. Он не нашел ни одного предмета: гробницу уже не раз вскрывали во времена Рамессидов и Птолемеев, и, судя по закопченным стенам, она какое-то время использовалась как жилище.

После гробницы Херуефа мы посетили заупокойную часовню и гробницу Сеннуфера, неподалеку от деревни строителей. Как и его современник Рехмира, он жил во времена царствования Тутмоса III. Сеннуфер был «Управителем Южного Города» и «Надзирателем за житницами и полями, садами и стадами Амона». Пологие ступени

ведут от поверхности в глубь скалы и слегка поворачивают направо. Закария зажигает свет — и мы оказываемся в винограднике! Потолок комнаты, где мы стоим, был оставлен необработанным, и впоследствии все неровности хитроумно раскрасили под свисающие гроздья, так что возникала иллюзия, будто над нами простерся полог из виноградных лоз. Несомненно, этот эффект подсказала Сеннуфери его должность: «Надзиратель над... полями и садами... Амона». За этим помещением расположено другое, более обширное — квадратный зал, поддерживаемый четырьмя колоннами. Стены его покрыты прекрасной росписью, изображающей самого Сеннуфери с женой Мерит, его сестрой Сент-Нфрет и дочерью Мут-Туи: все эти имена тщательно выписаны над их головами.

Рядом с входом во второй покой сохранилось изображение Сеннуфери и его жены, которые шествуют к двери из гробницы, и подпись: «Они выходят на землю, дабы каждый день зреть лик солнца». Отзвуки этого текста имеются во многих гробницах Древнего царства. Супруги идут, взявшись за руки, и на шее Сеннуфери висит амулет с двумя руками...

— Драгоман расскажет вам, — сказал Гонец, — что это означает, что они любили друг друга... Приятное предположение, но пока не подтвержденное фактами.

Другая сцена изображает Сеннуфери и Мерит плывущими на лодке в Абидос, что, вероятно, было при их жизни и должно было повториться после смерти. А на рельефе на задней стене Сеннуфери сидит и принимает приношения.

Эти росписи или, вернее, рельефы не были простыми украшениями. Они якобы обладали магическими свойствами. И тот факт, что подобные сцены с незначительными вариациями повторяются почти во всех гробницах, говорит о том, что они соответствовали строгому религиозному канону. По сути дела, они должны были обеспечить усопшим в загробном мире то же самое положение, привилегии и удовольствия, которые они имели при жизни, а главное, неистощимый запас жертвенной пищи для их «Ка». Отсюда на росписях перед покойниками ломящиеся от яств и вин жертвенные столы. Даже если их потомки не смогут регулярно приносить им пищу в заупокойную часовню, умерший будет получать их, пока сохраняются изображения этих жертвоприношений.

Пока сохраняются... Но что если их повредят или разрушат? По убеждению египтян, «Ка» покойного будет страдать от подобного оскорбления, и враги умершего могли мстить ему даже после смерти. Далеко не все раны на росписях и рельефах в гробницах нанесены современными охотниками за древностями. Многие из них, несомненно, дело рук самих древних египтян, которые стремились таким образом испортить своим врагам потустороннее их бытие. Например, в гробнице Менены, «Писца на полях владыки Обеих Земель», Менена не может увидеть жертвенную пищу, ибо какой-то его заклятый враг стер глаза на его изображении. По этой же причине он не может видеть, как пахут его поля, как пронзают острой рыбу, как целятся метательной палкой в птиц на столь привычных ему сценах. Враг его оказался безжалостным. На последней сцене он прорубил борозду на метательной палке у большого пальца правой руки Менены и то же самое сделал с острой. Эта неприглядная черта характера древних египтян была в полной мере присуща и их повелителям, которые точно таким же образом иногда уродовали памятники своих предшественников. А монахи-копты вырубали со стен лица девушек.

Гораздо приятнее поразмыслить об искренней любви египтян к жизни и к природе. Некоторые заупокойные часовни изобилуют изображениями повседневной жизни жителей Египта. Лодки из стеблей папируса, окруженные птицами, скользят среди тростниковых зарослей или по обрамленным деревьями прудам. В жаркий летний день на поле пасется стадо, пока пастух спит под деревом. Пахарь ведет свою бычью упряжку по борозде, а позднее мы видим, как темнокожие люди в белых льняных одеждах срезают серпами охалки спелых злаков. Здесь маленькие коричневые человечки топчут гроздья винограда, а другие сливают сок в сосуды, на которых написан год сбора винограда. Там охотники набрасывают сеть на диких уток, а рядом сидит человек, ощипывает их и готовит к столу.

Хотя подобные сцены повторяются снова и снова, художники находили способы — как и положено художнику — преодолевать религиозные условности, которые обрекали их на тоскливое однообразие. Тут и там они ухитрялись внести свои индивидуальные черточки. Например, в гробнице астронома по имени Нахт изображена живая сценка, где благородный хозяин принимает гостей.

Они сидят в роскошных одеяниях, рабы подают им вино и пищу, а обнаженные девушки танцуют перед ними и играют на музыкальных инструментах. И тут же сидит сам астроном и улыбается, глядя на гостей. Но что там такое под креслом великого человека? Да это же его кошка! Она украла цыпленка и собирается им полакомиться, пока не заметил хозяин. Ее выгнутая спина и вздыбленная шерсть изображены так тонко, что глаз радуется.

На стене той же гробницы Нахт стоит в папирусной лодке и бросает метательную палку в дикую утку — знакомая сцена, какую увидишь, пожалуй, в каждой гробнице знатных людей. В лодке дочь астронома удерживает его за ноги, чтобы он не вывалился, а его жена в это время нежно держит подбитую птицу в руках — еще одна человеческая черта. В другой гробнице, где краски так свежи, будто роспись сделана вчера, мы заметили на знакомой сценке в поле двух маленьких девочек, которые отчаянно дерутся, таская друг друга за волосы.

Была еще гробница древнеегипетского «джентльмена» с чудовищным именем — Джесеркарасонб. Он был управляющим в доме весьма важного человека, второго пророка Амона во времена Тутмоса IV (1413 г. до н. э.). Очевидно, управляющий был достаточно богат, чтобы выстроить себе роскошную гробницу. На стенах ее помимо обычных сцен жертвоприношений были изображены идиллические пейзажи с пахарями, причем некоторые из них, устав от жары, утоляли жажду из бурдюков, подвешенных на дереве. Там же была сцена пиршества, как и в гробнице Нахта, но в ней появилась новая реалистическая подробность. В разгар пира один из гостей отвернулся, потому что его тошнит. Закария Гонеим уверял нас, что это указывает вовсе не на плохое качество пищи, а, наоборот, на изобилие напитков. Та же сцена изредка встречается и в других гробницах. Иногда несчастной жертвой перепоя оказывается дама, и в таких случаях ей помогает рабыня.

Мы осмотрели также так называемую Гробницу камнерезов, принадлежавшую двум скульпторам конца XVIII династии. Это доказывает, что в те времена талантливый художник мог подняться до высокого ранга. Их звали Небамун и Ипуки. Роспись на стенах их гробницы позволяет нам заглянуть в одну из больших мастерских, которые процветали в Фиванском некрополе три тысячи

лет назад. Здесь одни мастера вырезают символы, чтобы оставить их затем в переносный ковчег того же типа, что был найден в гробнице Тутанхамона. Другие подбирают драгоценные металлы для изготовления ожерелий и золотых сосудов. Каменотес высекает сфинкса, кузнец плавит металлы с помощью трубки для дутья, а сам Небамун рассматривает принесенные ему образцы изделий.

Одно качество, по-видимому, присуще владельцам всех этих гробниц без исключения — страсть к самовосхвалению и твердая решимость сделать все возможное, чтобы их добродетели и свершения не остались не замеченными на суде владык подземного царства. В некоторых хвастливых надписях даже есть какой-то пафос, а иногда и не совсем уместный юмор, как, например, в тексте из гробницы Инени, главного писца, надзиравшего за работами в Фиванском некрополе на протяжении правления пяти фараонов. Это под его присмотром вырубили первую гробницу в Долине царей для Тутмоса I, который задал тон последующим фараонам. В своей надписи Инени говорит: «Это была работа, неизвестная предкам, а я должен был сделать. Я достоин хвалы на многие годы за мою мудрость, ибо кто повторит то, что я совершил?» И добавляет: «Я жил в мире и в силе и не встречал неудач; годы мои прошли в довольстве. Я не был предателем, и не был притчей во языцех, и не совершал никакого зла... Я был надсмотрщиком над надсмотрщиками, и все мне удавалось... и я никогда не богохульствовал против святынь».

Говорят, что Р. Энгельбах, долгие годы возглавлявший Службу древностей, сказал по этому поводу: «Если бы он руководил работами Восточного отдела лет сорок, не богохульствуя и никого не проклиная, это было бы куда большим подвигом!»

Глава VIII

ДОЛИНА ЦАРЕЙ

Долина царских гробниц... «В одном ее названии, — пишет Говард Картер, — столько романтики! Ибо среди всех чудес Египта ни одно, по-моему, не заставляет так усиленно работать воображение. Здесь, в верхней части

уединенной долины, вдали от всех звуков жизни, под охраной Рога, самой высокой вершины Фиванских холмов, которая охраняет их как естественная пирамида, покоятся более тридцати фараонов, и среди них — величайшие властелины Египта».

И в самом деле, истинная история Долины царей превосходит полет самой бурной фантазии, даже Райдера Хаггарда. Она привлекла к себе посетителей больше, чем любой другой памятник Египта, за исключением пирамид. Последний фараон был погребен здесь три тысячи лет назад. Тысячу лет спустя Долина царей стала местом паломничества. Греки и римляне выцарапывали здесь свои имена. Средневековые отшельники селились в пустых гробницах. Ученые XVIII столетия пытались в ней разобраться, археологи XIX века прочесали ее из конца в конец. Однако она хранила свою величайшую тайну до двадцатых годов нашего столетия и, возможно, кое-что оставила еще про запас.

До воцарения XVIII династии (1580 г. до н. э.) фиванских фараонов, по-видимому, хоронили в восточных склонах гор, там же, где прочих знатных людей. Все еще строились гробницы с пирамидальными надстройками, но их высота уже не превышала 60 футов. К ним вплотную примыкали заупокойные храмы. Как и следовало ожидать, все они были ограблены, как и пирамиды их предшественников, и, может быть, поэтому поздние фараоны стремились сохранить в тайне свои погребения. Главная трудность заключалась в том, что заупокойный храм по традиции должен был стоять как можно ближе к гробнице, чтобы «Ка» усопшего без труда проникал в него из усыпальницы. А поскольку заупокойный храм невозможно было спрятать, он, естественно, выдавал место погребения. Египтянам понадобилось более тысячи лет, чтобы осознать этот факт и принять какие-то меры.

По-видимому, первым фараоном, решившимся порвать с древней традицией, был Тутмос I, третий по счету в XVIII династии. Однако доподлинно неизвестно, кому именно пришла в голову эта мысль: самому фараону или его архитектору и писцу Инени, надсмотрщику над работами в некрополе. Речь идет о том самом набожном «джентльмене», чью надпись мы приводили в предыдущей главе. «Я один надзирал за рытьем гробницы его величества в глубине горы, — писал он. — Никто ничего

не видел, никто ничего не слышал... Я достоин хвалы на многие годы за мою мудрость...»

Выбранное им место находилось в амфитеатре среди скал, и приблизиться к нему можно было только по узкой тропе на дне ущелья, которая огибает некрополь с северо-запада, а затем поворачивает на юг и лишь тогда приводит в Долину царей. «Хотя ее отделяет от кипучей Пильской долины только гряда скал, кажется, что она бесконечно далека от всего живого и по-неземному бесплодна, как мертвое поле подземного царства или кратер в лунных горах».

Даже сегодня в разгар сезона, когда Долина кишит туристами, сопровождаемыми драгоманами, она не теряет своей таинственности, а по вечерам, когда последние посетители поспешно возвращаются в гостиницы, вечное обиталище фараонов вновь обретает безмолвие и древнее величие. Над погруженной в тень глубокой долиной поднимается Рог. Древние египтяне верили, что там обитает страшная богиня-змея Меретсетрет, «Та, которая любит молчание». Глядя на этого одинокого часового, позлащенного лучами заката, невольно вспоминаешь древний текст:

Остерегайся богини Западной Вершины! Она разит внезапно и без предупреждения.

Начиная с Тутмоса I все фараоны XVIII, XIX и XX династий приказывали высекать себе гробницы в Долине царей, и каждый стремился переполюбить в великолепии своих предшественников. Вначале главной целью было соблюсти тайну места захоронения. Гробницы первых фараонов XVIII династии, Тутмоса I, Тутмоса III, Аменхотепа II и царицы Хатшепсут, расположены в глухих, таинственных уголках, вход в них невозможно было заметить. Но, когда увидели, что и эти предосторожности не спасают от грабителей гробниц, которым наверняка помогали подкупленные чиновники и стража, о скрытности погребений перестали заботиться. Во времена XIX династии Рамессиды — так называли ее правителей, потому что большинство из них носили имя Рамсес, — открыто и дерзко строили свои гробницы по обеим сторонам долины, прорубали длинные и широкие подземные галереи, уходившие на многие метры в глубь скал, а в отношении защиты своих останков отныне уповали на тайные усыпальницы и массивные гранитные саркофаги. По другую

сторону цепи скал, фасадом к Нилу, возводили большие заупокойные храмы тех самых фараонов, чьи тела покоились в долине: знаменитый Рамессеум, храмы Сети I, Аменхотепа III, и расположенный на террасах храм Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри. Души усопших владык теперь должны были проходить сквозь горный хребет, чтобы принимать жертвоприношения в храмах, однако это, по-видимому, теперь не считалось таким уж большим неудобством.

«Наверное, было время, — пишет Бейки, — когда в этой пустынной долине сосредоточилось больше сокровищ — чистого золота и уникальных произведений искусства, — чем в любом другом месте на земле. Однако маловероятно, чтобы они сохранялись здесь достаточно долго. Сокровища каждой династии вряд ли оставались нетронутыми после ее падения; может быть, несколько лет, не более... Гигантские пирамиды Древнего царства, сложные лабиринты-ловушки в скромных пирамидах Среднего царства — все оказывалось бессильным перед искусным мастерством египетских грабителей гробниц, переходящим из поколения в поколение».

После XX династии фараонов больше не хоронили в Долине царей. При правлении последних Рамессидов ограбления царских гробниц участились и сделались особенно дерзкими, — об этом нам поведал папирус, где описан судебный процесс над одной из шайек грабителей.

Постепенно Долина царей с ее ограбленными и опустошенными гробницами была заброшена. Могущество фараонов, страх перед богами, уважение к мертвым — все отступило перед всемогущей человеческой алчностью.

Затем пришли греки и римляне. Страбон и Диодор Сицилийский посетили Долину царей, подробно записали свои наблюдения и удалились. Некоторые из их менее щепетильных современников тоже побывали здесь и оставили нацарапанные заметки вроде следующей: «Я, Филастриос из Александрии, пришел в Фивы и увидел... эти гробницы, вызывающие ужас; провел восхитительный день».

Когда в Египте распространилось христианство, копты построили поблизости свои монастыри, а некоторые отшельники жили даже в самих гробницах. Затем вторглись арабские завоеватели, и снова начались лихорадочные поиски погребенных сокровищ. В результате всех этих

нашествий уцелел только один народ — потомки древних египтян. Их былая слава померкла; нищие и покоренные, они жили среди развалин памятников предков, а иногда — в их гробницах. В течение всех этих столетий долина сохраняла свое имя, правда, позже она получила арабское название Бибан-эль-Мулук.

В XVII и XVIII веках в Египет начали проникать бесстрашные авантюристы из Европы. Они добрались до Фив и, рискуя встретить смерть от рук свирепых жителей Гурны, осматривали чудеса Долины царей. Мы уже встречались с Ричардом Пококом, который в 1745 г. «обозрел эти необычайные гробницы фиванских фараонов с превеликим удовольствием», хотя и боялся, что «жители Гурны могут нанести нежелательный визит...» Однако через семьдесят лет началось настоящее вторжение. Расшифровка иероглифов, вновь пробудившийся интерес к Древнему Египту привлекли в Фивы толпы охотников за древностями, и большинство из них предпринимали раскопки в Долине царей. Среди них, разумеется, был Джованни Бельцони. В 1817 г. он обнаружил и откопал множество гробниц, и в том числе погребение Эйе, Ментухерхепеша, Рамсеса I и Сети I. Все они были полностью разграблены еще в глубокой древности: саркофаги, мумии, погребальная утварь — все исчезло. Однако, вскрыв гробницу Сети I, великого воинственного фараона XIX династии, чья империя простиралась от Четвертых порогов Нила до истоков Иордана, Бельцони обнаружил одно из самых великолепных погребений во всей Долине царей.

«Это открытие, — пишет он, — вознаградило меня за все неудачи и тщетные поиски. Я могу назвать тот счастливый день одним из лучших в моей жизни. Это не означает, что удача сделала меня богатым, ибо я не считаю богатых людей счастливыми, [тем не менее он продал саркофаг за 2000 фунтов стерлингов], но она принесла мне такое удовлетворение и наслаждение, какое не купишь за все богатства. Я нашел то, что столь долго и тщетно искали, и теперь могу представить миру новый и уникальный памятник египетской древности, который превосходит все прочие с точки зрения величия, художественного стиля и сохранности: кажется, что его завершили в тот самый день, когда мы сюда вошли. А то, что я обнаружил внутри, доказывает его превосходство над всеми другими памятниками такого рода».

У Бельцони было что-то от ярмарочного зазывалы. Вскрыв гробницу, он целый год перерисовывал настенные росписи и снимал восковые отпечатки с рельефов. Все это он привез в Англию и здесь, в Лондоне, на Пикадилли, построил конию гробницы и назвал ее Египетским залом. В нем в течение нескольких месяцев был выставлен великолепный алебастровый саркофаг; затем его купил сэр Джон Соун и передал в Соунский музей, где его можно видеть и сейчас.

Когда мы осматривали гробницу Сети I, нам вовсе не показалось, что ее «только что завершили», как писал Бельцони. От факелов бесчисленных туристов прошлого века закоптились и потускнели краски настенной росписи, однако в целом гробница производила величественное впечатление. Несмотря на то что это самая большая подземная гробница XIX династии, она сходна по устройству почти со всеми погребениями этого типа, а поэтому ее можно принять за образец царского «Дома вечности» в дни расцвета Египетской империи.

Сети I, сын Рамсеса I, был вторым фараоном XIX династии. Он вступил на трон на тридцатом году жизни, когда мятежные племена бедуинов начали «мутить воду» в Юго-Западной Азии. Энергичный молодой фараон привел свои войска в Палестину, рассеял бедуинов, восстановил порядок, а затем двинулся на север. Он дошел до Ливана и заручился союзом ливанских правителей, которые вот уже полстолетия не видели ни одного фараона во главе своей армии. Позднее Сети I яростно и успешно боролся с ливийцами, врагами Египта на западных границах. Он вновь открыл золотые рудники на юго-востоке и возвел великолепное здание в Карнаке, где рельефы на стене храма прославляют его победы. Сети I правил одиннадцать лет, и все эти годы каменотесы вырубали его великую гробницу, которая, по словам Брэстеда, «уходит в глубь горы чередой наклонных галерей и обширных залов общей длиной сорок четыреста семьдесят футов».

Однако и эту цифру превзошла гробница царицы Хатшепсут, где галереи, залы и переходы тянутся вглубь на 700 футов!

От входа в гробницу Сети I широкий лестничный пролет ведет в глубину горы. У подножия лестницы начинается длинный наклонный коридор с росписью на стенах. Это религиозные символы. Ряды коршунов простирают

над нами свои крылья, и по обеим сторонам символы Амона-Ра в виде диска, скарабея и бараноголового человека. Мы спускаемся дальше по другой широкой лестнице, сопровождаемые рельефами Амона-Ра в самых различных воплощениях, по большей части уродливых и страшных. Холодный воздух, полумрак после яркого солнца долины и бесконечные гулкие галереи со свитой звериноголовых богов заставляют нас почувствовать, что мы входим в Подземное царство.

Спускаемся еще по одному длинному коридору, на стенах которого солнечный бог в своей священной ладье пересекает четвертую и пятую области Подземного царства. В конце этого прохода перед нами разверзается колодец глубиной 40 футов; через него переброшен современный мостик.

Колодец имел двойное назначение: как отстойник для дождевой воды, которая могла попасть в гробницу, и как ловушка для воров. Первоначально коридор за колодцем был замурован, так что казалось, будто единственный путь дальше — в колодец, вниз. Однако грабителей было не так-то легко обмануть. Они перебросили через колодец мостки, взломали стену, пошли дальше и, как и мы, очутились в зале с четырьмя колоннами, с изображениями путешествия бога-солнца. Этот мотив повторяется снова и снова и здесь и в других царских гробницах. За этим залом расположен второй, с двумя колоннами и различными сценами на стенах, но они были только нарисованы и остались незаконченными. Здесь тоже был тупик. Но и на сей раз грабители не дали себя обмануть. Они простукали стены: за левой стеной звук выдавал пустоту. Грабители ее взломали и увидели еще одну лестницу, спускавшуюся дальше в глубь горы. Эта лестница начиналась от уровня пола предыдущего зала с незавершенной росписью, но была завалена и замурована вровень с полом. Мы продолжали спуск.

Казалось, коридорам и лестницам не будет конца, мы спускались все ниже и ниже и наконец оказались в самом сердце горы. Здесь перед нами открылась передняя комната, украшенная изящными рельефами, на которых фараона, теперь уже как равного, приветствовали разные божества: Хатор — богиня любви, Анубис — шакалоголовый бог, покровитель некрополей, Осирис — бог мертвых и Гор, его сын. Еще несколько шагов, и внезапно оказы-

ваемся в огромном квадратном зале, поддерживаемом шестью колоннами, вырубленными из скального массива, а за ним открывается величественный покой с высокими сводами, «Золотой покой», как его называли египтяне, где когда-то покоился сам фараон. На стенах изображена процессия быков и демонов Подземного царства. В этом зале и нашел Бельцони пустой алебастровый саркофаг, с нанесенными на него миниатюрными фигурками и религиозными текстами.

С каждой стороны Золотого покоя открываются другие, меньшие залы с яркой росписью и рельефными изображениями. В них когда-то хранились погребальная утварь, царские троны, ложа, боевые колесницы и ларцы с драгоценностями, инкрустированные золотом и слоновой костью, — сокровища богоравного фараона, которому принадлежали богатства почти всего известного в то время мира.

И все это исчезло. Остался только пустой саркофаг, теперь почерневший от смога Лондона.

Но это еще не конец гробницы. Под Золотым покоем, где стоял саркофаг, еще один коридор спускается сквозь скалу на 300 футов, и лишь там обвалившаяся кровля окончательно преграждает дорогу.

— Среди людей из Гурны, — сказал нам Закария Го-нейм, — есть потомки тех, кто помогал Бельцони. Они вам расскажут, как их предки обманули итальянца. Он думал, что нашел усыпальницу фараона, и они не стали его разубеждать. А на самом деле настоящая усыпальница находится еще глубже, в конце вот этого прохода.

Он выразительно пожал плечами.

— Этот ход, несомненно, ведет куда-то дальше. Возможно, в свое время он проходил сквозь всю гору и соединялся с заукокойным храмом Сети на другом склоне. Может быть, когда-нибудь мы это узнаем.

Хотя в Долине царей не найдется и двух одинаковых гробниц, все они по общему плану напоминают самую большую и сложную гробницу Сети I. Повсюду многочисленные наклонные коридоры соединяются лестницами, колодез, замурованные проходы и потайные спуски, чтобы обмануть грабителей. И наконец, во всех гробницах есть усыпальница с саркофагом и примыкающими комнатами для погребальной утвари. Однако, если царские гробницы в общем похожи одна на другую, все они имеют

одно существенное отличие от гробниц знати, описанных в предыдущей главе. В них нет изображений сценок повседневной жизни.

Простой смертный, будь то аристократ, купец или горожанин, надеялся обрести за гробом те же самые радости, которыми он наслаждался при жизни. Он не мог себе представить иную форму существования — разве что лучший вариант земных удовольствий: удачную охоту, рыбную ловлю, богатый урожай и изобилие всякого добра. Правда, ему еще предстояло явиться в Зал суда Осириса, где его сердце взвесят на весах, и бог истины Тот с головой ибиса запишет приговор. Но перед тем как предстать перед Осирисом, ему придется пройти испытание: разные боги будут задавать ему коварные вопросы, разные демоны встанут на его пути, и всех их нужно либо перехитрить, либо умиловить. Однако ко времени Нового царства жрецы сочинили подробные и сложные книги магических заклинаний, своего рода учебники «адской географии», с помощью которых душа могла безбоязненно пуститься в опасное путешествие через Подземное царство. В этих книгах каждый находил все вопросы, которые ему могли задать, и правильные ответы на них.

Эти свитки папируса с описанием сцены суда и оправдательного приговора жреческие писцы продавали любому, кто мог за них заплатить. В одном варианте они назывались «Книга о том, что в Дуате» (Подземном царстве). В другом — «Книга Врат». В них описывались все двенадцать частей, или областей, Дуата, через которые проплывает ладья солнечного бога, с разделяющими их вратами или порталами. «Книга о том, что в Дуате» составлена из заклинаний, начертанных внутри гробов Среднего царства. Этот плод жреческой фантазии уводил развитие египетской религии на сомнительную дорожку. Древний культ Осириса при всей его примитивности и грубой простоте содержал этический элемент. Существовало так называемое «негативное исповедание», в котором усопший утверждал: «Я никогда не брал того, что принадлежало другому... Я никогда не вымогал у другого его достоинства... Никогда не внушал страх другому из-за того, что был сильнее, чем он...» А иногда и позитивные утверждения: «Я давал хлеб голодному и одежду нагому...» Подобного рода моральные принципы подрывались в самой

основе, если стало возможным просто купить свиток заклинаний и вместе с ним засунуть всех богов себе в карман.

Во времена Нового царства придворные и простые горожане, вписав в магический свиток на нужном месте свое имя, не расставались с ним и после смерти: эти свитки укладывали вместе с мумией или в специальные ниши в гробницах. Таким образом покойный надеялся обеспечить себе благополучие в потустороннем мире. И, уверенный в благоприятном исходе адского судилища, приказывал изобразить на стенах своей гробницы сцены, где отражалось его положение в обществе и земные радости, на которые он рассчитывал и в загробной жизни.

С царями все обстояло иначе. Фараон сам был богом, сыном Амона-Ра, и ему незачем было повторять свою земную жизнь. На стенах царских гробниц мы не находим сцен охоты или рыбной ловли, пиршеств и увеселений. Единственное исключение — это гробница Эйе, но он был не из царского рода и даже не очень высокого ранга. Он был жрецом, захватившим власть после смерти фараона-мальчика Тутанхамона, и в гробнице его любопытно перемешались мотивы разностильной росписи: тут и бытовые сценки и ритуальные, где фараон появляется в окружении богов.

Однако во всех других царских гробницах на стенах коридоров начертаны только заклинания из «Книги о том, что в Дуате» и «Книги Врат». Они описывают путь священной ладьи бога-солнца через двенадцать областей Подземного царства, соответствующих двенадцати ночным часам. Фараон, будучи богом, надеется, что солнечный бог возьмет его в свою ладью и что вместе с ним он благополучно пересечет ужасное Подземное царство, где таятся создания Ада, поджидая неосторожную душу, которой неведомы спасительные магические слова. Фараон надеется, что, когда он пересечет Дуат, он будет каждое утро возрождаться вместе с Ра и проплывать с ним в его ладье по небосводу.

Эти две книги скомпилировали фиванские жрецы, рассчитывая утвердить всемогущество своего бога Амона-Ра. Однако более древний культ Осириса слишком глубоко укоренился в сознании народа, а потому его пришлось включить как бога мертвых в новую, пересмотренную теологию. Он продолжал царить в одной из областей Дуата.

и даже сам Амон-Ра не мог пересечь ее без помощи «могущественных слов».

Постараемся понять символический смысл таких огромных гробниц, как Сети I, с точки зрения религиозных убеждений. Длинные коридоры, соединенные лестницами, по-видимому, представляли различные пещеры или области Подземного царства, а вся погребальная церемония символизировала путешествие, которое должен был совершить через них покойный фараон. Очевидно, это был внушительный обряд, когда жрецы с песнопениями медленно несли на плечах царский гроб из комнаты в комнату, а другие жрецы изображали добрых духов или злых демонов, которые помогали или мешали процессии.

Вот один из примеров тех вопросов, на какие должен был ответить усопший. Правда, они взяты из более древней «Книги мертвых», но они типичны и для поздних книг. Перевод дается в интерпретации сэра Питера Лепижа Ренуфа и сэра Уиллиса Баджа.

Фараон дошел до Зала Суда и обращается к своим богам-хранителям:

Фараон: Приветствую вас, боги. Я знаю вас и знаю ваши имена. Не поражайте меня ударами, не говорите о сокрытом во мне зле, своему богу, которому вы служите...

Вопрошающий: Кто ты, скажи! Как твое имя?

Фараон: Тот, кто растет под Травой и пребывает в Оливковом дереве,— вот мое имя.

Вопрошающий: Проходи.

Фараон: Я прохожу на место к северу от Оливы.

Вопрошающий: Что ты там видишь?

Фараон: Я вижу бедро и ногу.

Вопрошающий: И что они говорят тебе?

Фараон: Что я увижу, как меня приветствуют там, в земле Фехку.

Вопрошающий: Что они принесли тебе?

Фараон: Пламя огня и столн хрустальный.

Вопрошающий: Что сделал ты с ними?

Фараон: Я похоронил их на берегу озера Маит как Пищу для Вечера.

Вопрошающий: А что сделал ты с пламенем огня и со столном хрустальным после того, как твои руки погребли их?

Фараон: Я оплакал их, простер свои руки, и разбил столц, и сделал сосуд.

Вопрошающий: Ты можешь теперь войти сквозь дверь в Зал Суда, ибо ты знаешь нас.

Вдоль стен коридоров шествует вереница страшилищ, которые, подобно сюрреалистической живописи, словно

возникли из глубин подсознания. Между ними плывет ладья солнечного бога с его божественной свитой, а на берегах Подземной реки таятся демоны и чудовища из доисторического Египта.

Вот еще один отрывок из «Книги мертвых», который называется «Познание пилонов в доме Осириса в саду Аарру».

...Пятый пилон; пламя, владычица слов власти, дающая радость тому, кто к ней обращается с мольбами, та, к кому никто на земле не смеет приблизиться. Имя привратника: Усмиряющий мятежников...

...Восьмой пилон; сжигающее пламя, чей огонь ненасытен; та, у кого сжигающее сердце, кто простирает руки и разит беспощадно...

...Четырнадцатый пилон; владычица ужаса, кто пляшет на нечистом, в честь которой празднуют праздник Хакер, в день, когда раздают вопли...

...Пятнадцатый пилон; средоточие зла, с красными волосами и глазами, та, кто выходит из ночи, кто окружает своих врагов, кто возлагает свои руки на бога, чье сердце недвижимо в его час (опасности).

...Восемнадцатый пилон; та, кто любит огонь, кто чистит свои ножи, кто любит отрезать головы, долгожданная, владычица дворца, кто убивает врагов своих на закате...

До сих пор встречаются люди, которые приписывают этой бессмыслице какое-то мистическое значение, но вряд ли его улавливали даже египтяне времени Нового царства. Скорее всего, эти непонятные заклинания были составной частью сложного ритуала, с помощью которого египтяне надеялись прогнать враждебные силы, чтобы те не мешали им в загробной жизни. Сами слова не имели значения. Важен был результат, как в комбинации, открывающей сейф. Перечитайте их снова! Разве они не напоминают ночные кошмары детства или страшные «волшебные сказки», в которых, по мнению психологов, всплывают смутные обрывки далекой предыстории человечества? Росписи гробниц в Долине царей созданы три тысячи лет назад, но они открывают окно в такое далекое прошлое, что по сравнению с ним сами они кажутся современными. В них сохранились пережитки невообразимо древней эпохи, когда в Нильской долине еще не было и зачатков цивилизации. В том далеком мире дикие предки древних египтян жили в постоянном страхе, окруженные враждебными силами, которые нужно было перехитрить магиче-

скими заклинаниями или умиловить человеческими жертвоприношениями.

— Что ты там видишь?

— Я вижу бедро и ногу...

Нет ли в этих словах зловещей связи с додинастическими могилами в Нагадэ, где Питри нашел странно расчлененные тела?

Глава IX

ЗАБЫТЫЕ ФАРАОНЫ

«...Но оказалось, что они были разграблены еще в древности».

Как часто эта короткая горькая фраза встречается в отчетах современных археологов! Они мечтают найти нетронутые погребения. Порой им кажется, что они уже достигли цели: первоначальный вход цел. Надежды их возрастают, но лишь до того момента, когда они добираются до центрального покоя и видят, что грабители уже побывали здесь, через другой подземный ход.

Найти гробницу, в которой никто еще не был, — редкая удача, но археологи мечтают о ней, ибо она может вознаградить их за все предыдущие разочарования. Мы помним рассказ профессора Ньюберри о том, как он вошел в одну из фиванских гробниц, оказавшуюся вне поля зрения грабителей, и увидел на пыльном полу следы ног того, кто последним покинул ее три тысячи лет назад.

Приведем один замечательный отрывок из книги Говарда Картера «Гробница Тутанхамона»: «На какое-то мгновение время, как один из факторов человеческой жизни, перестало существовать. Три тысячи, четыре тысячи лет могли пройти здесь, и все же мы видели вокруг следы недавней жизни: наполовину заполненную чашу с известковым раствором у самой двери, только что контивший светильник, прощальные венки у порога, — и казалось, это было только вчера! Даже воздух в гробнице не изменился за многие века и был такой же, каким дышали те, кто вносил сюда царскую мумию для вечного упокоения...»

Однако подобные романтические чувства не свойст-

венны ориенталистам. До возникновения европейского культа египетских древностей сами египтяне взламывали гробницы с единственной целью: взять из них золото, серебро и драгоценные камни. Эта узость их интересов иной раз выручала археологов: грабители зачастую оставляли предметы высокохудожественной ценности, которые не котировались на рынке.

Но в общем сокровища гробниц очень сильно пострадали, особенно мумии, из-за драгоценных украшений. И такие ограбления были неизбежны: их обуславливали сами обычаи египтян. Захороненные под землей богатства не могли не притягивать решительных и дерзких воров. Например, в Фиванском некрополе страже приходилось оберегать не только гробницы знати, но даже погребения фараонов и их жен от слишком предприимчивых грабителей, которыми были в основном строители того же некрополя. Эти люди строили гробницы и знали, что в них находится. Они объединялись в шайки, подкупали стражу и чиновников, проникали в подземные усыпальницы, вскрывали саркофаги, взрезали погребальные пелены мумий и уносили все ценные предметы.

Пока власть фараонов была сильна, царские погребения находились в относительной безопасности. Но при слабом правлении дерзкие ограбления могил учащались. Мы знаем, что во времена царствования Рамессидов XX династии грабители уже начали посягать на пирамиды фараонов XI династии на восточном, обращенном к Нилу склоне Фиванских холмов. Благодаря счастливой случайности сохранился папирусный свиток того периода, рассказывающий о судебном процессе над шайкой таких грабителей и попутно — о любопытной политической интриге. Сама история о том, как были найдены и восстановлены две части этого папируса, вошла в анналы романтической египтологии.

Первая часть папируса, вывезенная из Египта лет сто назад, принадлежала некоторое время лорду Амхерсту Хакнейскому и называлась Папирус Амхерст. Но этот папирус был неполным: сохранилась только его нижняя половина. Арабские охотники за древностями, когда находили папирус, зачастую разрывали его на части и продавали по отдельности, чтобы заработать побольше.

Но в одно прекрасное утро в феврале 1935 г. в брюссельский Королевский музей искусства и истории пришел

уважаемый бельгийский ученый Ж. Капар. Он пожелал ознакомиться с египетскими древностями, частью королевской коллекции, пожалованной музею. Их вывез из долины Нила в шестидесятых годах прошлого столетия бельгийский король, тогда еще герцог Брабантский. Собрание это на первый взгляд, по словам Капара, ничем не отличалось от обычного набора египетских древностей, какие привозили тогда богатые путешественники: несколько бронзовых фигурок, статуэток из фаянса, сосудов и тому подобное. Среди этих предметов Капар нашел деревянную погребальную статуэтку с именем Хеви, главного надсмотрщика за работами и царского писца в храме фараона.

Подобные фигурки часто бывают полыми, и внутри, как правило, лежат погребальные тексты. Поэтому Капар вовсе не удивился, когда нашел папирусный свиток в этой статуэтке. Естественно, он подумал, что это обычный погребальный папирус, и даже не удосужился развернуть его до полуденного завтрака. О том, что произошло после завтрака, лучше расскажет он сам: «Я начал поднимать верхний листок свитка кончиком перочинного ножа. Читатель поймет, с каким непередаваемым чувством прочел я на радость всем нам дату: „Шестнадцатый год Рамсеса Девятого“, т. е. 1126 г. до н. э. Этот год запечатлен в анналах египтологии. Им датирован знаменитый папирус Абботт, хранящийся в Британском музее с 1857 г.».

Далее Капар описывает, как он уложил папирусный свиток на влажную промокательную бумагу и на отслоившемся верхнем листке опознал картуш с именем фараона Сехемра-шедтауи, сына Ра Себекемсафа. Капар срочно послал в библиотеку за монографией о папирусе лорда Амхерста, изданной профессором Ньюберри. В ней было факсимиле папируса Амхерст.

«Можно себе представить, как я был удивлен, вернее, поражен, когда с первого же взгляда на страницы каталога увидел, что нижняя часть найденного мною папируса точно подходит к верхней части папируса Амхерст и что там, где в папирусе Амхерст недоставало иероглифов, папирус, который мы развертывали, восполняет недостающие знаки».

Так, почти столетие спустя счастливый случай позволил соединить две части необычайно ценного документа. Благодаря ему мы смогли прочесть рассказ об ограблении

гробниц во времена XX династии и о последовавшем за этим процессе.

Папирус Абботт из Британского музея рассказывает первую часть истории. Папирусы Леополяда II и Амхерст дополняют ее. Двумя главными участниками этой драмы были градоначальник Фив Песиур и его соперник, правитель западной части города Певеро, который отвечал за сохранность царских погребений. По всей видимости, Песиур оповестил власти о том, что некоторые гробницы в Долине царей вскрыты и осквернены. Он это мог сделать по двум причинам: из верноподданных чувств к фараону или из-за личной вражды с Певеро. Во всяком случае, последний немедленно сделал ответный шаг и создал комиссию, чтобы обследовать гробницы и доложить об их состоянии. Папирус Абботт содержит доклад этой комиссии, которая установила, к несомненной радости Певеро, что большая часть гробниц цела. Но далеко не все:

Пирамида-гробница фараона Сехемра-шедтауи, сына Ра Себексафа. Установлено, что она осквернена грабителями, прокрадывшимися к ней ход... из внешнего покоя скальной гробницы Небамона, управляющего житницами фараона Менхепerra. Царская усыпальница пуста, так же как и усыпальница великой царской жены Нубхаас, его супруги,— грабители наложили свои руки на их тела. Везир, знатные люди и придворные сановники расследовали это дело и обнаружили, как они проникли в покои царя и его супруги.

Песиур выдвинул и другие обвинения против разграбления гробниц в Долине царей, известной в те времена под названием «Вместилище Прекрасного». Он даже назвал имена грабителей. И вот на следующий день, «день девятнадцатый», комиссия собралась для осмотра гробницы царицы Нубхаас, прихватив с собой подозреваемых, среди которых был кузнец-медник Пеихар.

Далее в папирусе Абботт говорится:

...Тогда везир и правитель повелели привести медника к гробницам, как пленника в оковах и с завязанными глазами, и вернуть ему зрение только перед ними. И тогда сановники сказали ему: «Подойди перед нами к гробнице, откуда, по словам твоим, ты взял эти вещи». И медник перед глазами сановников подошел к гробнице одного из детей фараона Усермара Сетпенра, Великого бога, где не было погребения и которая оставалась открытой, а также к дому рабочего из некрополя Аменомонна, сына Хеви, со словами: «Вот места, где я был!»

После сурового «расследования» в Долине царей несчастный медник якобы сказал: «Клянусь болью от ударов

и тем, что отрежут мне нос и уши и посадят на кол, если я знаю какое-либо другое место среди этих гробниц, кроме той, открытой, и кроме дома, что я указал».

Обрадованные результатами этого расследования, друзья Певоро переправились через Нил в Фивы и устроили целое шествие, чтобы досадить Песиуру. Они встретили градоначальника около храма Птаха в Карнаке, и тут произошел скандал. В папирусе Абботт мы можем прочесть подлинные слова, которыми обменивались противники во время этой ссоры три тысячи лет назад: «Вы насмехались надо мной у самого порога моего дома! — вопил Песиур. — Что все это значит? Я князь, сообщающий обо всем повелителю! И если вы радуетесь из-за гробниц, которые нашли нетронутыми, — кричал он, стараясь заглушить насмешки, — то все равно фараон... Себекемсаф был осквернен и вместе с ним Нубхаас, его царственная супруга!..»

Усерхенеш, надзиратель над рабочими некрополя, отрицал это, утверждая, что «все фараоны, их царственные супруги, их царственные матери и царственные дети... не потревожены... По мудрому повелению фараона, их сына, [гробницы] строго охраняют и осматривают».

«Дела ваши опровергают ваши слова», — сердито ответил градоначальник и выдвинул пять серьезных обвинений, за которые «следует отрубить руки либо наказать еще строже». Об этом он собирался доложить «повелителю моему, фараону, дабы тот прислал своих слуг, чтобы расправиться с вами».

Прослышав об этой угрозе, Певоро придумал ловкий ход. Он уведомил везира, первого министра, Хаемуасе о намерении Песиура донести фараону о «неких серьезных обвинениях», прекрасно понимая, что везир в своих собственных интересах предпочел бы всю эту историю забыть. Два дня спустя состоялся суд, но на нем рассматривали вопрос только о тех гробницах, которые не были вскрыты. Таким образом, Певоро, несомненно, хотел оставить Песиура в дураках и отвлечь внимание судей от того факта, что ряд гробниц, и в том числе гробница фараона Себекемсафа, все-таки были ограблены. Песиур присутствовал на этом суде, но вынужден был молчать и выслушивать везира.

Все предыдущее описано в папирусе Абботт. Папирус Монопольда II — Амхерст, как его теперь называют, рас-

сказывает о процессе над грабителями, осквернившими гробницу-пирамиду фараона Себекемсафа. На суде присутствовал сам главный обвиняемый Певоро. Самое интересное в этом документе — показания некоего «Амонпануффера, сына Анхернахета, каменщика в доме Амона-Ра, царя всех богов».

Он начинает с дерзкого признания: «Обычно мы обворовывали гробницу с каменщиком Хапиуром, сыном Менептах». И далее: «Когда начался год тринадцатый правления фараона, нашего повелителя, — это было четыре года назад, — я сговорился с плотником, Сетекнахтом... маляром, Хепи... землепашцем, Аменемхебом-плотником, Ирамуном-водоносом, Хамуасом... и с лодочником градоначальника Фив, — всего их было восемь человек».

Тут везир задает вопрос:

«Расскажи, как ты смог ограбить гробницу этого бога».

«Ну, — отвечает Амонпануффер. — Мы пошли грабить гробницы по обыкновению и увидели, что пирамида Сехемра-шедтауи, сына Ра Себекемсафа, вовсе не походит на пирамиды и гробницы знатных людей, которые мы обычно обворовывали».

В этой фразе есть намек на то, что в те времена грабители только начали добираться до царских усыпальниц Фиванского некрополя.

Амонпануффер продолжает далее рассказывать, как он со своими сообщниками с помощью медных инструментов проложили себе путь внутрь пирамиды:

Мы прорыли ход сквозь щебень... и увидели бога, который лежал на спине в месте его упокоения. И мы нашли место упокоения Нубхаас, его супруги, расположенное рядом... Мы открыли их саркофаги и их гробы, в которых они покоились, и увидели священную мумию этого фараона с его мечом. Множество амулетов и золотых драгоценностей было на шее его, и золотая диадема была на нем. Священная мумия фараона вся была обложена золотом, и гробы его были обиты золотом и серебром внутри и снаружи, и все изукрашены всевозможными драгоценными камнями.

Мы собрали золото, которое нашли на священной мумии бога... и также собрали все, что нашли на ее [царицыной] мумии, и подожгли их гробы. Мы взяли их утварь... из золота, серебра и бронзы и разделили между собой... Потом мы переправились [через реку] в Фивы. А через несколько дней правитель Фив прослышал, что мы грабили на западе, и меня схватили и привели в тюрьму градоначальника Фив. И тогда я взял двадцать *дебенов* золота, которые достались на мою долю, и отдал их Хаемене, писцу из квартала пристаней города. Он отпустил меня, и я встретился со своими товарищами, и они отдали мне часть добычи, чтобы я ни о чем

но жалел. Так я вместе с другими продолжал до сего дня грабить погребения знатных и простых людей нашей земли, чьи тела покоятся на западе Фив. И многие грабят их так же, как мы.

В конце папируса изложен приговор грабителям и донесение, посланное фараону.

Для нас признание каменщика Амонпануфера является самым поразительным и волнующим документом, который дошел до нас из древности. Каждый, кто побывал в усыпальницах египетских фараонов, наверняка помнит, что даже самых искушенных современных туристов там охватывает чувство благоговения. Представьте, что же ощущали Амонпануфер и его семь сообщников, зная об ожидающей их страшной каре, если их поймут, но еще больше страшась праведного гнева фараона, гробницу которого они оскверняли! Ибо для них он был богом. В мерцающем свете факелов они видели на стенах усыпальницы нарисованные и высеченные фигуры демонов и страшных богов Подземного царства, которые уже были спутниками и покровителями усопшего фараона. Наверное, кое-кто из грабителей колебался; алчность и отчаяние боролись со страхом, а самый дерзкий насмешками воодушевлял слабодушных. А потом... гулкие удары медных молотков, сброшенные крышки саркофагов, вскрытые тройные гробы, разодранные погребальные пелены... И наконец, дым и чад от горящих мумий, покрывающие копотью священные писмена... И воры, уползающие сквозь прорытый ими ход, стараясь не растерять золотые и серебряные украшения, содранные с царских трупов.

Это достопамятное ограбление произошло в царствование Рамессидов XX династии. Но позднее, во времена правления слабых фараонов XXI династии, грабители совсем обнаглели и принялись за саму Долину царей. Жрецы некрополя, по-видимому, были бессильны защитить погребения даже великих фараонов, чьи имена и свершения еще жили в памяти народа. Гробницы грабили одну за другой, хотя бывало и так, что грабителей хватало, прежде чем они успевали завершить свое дело. В таких случаях жрецы некрополя снова заворачивали мумии в погребальные пелены и укладывали в гробы, доставляли новые украшения и погребальную утварь и вновь замуровывали гробницы. Но рано или поздно грабители брали свое. Кончалось тем, что жрецы отказались от мысли сохранить все гробницы. Их было слишком много, а стра-

жей некрополя, по всей видимости, слишком мало. Главной их целью стало сохранение царственных мумий, ибо с их уничтожением исчезала всякая надежда на благополучную загробную жизнь усопших фараонов. Но где найти такое место, чтобы его не отыскиали грабители? В конце концов жрецы кое-что придумали.

Поскольку все должно было остаться в полной тайне, эту операцию наверняка совершили в ночное время, и возможно, за одну ночь. Все царские мумии извлекли из их тайных усыпальниц и перенесли в Долину царей. Здесь их разделили на две группы. Меньшая, состоявшая из тринадцати мумий, была спрятана в гробнице Аменхотепа II. Остальные тридцать шесть мумий фараонов, их жен, принцев и принцесс перенесли через перевал на западную сторону, туда, где Фиванские горы образуют серию естественных амфитеатров. В одном из них, на дне глубокой расщелины, была вырублена в скальном грунте шахта глубиной 30 футов с отходящей от нее горизонтальной галереей и продолговатым покоем в конце. Туда, в последнюю тайную усыпальницу, опустили царственные останки, пронесли по длинной галерее и сложили в подземной камере, где они едва уместились. Вход в усыпальницу замуровали, и еще до рассвета жрецы и их помощники разошлись, чтобы больше сюда не возвращаться.

В то время они не знали, что их последняя уловка удалась. Тайна этого захоронения умерла вместе с ними. Царские останки, которые они спрятали, пролежали петрогутыми три тысячи лет.

Это тайное погребение было обнаружено только в 1871 г. потомками древних грабителей гробниц. Нашел его Ахмед Абд аль-Расул из Эль-Гурны, который был еще жив в начале нашего столетия. Профессор Перси Ньюберри знал его лично и рассказал мне, как Ахмед нашел фараонов.

Вместе со своим старшим братом Мохаммедом и одним пришлым арабом Ахмед вел кое-какие незаконные раскопки среди Фиванских холмов и совершенно случайно наткнулся на эту шахту. Ахмед вызвался ее обследовать. Его спустили на веревке вниз, и там он обнаружил замурованный вход. Проломив его, он вошел в усыпальницу, заполненную мумиями. Ахмед сообразил, что об этой находке ни в коем случае нельзя говорить чужому человеку, иначе о ней узнают все жители Эль-Гурны. Он бросился к

основанию шахты, позвал своих спутников и крикнул им, чтобы его скорее вытаскивали: он увидел в шахте *афри-га* — злого духа! И они поторопились уйти.

Чтобы еще более сохранить свою тайну, Ахмед той же ночью вернулся к шахте с осликом, убил его и сбросил вниз. *Афритов* всегда узнают по дурному запаху, и через несколько дней никто не усомнится, что здесь обитают эти злобные демоны. Затем, уловив момент, Ахмед снова спустился в шахту, вытащил труп осла и произвел более тщательный осмотр усыпальницы. Он увидел, что на мумиях были картуши и царские *уреи* (кобры) на головах.

«Фиванские раскопщики, — писал Масперо в своей книге „Мумии фараонов“, — давно уже знали, что это — символы царской власти. И наш приятель слишком хорошо знал свое ремесло, чтобы ошибиться. Он сразу понял: счастливый случай привел его к усыпальнице, заполненной мумиями фараонов. Подобного никто еще не встречал на памяти людей, но эту находку при всей ее ценности трудно было продать. Слишком много тяжелых гробов. Понадобилось бы немало рабочих рук, чтобы их вытащить из колодца, пришлось бы ставить над входом в него помосты с перевками и блоками, которые бы сразу привлекли к себе внимание».

Обсудив все это, семейство Абд аль-Расула решило пока не трогать мумии, а ограничиться продажей мелких предметов, которые нетрудно вынести тайком. Для начала они взяли множество погребальных статуэток, несколько скарабеев, каноп, фигурки Осириса и с полдюжины погребальных папирусов. Каждую зиму они продавали туристам часть своей добычи, и именно это в конце концов навело Службу древностей на их след. Но к тому времени прошло уже несколько лет.

В 1881 г. хранителем Каирского музея стал Гастон Масперо, пожалуй, самый выдающийся из ученых, занимавших этот ответственный пост. По предметам, появившимся в том году на рынке древностей, — все они относились к периоду XXI династии — он определил, что местные жители нашли одну или несколько гробниц этой эпохи. Началось расследование, и после долгих и терпеливых поисков некоторые предметы привели к Ахмеду Абд аль-Расулу, его брату Мохаммеду и некоему Мустафе Ага Айяту, чиновнику консульства в Луксоре, представлявшему интересы Великобритании, Бельгии и России. Мустафу Айя-

та невозможно было привлечь к суду, поскольку он пользовался дипломатической неприкосновенностью, но Ахмеда Абд аль-Расула сразу же арестовали. Масперо и помощник хранителя музея Эмиль Бругш сами допрашивали Ахмеда, однако безуспешно.

«Абд аль-Расул отрицал все предъявленные ему обвинения, несмотря на единодушные показания туристов. Действия его подпадали под статьи законов Османской империи, а именно: тайные раскопки, запрещенная торговля папирусами и погребальными статуэтками, вскрытие гробов и продажа произведений искусства, принадлежащих Египетскому государству... Мы использовали все: уговоры, угрозы, денежные посулы, но ничто не помогало».

Одной из причин упорства Ахмеда было то, что Мустафа Ага Айят убедил его и его сообщников, будто под его покровительством они могут не бояться местных чиновников. Масперо подметил, что Ахмед неоднократно подчеркивал, что он слуга Мустафы и живет в его доме. Именно таким образом этот консульский агент ухитрился забрать в свои руки большую часть торговли фиванскими древностями. Тем не менее Ахмеду вскоре пришлось горько разочароваться: его передали для дальнейшего следствия местной полиции. Тогдашний «мудир», турецкий губернатор провинции, славился своей суровостью. Даже через много лет Ахмед еще показывал профессору Ньюберри шрамы на подошвах своих ног.

Через два месяца допросов Ахмед вернулся домой озлобленным и сломленным человеком. Он не выдал тайны гробницы, но за это потребовал от Мустафы большей доли от продажи ее сокровищ. Сначала он получал пятую часть. Теперь же требовал половину и грозился в случае отказа рассказать обо всем властям. Между братьями и их сообщниками начались ссоры и свары. Почувствовав, что тайна вот-вот выплывает наружу, Мохаммед решил взять дело в свои руки. 25 июня он сам явился к «мудиру» и сказал, что знает все относительно гробницы.

Масперо был в то время в Париже. Помощник хранителя музея Эмиль Бругш, получив известие от «мудира», немедленно выехал из Каира в Кены, и там 4 июля ему вручили часть древних предметов, предусмотрительно отобранных Мохаммедом Абд аль-Расулом. В их числе были четыре капоны царицы Яхмес Нефертари и три погребаль-

ных папируса других царей. Воодушевленные таким началом, Эмиль Бругш и его спутники отправились в Дейр-эль-Бахри. Их проводником был Мохаммед Абд аль-Расул. В разгар удушающей июльской жары, когда все археологические работы обычно прекращаются, экспедиция проникла в узкую расщелину, и Бругша спустили на веревках в шахту. То, что он там увидел, предоставим рассказать ему самому.

После того как он с трудом прополз по узкому коридору, загроможденному гробами, и проник в главную усыпальницу, он увидел, что: «...все пространство... было завалено гробами и всевозможными предметами. Я был настолько потрясен, что не понимал, явь это или сон. Опустившись на какой-то гроб, я машинально взглянул на крышку и отчетливо увидел имя фараона Сети I, отца Рамсеса II... в нескольких шагах от него в простом деревянном гробу лежал со скрещенными на груди руками сам Рамсес II, великий Сезострис. Чем дальше я продвигался, тем больше сокровищ открывалось моим глазам: здесь лежал Аменхотеп I, там — Яхмес, дальше — три Тутмоса, царица Яхмес Нефертари... все мумии в полной сохранности, — всего тридцать шесть гробов, и в каждом — останки царей или царей, принцев или принцесс...»

Разумеется, мумии лежали не как когда-то в своих золотых гробах, потому что многие из них были ограблены и вновь захоронены еще в древности. На их пеленах жрецы оставили таблички, где указывалось имя усопшего, а также время и места предыдущих захоронений до того, как мумию перенесли в эту последнюю усыпальницу. Например, место захоронения Рамсеса III меняли три раза.

«Эти последовательные записи, — пишет Брэстед, — по которым можно проследить, как мумии переносили из гробницы в гробницу в тщетной надежде найти безопасное место, являются, пожалуй, самым ярким свидетельством унадка той эпохи...»

Однако не все потерянные и забытые фараоны были здесь. Недоставало царицы Хатшепсут, а также фараонов Аменхотепа II, Аменхотепа III и Мернептаха. Отсутствию Мернептаха христиане придавали особое значение, ибо в то время верили, что именно он был тем самым библейским «жестоким фараоном», который во время исхода евреев из Египта был потоплен в Красном море. Однако не

это волновало тогда Службу древностей. Нужно было прежде всего обезопасить вновь найденных фараонов от грабителей. За два дня Бругш очистил шахту. Это был настоящий подвиг! Масперо пишет: «Благодаря усилиям старост и писцов правителя удалось собрать двести рабочих... Сорок восемь часов напряженного труда понадобилось для того, чтобы извлечь все на поверхность, но это было лишь половиной дела. Нужно было перенести драгоценные предметы через Фиванское плоскогорье и переправить через реку в Луксор. Большинство гробов оказались такими тяжелыми, что их с трудом поднимали двенадцатипятнадцать человек. На переход между горами и берегом реки уходило семь-восемь часов... Нетрудно себе представить, что это были за переходы под жгучим июльским солнцем... Три дня спустя прибыл пароход «Эль-Меншийя». Когда погрузка закончилась, он под всеми парами двинулся обратно в Булак [в Каир]».

И тогда случилось нечто непонятное, пожалуй, самое странное во всей этой истории. От Луксора до Куфта по обоим берегам Нила пароход сопровождали феллахи, стреляя вверх из ружей, как это принято на похоронах. Женщины с распущенными волосами шли за пароходом и возносили к небесам плач по мертвым, ритуал, сохранившийся со времен фараонов. Многие из этих людей жили за счет ограбления усыпальниц своих предков, но они были потомками древних египтян, а чужестранцы нашли их царей и теперь увозили. И они инстинктивно пришли на берега Нила, чтобы воздать своим царям последние почести.

Эту историю нам рассказывали неоднократно, но она ожила перед нашими глазами, когда Закария Гонеим привел нас к той самой шахте, где были найдены царские мумии. Уже вечерело. Внизу среди теней лежала пустынная и уединенная долина. Мы присели у входа в глубокую, прорубленную сквозь скалу шахту. Уходящее солнце золотило вершины далеких холмов. Из пустыни доносился вой шакалов.

— До сих пор, — сказал Гонеим, — лишь очень немногие знают об этой шахте. Драгомены обычно показывают другое место, гораздо ниже в долине. Но они ошибаются. Я сам узнал об этом только после того, как изучил старые отчеты.

Мы спросили его, удалось ли найти остальные мумии.

— Да, — ответил Гонейм. — Их нашел в 1898 году меся Лорэ. Он вскрыл гробницу Аменхотепа II в Долине царей и обнаружил там еще тринадцать царских мумий.

— В том числе и Мернептаха?

— В том числе и Мернептаха. Но к тому времени окончательно установили, что это не он был тем самым «жестоким фараоном» из Исхода, так что это открытие не потрясло библейских основ. Интересно другое: Лорэ нашел Аменхотепа II в его собственном саркофаге, и рядом с ним лежал его огромный лук. Аменхотеп похвалялся в своих надписях, что он единственный из всего своего войска мог натянуть этот лук. Кроме того, Лорэ нашел Тутмоса IV и его сына Аменхотепа III, отца Эхнатона.

Кое-кто иногда критикует Службу древностей за то, что царские мумии перевезли в Каир, а не оставили в их собственных гробницах. Однако фактически только два фараона были обнаружены в своих гробницах — Аменхотеп II и Тутанхамон, — там они находятся и по сей день. Но даже это слишком большой риск, ибо искусство ограбления могил еще не умерло, а среди охранников некрополя до сих пор могут найтись люди, желающие поживиться. Так, например, когда Лорэ нашел гробницу Аменхотепа II, было решено оставить мумию фараона в его саркофаге. Три года спустя, 24 ноября 1901 г., ночная охрана гробницы сообщила, что на них напали вооруженные люди, связали всех, ворвались в гробницу, распеленали мумию и унесли погребальную утварь. В то время главным инспектором Службы древностей был Говард Картер. Он сразу поспешил на место происшествия и провел расследование.

Мумию фараона грабители вытащили из гроба и бросили на пол.

«Погребальные пелены, — пишет Картер в своем одиннадцатом отчете, — разрезаны, но само тело не повреждено. Сделал это явно знаток своего дела, потому что пелены разрезаны только в тех местах, где обычно находятся драгоценности. Ладья из передней комнаты похищена, мумия, которая лежала на ней, сброшена на пол и разбита на куски. Я тщательно исследовал пелены царской мумии, чтобы выяснить, хранились ли в них какие-либо драгоценности, но не нашел никаких следов...»

Увы, надежды грабителей не оправдались! Их предки хорошо поработали здесь три тысячи лет назад.

Картер превосходно знал жителей Эль-Гурны. Поэтому он с особым вниманием осмотрел всякие замки гробницы и обнаружил, что они «только с виду в порядке, а на самом деле сомкнуты и закреплены с помощью полосок свинцовой бумаги». Это указывало, что охрана была сообщником грабителей. В самой гробнице Картер нашел на полу отпечаток босой ноги и с помощью «следопыта» обнаружил такие же отпечатки в одном из домов Гурны. Дом принадлежал Солейману и Мохаммеду Абд аль-Расулам. Знакомая фамилия, не правда ли? Были измерены отпечатки ноги Мохаммеда Абд аль-Расула, и они с точностью до миллиметра совпали с отпечатком в гробнице. Но одного этого оказалось недостаточно для суда над ним, и священная ладья так и не была найдена.

Когда мы вернулись в гостиницу Службы древностей, Захария Гонеим кое-что порассказал нам о теперешних жителях Эль-Гурны.

— В начале моей работы в Фивах, — сказал он, — я ненавидел их до глубины души. И старался делать все возможное и невозможное, чтобы спасти древние гробницы от их рук. Но после долгих лет совместной работы я как-то по-своему, помимо моей воли, полюбил их. Многие из них просто ворье, это несомненно, и все же... Понимаете, они единственное живое звено, связывающее нас с древними египтянами. Они прямые потомки бальзамировщиков, ремесленников, художников и скульпторов, которые жили здесь три тысячи лет назад.

Мы спросили, а чем они, собственно, занимаются помимо ограбления могил.

— *Всем, чем угодно!* — воскликнул Гонеим, беспомощно всплеснув руками. — Вы видели, как они осаждали меня перед гостиницей? Они говорят, что нашли какую-то древность, которую я должен увидеть. Нашли, разумеется, совершенно случайно. Что ж, может быть, и нашли, а может быть, и нет. Потому что, если они ничего не находят, они прекрасно могут сделать все сами. Я помню, как во время войны ко мне пришел английский летчик с почти совершенной статуей царицы Нефертити так называемого Амарнского периода в египетском искусстве. Она была превосходно изваяна, просто шедевр. Летчик сказал мне, что купил эту статую за сорок фунтов стерлингов в какой-то лавчонке в Луксоре, и спросил, подлинная ли она. Я осмотрел статую и сказал, что от Амарнского периода

но сохранилось ни одной скульптуры в таком превосходном состоянии. Даже в музеях нет столь совершенных статуй Амарнского периода, а если бы они и были, то стоили бы много тысяч фунтов. Эта Нефертити была подделкой, изготовленной в Эль-Гурне.

Некоторые ремесленники Гурны настолько искусны, что их работы иной раз вводят в заблуждение даже специалистов. Гонейм рассказал нам другую историю, об одном уважаемом английском археологе, который много лет назад вел раскопки в Фиванском некрополе.

Он был богат и хорошо платил своим рабочим, но, несмотря на все его усилия, за долгие месяцы ничего особенного не нашел. Это обеспокоило рабочих. Они рассудили: если эфенди вскоре не найдет ничего стоящего, он потеряет интерес к раскопкам, а они потеряют хорошую работу. Поэтому они решили, что он *должен* что-нибудь найти.

И вот в одно прекрасное утро английский археолог в страшном возбуждении позвал десятника, чтобы тот помог ему очистить от песка некий древний предмет, который он отыскал. Десятник завопил от восторга. Эфенди нашел чудесную статуэтку времен XVIII династии. Остальные феллахи столпились вокруг. Они образовали целую процессию и с песнями и криками понесли статую к гостинице. Воодушевленный этим успехом, археолог продолжал раскопки и, хотя больше не нашел ничего значительного, все же был доволен. Только многие годы спустя некоторое несоответствие головного убора статуи позволило выяснить, что это была подделка, специально зарытая в песок, чтобы англичанин ее нашел.

Обычаи и религиозные верования, унаследованные от древних египтян, все еще живы среди этих людей, так же как отдельные слова древнего языка, которые не услышишь больше нигде в Египте. Например, во времена фараонов считалось, что горная вершина, возвышающаяся над некрополем, была обиталищем богини Мерет-сегрет, «Гой, которая любит молчание». Ее ужасно боялись местные жители, и, возможно, у нее было святилище на противоположном склоне горы. Сегодня на вершине стоит мусульманская гробница, но жители до сих пор оставляют там свои дары, хотя мусульманская религия и не признает жертвоприношений. Народ следует древней традиции: по-прежнему приписит жертвы Западной Вершине.

В жизни местных египтян большую роль играет музыка. Они живут среди останков своих предков, и можно предположить, что им свойственны печаль и меланхолия. Но все обстоит иначе. У них есть песни на все случаи жизни, и в основном это веселые, радостные песни. Это песни весны и урожая, любовные и праздничные песни. Они — отзвуки далекого прошлого, которое все еще живет здесь. Вот песня урожая. Она начинается такими словами:

Зерно созрело и говорит нам:
«Пора, пора собирать урожай!»

В гробнице Менены, похороненного три тысячи лет назад, над росписью с изображениями мужчин и женщин на полях во время уборки начертаны слова песни урожая:

О, мужчины, женщины и дети, радуйтесь, глядя на плоды полей в это время года! Радуйтесь во славу Менены...

Служба древностей строжайше запретила всякие раскопки, помимо тех, на которые выдаются специальные лицензии, и сегодня, по-видимому, это решенная проблема. Охрана некрополя постоянно патрулирует весь район, находящийся под пристальным наблюдением инспектора и его помощников. Однако и теперь жители Эль-Гурны иной раз ухищряются обходить закон. Служба древностей пришла к выводу, что единственный способ предотвратить дальнейшие ограбления — это выселить жителей из их старых домов у подножия горной цепи, чтобы в некрополе остались только сторожа. Когда мы были в Луксоре, власти практически заканчивали строительство новой образцовой деревни для жителей Эль-Гурны на безопасном расстоянии от древних гробниц.

— И все же, — с улыбкой сказал на прощание Го-нейм, — когда мы переселим людей из их глинобитных лагун на склоне холмов в современные дома на равнине, я затрудняюсь сказать, обрадует меня это или огорчит. Древности будут в гораздо большей безопасности, когда эти мошенники уберутся отсюда, но с их уходом оборвется последнее звено, соединяющее нас с трехтысячелетним прошлым, и некрополь поистине превратится в город мертвых.

ВЕЛИЧАЙШЕЕ ОТКРЫТИЕ

В 1817 г., закончив обследование Долины царей, Бельцони писал: «По моему твердому убеждению, в Бибан-аль-Мулуке после моих последних открытий уже не осталось неизвестных гробниц. Прежде чем покинуть это место, я приложил все усилия, чтобы найти хотя бы еще одну гробницу, но не достиг успеха».

Позднее многие археологи вели раскопки в Долине царей: Шампольон, Бертон, Розеллини, Раулинсон, Лепсиус и другие. И они тоже пришли к выводу, что Долина уже вся изучена. Однако в 1898 г. Лорэ нашел в Долине великолепную гробницу Аменхотепа II со множеством царских мумий. Это обнадежило других археологов: значит, здесь еще можно найти неизвестные гробницы. Богатые коллекционеры заинтересовались египтологией и обратились к египетскому правительству за концессиями на раскопки. В 1902 г. такую концессию получил американец Теодор М. Дэвис. Он предоставил средства, однако все работы велись под наблюдением Службы древностей. Руководили раскопками Артур Вейгалл, Эдвард Айртон, Дж. М. Квибелл и один энергичный молодой человек по имени Говард Картер.

Картер пришел в египтологию довольно любопытным путем. Его отец был профессиональным художником-анималистом (искусство, процветавшее в викторианскую эпоху, когда сотни людей стремились увековечить своих домашних любимцев). От отца юный Картер унаследовал талант рисовальщика. В 1891 г. на него обратил внимание профессор Перси Ньюберри, только что вернувшийся из Египта с киндой карандашных прорисовок из гробниц Бени-Хасана. Картер проработал три месяца в Британском музее, обводя эти прорисовки тушью. Он так хорошо справился со своей задачей, что на следующий год Фонд изучения Египта решил послать его вместе с профессором Ньюберри в Египет. Последующие восемь лет Картер целиком посвятил египтологии. Первые свои раскопки он вел под руководством Питри. Затем работал рисовальщиком в археологических экспедициях Ньюберри. А когда в 1899 г. директором Службы древностей в Египте вторично

стал Масперо, он назначил Картера главным инспектором Службы древностей Верхнего Египта и Нубии со штаб-квартирой в Фивах.

Именно в этот период он принял участие в раскопках экспедиции Дэвиса, обнаружившей в 1903 г. гробницу Тутмоса IV. В последующие годы Вейгалл, Айртон и Дэвис нашли другие гробницы, в частности гробницу принца Иуйи и его жены Туи, где обнаружили колесницы и погребальную утварь в прекрасном состоянии. В 1907 г. Айртон и Дэвис открыли маленькую гробницу с фрагментами большого деревянного позолоченного гроба с именем царицы Ти, жены Аменхотепа III. Там же оказался поврежденный царский гроб с мумией молодого человека. В то время это вызвало сенсацию, потому что многие решили, будто это тело Эхнатона, «фараона-еретика», как его называли, сына Аменхотепа III и Ти. Однако более поздние исследования, проведенные в основном Р. Энгельбахом, показали, что, по всей вероятности, это тело не Эхнатона, а его сводного брата Сменхкара.

В том же году в Египет прибыл лорд Карнарвон, и началось его содружество с египетской археологией, которое закончилось великим открытием.

Лорд Карнарвон решил для поправки здоровья (после автомобильной катастрофы) провести зиму в Луксоре. Подобно многим богатым путешественникам, он заинтересовался Древним Египтом и, прослышав о находках в Фивах, сам добился разрешения на раскопки, хотя и не в Долине царей, где имел концессию Теодор Дэвис.

«После того как Карнарвон завершил самостоятельно первый короткий сезон,— пишет профессор Ньюберри,— Масперо предупредил, что, если ему будет дано новое разрешение на раскопки, ему следует привлечь к работе опытного археолога, и порекомендовал Картера». Так началось сотрудничество Картера и Карнарвона, которое продолжалось многие годы.

Тем временем неутомимый Дэвис и его помощники продолжали исследовать Бибан-аль-Мулук, пока, наконец, в 1914 г., после двенадцати сезонов раскопок, не пришли к выводу, что новых гробниц там больше нет. Карнарвон вместе с Картером долго ждали возможности провести раскопки в Долине царей и сразу же перевели на себя концессию Дэвиса, хотя Масперо, который подписывал разрешение, тоже был уверен, что это место полностью ис-

следовано. Из-за первой мировой войны Картер смог приступить к серьезным изысканиям только в 1917 г. Чарльз Брэстед опубликовал в написанной им биографии своего отца профессора Джемса Брэстеда интересную заметку о методах работы Картера: «Для полной уверенности, что ни один квадратный дюйм поверхности (Долины царей) не останется необследованным, Картер вычертил крупномасштабную карту Долины и разделил ее на удобные для работы участки. По мере того как он изучал очередной участок и убеждался, что там нет ничего ценного, он зачеркивал на карте соответствующую клетку».

Сезон 1917 г. не принес ничего значительного, так же как сезон 1918 г. Однако Карнарвон не терял надежды, и Картер продолжал терпеливо искать. Большинство фараонов было уже найдено, но все же оставались пробелы, которые возможно было заполнить. 1919... 1920... 1921 годы прошли так же безрезультатно. Наконец, летом 1922 г. Карнарвон, вернувшийся к тому времени в Англию, пригласил Картера к себе в Хайклерский замок, чтобы обсудить, стоит ли им продолжать явно безнадежное дело. Брэстед так описывает эту встречу: «Когда они встретились в Хайклере, лорд Карнарвон сделал обзор многолетней работы, высоко оценил усилия Картера, а затем сказал, что ввиду послевоенных экономических затруднений он не находит возможным далее финансировать, по-видимому, бесперспективное предприятие... Картер ответил, что отсутствие интересных находок не поколебало его уверенности в том, что в Долине осталась по крайней мере еще одна царская гробница, возможно, гробница Тутанхамона, на что ясно указывали побочные свидетельства».

Тутанхамон, подобно его эфемерному предшественнику Сменхкару, был малоизвестным юношей-царем; его короткое царствование промелькнуло в самом конце XVIII династии. Он был одним из немногих фараонов, чье погребение еще не было обнаружено.

Доказательство, на которое ссылался Картер, заключалось в маленьком тайнике с глиняными сосудами, — его отыскал в Долине царей Дэвис пятнадцать лет назад. Эти сосуды были наполнены льяными бинтами и разными мелкими предметами, которые использовались во время погребальных обрядов. Глиняные печати на некоторых сосудах имели картуш Тутанхамона. Это явно указывало на

то, что сам фараон, очевидно, погребен где-то здесь же, в Долине царей. Однако Карнарвон продолжал сомневаться. Картер вынул свою карту Долины, на которой из сезона в сезон отмечал продвижение раскопок. Он развернул ее на столе перед Карнарвоном. На первый взгляд казалось, что каждый дюйм Долины царей уже исследован. Однако оставался еще маленький треугольник напротив гробницы Рамсеса VI; его археолог до сих пор не трогал, потому что раскопки преградили бы посетителям вход в гробницу Рамессеида. «Пока этот участок не исследован, — сказал Картер, — мы не можем сказать, что использовали все возможности». Он добавил, что, если Карнарвон позволит воспользоваться его концессией, он, Картер, сам оплатит стоимость еще одного рабочего сезона. Карнарвон был спортсменом, и это предложение, похожее на пари, его подзадорило. Он согласился провести еще один, последний сезон за его счет.

Мужчины пожали друг другу руки, и осенью 1922 г. Картер вернулся в Египет для прощального, как он думал, сезона в Долине царей. Он прибыл в Луксор 28 октября. Девять дней спустя, 6 ноября доктор (а ныне сэр Алан) Гардинер и его жена сидели у себя дома в Лондоне, когда зазвонил телефон. Доктор Гардинер поднял трубку и услышал взволнованный голос лорда Карнарвона:

— Я только что получил телеграмму от Картера. Слушайте: «Наконец вы сделали чудесное открытие в Долине; великолепная гробница с нетронутыми печатями; вновь закрыта до вашего приезда. Поздравляю».

Что же произошло за эти девять дней? Вот что рассказывает сам Картер в книге «Гробница Тутанхамона»: «К 1 ноября я набрал рабочих и был готов начать раскопки. Предыдущие работы были приостановлены недалеко от северо-восточного угла гробницы Рамсеса VI, и отсюда я повел траншею на юг. 3 ноября, ближе к вечеру, мои люди обнажили каменные основания ряда древних хижин ремесленников, под которыми мы никогда ничего не искали. Едва я прибыл... на следующее утро меня поразила непривычная тишина, вызванная остановкой работ, и я сразу понял: что-то произошло. Под первой же хижинной рабочие обнаружили вырубленную в скальном грунте сту-

ноньку. Это было слишком хорошо, чтобы поверить, однако дальнейшая расчистка подтвердила, что мы нашли прорубленную в скале лестницу всего в тринадцати футах от входа в гробницу Рамсеса VI».

Позднее, описывая этот момент Чарлзу Брэстеду, Картер сказал:

— Подумать только! Дважды я уже находился всего в двух ярдах от этой каменной ступеньки! Первый раз это было много лет назад, когда я работал у Дэвиса и он перенес раскопки на другой, как ему казалось, более перспективный участок. А другой раз — всего несколько сезонов назад, когда мы с лордом Карнарвоном решили отложить расчистку этого места до более удобного времени, чтобы не мешать посетителям.

Ступенька была первой из шестнадцати, уводящих в глубину холма. У подножия этой лестницы была дверь, замурованная и запечатанная печатями некрополя.

«То был волнующий момент для археолога, — писал Картер. — Совсем один, если не считать моих местных рабочих, после долгих лет тщетных усилий я стоял на пороге того, что могло быть великолепным открытием. Все, буквально все что угодно могло находиться за этим входом, и понадобилось все мое самообладание, чтобы не взломать кладку и не приступить к немедленным исследованиям».

Вместо этого Картер снова засыпал входную лестницу, поставил наверху усиленную охрану, а сам отправил телеграмму своему патрону.

Выдающийся филолог сэр Алан Гардинер — один из немногих, кто принадлежал к небольшой группе людей, непосредственно связанных с этим открытием. Мы обязаны ему за те ценные подробности, которые он нам изложил: «Когда Карнарвон сообщил мне эту новость, он в первую очередь спросил: „Считаете ли вы, что это может быть гробница Тутанхамона?“ Я ответил, что не знаю детально событий конца XVIII династии, но что это вполне возможно. Тогда Карнарвон сказал: „Я очень волнуюсь. Мы собираемся отправиться в Египет с Эвелин (леди Эвелин Герберт, дочь Карнарвона) как можно скорее. Не хотите поехать со мной? Там наверняка окажутся надписи, которые вам будут интересны“. Я ответил, что, к сожалению,

нию, не смогу отлучиться, так как обещал встретить рождество дома со своими детьми, но постараюсь прибыть в Луксор в первых числах нового года. Тем временем лорд Карнарвон с леди Эвелин отправились в путь и 23 ноября прибыли в Луксор».

К вечеру 24 ноября лестница была снова очищена, и археологи смогли осмотреть весь дверной проем. На нижней части кладки сохранились несомненные печати Тутанхамона. Но рядом с этими обнадеживающими свидетельствами они обнаружили тревожные признаки. Тщательный осмотр замурованного входа выявил на штукатурке оттиски двух видов:

- а) печати самого Тутанхамона и
- б) печати жрецов некрополя, которые охраняли царские гробницы.

Таким образом, вход в гробницу замуровывали дважды, и печати жрецов некрополя стояли на повторно замурованной части двери. Следовательно, гробница не могла быть совершенно нетронутой, как надеялся Картер. Когда-то в древности воры проникли в нее, но не смогли полностью ограбить, иначе ее не стали бы вновь запечатывать. Тем не менее это было горьким разочарованием, и пока Картер взламывал первый запечатанный вход и расчищал за ним груды щебня, надежда боролась в его душе с сомнениями.

Работа продолжалась два последующих дня. За первой запечатанной дверью оказался наклонный коридор, заполненный каменными обломками, которые пужно было удалить. 26 ноября в 30 футах от первой двери археологи обнаружили второй замурованный дверной проем.

«Наконец,— пишет Картер в самой волнующей части своей книги,— мы увидели полностью расчищенную дверь. Наступил решающий момент. Дрожащими руками я проделал узкую щель в верхнем левом углу каменной кладки. За нею была тьма и пустота, насколько я мог определить железным щупом... Произвели пробу воздуха на пламя свечи, на предмет скопления опасных газов, а затем я немного расширил отверстие, просунул в него свечу и заглянул внутрь. Лорд Карнарвон, Леди Эвелин Герберт и египтолог Кэллендер стояли рядом и с волнением ждали моего приговора. Сначала я ничего не разглядел, потому что поток горячего воздуха из гробницы задувал свечу. Но постепенно глаза мои привыкли к мерцающему свету, и

передо мной из полумрака начали возникать странные жипотные, статуи и... золото — повсюду сверкало золото! На какое-то мгновение — тем, кто стоял со мной рядом, оно показалось вечностью! — я онемел от изумления. Наконец лорд Карпарвоп с волнением спросил:

— Вы что-нибудь видите?

— Да,— ответил я.— Чудесные вещи...»

Глава XI

ВЕСЬ МИР ПОТРАСЕН

Прошло более четверти века с тех пор, как Картер дрожащими руками расширил дыру в каменной стене и свеча озарила сокровища, которые пролежали во тьме замурованной комнаты три тысячи лет.

Сенсационные статьи, оповестившие об этом открытии, ныне погребены среди пожелтевших страниц в газетных архивах. Выдумки репортеров, споры ученых, аргументы и опровержения — почти все давно позабыто. Мир потрясла другая, еще более страшная война, и если бы подобное открытие было совершено в наши тревожные дни, оно вряд ли вызвало бы такой отклик, как в 1922 г. И тем не менее история эта жива (для тех, кто интересуется ею) и навсегда останется одним из великих подвигов археологии XX в. Страницы, написанные Картером и его коллегами, до сих пор заставляют учащенно биться наши сердца.

«Мы увидели нечто невероятное,— писал один из них,— сцену из волшебной сказки, великолепную сокровищницу из оперных декораций, воплощение снов творящего композитора. Напротив нас стояло три царских ложа, а вокруг них сундуки, ларцы, алебастровые вазы, обитые золотом кресла и стулья — нагромождение сокровищ фараона, который умер... еще до того, как Крит достиг расцвета, задолго до рождения Греции и зачатия Рима,— с тех пор прошло больше половины истории цивилизации... На фоне белой известняковой стены все эти предметы были окрашены мягкими полутонами коричневого, желтого, синего, янтарного, золотого, рыжеватого и черного».

Произошло это много дней спустя после того, как Картер вскрыл вторую запечатанную дверь и вошел в помещение, известное сегодня как Передняя комната. Первое, что привлекло внимание археолога, как мы уже говорили, были три деревянных ложа, обшитых золотом и украшенных головами сказочных зверей, чьи глаза, казалось, следили за незваными пришельцами. За ними едва держался на груди других сокровищ роскошный трон, оббитый листовым золотом и серебром с инкрустациями из полудрагоценных камней. Изящный и сложный рисунок на нем изображал фараона, сидящего в саду с грациозной и юной царицей Анхесепамон. Здесь были сотни предметов, больших и маленьких, — ларцы, инкрустированные слоновой костью со сценами охоты и сражений, золотые луки, посохи, — и все в полнейшем беспорядке.

«Все предметы, — писал сэр Алан Гардинер, — были сложены здесь, как ненужная мебель в чулане, довольно заботливо, но без всякого плана или мысли об их художественном расположении. Все, за исключением двух фигур в полный рост, которые стояли по обеим сторонам замурованного и запечатанного дверного прохода справа. Они были из дерева, раскрашенного черными и золотыми красками, на лбу у них были царские уреи, а в руках — золотые жезлы».

Значение этой охраняемой двери стало понятно Картеру и Карнарвону после того, как они осмотрели содержимое Передней комнаты.

«За запечатанной дверью были другие покои, может быть, целая анфилада, и в одном из них, вне всякого сомнения... мы должны были увидеть останки фараона».

Затем они начали подмечать другие подробности. Всюду обнаруживались следы торопливой приборки после беспорядочного бегства грабителей. Очевидно, их захватили врасплох, может быть, даже застигли на месте преступления, и они не успели причинить особого вреда. В лихорадочной спешке они хватали подряд все ценные предметы, которые могли унести. Они выбили золотые подпорки из-под сидения одного царского трона, вскрыли сундуки и разбросали по полу царские одеяния в поисках драгоценностей. Жрецы торопливо засунули эти одежды обратно в сундуки, не позаботившись даже сложить их как следует, и туда же ссыпали всевозможные мелкие предметы, которые явно прежде хранились в других ларцах. Самая ин-

тересная деталь: один из грабителей сорвал царский головной платок, завязал в него горсть золотых колец, но по какой-то причине бросил этот узел у самого входа. Слева от дверного проема, под ложем со звериными головами, оказалось отверстие, которое вело в другую, меньшую, комнату, где все предметы валялись в беспорядке, как их оставили вору во время панического бегства.

К счастью для египтологии, это величайшее — с художественной точки зрения — и уникальное в истории археологии открытие совершил человек, в котором глубокое знание Древнего Египта сочеталось с недюжинной практической сметкой. Сэр Алан Гардинер, хорошо знавший Картера, так охарактеризовал его: «Удивительный молодой человек. Ему приходилось со многими мириться: с чиновниками, которые во все вмешивались, с раздражающими отсрочками, с непониманием и преувеличениями незваных репортеров — и, наверное, он был далеко не самым покладистым из людей. Но он обладал большими способностями. Он был превосходным рисовальщиком и почти гением во всем, что касалось техники раскопок, описания и консервации хрупких предметов древности. Однако его величайшим даром было неистощимое терпение».

Этот дар подвергся суровому испытанию, когда Картер открыл Переднюю комнату. Он очутился в преддверии покоев, где почти наверняка стоял нетронутый гроб фараона — первый за всю историю раскопок. За этой Передней комнатой, загроможденной драгоценными предметами, его ждали другие помещения. Можно себе представить, как велико было искушение немедленно взломать вторую запечатанную дверь! Однако Картер решил и объявил, что начнет извлекать предметы из гробницы только после необходимой подготовки, когда будут приняты все меры для их сохранения. Только после этого он намеревался открыть вторую комнату. Об этой подготовительной работе, длившейся два месяца, он писал: «Это была медленная, мучительно медленная работа, изматывающая нервы, ибо мы все время чувствовали страшный груз возложенной на себя ответственности. Таков удел каждого археолога, если у него есть хоть крупица научной добросовестности... ибо найденные им вещи не являются его собственностью и он не имеет права обращаться с ними, как ему вздумается. Они — законное наследие прошлого, завещанное нашему времени, и если он по беспечности, неловкости или неве-

жеству сократит хоть на йоту сумму знаний, которые можно из этого наследия извлечь, значит, он совершит археологическое преступление».

Картер получил от Службы древностей разрешение использовать усыпальницу Сети II как лабораторию и мастерскую. В эту лабораторию переносили по одному предмету (из гробницы) для предварительной обработки, затем их паковали для отправки в Каир. Картер привлек к работе других археологов, каждый из которых был незаурядным специалистом в своей области: Литгоу, куратора Египетского отдела нью-йоркского Метрополитен-музея; Бертон — фотографа; Уинлока и Мейса, тоже из Метрополитен-музея; рисовальщиков Холла и Хаузера и, наконец, Лукаса, директора египетского государственного департамента химии. Лорд Карнарвон пригласил сэра Алана Гардинера для расшифровки надписей, а профессора Ньюберри как ботаника — для определения цветов из венков и других растений, найденных в гробнице.

Любой предмет, даже самый крохотный, Картер заносил в картотеку и описывал со всеми подробностями. Эти записи Картера, сделанные аккуратнейшим мелким почерком и снабженные его превосходными прорисовками, хранятся в Оксфордском Институте Гриффиса, дожидаясь, когда найдется достаточно богатый человек или организация, которые смогли бы их достойно опубликовать¹².

Вот характерный образец таких записей, выбранный наугад. Запись относится к одному из более чем шестьсот предметов, найденных только в Передней комнате, — к царскому посоху:

48Д. Посох с изогнутой рукоятью в виде фигурок азиатских пленников. Толщина посоха — 2,2 сантиметра. За исключением ручки, а также голов, рук и ног пленников, весь посох обит золотыми листьями.

- а) Рукоятка слоновой кости.
- б) Гладкие обручи с пятью врезанными линиями.
- в) Узор шевронами (углами) вниз.
- г) Гладкие обручи с пятью врезанными линиями.
- д) Перьевого узор с трех сторон; рельеф по всей длине.
- е) Азиатский и африканский пленники, связанные спина к спине. Узлы в виде выпуклой полосы.

Посох очищен влажной щеткой, опрыскан раствором целлюлозы в амилцетате и покрыт растопленным парафином.

Читая это подробное описание, так и видишь Картера после изнурительного рабочего дня в его «лаборатории»,

склоненного над своими записями, ярко освещенными лампами. Он устал, но счастлив, что может хоть немного отдохнуть от докучливых посетителей, которые днем толпятся в Долине. Мировая печать так раструбила об этом открытии, что Картеру пришлось столкнуться с новой проблемой, с какой до сих пор не встречались археологи.

«Весь день,— пишет Брэстед,— бесконечные курьеры доставляли ему мешки с телеграммами, письмами и посланиями от многих сотен людей, которые требовали или просили разрешения посетить гробницу. Каждый день толпы посетителей переправлялись через реку, спешили в Долину и собирались вокруг колодца у входа в гробницу».

Вместе с посетителями прибывали и представители мировой печати. Пытаясь упростить дело, лорд Карнарвон передал исключительные права на публикацию новостей и фотографий лондонской газете «Таймс». За это его нещадно ругали журналисты других газет. По прошествии стольких лет трудно представить себе, какие яростные страсти разгорались вокруг этого открытия, но свидетельства о них сохранились на столбцах газет. Так, «Дейли Экспресс» в номере от 10 февраля 1923 г. опубликовала статью под заголовком «Фирма Тутанхамон и К^о». В ней, в частности, говорится:

Мы восхищаемся верой и упорством лорда Карнарвона, которые увенчались столь великолепным результатом, однако мы не одобряем его намерение использовать свое открытие в корыстных целях... Гробница не является его частной собственностью. Он откопал не кости своих предков в горах Уэльса, а обнаружил останки фараона на земле Египта... Сохраняя в тайне содержимое внутренней комнаты гробницы, он восстановил против себя большую часть самых влиятельных газет мира.

На это «Таймс» ответила в номере от 16 февраля:

Против лорда Карнарвона выдвинуты порочащие и ни на чем не основанные обвинения. Его обвиняют в том, что он присвоил себе монополию на все сообщения из Луксора и даже в корыстных целях... Нет ничего жгучее подобных обвинений! Он передает сообщения через «Таймс» лишь потому, что считает это лучшим и практически единственным способом сообщать через нас полную и правдивую информацию всем газетам мира, которые захотят ею воспользоваться. Сама специфика работы заставляет его передавать новости через посредника.

Трудно не признать логичность такого довода. Допустить в гробницу, где шла тончайшая работа, *всех* пред-

ставителей печати означало бы примерно то же самое, что делать сложную хирургическую операцию в толпе репортеров со всего света.

Сэр Алан Гардинер объяснил, каким образом лорд Карнарвон уступил исключительные права газете «Таймс».

«После возвращения Карнарвона из Египта в декабре 1923 г. я виделся с ним довольно часто. Однажды за ланчем он признался мне, что его очень беспокоит газетная шумиха. „Я не могу спокойно спать по ночам, — пожаловался он. — Едва я укладываюсь в постель, раздается телефонный звонок. А когда выхожу из дома, меня тут же окружают газетчики“. Я посочувствовал ему; но заметил, что, ввиду огромного интереса публики к открытию гробницы, подобные неприятности неизбежны. Газетчики в конечном счете только выполняют свой долг. Мы еще сидели за столом, когда издатель „Таймс“ Даусон попросил принять его. Карнарвон предложил мне предварительно переговорить с Даусоном. Когда Карнарвон присоединился к нам, Даусон обратился к нему с предложением предоставить „Таймс“ исключительные права на все, что касается гробницы. Карнарвон ответил, что никогда не сталкивался с таким вопросом, но Даусон подчеркнул, что, сделав „Таймс“ своим единственным агентом по распространению информации и фотоснимков, он избавится от массы забот и неприятностей. Карнарвон обещал об этом подумать. Позднее мы встретились с секретарем Королевского географического общества и спросили его мнение. Он сказал, что Географическое общество в свое время заключило подобное соглашение в связи с экспедицией на Эверест, и все обошлось хорошо. В результате Карнарвон решил сделать „Таймс“ своим агентом по печати».

Так разгорелся скандал, который сегодня нам кажется тривиальным, но в то время имел далеко идущие последствия. Не получив доступа в саму гробницу, газетные репортеры толпились в Долине царей и в отелях Луксора, собирая по крохам материал для своих телеграмм.

То, что происходит вокруг гробницы, — писал корреспондент «Дейли телеграф» в номере от 25 января, — напоминает день Больших скачек. Дорога к расщелине запружена всевозможными экипажами и верховыми животными. Проводники, погонщики ослов, торговцы древностями и продавцы лимонада с шумом и гамом занимаются своей коммерцией... Сегодня, когда из коридора гробницы был извлечен последний предмет, корреспонденты газет как

безумные бросились наперегонки через пустыню на ослах, лошадях, верблюдах и в похожих на колесницы повозках, стараясь первыми добраться до телеграфной конторы на нильском берегу.

Ни одному археологу еще не приходилось попадать в подобные ситуации. Картер, легковозбудимый от природы, сейчас был весь как натянутая струна: ему приходилось работать с предельной скоростью под невыносимым давлением. Карнарвон, хотя и не был так занят работой в гробнице, тоже начал сдавать, особенно когда на него обрушились газетчики. Нервы его не выдерживали.

Тем временем, пока разгоралась газетная свара, Картер отбивал атаки незваных посетителей, которые шли несмолчаемым потоком. Им отказывали, и они обвиняли археологов в невоспитанности, эгоизме и узости взглядов. Но, как Картер объяснил в своей книге, посетители представляли двойную угрозу. Во-первых, толпа посетителей в гробнице могла повредить хрупкие предметы, а во-вторых, эти посещения отняли бы у археологов слишком много времени. В дни короткого рабочего зимнего сезона, когда в Египте можно вести раскопки, каждый час на счету.

«В последний сезон,— писал Картер,— у нас иной раз бывало по десять групп посетителей в день, и так продолжалось бы каждый день, если бы мы многим не отказывали. Другими словами, мы по целым неделям не могли бы вообще работать».

Наконец Передняя комната была очищена, и Картер приготовился вскрыть замурованный проход во второе помещение. К этому дню газеты всего мира давно готовили своих читателей, и, когда он наступил, многочисленные посетители и корреспонденты столпились у входа в гробницу. Однако внутрь был допущен только журналист из «Таймс». А о том, что происходило снаружи, лучше рассказать словами представителя «Дейли Телеграф»:

Мистер Коллендер открыл массивную дверь, за которой началась каменная лестница, и в гробницу снесли несколько стульев. (Они предназначались для почетных гостей, правительственных чинов и других лиц, приглашенных на вскрытие второй комнаты.) «Сейчас начнется концерт! Картер нам что-нибудь споет!» — сказал лорд Карнарвон, оглянувшись на представителей прессы, чье присутствие явно его смущало. В течение следующих трех часов журналисты отмечали и по-своему толковали каждый звук, каждый знак. На поверхность выносили части каменной кладки, иногда слышались восклицания леди Эвелин, иногда скре-

жет железных зубил или удары деревянных молотков. Возбуждение зрителей, оставшихся снаружи, достигло предела, когда рабочие начали выносить в корзинах каменные блоки и мелкие осколки кладки.

Тем временем в очищенной Передней комнате сидели двадцать почетных гостей и следили за каждым движением Картера и его помощников, которые взламывали замурованный проход, охраняемый статуями двух стражей. Среди зрителей был сэр Алан Гардинер, который поделился с нами своими личными воспоминаниями: «Когда Картер снял верхний ряд кладки, мы увидели за ней стену из сплошного золота, во всяком случае, так нам показалось на первый взгляд. Но когда была убрана вся кладка, мы поняли, что видим одну сторону огромного внешнего ковчега. Мы знали о таких ковчегах по описаниям в древних папирусах, однако здесь он был перед нами. Во всем своем сине-золотом великолепии он заполнял все пространство второй комнаты. В высоту он почти достигал потолка, а между его стенками и стенами комнаты оставалось не более двух футов.

Сначала внутрь вошли Картер и Карнарвон, протискиваясь сквозь узкое пространство, и мы ждали, пока они вернутся. Когда они вышли, оба изумленно всплеснули руками, не в силах описать, что они увидели. За ними последовали другие, пара за парой. Помню, как профессор Лако сказал мне с усмешкой: „А вам лучше не пробовать: слишком уж вы... солидный“. Тем не менее, когда пришла моя очередь, я вошел во внутреннюю комнату с профессором Брестедом. Мы протиснулись между стенами и ковчегом, свернули налево и очутились перед входом в ковчег с большой двустворчатой дверью. Картер отодвинул засов и открыл эти двери, так что мы смогли разглядеть внутри большого внешнего ковчега, который достигал 12 футов в длину и 11 в ширину, другой, внутренний ковчег с такими же двойными дверями, с еще нетронутыми печатями. Лишь потом мы узнали, что здесь было четыре позолоченных ковчега, вставленных один в другой, как в наборе китайских резных коробок, и только в последнем, четвертом, покоился саркофаг. Но его мы смогли увидеть лишь через год».

Сам Картер так описывает запечатанную дверь: «В тот момент у нас пропало всякое желание вскрывать эти печати, ибо мы вдруг почувствовали, что вторгаемся в за-

претные владения; это гнетущее чувство еще более усиливали льняные покровы, ниспадавшие с внутреннего ковчега. Нам казалось, что перед нами возник призрак усопшего фараона, и мы должны склониться перед ним».

Далее сэр Алан Гардинер пишет: «Тут была одна деталь, которую трудно представить по прошествии стольких лет. Если вы посетите сегодня Каирский музей, вы сможете увидеть все эти экспонаты. Разумеется, они по-прежнему великолепны, однако золото кое-где померкло, приобрело оттенок тусклого янтаря. А когда мы впервые вошли в усыпальницу, золотые ковчеги невообразимо сверкали — сухой воздух гробницы три тысячи лет сохранял их ослепительный блеск.

Позади усыпальницы мы обнаружили вход в другую комнату... Она была полна чудес! Здесь стоял ковчег для капоп фараона, охраняемый четырьмя изящными маленькими богинями из золота; здесь же были золотые колесницы, большое изваяние бога Анубиса с головой шакала и множество прочих драгоценных предметов. Тут же мы нашли большое количество ларцов. Картер открыл один из них. Сверху лежал красивый веер из страусовых перьев. Перья были великолепны, пушисты, словно их только что вставили в рукоятку опахала. Эти перья заставили меня забыть о десятках столетий, которые нас разделяли. Точно фараон был погребен совсем недавно. Разумеется, через несколько дней страусовые перья начали ссыхаться, и пришлось их законсервировать. Однако, когда я увидел их впервые, они были свежи и совершенны и произвели на меня такое глубокое впечатление, какого я не испытывал и, наверное, уже не испытаю никогда».

Все это происходило в феврале 1923 г. В этот и в следующий месяцы археологам пришлось столкнуться с проблемами, не имеющими ничего общего с археологией. Сначала с так называемой монополией на газетную информацию, затем с все возрастающим потоком посетителей и, наконец, с проблемой дальнейшей судьбы найденных сокровищ.

Лорд Карнарвон, ссылаясь на статьи договора о концессии, подписанного Службой древностей, предъявлял права на определенную долю находок. Картер с ним не соглашался, считая, что все предметы из гробницы принад-

лежат египетскому правительству. В марте он окончательно рассорился с Карнарвоном. Брэстед пишет: «Они обменялись самыми язвительными словами, и Картер в ярости попросил своего старого друга удалиться из его дома и никогда больше не возвращаться. Вскоре после этого лорд Карнарвон заболел лихорадкой из-за воспалившейся раны. Некоторое время он еще боролся. Но началось воспаление легких, и 5 апреля 1923 г. он умер в возрасте 57 лет. Газетчики приписали его смерть древнему проклятию фараонов и раздували эту суеверную выдумку, пока она не превратилась в легенду».

Ну, а что же было на самом деле?

Десять лет спустя после вскрытия гробницы все пять человек, кроме лорда Карнарвона, которые при этом присутствовали, находились в добром здравии. Картер дожил до 1939 г. и умер в возрасте 66 лет. Бертон, Энгельбах и Уинлок тоже прожили нормальный человеческий срок. Леди Эвелин, ныне леди Бошам, еще жива. Сэр Алан Гардинер и доктор Дерри прожили свыше восьмидесяти лет. Профессор Перси Ньюберри умер в августе 1949 г., тоже отпраздновав свой восьмидесятилетний юбилей. Вот и все, что можно сказать о «проклятии фараона».

Следующий сезон, 1923/24 г. был посвящен разборке, консервации и перевозке четырех золотых ковчегов, которые занимали почти все пространство усыпальницы. С каждой стороны от внешнего ковчега оставались проходы шириной не более 24 дюймов. Для того чтобы разобрать и извлечь из гробницы огромные, выложенные золотом стенки, не повредив их, понадобилось все искусство и терпение Картера, но с этой задачей он справился превосходно. 14 февраля в присутствии официальных лиц Картер поднял крышку саркофага, и все впервые увидели великолепный, никем не потревоженный внешний гроб фараона.

Профессор Брэстед, несмотря на болезнь явившийся на эту церемонию, пишет: «Наконец-то перед нами был фараон, который покоился в безмолвных глубинах горы не менее трех тысяч лет. Он так и лежал здесь, когда его жена-девочка, третья дочь Эхнатона, в последний раз спустилась в усыпальницу... Может быть, она своими тонкими руками накинула на него покрывало, под которым он до сих пор спит вечным сном? Может быть, это она последним прощальным жестом положила в Передней комнате

изысканный букет из полевых цветов? Мы так и нашли его у самого порога».

Затем последовал драматический поворот событий. В тот же день, когда был открыт саркофаг, в отелях Луксора появилось следующее объявление:

Ввиду недостойного поведения и невыносимых ограничений со стороны Департамента общественных работ и Службы древностей все мои сотрудники в знак протеста прекращают дальнейшие работы по изучению гробницы Тутанхамона. Поэтому я должен уведомить общественность, что сразу же после того, как представители печати ознакомятся с гробницей сегодня между 10.00 утра и полуднем, гробница будет закрыта и все дальнейшие работы приостановлены.

Говард Картер

Это было кульминационной точкой долгих и ожесточенных споров между Картером и Службой древностей египетского правительства по двум основным пунктам: первый — это тяжба между египетским правительством и адвокатами семьи Карнарвонов относительно того, имеет ли леди Карнарвон, которая унаследовала концессию, право на определенную долю найденных предметов. В этом Картер поддерживал правительство, считая, что все находки должны остаться в Египте. Второй — это недовольство Картера действиями правительственных чиновников, досаждавших ему мелочными указаниями, как именно он должен вести свои работы, а особенно тем, что посылали в гробницу толпы докучливых посетителей, из-за которых было невозможно продолжать исследования находок, требовавших осторожного обращения. В этом Картера поддерживали все работавшие вместе с ним выдающиеся археологи.

В ответ египетское правительство аннулировало концессию леди Карнарвон, поставило свою охрану и запретило Картеру входить в гробницу. Картер отправился в Каир, чтобы продолжать борьбу в суде. Тем временем правительство открыло доступ в гробницу посетителям, устроив по этому поводу ряд официальных торжеств, на которых присутствовали сотни чиновников со своими женами. Торжества завершились пышным фейерверком. Корреспондент «Египетской газеты» сообщал:

Трогательно было смотреть на двух верных мистеру Картеру десятников из египтян, преданно оберегавших его личные вещи, сваленные в кучу неподалеку от входа в гробницу, которую на-

или благодаря их неутомимым стараниям и незыблемой вере. Глядя на их опечаленные лица, можно было не сомневаться, о чем они думают... при виде беззаботной толпы у гробницы, которая для них и для их хозяина была почти святыней, завершением трудов всей их жизни.

После всех неприятностей и преследований со стороны официальных кругов Картеру оставалось только искать утешение в преданности своих египетских рабочих, относившихся к нему с большим уважением. В своей книге он приводит прелестное письмо одного из своих десятников:

Мистеру Говарду Картеру, эскв.

Досточтимый сэр!

Пишу Вам письмо в надежде, что Вы живы и здоровы, и молю всевышнего, чтобы Он не оставил Вас в своих заботах и возвратил нам в добром здравии, целым и невредимым.

Осмелюсь сообщить Вашей светлости, что склад № 15 в порядке, сокровищница в порядке, северный склад в порядке и дом в порядке, и все рабочие исполняют то, что Вы приказали в своих предписаниях.

Хусейн, Газ Хасан, Хасан Авад, Абдела-Ахмед и все шлют Вам наилучшие пожелания.

Шлю свои наилучшие пожелания Вам...

С нетерпением ожидающий Вашего скорейшего приезда,

Ваш покорный слуга

Ахмед Гургар

Судебная тяжба тянулась долго. Одно время казалось, что стороны уже пришли к соглашению и Картеру будет позволено продолжать работу. К несчастью, в этот момент адвокат Картера Максвелл в споре с судьей опрометчиво заявил: «Египетское правительство напало, как бандит, и вломилось в гробницу!» И хотя Максвелл тут же взял свои слова назад, правительство прервало все дальнейшие переговоры, и огорченный Картер вернулся в Англию.

Возможно, ему никогда бы не дали разрешения возобновить работу в гробнице Тутанхамона, если бы не политический переворот, который последовал за убийством сирдара (турецкого наместника) в ноябре 1924 г. Националисты были отстранены от власти, Англия укрепила свое влияние в Египте, и пока общественное мнение было занято этими событиями, новое правительство позволило Картеру заняться гробницей.

Так началась последняя стадия его работы. Картеру предстояло открыть три гроба, заключенных один в дру-

гом, точно так же, как внешние ковчеги, в которых хранился саркофаг. Затем — распеленать и исследовать царскую мумию, лежавшую во внутреннем гробе. И наконец — извлечь и предохранить от гибели все драгоценные предметы из третьей комнаты, которую называли Сокровищницей.

Вскрытие трех гробов стало самым суровым испытанием для искусства и находчивости Картера. Они были так плотно вставлены один в другой, что между ними с трудом можно было просунуть палец. Кроме того, благовонные масла, вылитые на них во время погребения, затвердели, как цемент. Профессор Брестед присутствовал при выемке третьего, последнего гроба. Он живо описал эту сцену: «Внутри второго оказался третий, и последний, гроб из массивного золота, такой тяжелый, что его с трудом смогли поднять четыре человека. Крышка этого гроба изображала фараона со всеми его царственными регалиями. Лицо — скульптурный портрет... одеяние над скрещенными руками инкрустировано драгоценными камнями — сердоликом, лазуритом и бирюзой, а ниже скрещенных рук его прикрывают своими крылами богини-хранительницы, чьи прелестные контуры тонко выгравированы на золоте: они как бы окутывают его золотыми перьями...»

Внутри гроба покоилась царская мумия, лицо ее было закрыто изумительной портретной маской из массивного золота, отполированного до зеркального блеска. Тонкость лепки и безмятежность этого лица невозможно передать словами. Это произведение неведомого художника, созданное три тысячи лет назад, может поспорить с любыми шедеврами европейского Возрождения. Несомненно, автор его был мастером своего времени, ибо кому же еще доверили бы запечатлеть священные черты фараона?

На мумии были золотые покровы, ногти рук и ног — в золотых футлярах, на груди — драгоценные ожерелья, на пальцах — золотые кольца с камнями. На тяжелых золотых пластинах начертаны речи богов, встречающих фараона у входа в Подземное царство.

Геб, бог земли, говорит: «Мой возлюбленный сын, наследник трона Осириса, царь Небхенерра, твое благородство совершенно, твое царское обиталище могуче, твоим именем на устах простого народа, твое постоянство на устах всех живущих, о Осирис, царь Тутанхамон!»

И Божественная мать, богиня Мут, вторит ему:
«Ты могуч, ты вдыхаешь воздух и выступаешь, как бог,
ты выходишь, как Атум, о Осирис Тутанхамон!»

После всего этого казалось почти святотатством исследовать бранные человеческие останки, скрытые под всем этим великолепием. Но наука беспощадна. Последние истлевшие пелены были сняты с тела, которое сохранилось хуже других царских мумий из-за благовонных масел, вылитых в гроб перед погребением. Доктор Дерри, производивший вскрытие, писал в своем отчете:

Золотая портретная маска изображает Тутанхамона как благородного и чувствительного юношу. Те, кому довелось увидеть его истинное лицо, освобожденное от покровов, могут засвидетельствовать, с каким высоким искусством и точностью художник XVIII династии запечатлел его черты и воплотил на все времена в бесмертном металле прекрасный образ юного фараона.

Тело фараона было положено во внешний гроб внутри каменного саркофага. Так оно и покоится в своей усыпальнице. Остальное содержимое саркофага выставлено в Египетском музее.

Эта работа по расчистке, предохранению и извлечению массы предметов отняла у Картера десять рабочих сезонов. Некоторые предметы оказались в гробнице не в единственном числе, а имели по одной или по несколько копий. Картер предложил передать дубликаты Британскому музею и нью-йоркскому Метрополитен-музею как справедливое вознаграждение ему и его американским коллегам. Это предложение было отвергнуто. Египетское правительство не уступило ничего из сокровищ Тутанхамона ни одному музею.

Оглядываясь назад на четверть с лишним столетия, невольно задаешь себе вопросы: Как же расценивается открытие Картера сегодня? Действительно ли значение его так велико, как казалось в то время? Много ли ценного материала прибавило оно к нашим знаниям об этом периоде истории Древнего Египта?

Когда мы задали эти вопросы сэру Алану Гардинеру, он ответил: «Я бы сказал, что это открытие прибавило немного к нашим знаниям о данном историческом периоде. Филологов гробница разочаровала, ибо в ней не оказалось письменных свидетельств. О самом Тутанхамоне мы ничего не знаем, кроме того, что он унаследовал трон после смерти своего отца Эхнатона¹³, что он правил

всего несколько лет и умер в юном возрасте. Его наследником стал Эйе, престарелый жрец, который при Эхнатоне восславлял Атона. На стенах усыпальницы Тутанхамона он изображен как глава погребальных церемоний во славу своего предшественника. Интересен еще один факт: в гробнице нашли мумии двух мертворожденных младенцев, очевидно детей Тутанхамона и его юной жены Анхесенамон.

Но если говорить о художественной ценности произведений того периода, то это открытие не имеет себе равных. Ничего подобного не находили раньше, и маловероятно, что найдут когда-либо в будущем. То, что эта гробница после неудачной попытки ограбления осталась непотревоженной в течение 3000 лет,— редчайшая удача. Когда через много лет после погребения Тутанхамона в склоне холма над ним начали высекать усыпальницу Рамсеса VI, каменотесы засыпали обломками и щебнем вход в более скромную гробницу юного фараона и тем самым спасли ее.

Для археологии ценность этого открытия заключается не только в найденных сокровищах, а в том, с каким высоким искусством и тщательностью были описаны и сохранены все эти прекрасные вещи.

Это величайшее в истории египтологии открытие, сделанное англичанином. Однако весьма печально, что результаты его до сих пор не опубликованы в настоящем научном издании, т. е. с подробным описанием каждого предмета и цветными иллюстрациями...

Глава XII

ПАЛОМНИЧЕСТВО В АХЕТАТОН

Поезд медленно останавливается у длинной низкой платформы под названием «Меллауи». Двери с лязгом распахиваются. Гомон, арабские восклицания, и пассажиры перемешиваются с толпой на перроне. Кофейно-коричневые лица лоснятся под белыми головными уборами, коричневые босые ноги вздымают пыль. Вы выходите из вагона, сжимая ручку чемодана, и растерянно озираетесь среди крикливой толпы в поисках того, кто может оказаться

главным инспектором Службы древностей Среднего Египта. Может быть, это тот маленький смуглый человечек в европейском костюме и красной феске, что стоит за спинами пассажиров и встречающих и тоже растерянно озирается? Да, это он. Он увидел вас и с улыбкой подходит в сопровождении свирепого джентльмена в синей галабии и тюрбане, с ружьем через плечо. Вы представляетесь. Он действительно главный инспектор. А его вооруженный спутник? Это Ахмед, один из *гаффиров* (сторожей), охраняющих памятники. Ахмед берет ваш чемодан и прокладывает дорогу к выходу.

— Не хотите ли чашечку кофе?

— Да, разумеется.

Мы сидим за грязным мраморным столиком в деревянном кафе на берегу канала. За соседним столиком двое мужчин играют в триктрак¹⁴, и стук костей и шашек служит фоном нашей беседы. Снаружи под солнцем клубится дорога, подобно черной пыли, вздымаемой ногами прохожих. Недалеко возвышается огромное, вульгарно разукрашенное здание XIX в. — дворец шейха, весь в стрельчатых арках, как внебрачный отпрыск Брайтонского павильона. У открытой двери кафе сидит на корточках женщина в черном, с покрывалом на голове, скрывающем почти все ее лицо. Коричневый грязный мальчишка с черными кудрями сидит рядом с ней тоже на корточках. Мухи вьются вокруг него, а он безучастно жует ломоть заплесневелого хлеба. Зной, пыль, неприятные запахи и кипящая рядом чужая, безразличная вам жизнь. Вы свернули с чистенькой проторенной дороги туристов. Здесь настоящий Египет.

Но до чего же любезен этот главный инспектор! Его круглое коричневое лицо источает доброжелательство. Он то и дело хватает вас за руку. С волнением и настойчивостью.

— Вы приехали посмотреть Тель-эль-Амарну, город Эхнатона, фараона-еретика? Превосходно! Завтра вы его увидите:

Он уже все устроил, буквально все. Добраться до места не так-то легко. Сначала надо ехать на автомобиле, потом верхом на осле, и еще надо договориться с лодочником, чтобы переправиться через Нил, но он позаботился обо всем. Вы сами увидите. А пока он приглашает к себе в гости, в близлежащий городок Мишийя.

Здесь к нам присоединяется помощник инспектора, который «не любит поговорить». Как дела в Англии? У него много друзей в Каирском университете. Профессор такой-то и такой-то — вы его знаете? Прекрасный человек, большой ученый. А еще молодой профессор Блэнк, который преподает английскую литературу. Он сам занимается английской литературой. Ваш лорд Байрон, какой это был поэт! А ваши Китс и Шелли! У него есть друг в Хемпстед-е, в Лондоне, который жил рядом с домом Китса. А что вы думаете об археологии? О, об этом можно поговорить позднее...

Разговоры, разговоры, разговоры — и так до глубокой ночи. О литературе, о политике и лишь вскользь, между прочим, об Эхнатоне и Древнем Египте. Каир с его озлоблением против англичан кажется за миллионы миль отсюда. Вы англичанин, но здесь вам явно рады. Вы чувствуете себя среди друзей, и даже если вам не удастся добраться до города Эхнатона, все равно путешествие будет интересным.

На следующее утро сразу после раннего завтрака мы отправились с моим гостеприимным хозяином в Тель-эль-Амарну. Маршрут у нас сложный. Сначала — в битком набитом поезде обратно в Меллауи. Здесь нас встречает помощник инспектора с двумя гаффирами. Подкатывает древний «форд». Все влезает в него. Гаффиры высовывают свои ружья из окна, чтобы внутри было больше места. Мы трясемся, подсакиваем на ухабах и говорим, едем всю дорогу по серой пыли вдоль отражающих небо каналов, через глинобитные деревушки, где голопузая ребятня бросается врассыпную перед машиной и что-то кричит нам вслед, как все дети мира. А мы едем все дальше и дальше. Ствол ружья упирается мне в колено, но это неважно; зеленые бобовые поля сменяются аллеями финиковых пальм, а наш проводник бесконечно рассуждает о лорде Байроне. Внезапно нас захлестывает шумная толпа отчаянно жестикулирующих арабов. Что случилось? А ничего, просто мы соединились с отрядом, который должен сопровождать нас до берега Нила. Встреча состоялась! Мальчишки, погонщики ослов, прибыли на место со своими животными точно в назначенный час. Великолечно организовано, не правда ли?

Мы все вылезает из машины. Арабы обмениваются приветствиями. Погонщики и их друзья гаффиры ведут

себя как малые дети на пикнике. Посмотрите только, как этого английского эфенди усаживают на осла! Вот потеха! Вставьте погу в стремя... да нет, *не так!* Главный инспектор и его помощник уже сидят на ослах и снисходительно поглядывают на меня. Единственное утешение, что на этих осликах они выглядят так же неловко, как я себя чувствую на нем. И наконец мы трогаемся в путь длинной вереницей по узкой грязной тропе между полей. Погонщики ослов поспевают за нами. Постепенно привыкаю к уверенной трусце моего маленького конька и уже не чувствую себя таким смешным. Библейские стихи всплывают в памяти: «Он ехал на ослице своей...» Откуда это? Ну конечно, из Книги Чисел, про Валаама:

Валаам встал поутру, оседлал ослицу свою и пошел с князьями Моавитскими.

И воспытал гнев божий за то, что он пошел, и стал ангел господень на дороге, чтобы воспрепятствовать ему. Он ехал на ослице своей и с ним двое слуг его ¹⁵.

И снова чувство безвременья — одна из притягательных особенностей Египта — охватило меня. Пока мой ослик трусил по узкой тропинке, взбираясь на холмы, и проходил мимо стен, я поднимал колени, стараясь не испачкаться, и вспоминал:

И увидела ослица ангела господня, стоящего на дороге с обнаженным мечом в руке, и своротила ослица с дороги и пошла на поле... ¹⁶

С чувством безвременья приходила безмятежность. Мы неторопливо ехали по пыльной тропе среди бобовых полей, мальчишки с веселыми глазами бежали за нами, и я вдруг почувствовал себя совершенно счастливым и беззаботным. На меня снизошла та полная удовлетворенность собой и жизнью, которая столь редко посещает нас, европейцев, и остается привилегией Востока. Мне хотелось смеяться и петь вместе со всеми без всякой причины, просто потому, что воздух был сладостен для моих поздрей, солнце грело мне плечи и я был с друзьями, которых любил.

«Что пришел ты увидеть здесь?» О, вовсе не гигантские развалины храмов и не пирамиды. Ничто не поражало здесь глаз величием. За Нилом простиралась пустынь

ная равнина, замкнутая полукольцом голых холмов. В отличие от других путешествий, описанных в нашей книге, это было романтическое паломничество, дань вечному духу этого места. Здесь вас не подавляют чудеса архитектуры, но вы все время ощущаете присутствие человека, который, по словам Дж. Д. С. Пендлбери, «первым восстал против извечно установленного порядка вещей, был первым человеком со своими собственными идеями, которые нарушали все традиции, и был первым, кто мог воплотить свои идеи в жизнь» (курсив мой.— Л. К.).

В этом полукольце холмов, удаленном от всех городов, Эхнатон построил свою священную столицу Ахетатон — «Горизонт Атона». Здесь, по мнению многих, было положено начало освобождению человеческого духа. Одним махом весь пантеон бесчисленных древних богов был низвергнут и заменен гораздо более простой и чистой религией. Эхнатон, по мнению тех же людей, был первым монотеистом, признававшим только одного бога, божественный дух, «создателя и хранителя всего сущего», который проявляется в животворном свете горячих лучей солнца.

Однако не все ученые разделяют это мнение. Эхнатон остается загадкой. О нем написано больше, чем о любом другом фараоне, и взгляды виднейших ученых расходятся так же, как, скажем, взгляды сторонников и противников Карла I в Англии. Читатель найдет в Приложении краткий обзор этих противоречивых мнений. Но на какую бы точку зрения ни встал читатель — а он это может сделать, лишь ознакомившись с теориями обоих направлений, — Эхнатон никогда не останется для него призрачной тенью, подобно большинству фараонов. Он человек из плоти и крови, и одна из интереснейших личностей в истории Древнего мира.

Мальчишки-погонщики впереди нас раздражаются воплями, и мой погонщик тоже ускоряет шаг. Мы добрались до Нила. Внизу, у глинистого берега, нас ждет старая фелука, которая должна переправить нас — вместе с осликами — на ту сторону. Все довольны, но больше всех главный инспектор; он доказал, что организация дела на Востоке стоит на высоте. Мы весело рассаживаемся на скамейках, пока осликов заводят на фелуку. На дальнем

берегу широкой желтой реки зеленеет рощица пальм вокруг глинобитной деревушки Эль-Тилл. За нею виднеется цепь коричневых холмов, изгибающаяся к востоку, — это «Восточные горы» Эхнатона, среди которых он хотел быть погребенным. И пока мы сидим здесь и река струится у наших ног, в моей памяти возрождается история, такой, какой впервые предстала она передо мной со страниц работ Питри, Пита, Вулли, Пендлбери и других египтологов, которые вели здесь раскопки последние шестьдесят лет.

XVIII династия, апогей Египетской империи, началась примерно в 1580 г. до н. э., через две тысячи лет после начала династической истории Нильской долины. Ее основатель Яхмос I, фиванский князек, изгнал азиатских завоевателей — гиксосов, которые правили Египтом полтора столетия. Он преследовал их вплоть до Сирии и вернулся с триумфом, чтобы сделаться фараоном Египта. Столицей его стали Фивы.

На протяжении всей своей древней истории египтяне никогда не были особенно воинственным народом, но после полутора веков унижений под игом азиатов ими овладело желание воевать. После энергичного Яхмоса I целый ряд фараонов продолжал успешные завоевания в Палестине и Сирии. Величайшим из них был Тутмос III, наводивший ужас на врагов Менхеперра, — самый способный полководец за всю историю Египта. Он правил пятьдесят четыре года и выиграл немало кампаний против нубийцев на юге, азиатов на севере и востоке и ливийцев в Западной пустыне. В 1467 г. до н. э. во время своего восьмого похода Тутмос III пересек Евфрат. Это было вершиной египетских побед и завоеваний.

Страна за страной покорялись египтянам, и богатые трофеи стекались в Фивы, особенно в сокровищницу бога Амона. Преемники Тутмоса III — Аменхотеп II (с его знаменитым боевым луком) и Тутмос IV — сохранили мощь Египта, но не расширили его владений, а когда на трон вззошел Аменхотеп III Великолепный, он решил, что ему вообще ни к чему новые завоевания. После семи лет царствования он ни разу не выводил войска из Фив и до конца жизни наслаждался роскошью столицы вместе со своей женой, царицей Тией, которую, видимо, очень лю-

бил. Имя ее появляется рядом с именем фараона на большей части его надписей. Это нововведение получило дальнейшее развитие в царствование его сына и наследника. Однако в то же время Аменхотеп III содержал многочисленный гарем, и среди его жен была дочь царя Митанни, которая привезла с собой «главных дам и слуг своего гинекея¹⁷, всего 317 человек». Азиатское влияние было сильно при дворе фараона и распространялось на все египетское общество того времени. Мать самого фараона была родом из Митанни, ибо за последнее столетие у военачальников фараона вошло в обычай привозить из далеких походов самых красивых пленниц и жениться на них. Изменения во внешнем облике египтян легко проследить по росписям и рельефам в гробницах XVIII династии.

Египет уже не был изолированным миром, замкнутым в пределах Нильской долины, как во времена Древнего царства. Он превратился в могучую державу и вел широкую торговлю и культурный обмен с другими великими нациями Древнего Востока. Среди них были минойцы, великая островная цивилизация Крита, чьими наследниками стали греки; вавилоняне с низменных равнин Евфрата; царство Митанни, чьи племена населяли земли за большой излучиной Евфрата; и наконец хетты, обитавшие к западу и северу от Сирии в Малой Азии, примерно на территории современной Турции. Было также еще одно менее сильное государство, которое в то время не очень уверенно пыталось подчинить своему влиянию одновременно Вавилон и Митанни. Но как раз это государство, Ассирия, выросло потом в самую могущественную державу на севере Месопотамии. Все эти территориальные деления весьма приблизительны и служат лишь для того, чтобы читатель мог определить примерное местонахождение древних государств на современной карте.

Такова была и ситуация, когда изнеженный сибарит Аменхотеп III правил в Фивах. Он жил в своем дворце на западном берегу и — если верить посвячительной надписи на одном скарабее — любил кататься по озеру с царцей Тией на лодке, называвшейся «Сияние Атона». Название это знаменательно. Атон, что означает «Солнечный диск», был одним из воплощений Ра. По-видимому, уже тогда фараон, обеспокоенный растущим влиянием жрецов Амона, начал покровительствовать жрецам из Гелиополя с их культом бога-солнца. В сущности, эту тенденцию

можно проследить еще дальше, до его предшественника, Тутмоса IV: Его сын Аменхотеп III — один из египетских фараонов, которому поклонялись, как богу, *еще при жизни*.

По мнению большинства египтологов, этот культ был введен по политическим соображениям:

а) для того, чтобы противопоставить его Амону, чьи жрецы приобрели слишком большую власть;

б) для того, чтобы создать *всеобщего* бога, которого признали бы не только египтяне, но и подданные фараона во всех его владениях.

Согласно одной теории, Аменхотеп III надеялся, что, если его обожествят и будут чтить, как Небмата, Великого бога, он сможет удерживать завоеванные народы в повиновении, не прибегая к военной силе. Это было весьма похоже на него — с его известной прозорливостью. Однако Аменхотеп III все же не решился отождествить себя с Атоном.

На четвертом году его царствования Тия родила ему сына, который сначала носил имя отца.

Растянувшись по восточному берегу Средиземного моря, там, где ныне находятся Палестина и Сирия, лежали вассальные владения фараона. Их правителями были князья, воспитанные при египетском дворе. От них и от царей соседних стран в Иностранное ведомство Аменхотепа III поступали письма. Многие из них сохранились до наших дней. Так, Тушратта, брат одной митанийской принцессы и отец другой, которых Аменхотеп взял себе в жены, пишет о неудачной попытке хеттов вторгнуться в Митанни:

Тешуб, мой Владыка, предал врага в мою руку, и я отразил его. Ни один из них не вернулся в свою страну...

Акки-иззи, правитель Катны, другой египетской провинции, предупреждает фараона об угрозе нападения на него и на соседние вассальные страны со стороны аморита Азиру, о котором мы еще услышим:

О мой повелитель, если беды этой земли близки сердцу моего повелителя, пусть мой повелитель пошлет войска и пусть они придут!

В Египетской империи уже начиналось брожение, но оно еще не достигло угрожающих размеров. В большин-

стве ранних писем содержатся главным образом бесстыдные просьбы золота.

«Пошли мне много золота, и еще больше золота,— пишет Тушратта из Митанни,— ибо в земле моего брата (т. е. Аменхотепа III) золото, как песок..»

«...Пришли мне много золота,— пишет царь Вавилона.— Если ты ко времени жатвы пришлешь мне золото, о котором я писал, я отдам за тебя мою дочь».

Фараон не зря держал в своих руках золотые рудники Нубии. Золото было могучим орудием дипломатии.

Когда наследному принцу Аменхотепу исполнился двадцать один год, он женился на прелестной Нефертити, чье имя означает «Прекрасная Пришла». Это та самая царица, чья красота стала всемирно знаменитой благодаря скульптурному портрету, найденному немецкой экспедицией в Амарне. Почти наверняка она была дочерью Аменхотепа III и, следовательно, сестрой наследного принца.

На своем празднестве «сед», т. е. на тридцатом году царствования, фараон назначил своего сына соправителем и с тех пор Аменхотеп IV правил Египтом совместно с отцом. Мы не станем строить предположений о том, как развивался характер принца во время его детства и юношества при фиванском дворе, и о том, насколько сильно влияла на него его мать царица Тия из Митанни. Все эти предположения о сирийском влиянии в Фивах уже обсуждались до бесконечности всеми авторами, писавшими о «ереси» фараона. Здесь мы изложим лишь факты.

В первые четыре года совместного правления с отцом юный фараон оставался в Фивах. Затем он начал строить совершенно новую столицу на пустом месте, примерно в двухстах милях ниже по течению Нила. На шестом году царствования он покинул Фивы и обосновался в новом городе, который был назван Ахетатон («Горизонт Атона»). В то же время он изменил свое имя и стал называться Эхнатон, что означает «Угодный Атону», и приказал стереть все имена Амона в гробницах, храмах и прочих памятниках по всей стране, где бы они ни были начертаны. Даже на памятниках своего отца.

Таковы факты. Но какие трагедии открываются за ними и сколько они вызывают вопросов! Что за человек был этот юный фараон? Что заставило его решиться на столь глубокие изменения? Как пришел он к выбору этого уеди-

ненного места? В воображении возникает шумная гавань имперской столицы с толпами народа, царская барка, сверкающая золотом и серебром обшивки, коричневые потные спины гребцов и огромный балдахин, под которым сидят фараон с женой в окружении друзей и советников. Барка скользит мимо многоколонного храма Амона, ненавистного фараону божества, мимо складов и пристаней, заполненных иноземными товарами, и плывет по течению все дальше и дальше — двести с лишним миль. День проходит за днем, и наконец перед глазами фараона возникает на восточном берегу широкая песчаная равнина, замкнутая полумесяцем коричневых холмов. Они изгибаются, словно огромный боевой лук, и река соединяет его концы, как тетива. Эхнатон понял, что нашел место для своего города.

Затем, подгоняемые нетерпением фараона, сюда устремились тысячи рабочих, чтобы в кратчайший срок построить новую столицу. Фасадом на главную улицу, Дорогу царей, возник дворец, соединенный мостом с Домом фараона. А рядом — храм Атона. В аристократическом квартале выросли виллы знати с изящными колоннадами при входе, со своими житницами и конюшнями. Там, где к берегу причалила царская флотилия, появились гавань и пристани; там, где дымились безлюдные пески, зацвели сады редкостных деревьев, привезенных из Азии, яркие цветы и растения, которые так любил фараон. Отсюда на шестом году правления при поддержке царицы, трех дочерей и верных придворных Эхнатон объявил войну Амо-ну и начал претворять свой смелый план в жизнь.

Теперь мы уже почти переправились через Нил. Нашей фелуке пришлось резко отвернуть, чтобы избежать столкновения с двумя счаленными вместе огромными баржами, нагруженными тюками соломы, — казалось, они плывут по течению без руля. За ними покачивалась на волнах привязанная за веревку лодка со спящим лодочником. Наш рулевой только рассмеялся, показывая на него, и сказал:

— Сумасшедший!

Когда мы приближались к восточному берегу, оттуда послышалась беспорядочная ружейная стрельба. Но для беспокойства не было причин. Просто юноши из Эль-

Тилла встречали нас салютом. Пришлось встать и выглядеть польщенным. Еще бы! Нас встретили, как шейха. На берегу нас ждали приветствия, рукопожатия и улыбки.

Мы снова влезли на осликов и двинулись дальше — через деревню с пальмовой рощицей, еще дальше — через пустыню. Солнце обжигало нам спины. Неторопливый, семенящий бег ослов, ритмичное покачивание навевали мечтательное настроение. И вновь в памяти всплывала трагедия далеких веков.

Семнадцать лет правил Эхнатон Египетской империей из своей новой, утопающей в роскоши столицы Ахетатон. Сюда стекались богатства со всего известного в то время мира, и в имперской канцелярии фараона, расположенной близ его дворца, хранились письма всех иноземных царей. Они, эти письма, мало чем отличались от тех, которые посылали отцу фараона: в основном просьбы о присылке золота. А из сирийских и финикийских провинций — молебны о военной помощи. Хетты, старые враги Египта, проникали все дальше на юг. Некоторые вассальные царьки сохраняли верность Египту, но другие начали захватывать такие города, как Тунип, Симира и Гебал, якобы чтобы они не попали в руки хеттов, а на самом деле эти царьки были авангардом захватчиков. Среди них наиболее заметными были амориты Абдаширита и его сын Азиру.

Правитель Тунипа, города, оказавшегося под угрозой захвата, писал Эхнатону:

Мой повелитель, Тунип, твой слуга, говорит и изрекает: кто мог прежде опустошить Тунип, не опасаясь опустошения от Менхеперра [Великого Тутмоса III, предка Эхнатона]? Боги владыки Египта, моего господина, пребывают в Тунипе. Пусть мой повелитель спросит своих старейшин, если это не так.

И вот теперь мы не принадлежим более нашему повелителю, царю Египта. Если его войны и его колесницы придут слишком поздно, царь Египта будет оплакивать то, что соделал Азиру, ибо он занес свою длань над нашей страной. И когда Азиру войдет в Симиру, он сделает что захочет с землями нашего повелителя фараона... А ныне Тунип, твой город, рыдает, и слезы его текут потоком, и у нас больше нет надежды. Ибо двадцать лет мы пишем нашему повелителю фараону, владыке Египта, но в ответ не получаем ничего, ни единого слова.

На северных и восточных границах появилась новая волна пришельцев из Северной Месопотамии, которая уже

осаждала бастионы Египетской империи. Внешние стены уже рушились, но звуки их падения достигали слуха фараона лишь как слабый шелест.

В своем прекрасном городе, в обрамлении коричневых холмов, он думал только о том, что было близко его сердцу: расширял дворцы, строил залы для празднеств и храмы, поощрял реализм и гуманизм в искусстве и вдохновлял веру в единого доброго бога, которому посвятил себя. Ибо к тому времени Эхнатон стер последние следы древней веры. Начав с ненавистного Амона, он запретил почитание всех других богов. Исида, Осирис, Хатор, Птах и весь пантеон малых богов были преданы забвению. В гробницах его придворных, которые отныне строились на восточных склонах холмов за его городом, не осталось места демонам и чудовищам Подземного царства. Вместо всех заклинаний возник великий Гимн Атому, самое восторженное выражение веры Эхнатона. Возможно, его сочинил сам фараон.

Ты восходишь, прекрасный, на горизонте неба
О живой Атон, дарующий жизнь!
Когда появляешься на востоке неба,
Ты озаряешь все земли своей красотой.
Ты прекрасен, велик и сияешь высоко над каждой страной.
И пути твои обнимают все земли, тобой сотворенные.
Ты — Ра, и даешь им все,
И даруешь все своему богоравному сыну.
Ты далек от земли, но лучи твои греют землю,
Ты озаряешь все лики, но никто не знает твоих путей.

Когда ты уходишь за вечерний край неба,
Земля в темноте и подобна уснушему:
Все спят по домам,
Накрыв свои головы,
И никто никого не видит.
Все добро украдено из-под их изголовий,
Но никто об этом не знает.
Все львы выходят из логова своего,
Все змеи жалят, ибо тьма есть смерть.
Вся земля безмолвна, ибо тот, кто создал ее,
Покоится за горизонтом.
День зарождается, когда ты восходишь на горизонт.
Ты сияешь в небе, Атон, ты разгоняешь тьму.
Когда ты посылаешь с неба свои лучи,
Обе земли радуются,
Пробуждаются люди, встают, ибо ты их поднял,
Омовения совершают, надевают свои одежды,
Воздевают руки, восхваляют твое появление.
Вся земля оживает для дневных трудов:

Стада пасутся на пастбищах,
Трава и листва зеленеют,
Птицы слетают с гнезд,
И трепещут их крылья, слава твой «Ка».
От радости скачут козлы,
Оживают все птицы и твари, когда ты озаряешь их.
Лодки плывут вверх и вниз по реке,
Все дороги открыты, ибо ты появился.
Рыбы выпрыгивают из воды, встречая тебя.
Ты простираешь свои лучи до середины моря.
Создатель зародыша в женщине, ты семя даешь мужчинам,
Жизнь сыну даешь в чреве матери,
Утешаешь его, чтоб не плакал,
И питаешь его даже во чреве.
Ты даешь дыхание жизни всем своим созданиям.
Когда сын выходит из чрева в день своего рождения,
Ты отворяешь его уста,
Дабы мог он кормиться и жить.
Пыленок в яйце пищит,—
И ему ты даешь дыхание, чтобы он в скорлупе мог жить,
И назначаешь срок, когда ему выйти наружу.
И выходит он из яйца в назначенный час,
И пищит, и бежит на своих ногах,
Едва выйдет на свет.
Как чудесны твои творения!
Они скрыты от глаз людей,
О единый, единственный бог,
Нет другого, тебе подобного!
Сотворил ты землю по воле своей,
Когда был одинок:
И людей, и скот, и животных всех.
Кто ногами по земле ступает,
И всех птиц, кто в небесной выси
Летает на крыльях,
И чужие земли, Куш и Сирию,
И земли Египта.
Ты всех поселил на своих местах
И всем дал, что нужно.
Дана каждому пища на каждый день,
И дни каждого сочтены.
Различна их речь и обличия их различны.
Ибо ты разделил народы.

Сотворил ты Нил и в Подземном царстве,
Чтобы люди Египта жили,
Повинуясь воле твоей,
Ибо ты их создал для себя,
О Владыка всего на свете!
Утомляют они тебя,
О Владыка всех стран, над которыми ты
Каждый день сияешь для всех,
Ты, исполненный благодати Диск Дня.
И далеким землям даешь ты жизнь.
Сотворил для них ты Нил в небесах,

Дабы мог он спуститься к ним
И разлиться разливом в горах,
Словно море.
И поля напоить во всех городах.
Превосходны твои замыслы,
О, Владыка Вечности!
Нил небесный — подарок твой
Чужеземным народам
И стадам их, что шествуют на своих ногах.
Но истинный Нил вытекает
Из Подземного царства.

Питают лучи твои каждое поле;
Когда ты восходишь,
Все поля живут и цветут для тебя.
Разделил ты год на сезоны,
Дабы зрело все, тобой сотворенное.
Создал зиму с ее холодами
И лето с его жарой,
Все ты сделал себе по вкусу.
Ты создал небеса высоко над землей,
Чтобы с них сиять и с них видеть
Все, тобой сотворенное.
Ты — один, восходящий над всеми
В своем облике диска, живой Атон,
Восходящий высоко, сияющий издалека,
И однако близкий.
Все глаза тебя видят воочию,
Ибо ты — Атон, сияющий днем над землей.

Ты в сердце моем,
И никто не знает, как твой сын,
Нефер-хеперу-Ра, Ва-эн-Ра.
Ты дал ему мудрость и мощь свою,
Дал постичь свои замыслы.
Земля существует в твоей руке,
Какой ты ее сделал.
Когда ты восходишь, она живет,
Когда ты заходишь, она умирает,
Ибо ты сам — течение дня,
И тобою люди живут.
Доступна глазам красота,
Пока ты на небе.
Но когда ты заходишь по правую руку,
Все дела прекращаются.
А когда ты восходишь по левую руку,
Все растет и множится для фараона,
Все живет и движется с той поры,
Когда нога ступила на землю.

Ты сотворил все для сына,
Возникшего из плоти твоей,
Для Владыки Верхнего и Нижнего Египта,
Живущего в праведности,

Для Повелителя Двух Земель,
Нефер-хеперу-Ра, Ва-эн-Ра, сына Ра,
Живущего в праведности,
Для властелина корон, Эхнатона,
Да живет он вечно,
И для великой жены фараона, его возлюбленной,
Повелительницы Обеих Земель,
Нефер-Неферу-Атон, Нефертити,
Да живет она и остается юной
На веки веков!

Оставим на время всякие комментарии и предположения! Этот чудесный гимн — квинтэссенция религиозных убеждений Эхнатона.

Критики отмечали, что в нем нет морального учения. «Атон,— писал Пендлбери,— чисто созидательное божество. Он породил все сущее и обеспечил его всем необходимым, но на этом его роль кончается. Нет ощущения, что он воздаст за добро и покарает зло. Нет понятия греха и даже понятий правды и неправды».

Замечание справедливое, однако отсутствие этических порм в единственном сохранившемся религиозном тексте отнюдь не означает, что их не было в вероучении.

Но даже если теологическая позиция Эхнатона не совсем ясна, то его личность поэта и провидца не вызывает сомнений. Может быть, сам образ его жизни был красноречивее всех его слов. Он отверг бессмысленную мистику и сотни человекообразных богов — наследие дикого прошлого. Но самое замечательное в его учении — это *отсутствие страха*! Разрушительные качества солнца ни разу нигде не упоминаются.

«Это божество,— писал Пит,— было благожелательным и благотворным; его почитателей вдохновлял не страх, а только благодарность и чувство естественной зависимости».

Никто не восхваляет его исключительного могущества, как в гимне Амону, приведенном в одной из первых глав. Бог-солнце дарует благодать всем землям без различия. Он универсален.

Различна их речь, и обликия их различны,
Ибо ты разделил народы.
Далеким землям даешь ты жизнь.
Сотворил для них ты Нил в небесах,
Дабы мог он спуститься к ним
И разлиться разливом в горах, словно море,
И поля напоить во всех городах.

Потрясенный египтянин, застигнутый ливнем в далеких землях на северо-востоке, смог придумать только такое объяснение: Атон вознес еще один Нил на небо. Но при этом добавил, что настоящий Нил египтян течет из Подземного царства.

Эту черту универсальности консервативная школа считает явным доказательством, что Атон был всего лишь объединяющим политическим символом. Но разве те же самые строки не свидетельствуют о том, что египтяне просто-напросто научились, наконец, признавать мир и за пределами своей узкой долины?

Вместе с религиозной революцией — если она была только религиозной — произошел еще более удивительный переворот — в искусстве. Тысячи лет искусство египтян было жестоко ограничено религиозными канонами, особенно в отношении к царственным персонам. Фараонов можно было изображать только в строго определенных позах, и эти изображения повторялись из века в век. Фараон был богом, и в искусстве, особенно в скульптуре, требовалось прежде всего выразить его могущество и царственное величие. Что касается цариц, то их редко изображали рядом с фараоном, но всегда в таких же напыщенных позах. Правда, во времена последних фараонов XVIII династии произошло некоторое послабление, рисунок стал более гибким и естественным, однако основная мысль — традиционное величие! — осталась.

Во время царствования Эхнатона все эти условности были отброшены. Очевидно, по указанию самого фараона — ибо кто другой мог сломать столь глубоко укоренившиеся традиции? — художники начали изображать то, что видели собственными глазами. Они перестали угодливо скрывать физические недостатки. Если человек был тучен и стар, его уже не изображали стройным юношей, какой бы пост он ни занимал. Сам фараон, по-видимому, не отличался физическим совершенством. У него был большой живот, чрезмерно удлиненная голова и слишком вытянутая шея. Все эти особенности, включая неестественную женственность, на которую обратили внимание современные специалисты, художники запечатлели достоверно, повинаясь приказу Эхнатона. Он позволил Нефертити занять равное место рядом с собой и — что было еще более революционным жестом — разрешил художникам изображать себя в самой естественной и интимной обстанов-

ке: здесь он сидит с ребенком на коленях, а здесь даже целует свою жену.

На кратчайшее мгновение истории — всего на каких-нибудь семнадцать лет из тысячелетий! — бог сошел с пьедестала и превратился в человека.

Наши ослики преодолевали последние метры пологого склона в тени пальмовой рощи, за которой начиналась озаренная испепеляющим солнцем песчаная равнина. К югу не было ничего, кроме щебня, пыли и кучи глинобитных развалин и черепков — остатков раскопок, которые велись здесь более полувека. Глаз постепенно различал в этом хаосе контуры фундаментов и широкую центральную улицу — Сиккит-ес-Султан. Когда-то она пересекала столицу Эхнатона. Ослы остановились. Один из гаффиров поднял ружье и выпалил в воздух. Далекие скалы ответили эхом. Наступила тишина. А затем из черного зева на высоком склоне холма выступила неясная в знойной дымке голубоватая фигура — гаффир из охраны гробниц. Грохнул ответный выстрел, и его эхо раскатилось над всей песчаной равниной. Главный инспектор повернулся ко мне с улыбкой и сделал широкий жест рукой.

— Город Атона,— сказал он.

Глава XIII

ГОРОД СОЛНЕЧНОГО БОГА

Золотые дворцы, величавые стены,
Несравненная утварь и пышные залы,
Роскошь дивных садов, взлет колонн вдохновенных —
Все развеялось в прах и, как дымка, пропало...

На темной извилистой полоске между рекой и холмами покоятся наполовину погребенные руины священного города Эхнатона. Если не считать римского лагеря и одной-двух арабских деревушек, никто не занимал этого места с тех пор, как Тутанхамон перенес свой двор обратно в Мемфис. Город Ахетатон возник, расцвел и был покинут всего за одно поколение.

Ветер хлещет в глаза, блики от марева над раскален-

ным желтым песком ослепляют. Ослики застревают в песке, когда мы сворачиваем вслед за главным инспектором на север.

— К Северному дворцу! — объявляет он мелодраматическим голосом.

Но я-то знаю, что в лучшем случае увижу только жалкие глинобитные стены. Неужели я сошел с ума, чтобы забраться в такую даль ради подобной малости? Но тут кое-что приходит на память. Северный дворец... О чем это рассказывал мне Г. У. Фейермен в Каире — тот самый Фейермен, который вел раскопки в Амарне вместе с Пендлбери перед самой войной и заразил нас своим энтузиазмом?

Я нащупал в кармане скомканный листок с заметками и чертежами, которые он набросал для меня. Северный дворец был предназначен для празднеств и развлечений, а рядом находился особый дворец, куда царица удалялась после размолвки с фараоном. Теперь я вспомнил, и, пока мой ослик пробирается между ям и куч, я воссоздаю в памяти последние годы жизни Эхнатона и все интриги, последовавшие за его смертью.

С самого начала царица Нефертити, видимо, целиком приняла новую веру. Эхнатон любил свою красавицу-жену, и ее влияние на его чувствительную натуру было велико. Подобно своей матери, царице Ти, она занимала равное место с царственным мужем на его памятниках и надписях. По правде говоря, женское влияние при дворе Эхнатона было даже сильнее, чем при дворе его отца, Аменхотепа III. Пендлбери подметил одну любопытную деталь: если скульптуры предыдущих царств изображают фараона как бы идущим, а царицу всегда стоящей, то в Амарнский период все наоборот. Нефертити и ее дочери — у Эхнатона не было сыновей — изображаются идущими, а фараон стоящим. На рельефе, где фараон приносит жертвы в храме Атона, рядом с ним стоит Нефертити и потрясает звенящим *систром*¹⁸. И там, где фараон награждает придворных, присутствует царица со своими дочерьми и вручает Эхнату золотые ожерелья, которые он жалует своим приближенным.

Тем временем поток писем от отчаявшихся, но все еще верных правителей из азиатских владений фараона все возрастал. С востока на Ханаан надвигались хабиру, которых ряд историков отождествляют с евреями, на севере

агрессивный царь хеттов Супиллиуума побуждал мелких правителей северных провинций порвать с Египтом. Предатель Азиру становился все опаснее. В письмах к Эхнатону он клялся в своей преданности и в то же время напал на его финикийские города.

Одним из таких городов была Симира. К югу от нее находился порт Библ, который оставался верен фараонам не одно столетие, еще со времен Древнего царства. Правитель Библа Риббади не раз писал фараону, и взволнованные письма его были обнаружены в Амарне более пятидесяти лет назад. В одном из них он говорит:

Знай, что Азиру побил моих вождей, а вождей, посланных мною в город Симира, он приказал схватить в городе. Оба города, Берута и Сидуна, посылают свои корабли в город. Все, кто есть в земле аморитов, собрались вместе... Мне нужны люди, чтобы спасти эту землю... Дай мне воинов!

Но никакой помощи не было послано, и Симира пала. Верный Риббади снова писал:

Прискорбно говорить о том, что сотворил этот пес Азиру. Знай же, что претерпели земли фараона по его вине! Он кричал о мире в стране, а теперь услышь, что стало с городом Симира, опорой моего повелителя, его крепостью... и они разграбили нашу крепость... ах, эти вопли на площади!.. бешеный человек и пес...

Немного найдется документов, которые могли бы так взволновать наше сердце, как эти маленькие таблички из обожженной глины, на которых писец Риббади оттиснул клинописью гневные и страстные послания упрямого старого вояки.

А теперь Абдишерах со своими братьями двинулся на нас... Выступи против него и уничтожь его!.. Эта земля — земля фараона... но пока я говорил, а ты не двинулся, город Симира был потерян. Нет денег, чтобы купить лошадей, все кругом враги... нас предали... дай мне тридцать колесниц, и воинов, воинов... у меня нет ничего... даже одного коня...

Перечитывая это и другие письма из канцелярии Эхнатона, ведавшей внешними сношениями, найденной в Амарне, невольно удивляешься: почему фараон не ответил на эти отчаянные призывы? Может быть, это была сознательная политика непротivления или же он был порывым пацифистом? А может, его бездеятельность объяснялась просто летаргией и безразличием?

Нам никогда не узнать ответов на эти вопросы, но в закниту Эхнатона мы можем сказать: скорее всего, он ни-

когда не видел этих посланий. Письмо предателя Азиру к Туту, министру иностранных дел Эхнатона, наводит на мысль, что между Азиру и Туту было тайное соглашение. Азиру пишет:

Ты там, на месте [в Египте], и то, что пожелает отец мой Туту, напиши, и я это обязательно сделаю. Знай, отец мой и повелитель... земли аморитов — твои земли, и мой дом — твой дом; и чего бы ты ни пожелал, напиши, а тогда! Смотри! Я исполню все твои пожелания. Смотри теперь! Ты сидишь рядом с фараоном, моим повелителем, а мои враги клеветуют на меня моему отцу, фараону, моему повелителю. Не допускай этого...

Вполне возможно, что Эхнатон видел только те письма из своих владений, которые ему показывал Туту.

И еще раз повторю: сегодня нам легко быть умными, зная заранее, как дальше развернутся события. Но то, что нам сегодня кажется очевидным, совсем не казалось тогда ясным Эхнатону, который все время получал от Азиру письма с самыми пылкими заверениями в верности. Если учесть огромные по тем временам расстояния и медлительность доставки, Эхнатона можно, до известной степени понять и простить.

Однако один факт несомненен. На двенадцатом году царствования фараона посетила его мать, царица Тия. Она прибыла к Эхнатону с определенной целью. Предлогом для ее визита послужил праздник, изображенный на стенах гробницы Хеви, где посланцы вассальных стран приносят дань фараону. Понимая, какая опасность угрожает империи и, может быть, самому Египту, царица-мать, видимо, уговорила сына примириться с фиванскими жрецами. Достоверно известно только то, что на пятнадцатом году своего правления Эхнатон женил своего сводного брата Сменхкара на своей дочери Меритатон и сделал Сменхкара своим соправителем, точно так же, как Аменхотеп III сделал самого Эхнатона своим соправителем в последние годы своего царствования. Но что интересно, Сменхкара и Меритатон вернулись в Фивы и царствовали там, в то время как Эхнатон продолжал править в Ахетатоне.

Вся жизнь Эхнатона представляла собой сплошной бунт. Он отверг древних богов и запретил им поклоняться, ушел из столицы предков и построил новый город, который посвятил своему «единственному богу». После всего этого любой компромисс, любая уступка должна была его

глубоко ранить. И тем не менее остается одно очень смелое предположение: а что если *главной движущей силой новой религии, культа Атона, был не фараон, а его жена Нефертити?* В таком случае становится понятной ее ссора с Эхнатом после его компромисса с Фивами. Египтологи, которые вели раскопки дворцов Амарны и просеивали каждую щепотку, нашли доказательства, которые делают это предположение небезосновательным. Краткий обзор таких свидетельств читатель найдет в Приложении, а пока мы изложим сделанные из них выводы.

Примерно на четырнадцатом году своего правления Эхнатон, по-видимому, поссорился с Нефертити, которая удалилась в северный квартал города, отделенный высокой стеной. Она взяла с собой Тутанхатона, сына другого сводного брата фараона, имя которого найдено рядом с ее именем на различных предметах в Северном дворце. В то же время имя самой Нефертити на многих памятниках в южных кварталах, в частности в Меруатоне — Южном дворце празднеств, — было соскоблено и заменено именем ее дочери Меритатон. Ссора могла возникнуть из-за попытки Эхнатона помириться с Фивами, ибо Нефертити осталась верной почитательницей Атона либо из религиозных убеждений, либо потому — и это скорее всего, — что понимала: ее политическое будущее рухнет, если к власти вернуться жрецы Амона. Обостренным женским чутьем она предвидела то, чего не понимал Эхнатон. Так или иначе, Сменхкара вернулся в Фивы и готовился перейти обратно в стан поклонников Амона. Оставшийся один в Южном дворце, Эхнатон женился на своей дочери Анхесенпаатон, которая вскоре родила ему дочь.

На семнадцатом году своего правления Эхнатон умер в возрасте сорока одного года, и почти одновременно умер Сменхкара. Трон остался без преемника, и Нефертити получила последний шанс. Она выдвинула Тутанхатона и срочно женила его на Анхесенпаатон, вдове Эхнатона. Таким образом она сделала его законным наследником, и Тутанхатон, будучи еще ребенком, некоторое время правил Египтом из Ахетатона под надзором Нефертити. Но когда она умерла, его убедили перебраться в Фивы. Там он переменял имя и стал Тутанхамоном, чью гробницу нашел Говард Картер. А его жена приняла имя Анхесенамон. Колесо истории завершило полный оборот. Великая реформация кончилась, и жрецы Амона вернулись к власти.

Они расквитались за все. Точно так же, как Эхнатон приказал соскабливать имя Амона со всех памятников, они, в свою очередь, заставили верующих срубить имя еретика Эхнатона, где бы оно ни было. Сотни рабочих отправлялись в опустевший город Ахетатон. Всюду, где они находили имена или изображения Эхнатона и его супруги — в гробницах, храмах и частных домах, — они их уничтожали. Храмы Атона были разрушены и сровнены с землей. Мумия Эхнатона исчезла бесследно: очевидно, гробница его была взломана, а тело уничтожено. Но все это произошло уже позднее. Жрецам пришлось повременить со своей мстью. Тутанхамон был слишком тесно связан с ересью, и, пока он царствовал, память усопшего Эхнатона не следовало открыто оскорблять. Даже после смерти Тутанхамона — он правил всего девять лет — религиозный кризис еще не завершился.

Несколько лет назад археологи нашли в Турции в Богаз Кеуи клинописную табличку, которая вызвала немало споров среди египтологов. Это рассказ одного из хеттских царей о письмах, полученных его отцом Супиллулиумой от египетской царицы, чье имя приводится как Дахамунза. Табличку расшифровал профессор Сейс. После рассказа о разграблении Кархемиша (на равнине близ Антиохии) хеттский царь продолжает:

...А кроме того, их господин Нибхутурияс как раз в это время умер, поэтому царица Египта, которую звали Дахамунзус, послала гонца к моему отцу и так ему написала: «Мой муж умер. Сына у меня нет. А у тебя, говорят, много сыновей. Если бы ты мне дал из них одного твоего сына, он стал бы моим мужем. Никогда я не возьму своего подданного и не сделаю его своим мужем! Я боюсь такого позора!»

Супиллулиума был осторожен, даже сверхосторожен в таких делах, ибо брачный союз с Египтом мог принести ему неисчислимые выгоды. Однако он потерял много времени на предварительную разведку, и царица снова пишет ему. В словах ее слышится отчаяние:

Почему ты так говоришь: «Они меня-де обманывают?» Коли у меня был сын, разве стала бы я писать в чужую страну о своем собственном унижении и унижении моей страны? Ты мне не поверил и даже сказал мне об этом! Тот, кто был моим мужем, умер. Сына у меня нет. Но я никогда не возьму своего подданного и не сделаю его моим мужем. Я не писала ни в какую другую страну, только тебе я написала. Говорят, у тебя много сыновей. Так дай мне одного своего сына! Мне он будет мужем, а в Египте он будет царем.

Так вот, одним из имен Тутанхамона было Неб-хепе-ру-Ра. Оно вполне могло превратиться у хеттов в Ниб-хурру-рийа. А Дахамон была, по-видимому, Анхесенамон, вдова Тутанхамона. Многие годы филологи ломали головы над этими двумя именами. И лишь недавно доктор Е. Эдель установил исторический факт¹⁹, что Ниб-хурру-рийа и был Тутанхамон. Таким образом, удалось добавить еще одну важную деталь к запутанной египетской истории.

Эти письма вносят патетическую ноту в трагедию Анхесенамон. Ей было не более двадцати четырех лет, когда она их писала. Она уже дважды была замужем, первый раз за своим отцом, Эхнатом, и второй — за Тутанхамоном, который был еще ребенком семи-восьми лет. Она была наследницей и должна была знать, что престарелый Эйе, который был верховным жрецом при ее отце, намеревался жениться на ней и таким образом взойти на трон. В отчаянии юная царица шлет письма далекому царю хеттов, чьи земли лежали в восьмистах милях к северу, прося одного из его сыновей себе в мужья. Она знала, что время не ждет. Возможно, в ее распоряжении было всего семьдесят дней — срок, необходимый для бальзамирования и погребения тела ее мужа. Но на сей раз царь хеттов перемудрил. Когда он наконец убедился в искренности царицы, было слишком поздно. Анхесенамон выдали замуж за Эйе, а хеттский принц, все-таки посланный в Египет, так и не добрался до Фив. Очевидно, об этом позаботился Эйе. После его короткого правления XVIII династия, которая началась в ярком пламени славы, угасла, как догоревшая свеча.

Так я прибыл в Ахетатон, полный воспоминаний об Амарнском периоде. Без этой исторической основы, воссозданной благодаря поискам и открытиям таких людей, как Питри, Вулли, Пендлбери и других, это место значило бы для меня очень мало. Здесь нет таких грандиозных памятников, как в Гизе, Карнаке или в Фивах, и все же во многих отношениях это самый романтический уголок в Египте.

От Северного дворца Эхнатона остался только фундамент. Я медленно шел от зала с пилонами к центральному двору, окруженному колоннадой, по тем самым коридорам, по которым, вероятно, проходили Эхнатон и Нефертити, и дальше, по изрытому песку, где когда-то цвели

тенистые сады, полные птичьих голосов. В одном месте, по-видимому, находился зоологический сад, где фараон наблюдал за птицами и зверями: он страстно любил природу. Здесь сохранились остатки каменных кормушек с рельефными изображениями домашних животных и антилоп. Остатки птичника. И даже остатки аквариума. Сохранился ряд Т-образных бассейнов с основаниями пилонов между ними. Пендлбери пишет:

«Наклонные стенки бассейнов были сверху до уровня воды выкрашены в белый цвет, а ниже расписаны яркими водяными растениями: лотосами и водяными лилиями, чтобы казалось, будто они действительно растут здесь. Низкие борта бассейнов тоже были расписаны соответствующим образом, а земля вокруг бассейнов была выложена фресковидными панелями. На них изображались всевозможные дикие растения и утки, вылетающие из них, а также заросли папируса, среди которых бродили быки и коровы».

Все это создает впечатление, что дворец с правильно разбитыми садами вокруг искусственного декоративного озера с островками и беседками предназначался для отдыха и развлечений. Однако не все его помещения были обширными и строгими. Тут же находились маленькие, уютные комнаты. Вот комната отдыха фараона с возвышением для трона, вот его спальня и ванная, выходящие на небольшой внутренний дворик.

Однако Эхнатон предавался не только интеллектуальным и созерцательным развлечениям. В его дворце был обнаружен винный погреб с запечатанными кувшинами и надписями-этикетками: например, «Превосходное вино из Дома Эхнатона».

Позади Северного дворца, еще дальше на север, мне показали развалины толстой стены, за которой остались фрагменты фундамента Дворца уединения царицы Нефертити. Здесь почти ничего не сохранилось, и нечему пробудить фантазию. Мной овладевает нетерпение. Главный инспектор делает жест рукой в сторону холмов, и мы сворачиваем на восток, прочь от города Эхнатона, к гробницам.

План расположения Ахетатона напоминает букву *D*, в которой изогнутую сторону образуют скалистые холмы. Однако это не совершенная буква *D*. В середине изогнутой стороны между скалами остается просвет, сквозь ко-

торый из верхней пустыни в долину спускается *вади*, пересохшее русло реки.

Гробницы знатных людей разделены на две группы. Одни высечены в склонах, обращенных к долине на северной стороне вади, другие — на его южных склонах. А в четырех милях вверх по самому вади и находится одинокая гробница, может быть самого фараона-еретика.

Мы едем на своих осликах через знойную песчаную равнину к скалам. Приставив ладонь ко лбу, я пытаюсь посмотреть на солнце, которое стоит почти вертикально над головой. Наверное, так же смотрели на него поклонники Атона во дворе его храма и тоже видели огненный диск и устремленные к ним яркие лучи. Ослы останавливаются у подножия скал. Мы спешиваемся и поднимаемся по пологому склону к черному квадратному отверстию: это вход в гробницу Хеви, главного казначея и управляющего царицы Тии. После яркого солнца в прохладном полумраке вырубленных в скале помещений сначала не видишь ничего, даже лиц своих спутников. Но постепенно глаза привыкают и начинаешь различать окружающее.

Перед нами возникает огромное рельефное изображение, покрывающее почти всю стену. Царская семья принимает царицу-мать на торжественном пиршестве. Это было на двенадцатом году правления, когда Тия прибыла в Ахетатон с официальным визитом, по случаю праздника. В центре изображения сидит, удобно расположившись в кресле, Эхнатон и объедает мясо с кости, которую держит в правой руке; левая рука небрежно лежит на ручке кресла. Рядом с ним сидит Нефертити с жареной уткой в правой руке; она ест с тем изяществом, которое только возможно при таких обстоятельствах. Поскольку ножи и вилки еще не вошли в употребление, этикет, по-видимому, предписывал держать пищу только в правой руке, как на этом изображении. Так что фактически вся эта сцена не так уж нелепа, как может показаться по нашему описанию.

Справа, лицом к фараону и Нефертити, сидит царица Тия, которая справляется со своей едой более деликатно. Рядом с ней ее юная дочь Бекетатон, и царица протягивает девочке какие-то лакомства с пиршественного стола. Возле Нефертити сидят две ее дочери, Меритатон и, возможно, Нефер-неферу-атон. Перед каждым из взрослых

сотрапезников стоит свой стол, заставленный всякими яствами, фруктами и кувшинами с вином.

Хеви, в чьей гробнице мы находились, был кроме всего управляющим дворца Ти и наверняка принимал участие в этой церемонии, однако его фигурка так мала и скромна, что ее можно вовсе не заметить. Это первое и самое поразительное отличие гробниц Амарны от фиванских погребений. Фиванские изображения рассказывают о жизни владельца гробницы, и он, как правило, находится в центре картины. Здесь же, в амарнских гробницах, на первом плане всегда царская семья, и главной целью владельцев этих гробниц было показать, как высоко они стояли в глазах фараона.

Норман де Гарис Дэвис, посвятивший немало лет перерисовке и изучению этих сцен, пишет: «Они изображают только фараона, его семью, дворец, его занятия и поклонение солнцу, которое, возможно, было, если уж строго говорить, только его божеством».

На восточной стене Эхнатон ведет свою мать в храм Атона. На другой стене фараон и царица, сидя в больших царских носилках с балдахином, «принимают дань от Сирии и Эфиопии, от Востока и Запада, — гласит надпись. — Все страны собрались здесь, и острова с середины моря, все принесли дары фараону к его высокому трону в Ахетатоне...» Эхнатон и Нефертити сидят рядом, но даже на этой торжественной церемонии она обнимает его одной рукой за талию. И всегда над их головами сияющий диск Атона с простертыми к ним лучами, каждый из которых заканчивается ладонью, ласково благословляющей царственную чету.

Мы выходим из гробницы, щурясь от солнца. С площадки перед входом открывается вид на всю долину, и можно отчетливо различить следы древних дорог, которые вели от города к гробницам. Позади и над нами по гребням холмов тянулась сторожевая трона: по ней день и ночь ходили воины, охранявшие город от набегов бедуинов из пустыни.

Мы возвращаемся к подножию скал, садимся на остов и направляемся на юг вдоль линии холмов. Иногда мы спешиваемся, чтобы осмотреть ту или иную гробницу. Все они закрыты железными решетками, и каждую охраняет вооруженный гаффир. Сегодня, когда нас сопровождает сам

главный инспектор, гаффиры особенно стараются показывать свою бдительность.

Мы осматриваем гробницу Яхмоса, где высечена трогательная молитва писца фараона. В ней он просит Атона даровать царю:

Многие юбилей-хебседа и годы мира. Ниспошли ему все, что пожелает твое сердце, и чтобы всего было столько, сколько песчинок на берегу, сколько чешуек у рыб в реке, сколько волосков у скота в стадах. Пусть живет он, пока лебедь не сделается черным, пока ворон не станет белым, пока горы не сдвинутся с места... а я буду служить Доброму богу [т. е. фараону], пока он не назначит мне срок обещанного погребения.

Разве мог Яхмос предвидеть, когда приказывал написать эту молитву, сколь быстро угаснет вера в Атона?

В той же гробнице находятся живые рельефные изображения Эхнатона и Нефертити, восседающих на царской колеснице. Как на большинстве подобных сцен, они направляются в храм. Фараон и царица смотрят друг на друга и о чём-то разговаривают, совершенно не глядя, куда едут, хотя фараон и держит вожжи в руках. Между царственной четой над бортом колесницы едва виднеется головка маленькой Меритатон, с любопытством поглядывающей на резвых коней.

Фараона с женой, должно быть, часто видели в Ахетатоне на золотой колеснице, но вряд ли их поездки всегда бывали столь величественны, как они изображаются на стенах гробниц. В одном из домов ремесленников в Ахетатоне археологи нашли детскую игрушку — колесницу с пассажирами-обезьянами и возницей, тоже обезьяной. Лошади пятятся, и возница с великим трудом справляется с ними, а обезьяна-ездовой отчаянно пытается удержать их за поводья. Эта очаровательная маленькая модель, ныне выставленная в Каирском музее, подозрительно похожа на карикатуру.

Уже покидая гробницу Яхмоса, мы замечаем на стене нечто сразу напомнившее нам о глубокой древности этих изображений и о том, сколько столетий уже они привлекают посетителей. Во времена Птолемеев у входа в гробницы не было железных ворот, и праздные солдаты свободно заходили сюда. Они оставили на древней штукатурке свои имена и надписи, нацарапанные корявыми греческими буквами. Одна из них возвещает:

Поднявшись сюда, Катуллин начертал сие при входе, удивленный искусством этой святой пещеры.

А рядом другая надпись просто уведомляет:

Аулутрал. Я был здесь.

Ни в одной из этих гробниц нет изображений других богов, кроме Атона. Нигде нет богов и демонов Подземного царства. Ра на своей священной ладье, Исида, Нефтида, Хатор — все изгнаны отсюда. Надписи говорят только о почетных наградах, полученных знатными владельцами гробниц от фараона, перечисляют их должности и заслуги и иногда включают отрывки из Гимна Атону. Почти все гробницы либо не завершены, либо достроены в крайней спешке. В одних при входе высечена лишь половина колонного зала, в других изображения на стенах вообще только грубо прочерчены. В те времена, когда все приближенные Эхнатона спешили воздвигнуть себе вечные обиталища, рабочих рук, должно быть, остро не хватало, и мастера, по-видимому, торопились и переходили от гробницы к гробнице, оставляя много огрехов и незавершенных деталей. Таких же построенных на скорую руку сооружений немало и в самом Ахетатоне.

Теперь мы приближались к большому вади, который разрывает посередине цепь скал и ведет к одинокой гробнице на краю пустыни, где, может быть, покоился сам Эхнатон. Перед смертью он приказал, чтобы его похоронили «в моей усыпальнице в Восточной Горе».

Мы едем четыре мили по изрытой, каменистой дороге между голыми холмами и наконец достигаем начала малого вади. Царская гробница производит мрачное и гнетущее впечатление. Над входом нет никакой надписи. Наклонный коридор и ступени крутой лестницы приводят нас к погребальной шахте, где когда-то находился саркофаг. За ним расположен зал с сильно поврежденными рельефами, царская семья поклоняется Атону. От каменной лестницы открывается вход и в другую, меньшую гробницу, вырубленную для принцессы Меритатон, умершей в юном возрасте. Тело самого Эхнатона так и не было найдено. Профессор Сейс, наблюдавший за раскопками царской гробницы, увидел только останки трупа мужчины, сожженного через какое-то время после того, как он уже превратился в мумию. Но вместе с тем профессор Фейер-

мен отметил, что в уцелевших надписях имя Нефертити упоминается чаще, чем имя Эхнатона, и, поскольку в усыпальнице было место только для одного саркофага, весьма возможно, что так называемая гробница Эхнатона на самом деле предназначалась для Нефертити. Никаких следов царственных мумий до сих пор обнаружить не удалось и вряд ли теперь когда-либо удастся.

Мы возвращаемся на равнину. Мои неугомонные спутники, заметив, что я в отличие от них устал, слезают с ослов и, вольготно расположившись в тени скал, устраивают импровизированный пикник с рыбными сандвичами. Долгожданная передышка возвращает мне силы. Главный инспектор заботливо собирает остатки нашего пиршества и прячет их под камнями.

— Мы не должны оставлять мусор, — замечает он.

Затем он встает и указывает на верхнюю выровненную часть скалы, где на высоте 20 футов глубоко врезаны иероглифы.

— Это, — говорит он, — один из пограничных знаков города Ахетатон.

Мы все смотрим на гигантскую естественную *стелу*, а он переводит:

Покуда живет отец мой Атон, я сделаю, чтобы Ахетатон, Город Горизонта Солнца, стоял на этом месте. Я сделаю так, чтобы он не стоял ни к югу, ни к северу, ни к западу, ни к востоку отсюда... Вся земля между этими четырьмя стелами и есть сам город Ахетатон. Здесь все принадлежит Атону, моему отцу: горы, пустыни, луга, острова, верхние земли и нижние земли, поля, вода, деревни, люди, звери и все, что отец мой Атон породит здесь отныне и навсегда...

— Пошли дальше, — говорит наш проводник. — Нам еще многое надо увидеть.

Я влезаю на осла, и мы едем уже к южным гробницам.

Мы посещаем гробницу Туту, главного глашатая Египта, того самого министра иностранных дел, с которым Азиру был в дружеских отношениях. Здесь мы видим Нефертити, держащую на коленях двух маленьких дочерей, а рядом с ней — Эхнатона, который награждает своего верного министра. Поблизости стоят с дарами посланцы разных стран: Сирии, Эфиопии, Митанни и других. В надписи Эхнатон обращается к ним с такими словами:

О великие, стоящие перед фараоном, я желаю воздать тысячекратно по сравнению с прочими людьми моему приближенному,

ибо Туту, советник мой, возлюбил фараона, своего повелителя, превыше всего.

И Туту отвечает:

Мой добрый повелитель, правитель справедливый, изобильный богатствами, великий в постоянстве, славный памятниками без числа! Все твои повеления исполнены; они исполняются, как по воле самого Атона, повелитель, живой Атон... Ты правишь всеми землями: Сирия, Эфиопия и другие народы воздевают руки, восхваляя тебя...

После этой лстивой речи нелишне перечитать письмо Риббади, написанное после падения Библа:

Риббади — фараону, моему повелителю, семь раз склоняюсь перед тобой... Увы, не суждено моим сыновьям продлить мой род, как предсказывали когда-то прорицатели. Знай, что брат мой взял на себя командование и стал моим заместителем. Но пользы не было, солдаты гарнизона вместе с ним потерпели поражение, и зло было содеяно, и они принудили меня бежать из города. Он уже ничем не защищен от врага...

Знай, что город Библ поистине был подобен очам нашим; он был полон царских богатств. Слуги главного города жили в мире, и вожди были к нам благожелательны, пока все слышали глас фараона... Это был главный город земли, и они отняли его у меня. Но фараон, мой повелитель, защитит меня и вернет мне главный город и мой дом, как было прежде.

О фараон, мой повелитель! О фараон, мой повелитель, спаси город от позора...

Далее мы приблизились к гробнице Меху, начальника полиции. Я читал об этой гробнице в замечательной книге Дэвиса и особенно хотел посетить ее, потому что в ней сохранились прекрасные росписи, на которых фараон с царицей едут на колеснице, фараон целует царицу, а юная Меритатон палкой погоняет коней. Вход в гробницу низкий, сама она совсем маленькая, но настенные рельефы великолепны. Гаффир открывает железную дверь, и мы со вздохом облегчения укрываемся от палящего солнца в белой и прохладной внутренней комнате. И тут главный инспектор вскрикивает и гневно поворачивается к гаффиру, показывая на рельеф на дальней стене. Там, где были изображения Эхнатона и Нефертити, зияет глубокая дыра, а под ней на полу лежит куча белой пыли.

Когда перебранка немного стихает, я спрашиваю, что случилось.

— Гаффир, — отвечает инспектор, — говорит, что это сделал его враг, чтобы отомстить ему. И это не в первый

раз. — Он тяжело вздыхает. — Мы увольняем человека, назначаем на его место другого, и тогда бывший гаффир старается повредить гробницу, чтобы напакостить новичку.

Он вновь обрушивает на незадачливого стража поток громких, сердитых слов по-арабски. Его помощник присоединяется к главному инспектору, и маленькую гробницу Меху заполняют гневные голоса. Тем временем я осматриваю, по счастью, уцелевшие рельефы.

Меху, владелец гробницы, был начальником полиции в Ахетатоне. Он отвечал за сохранность храма и дворца и за оборону города. На одном из рельефов он изображен коленопреклоненным перед воротами храма в окружении своих людей: они потрясают оружием и восхваляют «доброе правителя».

Стража Ахетатона поет и повторяет припев: «Он награждает многих и многих! Он будет жить вечно, подобно Атону!»

На другом рельефе царская семья на колеснице осматривает укрепления города. Это тот самый рельеф, главная часть которого уничтожена. Перед колесницей бежит сам Меху и пятнадцать его стражников, а вместе с ними — везир и его помощник. Тучный везир уже не молод, и ему трудно тягаться с более молодыми мужчинами. Художник, верный реалистическим традициям Амарны, не пощадил даже этого крупного чиновника.

В этой сцене вездесущий Меху не только шлет прощальный привет царской чете, покидающей дворец, но он же первым приветствует их по прибытии на место. Кроме того, он изображен в самом выгодном свете при исполнении своих обязанностей: мы видим, как он выходит из дома, по-видимому, ночью, и выслушивает донесения своих офицеров. Они напали на след неких злоумышленников. С вооруженным эскортом Меху выезжает на колеснице, чтобы схватить этих людей. И в последней сцене он с торжеством отдает их в руки судей, среди которых находится сам везир, и говорит: «Допроси, о князь, этих людей, которых подговорили чужеземцы!»

Надо полагать, эти люди были шпионами.

От древнего рельефа меня отвлекает вполне современная сцена: главный инспектор, нынешний Меху, сидит как судья у дальней стены гробницы, а перед ним стоит трепещущий гаффир и пытается ответить на град вопро-

сов. Рядом, подобно писцу, помощник инспектора делает пометки в блокноте. Лица всех троих можно было бы изобразить на настенных рельефах. Ситуация такая же древняя, как сам Египет. Изменились только одежды и язык.

День уже клонится к вечеру, и я устал, однако нужно осмотреть еще одну гробницу, гробницу Эйе, приближенного Эхнатона, который после смерти Тутанхамона возшел на трон. Первоначально главный зал его усыпальницы должны были поддерживать двадцать четыре колонны, но было вырублено только пятнадцать. Настенные рельефы помимо обычных торжественных церемоний изображают внутренние покои царского дворца, куда Эйе, наверное, часто приглашали, как близкого друга Эхнатона. Мы видим гарем, разделенный на множество комнат. В одной из них группа женщин танцует под звуки арфы и лютни. В другой девушки причесывают свою подругу. А снаружи в коридорах скучают на своих постах угрюмые евнухи.

На главной сцене Эхнатон с балкона своего дворца одаривает счастливого Эйе, который стоит внизу во дворе в окружении своих друзей. Царица тоже сидит на балконе и ласкает свою дочь, а сверху Атон простирает над фараоном и царицей благословляющие лучи-руки.

Надписи этой гробницы воздают Нефертити столь высокую хвалу, какой наверняка не удостаивалась ни одна царица, не говоря уже о простых смертных.

Наследница трона, великая в благодеяниях, воплощение красоты, сладость любви, Владычица Юга и Севера, прекрасная лицом, радостная под двумя перьями (царского убора), возлюбленная живого Атона, Первая жена фараона, любимая им, повелительница Обеих Земель, великая в любви Нефертити, живущая вечно...

Внизу, за пределами двора, Эйе показывает подарки фараона своим обрадованным друзьям, которые пляшут и в изумлении всплескивают руками. Даже один из угрюмых стражников вопрошает:

— Для кого сотворилось такое веселье?

На это его товарищ отвечает:

— Сотворилось веселье для Эйе, отца бога, и для Тийи (речь идет о жене Эйе, а не о царице-матери). Они сделались подобными людям из золота!

— Ты узришь, — поддерживает его стражник, — ты узришь красоту их в веках.

Сам Эйе, по уже знакомой нам традиции египетских царедворцев, не скрывает своих достоинств. «Я возвышался над всеми,— рассказывает он нам,— обладал твердым характером, всегда все делал успешно, пребывал в добром расположении, преданно... следовал за его величеством, выполняя его повеления. А потому окончил жизнь в глубокой старости и в мире...»

Давно умершие голоса чуть слышным шепотом доносятся до меня со стен гробницы. Идеалист и интриган, верный слуга трона и предатель, хвастун и правдолюбец — все они сегодня одинаково достойны жалости. А снаружи горит, сверкает золотом закат, тот самый закат, который эти призраки любили так же, как и мы! Гаффиры начинают волноваться. Помощник инспектора, правоверный мусульманин, рассеянно шагает из угла в угол, бормоча про себя... «Аллах, Аллах...»

Значит, пора уходить и оставить Эйе с его друзьями во мраке и безмолвии. Главный инспектор подводит меня к выходу, где закатные лучи солнца озаряют прекрасные, чувственные рельефы Эйе и его жены в их сверкающих белизной одеяниях и тяжелых завитых париках. На их тонких лицах с печатью вырождения блуждает улыбка, а глаза устремлены на дверь; в молитвах своих они просили, чтобы им было дозволено выходить из нее каждый день:

Дай мне вдохнуть Северный ветер,
Благоуханный от ароматов бога моего...

Инспектор указывает на иероглифы под изображением фараона и царицы:

— Это великий гимн,— говорит он.

И спокойно, не торопясь переводит заключительные строки:

Земля существует в твоей руке,
Когда ты восходишь, она живет,
Когда ты заходишь, она умирает,
Ибо ты сам — течение дня,
И тобою люди живут...

Мы сотворили все для сына своего...
Для владыки Верхнего и Нижнего Египта...
Нефер-хеперу-Ра, Ва-эн-Ра, сына Ра,
Живущего в праведности,
Для властелина корон, Эхнатона,
Да живет он вечно,

И для великой жены фараона, его возлюбленной,
Повелительницы Обеих Земель,
Нефер-Неферу-Атон, Нефертити,
Да живет она и остается юной во веки веков!

Глава XIV

БУДУЩЕЕ ЕГИПТОЛОГИИ

Наши друзья-египтологи, дойдя до этой, последней главы — если они вообще до нее доберутся, — наверняка выразят недовольство:

— И это все? А почему не упомянуто такое-то и такое-то открытие? Как насчет Мариетта и Серапеума? А Легрен и его находки в Карнаке? И если уж говорить о современности, почему нет ни слова о находках Монте в Танисе или Эмери в Саккара?

Ответ прост: наша книга и не претендует на то, чтобы охватить всю историю Египта или рассказать обо всех важнейших открытиях. Для этого понадобились бы десятки таких книг. Возможно, в других книгах мы сумеем побольше задержаться на том, о чем, к сожалению, здесь лишь упомянули. Нашей целью было описать некоторые выдающиеся открытия, объяснить их значение и заинтересовать читателя, чтобы ему самому захотелось отправиться в тот волшебный мир, который обнаружили египтологи, без чьего настойчивого, самоотверженного труда мы знали бы о мире Древнего Египта очень немного. Почитайте воспоминания исследователей XVIII и начала XIX века, и вы не найдете там почти ничего, кроме восторгов и длинных антинаучных рассуждений. Однако за последние сто лет наши знания о Древнем Египте неизмеримо расширились, а техника раскопок настолько возросла, что современные археологи содрогаются при чтении отчетов некоторых своих предшественников и оплакивают невосполнимые потери, причиненные их варварскими методами.

Главная цель современной археологии — это накопление свидетельств и знаний, а не розыски ценных предметов. О том, насколько эффективны современные методы, можно судить по последним двум главам. От Амарнского периода до нас не дошло полных документов. Его история

долгое время воссоздавалась по крупицам из самых разных источников: один фрагмент находил филолог, изучая надпись на каком-нибудь черепке, другой — выкапывал археолог на месте, третий — был найден где-то за сотни миль от Амарны, но тем не менее давал ученым важные хронологические данные. Именно таким образом работают современные египтологи.

В первых главах нашей книги описаны пирамиды Гизе и Саккара, — эти памятники настолько грандиозны сами по себе, что производят впечатление, даже если о них почти ничего не знаешь. И все же именно Амарна, где и смотреть-то, казалось бы, не на что, кроме обрушенных стен и поврежденных гробниц, вписала в историю Египта одну из самых значительных страниц.

Но давайте посмотрим, как это произошло.

В 1887 г. местная крестьянка копалась в Амарне, отыскивая *себах*, азотистую землю для удобрений. Вдруг она натолкнулась на кучу маленьких табличек из обожженной глины. Никакой художественной ценности они не представляли и походили на собачьи галеты. Однако она подумала, что, может быть, торговцы в Луксоре дадут за них хоть несколько пиастров. Пока она дотасовала их в мешке до Луксора, половина табличек искрошилась в пыль. Уцелевшие образчики были доставлены в Париж, где какой-то французский ученый объявил их подделкой. Глава Службы древностей Гребо тоже отверг их. И лишь когда осталось всего 350 табличек, наконец спохватились, что они подлинные. Это был архив египетской иностранной канцелярии, и письма эти относились к одному из самых знаменательных периодов в истории Египта. Среди них были письма Риббади и других вассальных князей, о которых шла речь в предыдущих главах.

Это великое открытие, гораздо более важное с исторической точки зрения, чем находка гробницы Тутанхамона, привлекло в Амарну многих египтологов. Одним из первых был Питри. Он начал раскопки в 1891 г. и нашел среди прочих предметов великолепную фреску — часть ее выставлена в Ашмолианском музее в Оксфорде. Затем, с 1907 по 1914 г., его работу продолжила немецкая экспедиция. Именно тогда были найдены статуи Эхнатона и других членов царской семьи, а главное, чудесная раскрашенная голова Нефертити из известнякового камня, ныне прославленная на весь мир. Кроме нее была найдена

другая головка Нефертити из коричневого песчаника, и она (по моему мнению) еще прелестнее.

После первой мировой войны Общество по изучению Египта, которое так много сделало для египтологии, организовало экспедицию под руководством профессора Пита и Вулли, а позднее — профессоров Гриффиса, Ньютона, Уильмора и Френкфорта. Завершал их работу Дж. Д. С. Пендлбери.

Рельефы из гробниц, перерисованные Уилкинсом и Ленсиусом, самым тщательным образом изучил Норман де Гарис Дэвис. Благодаря этим перерисовкам ценнейшие надписи и сцены на рельефах уже не зависят целиком от вандалов и грабителей. Даже если они погибнут, как сцена с колесницей в гробнице Меху, в распоряжении ученых всегда будут репродукции в монографиях Дэвиса.

Если бы сеньор Бельцони появился в Амарне в 1817 г., он не нашел бы здесь ничего «стоящего», за исключением разве нескольких «голов», которые можно было продать как дикувинку коллекционерам. Однако Питри и его преемники нашли здесь под щебнем ценнейший материал для одной из самых важных и волнующих, хотя и незавершенных глав в истории цивилизации, но строили свое здание на фундаменте своих предшественников: Шампольона и Юнга, которые подобрали ключи к иероглифам, и многих других пионеров египтологии, чьи имена хранят пыльные тома на полках библиотек.

Среди пионеров немало англичан, ибо в эту поистине интернациональную науку Великобритания внесла значительный вклад в лице ряда блестящих ученых и археологов. Но когда мы сегодня оглядываемся вокруг в поисках новых Питри, Картеров и Карнарвонов, увы, мы мало кого можем назвать. Египтология переживает кризис, как почти все гуманитарные науки.

Давно миновали, и, возможно, навсегда, те дни, когда исследования и раскопки оплачивали меценаты вроде Карнарвона и Теодора Дэвиса. Теперь существуют лишь частные общества, типа Египетского исследовательского общества, которые поддерживаются отдельными лицами и музеями. Однако фонды этих обществ весьма скудны, а стоимость раскопок после войны все повышается. Не вызывает сомнения тот факт, что широкие изыскания в Нильской долине можно вести только при поддержке прави-

тельства. Но у него и без того масса срочных расходов, и вряд ли кому-нибудь удастся убедить казначейство, что работы египтологов тоже важны.

Французское правительство до сих пор продолжает субсидировать работы своих ученых в Египте, в то время как раскопки англичан практически прекратились, если не считать недавних проб в Западной Амарне, в Судане, оплаченных Египетским исследовательским обществом при поддержке правительства. А это означает, что, если когда-нибудь будут изысканы фонды для новых раскопок в Египте, в Англии уже не останется знающих археологов, ибо лишь немногие выпускники университетов могут рассчитывать на участие в египетских изысканиях, а в самом Египте к тому времени не останется опытных рабочих. Сегодня изысканиями в Египте могут заниматься лишь те, у кого есть на это личные средства, но много ли таких людей?

Мне могут возразить, что у египетского правительства есть своя Служба древностей со штатом опытных египтологов. Бесспорно, египетские ученые и археологи делают большое и важное дело, однако не следует забывать, что египтология как наука возникла в Европе и основную сумму знаний о Древнем Египте собрали европейцы и американцы. Лишь сравнительно недавно появились знающие археологи среди самих египтян. Но главное не в этом. Египтология — интернациональная наука, и надо, чтобы семена, посеянные учеными всех стран и поколений, выросли, — только тогда мы соберем богатый урожай знаний. И чтобы собрать его без потерь, необходимы объединенные усилия лучших археологов Египта, Европы и Америки.

Ряд нынешних трудностей объясняется национализмом и ксенофобией египетских правителей. Доходит до того, что даже присутствие иностранных ученых на священной земле Египта считается нежелательным! Египетские археологи, получившие по большей части европейское образование, не разделяют подобных взглядов, но они широко распространены среди правительственных кругов. Впрочем, можно ли египтян за это порицать? История последних полутора столетий Египта — это не только история научных поисков, но и история бесстыдного грабежа. Тысячи драгоценных предметов были вывезены за эти годы в Европу и Америку, и нет ничего удивительного в том,

что сегодня египтяне ревниво оберегают остатки своих сокровищ, чтобы они не уплыли за границу.

Правда, этот запрет нанес удар некоторым археологическим обществам, которые зависят от музеев. Естественно, им бы хотелось заполучить часть предметов из раскопок. Именно поэтому свои последние раскопы Египетское исследовательское общество провело не в Египте, а в Судане.

Со временем все эти трудности, несомненно, будут преодолены, но для этого необходимо взаимное понимание и доброжелательство. Но что можно сделать сейчас?

Г. У. Фейермен, профессор египтологии Ливерпульского университета, выдвинул в письме к автору этой книги следующее предложение:

Учитывая широкий аспект нынешнего кризиса, я считаю, что необходимо предпринять координированные действия в международном масштабе для создания новой Международной Ассоциации египтологов. Я думаю, необходимо также составить список наиболее срочных исследований и сосредоточить все силы на самом важном. Мне кажется, не следует прекращать все раскопки. Но главное на ближайшие десять лет — это описать и снять копии с существующих памятников. Раскопки же следует вести прежде всего там, где памятникам древности грозит непосредственная опасность, в первую очередь в Дельте и в других местах, которым угрожает затопление. *Результаты всех раскопок следует публиковать со всеми подробностями.*

Вопрос о раскопках в Дельте — болезненное место европейских и американских археологов. Если в Верхнем и Среднем Египте за последнее столетие проведено достаточно много изысканий, то в Нижнем Египте не сделано почти ничего, а ведь именно там, по мнению многих ученых, очевидно, возникла египетская цивилизация.

Фейермен рассказывал мне:

«В 1945 году я некоторое время путешествовал по Восточной Дельте. Я посетил одиннадцать древних поселений, но только одно из них содержали в порядке и охраняли. Большую часть этих поселений еще можно раскопать и изучить, остальные же безнадежно утрачены для науки из-за разливов. Боюсь, что через десять лет мы потеряем всю Дельту, потому что уровень воды неуклонно поднимается, а грабители хозяйничают безнаказанно».

Из всех древних городов Дельты в относительной безопасности находится, пожалуй, только Тапис, библейский

Зоан, где, предполагают, жил Иосиф. Здесь в 1940 г. профессор Монте из Страсбургского университета нашел при раскопках великолепную гробницу фараона XXI династии Псусеннеса, чье тело покоилось в массивном серебряном саркофаге с пышными рельефами. Это был самый красивый предмет, найденный в Египте со времени открытия гробницы Тутанхамона. «Танисских» фараонов XXI и XXII династий, как правило, хоронили в каменных гробницах под стенами ограды храмов.

Кроме Псусеннеса Монте откопал гробницы фараона Аменемопета и «нового» фараона XXII династии по имени Шошенк-Хекахенерра, тоже в массивном серебряном саркофаге. Начало войны прервало раскопки, но позднее они были завершены.

Про другой древний город Дельты, Саис, мы знаем от Геродота: «саисцы хоронили всех своих царей из своей земли внутри своего храма, и там до сих пор есть могила Амасиса, а также Априя со всей его семьей...» Однако храм Саиса до сих пор не раскопан и не исследован.

Фейермен продолжает:

Среди городов, которые я видел, был также Бубаст. Здесь работал Навилль, но он лишь поскреб по поверхности. Это необычайно важный, огромный город, и хотя большая часть его полностью разрушена, там осталась масса древних предметов. То же самое и в Горбеите. Большая часть древнего города разрушена, однако храм, по-видимому, сохранился, и каменные плиты его кровли образуют подножие или находятся сразу под подножием современной деревни. Я все их нашел металлическим шупом. Что касается города Мендеса, то он, по-моему, потерял безвозвратно. Зато Тель-эль-Бирке и большой участок с миллю, если не больше, вокруг него пока не тронут и потенциально очень интересен. Кантир почти потерян, но если покопаться на полях, кое-что можно еще найти. Баклиа, древний Гермополь Парва, центр почитания бога Тота в Дельте, никогда не изучался и не раскапывался. Его жестоко разграбили, но центральный холм все еще возвышается на много футов. Тель-эль-Баламун никогда не раскапывали... И еще есть Ксоис, Атрибис, Питом, Тель-эль-Яхудиэ, Небеше и другие места, где работали Навилль и Питри, но которые стоит тщательно раскопать повторно. Почти все они находятся в зоне Суэцкого канала.

Мы довольно подробно процитировали письмо Фейермена не только для того, чтобы показать, какие объекты в Египте пугаются в немедленных раскопках, но еще потому, что это письмо рассказывает одновременно об энтузиазме и разочарованиях египтологов, которые пытаются

ся заполучить в свои руки важнейшие древние города и извлечь из них максимум информации, пока природа или местные грабители не уничтожили ее навсегда.

«Даже Древний Гелиополь никогда как следует не раскапывали,— продолжает Фейермен.— Мемфис едва затронут на поверхности, и так можно перечислять и перечислять без конца...»

Почему же этими городами пренебрегли? Ответить на такой вопрос нелегко, однако мы попытаемся. Может быть, наше объяснение привлечет любителей туда, где в страхе отступают профессионалы.

Сегодня за большую часть раскопок в Египте отвечает правительственная Служба древностей. Она делает великое дело, в чем я сам убедился во время последней поездки, когда был гостем этого учреждения. Египетские археологи добились прекрасных результатов в изучении пирамид Дашура и Саккара, в Карнаке и в Фиванском некрополе. Они провели также кое-какие раскопки в Дельте, в частности в Бубасте и Элефантине, под руководством влюбленного в Дельту старшего инспектора Службы древностей Лабига Хабани. Но в основном вся их энергия сосредоточивается на пирамидах и древних центрах Среднего и Верхнего Египта. Например, образован особый Департамент исследования пирамид, который поставил перед собой грандиозную задачу изучить, измерить и по возможности определить принадлежность всех пирамид, существующих в Египте. Такую работу, конечно, со временем необходимо проделать, но ее можно без всякого ущерба и отложить. С пирамидами ничего не случится, по крайней мере два-три десятка лет, в то время как древние центры Дельты, если за них не приняты немедленно, погибнут навсегда, а вместе с ними и ценнейшая информация, которая в них содержится.

Вполне возможно, что повышенный интерес археологов к пирамидам объясняется, помимо всего прочего, их близостью к Каиру и удобным месторасположением, в то время как работа на отдаленных участках Дельты не только сопряжена со всякими трудностями, но еще и с тем, что работающий там молодой ученый может загубить свою карьеру, так как будет вдали от университетов и музеев, от которых она зависит.

Правительственная гостиница в Саккара удачно расположена на равнине пирамид. Так приятно сидеть на ее

крыше прохладными вечерами: позади тебя возвышается большая дамба Унаса, а внизу простирается зеленая Нильская долина! Это археология по классу «люкс», в то время как в Дельте, где нет никакого комфорта, работать трудно, тяжело, но зато египтолога там ждут ценные открытия.

Все зависит от того, как взглянуть на египетскую археологию. Можно, конечно, считать ее приятным времяпрепровождением, но правильно ли это? Нет, это упорный, серьезный труд, бесконечные и настойчивые поиски. Те, кто придерживается последней точки зрения, требуют, чтобы Служба древностей уделяла больше внимания гибнущим памятникам Дельты и по возможности предоставляла концессии компетентным археологам, которые способны и хотят вести там раскопки.

Так, во всяком случае, кажется непосвященному автору.

Один мой знакомый археолог сказал: «Сейчас, когда финансовые трудности у нас и в Египте ограничивают дорогостоящие раскопки, по-моему, нужно все внимание сосредоточить на спасении и описании уже известных памятников Египта, а это предполагает совместную работу археологов и специалистов по эпиграфике. Существуют сотни наскальных надписей, множество уцелевших храмов, десятки и десятки, если не сотни, городов, открытых и никем не охраняемых, практически беззащитных перед людьми и природой. И все необходимо изучить, скопировать, описать и опубликовать результаты в научных, но не слишком дорогих изданиях. Какой толк сейчас раскапывать полдюжины монументальных пирамид, когда храм в Филе уходит под воду и разваливается на куски, а о нем до сих пор нет ни одной приличной монографии? Или взять Эсну, погибающую от воздействия солей, коррозии и влаги, ведь почти ни одна надпись оттуда не опубликована! А когда подумаешь, что делается с гробницами!..»

Вот такая проблема должна быть срочно решена египтологами всего мира и египетским правительством. Непосвященный автор мало чем может тут помочь, разве что честно информировать широкую общественность, чтобы она вмешалась в эту борьбу отдельных энтузиастов против косности, предрассудков и невежества.

Но есть еще один способ, которым египтологи могут сами помочь себе. Для этого им надо время от времени

выбираться из своих кабинетов и разговаривать с широкой публикой или писать для нее понятным, простым языком. Интерес к Древнему Египту существовал всегда и в последние годы все возрастает — это могут подтвердить многие ученые. Однако проблемы и нужды самой египтологии чужды непосвященным массам, потому что ученые в большинстве своем пишут о них только для своих коллег-специалистов.

Разумеется, кризис в египтологии всего лишь одна, и далеко не самая значительная, сторона общего кризиса, угрожающего человечеству. Пока мир не обретет устойчивость и спокойствие, изучение Древнего Египта, как и другие гуманитарные науки, будут неизбежно страдать. Грустно видеть смещение ученых, чьи работы приостанавливаются из-за международных неурядиц. После войны один выдающийся египтолог, чьи труды есть во всех больших библиотеках мира, вынужден был сам специально ехать в Брюссель, чтобы скопировать там выдержки из книги, опубликованной в Египте, потому что не мог послать за границу даже незначительной суммы денег.

Тем не менее международная цепь знаний, разорванная войной, снова восстанавливается, и ученые из Оксфорда, Парижа, Лейпцига, Чикаго и других городов мира печатают книги о своих находках, выдвигают свои теории или вонзают ученые пшпильки в своих оппонентов.

А в это же время десятилетние мальчишки берут в библиотеках книги Питри и Брэстеда и пишут взволнованные письма выдающимся ученым, спрашивая, как им стать египтологами. Чары Древнего Египта бессмертны, и подпадают под них обычно в юном возрасте. Сам Питри начал заниматься Египтом тринадцать лет от роду. Сэр Алан Гардинер заразился этой болезнью в одиннадцать лет, так же как Говард Картер. Нам остается только надеяться, что будущие Питри, Ньюберри и Картеры получат возможность проявить свои таланты в мире, где египтология не будет частным делом немногих богачей, а делается всеобщим достоянием.

В будущем только правительства при поддержке своих народов смогут финансировать исследования египтологов, и, наверно, будет не так-то просто в наш все более утилитарный век убедить их в необходимости таких работ. Ибо изучение Древнего Египта не имеет практической ценности. Оно не дает валюты, не делает нас богаче или

сильнее. Но оно даёт нам глубокое эстетическое наслаждение, удовлетворяет нашу вечную жажду чуда. А главное, оно помогает нам понять самих себя, осветив историю древней цивилизации в Нильской долине, от которой так много взяла наша западная культура. Может быть, показав нам долгий путь, по которому прошёл сам Древний Египет, он поможет нам отыскать дорогу в будущем.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЦАРСТВОВАНИЕ ЭХНАТОНА

Читателей, уже кое-что знающих об Эхнатоне и Амарнском периоде, особенно если они знакомы только со старыми работами, наверное, удивят некоторые факты, изложенные в главах XII и XIII. Это приложение предназначено для тех, кого данный период особенно интересует и кто пожелал бы ознакомиться с археологическими материалами, на которых основан мой рассказ.

Когда раскопки Питри выдвинули имя Эхнатона на первый план, интерес к нему так возрос, что вскоре он стал самым «популярным» из всех фараонов. К несчастью для тех, кто писал о нем, основываясь только на известных в то время фактах, за последние двадцать лет об этом «периоде ереси» найдено столько новых материалов, что ранние работы об Эхнатоне сегодня безнадежно устарели.

Наиболее точные сведения, опубликованные сравнительно недавно и доступные широкой публике, можно найти в книге Пендлбери «Тель-эль-Амарна», в статье профессора Пита из книги миссис Уинифред Брантон «Фараоны и царицы Древнего Египта» и в статье профессора Гленвилла из книги того же автора «Великие люди Древнего Египта». Но даже эти работы частично устарели, и я весьма признателен за дополнительную информацию профессору Фейермену, который провел самые последние исследования этого периода.

Вот главные пункты, требующие пояснений:

1) *Возраст фараона.* В своих ранних работах об Эхнатоне Артур Вейгалл и Джеймс Бейки предполагали, что он взомел на трон еще подростком, совершил свою религиозную революцию, но достигнув двадцати лет, и умер, когда ему было около тридца-

ти. Вейгалл, например, утверждает, что Эхнатону было всего двенадцать-тринадцать лет, когда умер его отец Аменхотеп III. Но теперь известно, что Эхнатону было двадцать пять — двадцать шесть лет, когда он вззошел на трон, и что он стал соправителем в тридцатую годовщину коронации своего отца, а тот умер примерно на девятом году их совместного правления.

2) *Тело Эхнатона*. Нет никаких оснований утверждать, как это делалось в ранних работах, будто тело, найденное в так называемой гробнице царицы Тии в Фиванской Долине царей, это тело Эхнатона. Этот вопрос рассмотрел еще в двадцатых годах профессор Зете. Исходя из письменных свидетельств (Даресси и Энгельбах), а также физиологических данных (доктор Дерри) установлено, что эта мумия, принадлежавшая мужчине лет тридцати, не могла быть телом Эхнатона. По некоторым аналогиям черепа с Тутанхамоном, скорее всего, это было тело Сменхкара.

3) Предполагаемое политическое происхождение культа Атона. Хотя лично я не могу согласиться, что этот культ возник по чисто политическим мотивам, следует, однако, признать, что у «политической» школы довольно сильные позиции. Например, Аменхотеп III, отец Эхнатона, уже воздвигал храмы в свою честь. Никогда еще за всю историю Египта ни один фараон не имел храмов, где бы ему поклонялись как богу *при его жизни*. Однако в Египте сохранились два храма, где мы видим Аменхотепа III в облике бога и сына его Эхнатона, приносящего ему жертвы.

По-видимому, сразу ввести свой культ в столице фараон не решился, и он для начала проделал опыт в Солебе, в далеком Судане и в Сединге. И лишь убедившись, что культ Амона в Фивах слишком силен, Эхнатон решил перенести свою столицу в Амарну.

4) *Нефертити в немилости*. Раскопки показали, что на пятнадцатом году своего правления Эхнатон жил отдельно в своей части города вместе со Сменхкара и старшей дочерью Меритатон. В то же время имя Нефертити было стерто со многих памятников и заменено именем Меритатон. Поскольку известно, что Нефертити была еще жива и после смерти Эхнатона, остается единственное объяснение — она впала в немилость. Предметы с ее именем и именем Тутанхамона и датированные *после* четырнадцатого года правления Эхнатона обнаружены только в здании, находившемся к северу от Северного двора.

5) *Женитьба фараона на своей дочери*. Мы знаем об этом из надписи, обнаруженной в Гермополе в 1938 г. Там сказано: «Любимая дочь фараона Анхсесеннаатон младшая, рожденная дочерью фараона Анхсесеннаатон». Аменхотеп III тоже женился на своей дочери Сит-Амон еще до того, как Эхнатон перебрался в Амарну. Вполне возможно, хотя и не доказано окончательно, что Сменхкара и Тутанхатон были сыновьями этой жены Аменхотепа III.

6) *Смерть Эхнатона и ее последствия*. Существуют следующие доказательства, что Эхнатон под конец пытался пойти на компромисс со жрецами Амона:

а) после женитьбы на старшей дочери фараона Меритатон Сменхкара стал править в Фивах как соправитель Эхнатона.

б) на третьем году своего правления Сменхкара восстановил в Фивах некоторые формы поклонения Амону (доказано ператическими надписями в гробнице Пер-е в Фивах).

Однако в то же время Тутанхамон, очевидно, был приверженцем Атона, ибо взшел на трон, как таковой. Несмотря на то что он сменил перед смертью имя и превратился в Тутанхамона, предметы из его гробницы свидетельствуют о его прежнем преклонении перед Атоном. Поскольку еще ребенком он жил в Амарне под покровительством Нефертити, можно предположить, что она была яркой поклонницей культа Атона, и, видимо, это привело ее к разрыву с фараоном. Должно было возникнуть какое-то глубокое и неразрешимое противоречие, чтобы разлучить этих двух людей, чью любовь воспевали многочисленные надписи и рельефы в ранних гробницах Амарны.

Фейермен рассматривает конец XVIII династии как драку за власть между влиятельными придворными, для которых дети фараона были всего лишь пешками в их игре. Когда Тутанхамон умер на девятом году своего правления, главный министр и друг Эхнатона Эйе женился на уже дважды овдовевшей наследнице трона Анхесенпаатон и в возрасте шестидесяти лет стал фараоном. Тутанхамон был всего лишь подростком, почти ребенком. В его гробнице нашли коробку с детской прачей, несколькими камушками и простенькими механическими игрушками. Ни он, ни его жена Анхесенпаатон, чью отчаянную последнюю «игру» мы описали в главе XIV, не могли даже надеяться, что им позволят нормально дожить свою жизнь. Эйе и другой приближенный Эхнатона, полководец Хоремхеб, яростно боролись за власть.

Я изложил эти факты, чтобы читатели сами могли судить о достоверности последних теорий о «периоде ереси». Разумеется, сугубо романтические высказывания некоторых ранних авторов об Эхнатоне нуждаются в существенных поправках, но я бы не стал принимать эти поправки как окончательные и полностью доказанные.

Человеческие чувства всегда играли не последнюю роль, и даже если Эхнатон произвел свою религиозную революцию по политическим соображениям и под конец уступил нажиму зловещих интриганов, все-таки были в его жизни взлеты духовного величия. Я лично в это верю. Какими бы недостатками ни обладал Эхнатон, одного взгляда на его изображения достаточно, чтобы убедиться: это был незаурядный человек. И выглядел он скорее как поэт, а не политик.

И, наконец, в качестве предупреждения всем египтологам-любителям, кто вздумает самостоятельно пуститься в опасное плавание по океану истории Древнего Египта, несколько кратких указаний на противоречивые течения, с которыми им придется столкнуться.

О царице Тии:

«Тия была способной женщиной. Цари писали ей о важных

делах. Она прекрасно знала все, что происходило в империи» (Пендлбери).

«Тя одна из тех личностей, которой история явно воздала больше, чем она заслуживала. Нет никаких доказательств, будто бы она оказывала „огромное влияние“ на своего мужа... за исключением того, что она ставила свое имя вслед за именем фараона на его повелениях» (Пит).

Об Эхнатоне:

«Эхнатон... был первой яркой личностью в истории» (Брестед).

«Он вовсе не был первой яркой личностью в истории, как это утверждают» (Пендлбери).

Об Амарнском периоде:

«С именем Эхнатона связан самый интересный период за всю долгую историю Египта — почти единственный период, когда ощущаешь биение настоящей жизни. Эхнатон выразил в нем самого себя, как самую выдающуюся фигуру во все времена, — фараон, который сделал свою веру смыслом всей жизни» (Бейки).

«Сегодня искусство и культура Амарны производят на нас впечатление бабочки-однодневки, с ее полным отсутствием моральных норм, что обычно свойственно счастливым недоумкам» (Пендлбери).

Об Атоне:

«...Здесь нет никаких тонкостей, никаких теологических сложностей, а лишь простое поклонение физическому светилу, солнцу. В этом культе ничего не говорится о божественной власти в самом солнце или за его диском» (Пит).

«...Они поклонялись не самому солнцу, а высшему существу, которое проявлялось в нем» (Эрман).

Об Эхнатоне, как моралисте:

«В то время предрассудков и суеверий в стране, где безраздельно царил самый примитивный политеизм, Эхнатон создал первую монотеистическую религию, уступающую только христианству» (Вейгала).

«...об Эхнатоне так много писали, как о некоем Христе, опередившем свое время, что пора наконец сказать, что культ Атона ни в коем случае не был жизненной религией, а, скорее, теологическим экспериментом» (Пендлбери).

¹ Бушар — офицер французской армии. — Здесь и далее примеч. ред.

² Это не так: Р. Юнг определил значение только нескольких знаков. Честь открытия принадлежит одному Ж.-Ф. Шампольону, открывшему метод дешифровки и установившему, таким образом, принцип чтения египетского письма.

³ Наблюдение, что египтяне окружали царские имена картушами, еще в 1797 г., т. е. до Р. Юнга, сделал датский археолог Георг Соэзх, имя которого у нас иногда неправильно пишут Цоэга, в книге «О происхождении и назначении обелисков».

⁴ Барристер (англ.) — адвокат и юрисконсульт высшего ранга, неперемный член одной из четырех адвокатских корпораций. — *Примеч. пер.*

⁵ Автор не упомянул русских ученых, а среди них были и такие, чей вклад в мировую науку о Древнем Египте не менее значителен перечисленных здесь; прежде всего учредитель кафедры египтологии Каирского университета и основатель Египетского отдела Государственного Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина В. С. Голенищев (1856—1947), открывший ряд уникальных памятников литературы и искусства долины Нила.

⁶ Последняя находка сделана профессором Эмери в Саккара в 1954 г. (Это было к моменту выхода первого издания книги Л. Котрелла. После того У. Эмери обнаружил в Саккара еще другие гробницы. — *Примеч. ред.*)

⁷ Каннелюры — вертикальные выемки или желобки в стволе колонны.

⁸ Н. Коуэрд — известный английский актер и автор многих пьес.

⁹ Серебряный талант = 33,655 кг.

¹⁰ Теперь это имя читается Джедефгор.

¹¹ Дахабии — лодки с парусами, похожими на турецкий ятаган.

^{11a} Устаревшая точка зрения; жрецы Древнего Египта, как правило, не обладали самостоятельной политической властью. Только гораздо позднее в Фивах сложилось автономное жреческое государство.

¹² После того как вышло первое издание этой книги, появилась великолепная работа Пенелопы Фокс, основанная частично на заметках Картера. Она называется «Сокровища Тутанхамона». — *Примеч. авт.*

¹³ Вопрос о степени родства Эхнатона и Тутанхамона окончательно не решен до сих пор. Возможно, последний был братом царя-еретика.

¹⁴ Триктрак — французская игра, в которой шашки передвигаются по клеткам в ящичке согласно очкам, выброшенным игральными костями.

¹⁵ Библия. Числа, гл. 22, стихи 21, 22.

¹⁶ Там же, стих 23.

¹⁷ Гинекей — женская половина дома.

¹⁸ Систер — древнеегипетский музыкальный инструмент.

¹⁹ См.: Journal of Near Eastern Studies. Vol. VII, с. 11—24.

ЖИЗНЬ ВО ВРЕМЕНА ФАРАОНОВ

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа является продолжением предыдущей, «Забытых фараонов», где мною была предпринята попытка написать введение в историю Древнего Египта научно строгое, но в то же время доступное и легко читаемое, и относится к той же категории книг, хотя цель ее несколько иная. Книга «Забытые фараоны» начинается с очерка по истории Египта с додинастических времен (т. е. до 3400 г. до н. э.) до прихода римлян. Затем дается описание становления египтологии как науки, дешифровки иероглифов, постепенного развития цивилизации Древнего Египта и следующих одно за другим открытий великих археологов от Мариэтта до Монте.

После того как книга вышла из печати, я получил письма от читателей, в которых они просили меня написать книгу, более полную, чем «Забытые фараоны», *о повседневной жизни древних египтян*. Сначала я отказался от этой идеи частично из-за того, что существуют прекрасные профессиональные труды по этому вопросу, но главным образом потому, что я писал книгу о Древнем Крите и временно перенес свою привязанность на царя Миноса.

Через год я снова вернулся в Египет. Несмотря на то что я там был по делам далеким от египтологии, я все-таки воспользовался удобным случаем и встретился со своими старыми друзьями, египетскими археологами, и захотел снова посетить те места, где побывал несколько лет назад. И вот я выехал из Каира. Стоило мне вновь увидеть бурные гребни пирамид, постоять с моим другом Закарием Гонеймом у Ступенчатой пирамиды в Саккара и оки-

путь взглядом удивительную зеленую долину, как прежние чувства восхищения нахлынули на меня. Я уже знал, что напишу новую книгу о Египте. Я отправился в Луксор, бродил по Долине царей и до глубокой ночи беседовал с Лабибом Хабани, главным инспектором Службы древностей в Луксоре. С ним и другими друзьями я обсуждал результаты последних раскопок и исследований, проводившихся здесь. Я заново внимательно осмотрел экспонаты Каирского музея и с любезного разрешения доктора Мустафы Амера, руководителя Отдела древностей, сфотографировал мумии царей, которые не были выставлены для публичного обозрения.

Но я не только осматривал древние монументы. Мне удалось немного пожить в египетской деревне, где еще сохранились элементы древнеегипетского языка, встретиться и поговорить с феллахами, которые, несмотря на свою арабскую внешность, были прямыми потомками древних египтян, понаблюдать за обрядами и обычаями, уходящими своими корнями во времена фараонов.

Однако оставались проблемы, с которыми надо было считаться при создании книги. Профессиональными египтологами уже было написано несколько специальных работ о повседневной жизни древних египтян, хотя многие из них стали редкостью. Я не специалист и не настолько самонадеян, чтобы соревноваться с ними в написании обширного пособия. Да и если говорить начистоту, то не все в этой древней цивилизации привлекает меня в равной степени. Читатели, которые желают более углубленно ознакомиться с законами, управленческим аппаратом или военной организацией Египта, могут обратиться к специальным работам.

Короче говоря, в книге описана повседневная жизнь народа Древнего Египта, его дома, одежда, его развлечения. Отдельные главы посвящены женщинам и детям, воинам, писцам, врачам, ремесленникам и верховным сановникам. Однако при выборе тем я руководствовался главным образом своими собственными вкусами и пристрастиями, потому что только таким образом я мог вдохнуть жизнь в мою книгу. Каждая глава, насколько это возможно, связана с какой-нибудь сценкой или предметом: скульптурным портретом женщины, детской игрушкой, сценкой, нарисованной на стене египетской гробницы, поэмой, рассказом или даже какой-нибудь черточкой жиз-

ни древнего народа, которую я подметил у современных феллахов. Эти сугубо личные воспоминания будоражили мое воображение и создали трамплин для написания книги.

И все-таки мне казалось, что книга о жизни народа может оказаться скучной, неинтересной для читателя. Поэтому я между главами, содержащими фактический материал, поместил главы, в которых попытался ввести отдельные образы: везира Рехмира, членов его семьи и его друзей — и ввергнуть их в водоворот родной стихии. Несмотря на то что часть событий, но далеко не все, связанные с ними, вымышленны, тем не менее они действительно могли иметь место. Везир и его жена Мерият были реальными людьми, и их гробница сохранилась в некрополе в Фивах. Читатели, которым интересно знать, что в книге правда, а что вымысел, найдут ответ на этот вопрос в приложении «Факты или вымысел?».

Как-то я наткнулся в книге египтолога Артура Вейгалла — его никак нельзя упрекнуть в том, что он писал скучно — на одно место, которое я позволю себе процитировать, так как оно поясняет мой собственный подход к изучению древнего мира:

Человек не имеет права думать о людях древности как о мертвецах. Он должен думать о них как о своих современниках, людях из плоти и крови. Истинный археолог не может испытывать удовольствия, рассматривая скелет, как таковой, все его усилия направлены на то, чтобы покрыть этот скелет мясом и кожей, а в пустой череп вложить мысли. Он не может восхищаться разрушенными постройками, потому что это разрушенные постройки. Более того, он должен жалеть, что они разрушены... Археолог так должен любить жизнь, чтобы все мертвое у него оживало. Для него люди древности — не мертвецы. Он считает, что они тоже должны наслаждаться солнечным светом, которым восхищается он. Он враг Смерти и Разрушения и старается отобрать у них их обильную жатву. За каждую жизнь, похищенную врагом, он стремится вернуть память, которая продолжит жизнь.

Глава I

ЗЕМЛЯ, НАРОД И ЕГО БОГИ

Давно уже стало избитой истиной утверждение, что характер людей формируют климат и страна, в которой они живут. Если она справедлива для такого народа, как

англичане, заселившие свою страну менее чем 1500 лет назад, или для американцев, обосновавшихся на своем огромном континенте всего несколько поколений назад, то что можно сказать о египтянах, которые живут в своей узкой, ограниченной пустынями долине более 6000 лет! Кроме того, если остальные страны изменялись и развивались на протяжении веков, то к Египту это не относится. Те же условия, которые определяли жизнь миллионов людей во времена фараонов, сохранились и по сей день. Поэтому, прежде чем пытаться писать о людях, необходимо хотя бы вкратце описать эту необычную страну, непохожую ни на одну другую в мире.

Ночь. Я лежу в купе спального вагона, преодолевая 400 с лишним миль, отделяющие Луксор в Верхнем Египте от Каира. За несколько дней до этого я ехал в Луксор днем. Поездка заняла тогда около десяти часов. Вид из окна вагона довольно однообразен. Неизменная панорама хлопковых полей и сахарных плантаций, глинобитные деревни, пальмы. Бурые холмы пустыни то приближались к дороге, то отступали от нее, но никогда не пропадали из виду. Все это напоминало бесконечно повторяющиеся кадры фильма.

Но в этом ночном путешествии было нечто такое, что будило мое воображение. Что это было, я затрудняюсь сказать. Вагон грохотал и качался. Сквозь вентиляторы доносилось частое пыхтение локомотива, и, когда лежишь на удобной полке, различные картины сами всплывают в твоём мозгу.

Я представил себе некоего небесного наблюдателя, некое божество, которое смотрит вниз на зеленую змею, долину Нила. «Змея» извивается по пустыне на протяжении 600 миль. Ширина ее всего несколько миль, а часто даже менее мили. К западу простирается бескрайнее море песка и камней. Это Сахара. С другой стороны, на восток на сотни миль, до самого Красного моря, тянется Аравийская пустыня. Было полнолуние, и мое небесное божество отчетливо видело великую реку, которая отсвечивала тусклым серебром, рассыпанные по берегу реки огни городов Кене, Асьюта и Балланы. Но божество не замечает сотни неосвещенных деревень, где миллионы феллахов спят тяжелым сном, забившись в глинобитные хижины, пока солнце не позовет их на поля продолжать свой извечный труд.

Сколько миллионов людей эта «змея» родила за последние несколько сотен веков? Так как мое небесное божество бессмертно, то оно помнит время, когда эта зеленая полоска была известна только зверям, птицам и рептилиям, на краю пустыни бродили львы и гиены, леопарды и волки, в воде плескались гиппопотамы, а огромные стаи гусей и другой дичи поднимались к облакам над болотами, поросшими папирусом до того, как в эту долину пришел человек.

Мое божество наблюдало, как столетие за столетием осваивались джунгли, как впервые на этой планете появились города, окруженные полями, дороги и каналы, в то время как некоторые народы или большинство их еще бродили от одной охотничьей стоянки к другой, способные только убивать животных, чтобы как-то поддерживать свое существование.

Позднее (4500 лет назад) мое божество увидело вечный приют царей, которые хотели стать богами, — поднимающиеся пирамиды, напоминавшие домики, сложенные из детских кубиков. Они заняли пространство в 30 миль вдоль западного берега. Оно видело огромный город Мемфис с его дворцами, храмами и садами, а также другие города, разбросанные по долине от Дельты до границы Нубии. Пятнадцать столетий спустя оно увидело Фивы, столицу империи, поднявшуюся у подножия Фиванских холмов. Если бы оно посмотрело вниз более внимательно, то заметило бы слабый отблеск позолоченных боевых колесниц фараона и пыль, поднятую колоннами марширующих воинов, которые двигались на юг, чтобы покарать нубийцев, или на северо-восток, чтобы сразиться с хеттами.

Божество могло бы вспомнить критские корабли, плывущие по Нилу к Фивам и везущие дары фараону, а позднее — корабли со свирепыми македонянами под предводительством военачальников Александра Великого. Оно видело римлян, легионеров Адриана, разбивших свой лагерь в Луксоре, где солдаты томились от скуки среди тысячелетних гробниц и выцарапывали свои инициалы на стенах, точно так же как туристы XX века.

Конницу пророка, турок, армию Наполеона, флот Нельсона в Абусире, Гордона, идущего навстречу своей смерти в Хартуме, вспышки орудий под Аламейном — все это видело мое божество. А сейчас оно могло бы заметить поезд,

медленно ползущий на север вдоль изгибов реки, ниточку огней, тянущуюся за красным светлячком.

Я думаю о том, почему это путешествие, которое я совершал неоднократно, никогда не теряло для меня очарования. Наверное, потому, что когда вы едете из Луксора в Каир, то за десять часов преодолеваете более половины истории человечества.

Вот такая эта земля, узкая, сжатая с двух сторон негостеприимной пустыней, но неизменно удобряемая илом, который оседает на ней после ежегодного разлива Нила. За 3000 лет до н. э. в этой узкой долине пышно расцвела самая древняя цивилизация на земле. Пирамиды, гробницы, храмы и обелиски говорят о могуществе царей, таинствах их религии и богатстве культуры. Богатые египтяне страстно любили эту жизнь. Поэтому на стенах своих гробниц они оставили рисунки и рельефы, изображающие их занятия, будничные дела и развлечения, которые они горячо желали продолжать в будущем.

Они оставили нам множество образцов своей мебели, одежды, жилищ, оружия, лодок. До нас дошли сведения об их играх и развлечениях, а также исторические документы, религиозные тексты, деловые бумаги, школьные упражнения, поэмы и сказания.

И тем не менее египтяне остаются для большинства из нас загадочным народом. Частично это можно объяснить тем, что нам не был известен язык тех, кто оставил нам свои памятники, скульптуры и рисунки, так как иероглифы были расшифрованы всего лишь 120 лет назад. Правда, сохранились записки о путешествиях в Египет историков и путешественников, таких, как Геродот, Плиний и Диодор Сицилийский, но они только распространяли легенды. Если религия и обычаи древних египтян казались странными и непонятными Геродоту, то какими они должны были казаться историкам XIX в.? Даже когда были расшифрованы иероглифы, казалось, что основная масса текстов и надписей рассказывает не о людях, которые любят, рожают и воспитывают детей, делают карьеру, занимаются спортом, развлекаются, другими словами, в чьих жилах течет горячая кровь, а о болезненных меланхоликах, не оставляющих мысли о смерти. Их религия казалась какой-то смесью магии и суеверий, а их бо-

гам со звериными головами, в отличие от греческих богов и богинь, не были присущи человеческие черты.

Однако это, как нам сейчас известно, было клеветой на древних египтян, которые подобно их современным потомкам были жизнерадостными и жизнелюбивыми людьми. Но как тогда объяснить тот факт, что они незаслуженно приобрели репутацию народа мрачного и таинственного? Во-первых, они придавали большое значение потусторонней жизни, которая, по их представлениям, для всех, кроме царей-богов, мало чем должна была отличаться от их прежней жизни. Чтобы загробная жизнь была приятной, они строили, если могли себе это позволить, «вечное жилище» — гробницу. В нее складывали одежду, мебель, хозяйственную утварь, лодки, в которых они могли бы плавать по небесному Нилу, рыболовные снасти и оружие, чтобы ловить рыбу и охотиться. Они помещали там также рельефные изображения или статуи слуг, которые должны были прислуживать своим хозяевам после их смерти точно так же, как они прислуживали им при жизни. Такое материалистическое отношение к смерти привело к тому, что до нас дошло множество прелестных и любопытных предметов, рассеянных теперь по музеям всего мира.

Во-вторых, следует учесть, что дома древних египтян строились из недолговечных материалов, обычно из дерева или кирпича-сырца. Поэтому они давным-давно превратились в пыль, а построенные навеки гробницы сохранились. То же самое можно сказать и об огромных храмах, прибежищах богов. Достаточно упомянуть колоссальный храм бога Амона, украшенный двадцатиметровыми цилиндрическими колоннами и массивными пилонами. Однако царские дворцы, особняки знати и миллионы жилых домов людей более низких сословий в большинстве случаев до нас не дошли. В результате когда вы приезжаете в Египет, то вы видите или гробницы древних египтян, или их культовые постройки. Если вы посетите местный музей, то и там вы увидите в основном экспонаты культового или погребального характера. Представим себе, как какой-то человек приехал через 3000 лет в Англию или Америку, не нашел там ничего, кроме церквей и гробниц, и, естественно, он подумал бы, что большую часть времени мы посвящали богослужению или готовились к смерти. Он был бы не прав.

Поэтому ошибочно так думать и о египтянах. Трудом сотен филологов, изучающих папирусы, археологов, раскапывающих гробницы и руины древних городов, ученых, терпеливо копирующих и фотографирующих рисунки на стенах гробниц, было доказано, что помимо богослужения и подготовки к смерти древние египтяне имели множество других интересов. Основываясь на работах видных ученых, а также на своих собственных наблюдениях, я стараюсь дать картину повседневной жизни древних египтян не только в домашних условиях, но и в военных лагерях, при дворах фараонов, в деревнях, в судах и храмах. Здесь кроются определенные трудности и опасности, о которых следует заранее предупредить читателей.

Первое совершенно очевидно, так как период египетской истории, который мы собираемся рассмотреть, охватывает 3000 лет, т. е. в три раза длиннее периода, охватывающего нас от Альфреда Великого¹. Стоит только вспомнить изменения, происшедшие в образе жизни и обычаях англичан за половину этого времени, чтобы понять всю трудность задачи — показать жизнь людей на протяжении тридцати веков. Если же последовательно рассматривать каждый этап истории Египта, то для этого потребовалось бы несколько книг такого объема, как эта. Однако писатель, да и читатель, может воспользоваться тем обстоятельством, что египтяне были очень консервативными людьми. Несмотря на то что за этот огромный период в их одежде и образе жизни произошли существенные изменения, все же основные элементы культуры остались неизменными. Даже во времена Птолемеев, т. е. в III в. до н. э., искусство и архитектура, одежда и религиозные обряды показались бы неспециалисту точно такими же, как во времена строителей пирамид, т. е. 2000 лет назад. В наши дни сельскохозяйственная техника в египетской деревне ненамного отличается от той, что была во времена фараонов. Из окна вагона поезда, который вез меня в Луксор, я видел крестьян, орудующих точно такими же мотыгами, которые изображены на плечах *ушебти*². В одной деревне в районе Дельты я видел примитивные улья, сложенные из кирпича-сырца и по форме напоминающие канализационные трубы, которые применялись еще в Древнем Египте. Даже музыкальные инструменты феллахов очень похожи на те, что изображены на стенах гробниц в Фивах.

Тем не менее, чтобы избежать путаницы, я буду сразу делать оговорку, какой период истории Египта — Древнее, Среднее или Новое царство — мною рассматривается.

Другая трудность, на которую я указывал, коварнее и опаснее. Опасность состоит в том, что древние египтяне были людьми, во многом похожими на нас; их обуревали те же страсти, и они обладали теми же достоинствами и недостатками, что и мы, сидели они на стульях, спали на кроватях, детей своих посылали в школу, а сыновей в армию. Поэтому мы можем вообразить, что они были похожи на нас в гораздо большей степени, чем это было в действительности. Правда, человеческая натура мало изменилась за последние 5000 лет, но тем не менее, хотя они и были несомненно цивилизованными людьми, все же расстояние, отделяющее древних египтян от примитивных религий, значительно меньше, чем то, которое отделяет нас от них. Их религия была наполнена не только этическим содержанием, но и анимизмом и магией, пережитками, сохранившимися от не такой уж далекой первобытной цивилизации, расцветшей в долине Нила. В том мире дикие предки древних египтян жили в страхе, окруженные враждебными силами, которые можно было перехитрить с помощью магии или умиротворить с помощью жертвы.

Говорить, что религия доминировала в жизни древних египтян, было бы, вероятно, преувеличением. Но в их повседневной жизни она, несомненно, играла значительно большую роль, чем у западных народов. Если мы не признаем этого факта, не попытаемся проникнуть в образ мышления древних египтян, мы никогда их не поймем. Поэтому, прежде чем приступить к показу «крупным планом» различных сторон жизни этого народа, мне бы хотелось кратко охарактеризовать основу их религиозных верований.

Не так давно вышла превосходная книга Франкфорта, Уилсона и Джекобсена «До философии», которая в значительной мере поможет нам понять эту основу. Поэтому я процитирую здесь отрывок из нее. После того как авторы отметили изоляцию Древнего Египта и его высокую плотность населения, сосредоточенного в узкой долине Нила, они пишут:

Две особенности — изоляция и смешение полугородского населения отличали Египет от его соседей...

Египтяне не подвергались сильному консервативному воздей-

ствию Аравийской пустыни. Пустыни, прилегающие к Палестине, представляют собой потенциальную основу для развития пуританства и жестокости у местного населения. В Египте, где было обилие сельскохозяйственных продуктов и где люди жили тесно бок о бок, рано проявились смешанные формы, тяготевшие интеллектуально к всеохвату и синкретизму. К различным противоречиям друг другу идеям в Египте относились с большой терпимостью. Все они сплелись в одно целое и образовали то, что мы сейчас называем противоречивостью философской системы. Однако для древних такая противоречивость была вполне приемлема. Семиты, жившие в пустыне, яростно цеплялись за традиции и сопротивлялись всем новшествам, которые могли бы изменить их пуританскую жизнь. Египтяне же принимали новшества и *объединяли их со старым* (курсив мой.— Л. К.). Старое и новое уживалось вместе как в некой сюрреалистической картине, где на одном лице изображены юность и старость.

О сложности религии можно судить хотя бы по такому факту, что ученые насчитали в пантеоне древних египтян две тысячи различных божеств. До того как Египет объединился в единое государство в начале I династии (3200 г. до н. э.), долину Нила населяли сотни различных племен, каждое из которых имело свои собственные божества. Одни племена обожествляли своих вождей, другие — зверей, рептилий и птиц, третьи поклонялись духам деревьев или тотемам. После объединения, которое впервые осуществил царь Менес, бог города или провинции, откуда происходила правящая семья, становился главным, или государственным, богом. Например, в Древнем царстве (2780—2100 гг. до н. э.), в эпоху строителей пирамид, государственным богом был бог солнца Ра, которому поклонялись в Гелиополе, недалеко от столицы — Мемфиса. Позднее, когда правила династия из Фив, фиванский бог Амон потеснил Ра. Два божества слились в одно под именем Амон-Ра. Но это не означало, что сотни местных божеств были упразднены. Им продолжали поклоняться, а жречество включило их в свою сложную теологическую систему, которая привела бы в замешательство не только нас, но и среднего египтянина.

В эпоху Среднего царства (2100—1700 гг. до н. э.) наиболее важным религиозным событием было возвышение культа Осириса, который просуществовал до периода римского владычества и пользовался, по всей вероятности, в народных массах большей популярностью, чем Амон-Ра.

Самым популярным из всех египетских мифов была легенда об Исиде и Осирисе. Благодаря своему гуманистическому содер-

жанию она пустила глубокие корни в народе. Исида стала идеалом верной жены, а Гор — идеальным сыном. В эпоху Среднего царства культ Осириса сделался главенствующим, а Абидос, предполагаемое место захоронения головы Осириса, превратился в место паломничества. Ежегодно тысячи людей стекались туда, чтобы взглянуть на могилу бога. Абидос стал одним из самых почитаемых мест Египта. Знатные семьи хоронили там своих родственников, а те, кто не мог позволить себе такую роскошь, устанавливали мемориальные таблицы в надежде, что бог мертвых вспомнит их имена. В эпоху Среднего царства культ Осириса, судьи душ, стал доминирующим. Впервые в человеческом сознании зародилась мысль об ответственности в загробной жизни за грехи, совершенные на земле.

Если сравнить культ Осириса с христианством, сходство будет поразительным. Богиню-мать Исиду часто изображали с сыном Гором на руках, как деву Марию с Христом. Осирис тоже был воскресшим богом. Во многих гробницах археологи находили деревянные лотки с зернами пшеницы. Лотки символизировали бога, а зерно — возрождение жизни. Когда человек умирал, он становился «Осирисом», а на рисунках в гробнице его изображали в виде мумифицированного бога.

Сложная теология высших слоев египетского общества мало что говорила народным массам. Они только изредка посещали великие храмы Амона-Ра, государственного бога. В повседневной жизни простой народ поклонялся более мелким божествам. В любом музее и антикварном магазине мира вы найдете маленькие бронзовые или фаянсовые статуэтки Амона-Ра, Исиды и Осириса, Хатхор, богини любви и красоты, толстого маленького Беса, бога музыки и танцев, и сотни других. Они сопровождали людей в их будничной жизни, занимая самые почетные места в домах египтян, как статуэтки Христа и святых в христианских домах в наши дни. Египетские матери рассказывали своим детям о примерной матери и верной жене Исиде, об идеальном сыне Горе и злом и порочном боге Сете, подобно тому как христианские матери рассказывают своим детям истории из Библии.

Но между культом Осириса и христианством есть существенная разница. О ней нужно хорошо помнить, чтобы не впасть в заблуждение, о чем я предупреждал в начале этой главы. Не следует отождествлять мышление древних египтян и наше. Провести параллель между культом Осириса и христианством нетрудно, потому что

первый — самый одухотворенный из всех египетских культов и воплощает понятную нам точку зрения. Зло наказано, а добро торжествует. Бога, которого несправедливо заставили страдать, спасла жена-сестра и вернула его к жизни. Он стал судьей душ, а его сын дал волю чувствам и отомстил злодею. Но если мы начнем рассматривать другие божества, то непременно столкнемся с трудностями разного рода.

Лучше всего это можно понять, если взглянуть на персонажи Ветхого и Нового завета, на греческих и римских богов и на типичную группу богов и богинь Древнего Египта.

В первом случае все персонажи, за исключением одного, — человеческие существа, будь то пророки, вдохновляемые свыше, или святые и мученики. Все они, без всякого сомнения, люди, даже если некоторые из них обладают более высокими духовными качествами. Во втором случае мы имеем дело со сверхъестественными существами: Зевсом, царем богов, Посейдоном, богом океана, Афродитой, богиней любви, Аресом, богом войны, и т. д. Несмотря на то что они бессмертны и наделены нечеловеческой мощью, в них еще можно узнать людей. По внешнему виду они ничем не отличаются от людей и проявляют чисто человеческие слабости.

Теперь рассмотрим типичный фриз, на котором изображены некоторые божества египетского пантеона. Здесь есть бог с телом человека и головой шакала. Есть другой бог с головой барана. Рядом с ним стоит женщина с головой львицы, а неподалеку притаился крокодил. Но он тоже бог. Дальше стоит корова. Это Хатхор — египетская богиня любви. Скорченная фигурка царя сосет молоко из ее вымени.

Все это ставит нас в тупик. Жил когда-то народ, чьи постройки, статуи и росписи до сих пор поражают весь мир. Этот народ построил пирамиды и Карнакский храм, знал астрономию и с большой точностью решал геометрические задачи, практиковал медицину и хирургию, имел высокоорганизованное государственное управление. Этот народ завоевал громадную территорию. Одно время его империя простиралась от Судана до Евфрата. Он детально разработал систему письменности и приобрел репутацию народа мудрецов, что признавали даже древние греки. И в то же время эти же самые люди поклонялись кошкам

и змеям и мумифицировали их, а самым главным богом у них был бык. Когда бык издыхал, его бальзамировали, украшали золотом, как царя, и торжественно хоронили в огромной каменной гробнице, специально подготовленной для этой цели. Однако египтяне не были одиноки. Как это ни странно, минойцы Крита, ассирийцы и жители Вавилона, так же как и другие высокоразвитые народы, исповедовали культы животных. Однако они поклонялись не только животным, но и священным камням, деревьям и столбам.

От людей ранних цивилизаций нас отделяет глубокая пропасть. Через эту пропасть нам уже, вероятно, никогда не удастся перекинуть мост. Но если напрячь свое воображение, то мы сможем хотя бы ненадолго приблизиться к ним. В этом нам могут помочь антропологи, изучающие стоянки примитивного человека. Здесь уместно привести очень ценную мысль из книги «До философии», которую я уже цитировал:

Коренное различие между положением современного и древнего человека в окружающем мире заключается в следующем. Для современного образованного человека мир явлений предстает главным образом как «это». Для древнего, а также примитивного человека — как «ты». Объект, «это», всегда можно научно связать с другими объектами, представить как часть группы или ряда. В таком случае наука обязывает рассмотреть «это», потому что она в состоянии постичь объекты и события, так как они подчиняются универсальным законам и их поведение при данных условиях предсказуемо. «Ты» имеет беспрецедентный, ни на что не похожий и непредсказуемый характер, свойственный личности. Внешняя форма известна нам настолько, насколько она себя проявляет... Тем самым подтверждается афоризм Кроули: «Примитивный человек владеет только одним способом мышления, одним способом выражения, одной частью речи — *лицом*. Это не означает, как часто думают, что примитивный человек, для того чтобы объяснить явление природы, паделает человеческими чертами неодушевленного мира. *Примитивный человек просто не знает неодушевленного мира*» (курсив мой. — Л. К.).

По этой причине он не «олицетворяет» неодушевленное явление, а заполняет пустой мир духами мертвых, что мы называем «анимизмом». Мир предстает перед примитивным человеком не мертвым и пустым, а полным жизни. Жизнь эта глубоко индивидуальна, независимо от того, человек ли это, животное, растение или явление, с которым сталкивается человек, — удар грома, внезапный ливень, незнакомая поляна в лесу, камень, о который он споткнулся во время охоты. Любое явление, происшедшее в любое время, для него не «это», а «ты».

Древние египтяне, хотя и принадлежали к высокой цивилизации, тем не менее значительно ближе, чем мы,

стояли к примитивному человеку. Поэтому их отношение к окружающему миру, к миру животных и к тому, что мы сейчас называем «силами природы», можно лучше понять в рамках «ты». И нам уже легче объяснить, почему они обожествляли животных. Вот что говорит об этом Уильсон:

Сокол, парящий в небе, должно быть, с помощью тех же таинственных сил, что и солнце; шакал, как дух, бродивший на краю пустыни; крокодил, притаившийся (неподвижно, как бревно) в жидкой грязи; или могучий бык, в котором зарождается семя. Эти животные придавали необычность ландшафту, выходили за рамки привычных представлений о животных. Они резко выделялись из окружающего мира, и поэтому люди верили, что они наделены таинственной и непостижимой силой, недоступной пониманию человека.

Другими словами, до того как наука определила механизм, вдыхающий жизнь в растения и животных, и как человек узнал, что звери, рептилии и птицы низкоорганизованные, хотя и родственные человеку существа, человек мог судить о них, только сравнивая их со своей собственной природой. Его интересовало или внушало благоговейный страх только то, что отличалось от него самого или обладало такой силой и способностями, которых у него не было. Птица летает, лев необыкновенно силен, крокодил, притаившийся в реке, может неожиданно схватить человека за ногу, змея ведет таинственную, скрытую от посторонних глаз жизнь, важный ибис похож на мудреца. Человек не отлавливал этих животных и не изучал их в зоопарках. Он уважал их и поклонялся им, потому что они в чем-то превосходили его. Со временем парящий сокол стал символом царской власти, крокодил — дьявольским чудовищем, пожирающим души преступников, ибис — Тотом, богом мудрости (и письменности), а лев в виде сфинкса олицетворял царское величие.

Следует помнить, что древние египтяне жили в своей узкой долине гораздо ближе к животным, чем мы. Река кишела крокодилами и бегемотами, огромные стаи гусей населяли болота, поросшие папирусом, соколы парили в небе. Если учесть эти факты, станет понятна таинственная и, по нашим представлениям, иногда странная религия, которая была основой повседневной жизни древних египтян.

ВОЗВРАЩЕНИЕ РЕХМИРА

Цель моей книги — приблизить к нам, насколько это возможно, повседневную жизнь древних египтян. Кое-что я уже рассказал об их стране и богах, которым они поклонялись. Если бы эта книга была учебником, описывающим различные стороны жизни древних египтян, то эту главу можно было бы назвать «Законы и управление» или «Как ими управляли». Нам важно понять эти вещи, но еще более важно проследить за тем, чтобы люди, с которыми мы хотим встретиться, не утонули бы в хаосе фактов, относящихся к порядку взимания налогов, праву собственности, законодательству и аппарату управления. Я размышлял над тем, как мне лучше разрешить эту задачу, когда внезапно мне на глаза попало изображение лодки. Модели таких лодок можно встретить в большом количестве в Каирском музее, в Британском музее и в других собраниях.

Для древних египтян лодка была основным видом транспорта. Поскольку Нил играл очень важную роль в их жизни, то они полагали, что их путешествие в загробный мир также будет совершаться по воде. Поэтому в своих гробницах они оставляли модели лодок. Лодки эти меня всегда восхищали: изогнутый корпус, скамьи для гребцов, мачта с большим квадратным парусом, а посередине навес для владельца, спасающий от жарких лучей египетского солнца, но открытый с боков для прохладного бриза. На таких судах фараоны и высокопоставленные чиновники совершали путешествия по Нилу, а иногда вдоль сирийского побережья при посещении своих колоний. На некоторых навесах вы обнаружите крошечные изображения владельца. Имелось даже изображение на его дорожном ларце, задвинутом под койку.

Лодка натолкнула меня на одну идею. В круг обязанностей высокопоставленных чиновников фараона входили периодические поездки по провинциям по поручению царствующей особы. Их целью было посещение местных правителей, или *номархов*, и ознакомление с делами, связанными со сбором налогов. Но главным образом они проверяли, нет ли вымогательств со стороны местной власти, знакомились с состоянием земли и ирригационных соору-

жений, инспектировали гарнизоны или решали юридические споры. Их обязанности различались в зависимости от положения, которое они занимали. Теперь представим себе, что мы путешествуем по Египту в лодке одного из этих высокопоставленных чиновников во времена XVIII династии (1580—1321 гг. до н. э.), в эпоху правления Тутмоса III. Лодка принадлежит везиру Рехмира. Его гробница наиболее интересная из тех, что можно увидеть в Фивах. Наша поездка воображаемая, а он, должно быть, совершал ее много раз в действительности. Все обязанности, которые он выполнял во время поездок, подробно изображены на стенах его гробницы.

Прежде чем мы отправимся в путь, следует сказать несколько слов о служебных обязанностях везира. Везир — главный государственный чиновник при фараоне. На него возлагались все административные функции царя, кроме религиозных (фараон сам был верховным жрецом). Он назначал четырех «докладчиков», которые три раза в год представляли ему отчеты по делам провинций. Получал он также сообщения и от номовых инспекторов. Везир следил за соблюдением границ провинций, распределением земли, распределением урожая, наводнениями, налоговыми недоимками, разбирал случаи произвола в провинциях и жалобы на местных правителей.

Ему подчинялось множество других чиновников, чьи пышные титулы начертаны на стенах их гробниц: «Носитель опахала по правую руку царя»; «Глаза и уши царя», тайно проводивший дознания; «Вестник по стране, наполняющий радостью сердце царя»; «Наставник, превосходно воспитавший царя»; «Писец Гора, могучего быка» (т. е. царя); «Начальник стражи» и т. д. Вероятно, некоторые из этих чиновников путешествовали вместе с везиром. Поэтому мы можем представить себе, как небольшая флотилия лодок движется вверх по течению реки от Дельты к Фивам, столице империи.

Везир и его свита посетили города сирийского побережья, которые должны были продемонстрировать верность фараону. В то время Египет в результате завоевательных походов Тутмоса III контролировал большую территорию, занимаемую сейчас Сирией, Израилем и Ливаном. Двигаясь на юг с попутным ветром, дующим с гористого побережья Средиземноморья в наш левый борт, мы подходим наконец к Египту. Задолго до этого мы ощу-

щаем близость берега: голубое море темнеет от коричневого ила. Окраска становится более густой, по мере того как мы приближаемся к устью великой реки. Вот мы уже видим длинную, плоскую береговую линию с пальмами и акациями и зеленое широкое пространство дельты Нила.

После того как наша лодка заходит в один из двух главных рукавов Нила, ветер стихает. Гребцы шепотом бранятся, так как это означает, что они должны браться за весла и долго грести против течения. Но везир — знатный человек и к тому же нетерпеливый. Ему предстоит многое увидеть и сделать, прежде чем он сможет вернуться в свой дом в Фивах. Поэтому ничего не остается делать, как начать грести. Большой квадратный парус спускают и укладывают на палубе. Обнаженные по пояс темнокожие матросы сгибают спины, весла скрипят в размеренном ритме, а бронзовый гонг отбивает такт гребцам. Один из матросов затягивает монотонную песню. Остальные подхватывают припев в такт ударам весел. Бурая вода стремительно обтекает длинный закругленный корпус и бурлит за бортом. На корме рулевой ворочает огромное рулевое весло, внимательно следя за мелями, а при случае выкрикивает приветствие или обидное словцо рулевому проходящего мимо судна.

В средней части лодки под навесом сидит везир и диктует своим писцам. На нем белая широкая мантия из «гофрированного» льна. Тяжелый черный парик обрамляет лицо высокопоставленного сановника. Писцы, сидящие перед ним по-турецки с рулонами папируса на коленях, одеты попроще: в короткие белые юбки. Впереди, на корме, стоит капитан и отдает приказания команде. За лодкой везира следуют остальные лодки флотилии. Лопасти их весел поблескивают на солнце.

Только везир и чиповники высокого ранга в париках. Команда бритоголова и одета в простые белые юбки. Грудь ничем не прикрыта. Во времена Древнего царства, пятнадцать столетий назад, когда строились пирамиды, даже титулованные особы носили юбки, но позднее люди высокого общественного положения стали надевать длинные одежды. Но они по-прежнему продолжали брить головы. Поэтому среди проходящих мимо кораблей легко можно было узнать азиатский. Вот один из них быстро плывет вниз по течению. Груз его возвышается над палубой. Даже если бы никто не обратил внимания на чужеземные

одежды, мы бы все равно догадались, что этот корабль не египетский, так как его команда сплошь бородатая. Наши матросы с нескрываемым удивлением смотрят на них, а чужеземцы — на нас. Когда суда поравнялись, наш капитан крикнул приветствие на каком-то языке. Капитан встречного судна ответил ему на нем же. Чужестранцы оказались сирийцами.

Во времена Древнего царства египтяне немного знали об окружающем мире, простирающемся за пределами их долины. Но сейчас, в эпоху Нового царства, они создали огромную империю. Тутмос III, величайший завоеватель середины фараонов, довел свою армию на северо-востоке до берегов Евфрата и на юге подчинил нубийцев. Пленных приводили в Фивы, а чужеземных правителей доставляли ко двору фараона. Некоторые знатные египтяне женились на чужестранках. Однако такие контакты устанавливались не только во время завоевательных походов. Фараон имел дипломатические и торговые отношения со многими государствами: империей хеттов, царями Вавилона и правителями великой морской империи Крит. Рехмира знал последних очень хорошо. На стенах его гробницы, которую уже строили в некрополе Фив, художники нарисовали его принимающим дары от «народов моря», как египтяне называли островитян. Пройдя излучину реки, мы увидели другой чужеземный корабль. Приближенный из свиты Рехмира обратил его внимание на это судно. «Кефтью», — сказал он.

Когда суда поравнялись, везир вежливо поклонился критскому чиновнику, сидевшему под навесом. Он был одет в богато украшенную короткую юбку, руки обхватывали браслеты с драгоценными камнями. Критские моряки, хотя и гладко выбритые, существенно отличались от египтян: высокие и стройные, с длинными курчавыми волосами, ниспадавшими на плечи. Когда суда разминулись, наше продолжило свой путь на юг, к Фивам, критское — на север, к «Великому зеленому морю», как называли его египтяне, и далее к далекому одинокому острову, который многие египтяне никогда не видели.

Мы миновали Буто, древнюю столицу Севера, до того как Верхний и Нижний Египет были объединены Менесом, основателем I династии. Сейчас это маленький провинциальный город, но о его былом величии напоминает один из символов, включенный в царскую корону. Это змея,

когда-то бывшая эмблемой Буто. Другой царский символ, соседствующий со змеей, — сокол, эмблема Нехена, древней столицы Южного Египта. Несмотря на то что почти 1500 лет отделяют Тутмоса III от царя Менеса, тем не менее он продолжает носить эти эмблемы, как напоминание об объединении в прошлом двух царств, а один из его церемониальных титулов звучит: «Царь Верхнего и Нижнего Египта».

Поездка в Фивы займет у нас восемь-девять дней. Это долгое и утомительное путешествие. Везир предпочитает работать ранним утром и прохладным вечером, оставляя день для сна. Время от времени он ест под своим навесом, иногда прогуливается по палубе и беседует с капитаном. В конце каждого дня лодка причаливает к набережной какого-нибудь провинциального городка, и Рехмира со своей свитой располагается на ночлег в доме одного из местных чиновников.

Сейчас раннее утро. Дельта осталась позади. Широкая зеленая равнина начинает сужаться. Справа и слева подступают бурые холмы пустыни. С этого момента на протяжении 300 миль мы не теряем из виду сразу две пустыни — Ливийскую на западе и Аравийскую на востоке. В отдалении на высоком буре плато стоят пирамиды, золотые на фоне утреннего голубого неба. Первая, пирамида Джедефра в Абу-Роаше, за ней — знакомое трио, известное как Гизехская группа: Великая пирамида Хеопса, пирамида Хефрена и небольшая пирамида Микерина. 3000 лет отделяют нас от того времени, о котором я пишу, от времени Тутмоса III. Когда Рехмира смотрел на пирамиды из своей лодки, они уже тогда были древними памятниками. Хеопс умер за 1500 лет до рождения Рехмира, а пирамида Хеопса была далеко не самой древней.

По мере того как мы продвигаемся все дальше на юг, из тумана проступают другие пирамиды: Завиет-эль-Ариан, Абусир (хотя они в свое время, конечно, не носили арабских названий) и Саккара. Великая Ступенчатая пирамида в Саккара гордо возвышается над окружающей ее белой стеной, творение Имхотепа, архитектора царя Джосера, который правил, как и Снофру, еще до Хеопса. Для Рехмира и его современников фараоны Древнего царства — люди почти легендарные. Так как Рехмира царский чиновник, он хорошо знает их историю, знает, что на протяжении тысячелетий династии появлялись и исчезали, а

столица Египта менялась несколько раз. Цари Древнего царства правили из Мемфиса, чьи башни и храмы везир видел перед собой на фоне Ступенчатой пирамиды Джосера. Затем, спустя 500 лет, в конце VI династии, могущество царей падает, и на сто лет наступает время смут. Лишенный централизованной власти, Египет постоянно подвергается набегам. Затем возвышается новая династия, XI. Могущественные цари провозгласили столицей Гермонт, а позднее Фивы. Через 400 лет снова произошел крах, и пришли азиатские «пастушеские цари». Наконец царившие воины XVII династии за несколько сот лет до рождения Рехмира изгнали захватчиков и создали сильное государство. Наследник тех царей, Тутмос, также воин, и правил сейчас Египтом. Фивы из маленького провинциального городка, столицы нома, превратились в богатую и могущественную столицу империи, простиравшейся от Судана до Евфрата.

Когда везир сходит на берег в Мемфисе, он размышляет над тем, как много изменилось в Египте с того времени, как Великие были погребены в пирамидах, которые виднеются вдали. Сегодня цари не строят пирамид. Вместо этого они высекают глубокие гробницы в скалах Фиванских холмов. Знать тоже не строит больше каменных мастаб³ рядом с памятниками их царственных владык. Они тоже высекают гробницы в скалах некрополя, конечно, не в Долине царей, а с другой стороны скальной гряды. Он вспомнил, что должен посмотреть, как продвигается строительство его собственной гробницы, которую, подобно другим египтянам равного ему общественного положения, он готовил при жизни.

Но в то же время везир знает, что многое осталось прежним. Он вынужден следовать традициям, завещанным царями древности, основателями Египетского государства; он поклоняется тем же самым богам, совершая те же самые или подобные обряды. Такие же рисунки, как на стенах его гробницы — Рехмира получает пищу в качестве жертвоприношения, Рехмира осматривает дворец, Рехмира принимает гостей на пиршестве, Рехмира бьет острой рыбой в Ниле, — можно видеть в гробницах его предшественников, которые служили Хеопсу в Мемфисе пятнадцать столетий назад.

Кроме того, свод законов и система управления, которыми он обязан руководствоваться в своей деятельности,

унаследованы им, правда, с некоторыми изменениями, от тех же далеких правителей.

Какой была эта традиционная система управления?

Во-первых, она представляла собой сильную централизованную власть, авторитарную и абсолютную. Своими достижениями в эпоху Древнего, Среднего и Нового царств Египет был обязан тому, что фараоны обладали полнотой власти в стране. Полновластно распоряжаясь рабочей силой, они сумели организовать общественные работы и воздвигли памятники, которые внушают благоговение даже в XX веке.

Во-вторых, она отличалась жестким бюрократическим контролем. Фараон сам назначал министров, которые зачастую были членами царской семьи. Чиновники либо назначались, либо занимали свои посты по наследству. Им подчинялась целая армия более мелких чиновников, инспекторов, сборщиков налогов, писцов и т. д. Ни одно государство в мире не имело в то время такой развитой системы управления, как Древний Египет. Несмотря на то что она держала страну в бюрократических путах и сводила на нет прогресс, все же она была необходима. Причина заключалась в том, что благосостояние Египта определялось не только золотыми копиями и военной добычей, но и рабочей силой и землей. Плодородие земли, в свою очередь, зависело от ежегодных разливов Нила. Чиновники должны были следить за организацией и эффективным использованием рабочей силы, за разливами реки и системой ирригационных сооружений, а также за тем, чтобы богатства, поступающие в результате взимания налогов, стекались к верховному правителю.

Мемфис, один из городов, который Рехмира посетил по пути на юг, был в древние времена столицей. Однако сейчас он был главным городом провинции, или Мемфисского нома. В эпоху Нового царства насчитывалось шестьдесят семь номов — сорок два в Верхнем (т. е. Южном) Египте и двадцать пять в Нижнем. На ночь везир останавливается у правителя, а на следующий день совещается с ним, дает указания. Они сидят со своими приближенными в зале с колоннами, стены которого украшены фресками, а одна сторона открыта в сад, где нежно журчат фонтаны и порхают птицы. Входят местные чиновники и

падают перед ними ниц. Писцы сидят скрестив ноги на полу и записывают решения везира в свои свитки. Сначала идет горячий спор о границах нома с привлечением в качестве доказательств древних записей. Затем переходят к более деликатному вопросу — к налоговым недоимкам. Правитель оправдывается, ссылаясь на то, что урожай в прошлом году был невысокий. Просит немного подождать с уплатой долгов. Но везир непреклонен. Хорошо ли осведомлен номарх? Нет ли здесь злоупотреблений со стороны некоторых местных чиновников? Везир уже неоднократно сталкивался со случаями казнокрадства. Номарх обещает разобраться.

После этого обсуждается величина податей на следующий год. Вызывают специалистов, чтобы узнать их мнение о предстоящем наводнении. Будет Нил «добрым» или «злым»? От решения этих людей, занимающихся «нилометрией», т. е. регистрирующих высоту воды в реке, зависит оценка будущего урожая и величина налога. Обсуждаются и другие вопросы: сколько требуется рабочих, чтобы привести в порядок дамбы и каналы или даже, может быть, построить новые. На консультацию приглашают чиновников, ответственных за сбор людей на принудительные работы.

Солнце поднимается все выше, приближается полдень. Везир и его свита с трудом борются с дремотой. Они удаляются на обед и послеобеденный отдых. Зал пустеет. Солнечные караульные стоят, опершись на копья. Тишину нарушают только плеск фонтанов да отдаленный смех и звуки музыки, доносящиеся с женской половины. Команда лодки до прихода хозяев разбрелась по пивным и публичным домам на набережной.

Вечером снова совещание. На этот раз везир собрал свою опору, районных инспекторов, чиновников, назначенных непосредственно фараоном, а не номархом. В каждом поме их четверо. Помимо прочих обязанностей они отвечают за перепись людей и скота. Сейчас они отчитываются, а везир задает им вопросы. Уверены ли они в своих списках? Рехмира хорошо знает, что феллахи угоняют скот в отдаленные районы, дабы избежать переписи.

Отчеты царских чиновников очень ценны для Рехмира, так как он таким образом контролирует местных чиновников, назначенных номархом. Большинство местных чиновников преданы номарху, так как обязаны ему своим назна-

У их подножия выстроились великолепные каменные сооружения. Это заупокойные храмы царей, которых сейчас стали хоронить в пустынной долине за скалами. В самих скалах разместился огромный некрополь. Из-за множества гробниц знатных и богатых фиванцев, вырубленных в скалах, последние напоминали пчелиные соты⁵. Между скалами и рекой разместилась большая деревня из глинобитных домов, населенная исключительно теми, кто работал в некрополе. Здесь жили бальзамировщики, мастера, изготовлявшие саркофаги и погребальный инвентарь, каменотесы, которые вырубали гробницы в скалах, художники и скульпторы, украшавшие их стены. При храмах жили жрецы. Их обязанностью было регулярно совершать жертвоприношения душам умерших. Все они тем или другим способом служили многочисленному молчаливому населению темных камер внутри холмов.

Давайте теперь посмотрим налево. Здесь мы увидим город живых — богатый, многолюдный и шумный. Крошечные лодчонки снуют взад и вперед среди сотен кораблей, пришвартованных к набережной. У кораблей высокие изогнутые носы и тонкие мачты. С купеческих судов выгружают зерно и другие товары. Баржи нагружены каменными блоками для строительства храмов и дворцов. Есть чужеземные суда из Сирии и с островов Эгейского моря. Рядом стоят военные корабли и богато отделанные позолотой суда фараона и его вельмож. Приглушенный шум голосов разносится над водой, когда флотилия подходит к пристани. Гребцы приготовились швартоваться и стоят с канатами в руках. На берегу, у самой воды, возвышаются глинобитные стены товарных складов, таможен, лавок, пивных, публичных домов и хижин бедняков. За ними виднеются окруженные высокими стенами дома сановников и богатых чиновников. Но они также сложены из кирпича-сырца и отличаются от остальных только своими размерами. Единственная каменная постройка в городе — огромный храм Амона-Ра, царя богов, пилоны иobelisks которого мы видели слева от нас, когда приближались к городу. Мы подходим к пристани. Слуги и охрана везира ждут его на набережной. Они расчищают ему дорогу в толпе. Толпа падает ниц, когда везир проходит мимо. Он поднимается на золоченую колесницу и едет к своему загородному особняку. Впереди бегут скороходы. Рехмира направляется домой.

ДОМА И МЕБЕЛЬ

До сих пор я пытался дать читателю представление о таком Египте, каким его знал высокопоставленный чиновник XVIII династии. Однако сейчас я хочу сделать небольшой экскурс в более раннюю историю Египта. Конечно, было бы очень заманчиво немедленно последовать за Рехмира в его фиванский дом и встретиться в нем с его женой и детьми. Но в этом случае мы были бы привязаны к одному определенному периоду в истории Египта, в то время как содержание настоящей главы гораздо шире. Нам легче будет понять социальные условия жизни Рехмира, если мы узнаем о развитии египетской цивилизации за две тысячи лет до описываемых мною событий. Поэтому на время оставим везира и вернемся к нему в следующей главе.

Постоянный дом, оседлое жилище — необходимое условие для развития определенных видов искусств и науки, однако не всех. Кочевые арабские племена достигли таких высот в поэзии, философии и математике, каких никогда не достигали древние египтяне. Однако арабы были не в состоянии достичь того совершенства в архитектуре, скульптуре, живописи и планировке городов, какого достигли египтяне, пока они не поселились в городах. Древние египтяне, возможно, первые люди, создавшие письменность и литературу, на протяжении длительного времени были народом оседлым. Именно благодаря этому у них рано развилась система государственного управления.

Климат и имеющиеся строительные материалы определили форму их жилища. В Северной Европе с ее зимами и жестокими морозами дерево было первым строительным материалом, когда люди переселились из примитивных каменных хижин. Но как только они научились обрабатывать камень, то стали строить дома из этого материала или из кирпича. Такие дома были очень прочными и хорошо защищали от ветра, снега и дождя. В Египте же почти все дни в году были солнечными, в течение многих месяцев стояла сильная жара, особенно на юге. Поэтому жилища должны были защищать людей от солнца и холодного ночного воздуха. Несмотря на то что, когда егип-

тяне поселились в долине Нила, камень был в изобилии, они редко применяли его для строительства домов. Вместо него они использовали материал, который по сей день остается в Египте самым дешевым, доступным и легко обрабатываемым, — глину.

Для народа, живущего в более умеренном климате, глина была бы неподходящим материалом, но для Египта она оказалась идеальным. Я видел мастабы в Саккара и вблизи Великой пирамиды в Гизе, построенные из высушенных глиняных кирпичей, которым более 5000 лет. Я уже говорил, что причиной исчезновения древнеегипетских городов была непрочность строительного материала, т. е. его легко было разрушить при желании. Когда египтяне хотели избавиться от своих старых домов и построить новые, они их попросту ломали. Другое дело гробницы. Для них главной опасностью были грабители.

После разлива Нила оставались целые акры коричневого ила, который быстро серел под лучами солнца. Высыхая, он растрескивался. На раннем этапе египетской цивилизации жители долины строили свои жилища из блоков, сформировавшихся естественным путем, вероятно, точно так же, как это делают феллахи в наши дни. Позднее они научились делать кирпичи, замешивая ил на воде. Чтобы кирпичи были более прочными, в них добавляли солому и навоз. В то время феллахи жили в домах, построенных из ила и навоза, которые имели странный, как бы незаконченный вид. В Египте нет необходимости делать покатые крыши, чтобы с них стекала дождевая вода. Поэтому крыши делали плоскими, а над ними выступали стены различной высоты. На плоской крыше приятно сидеть, наслаждаясь вечерней прохладой. А в Старом Каире, где земля дорогая, многие держат на крышах домашний скот (прогуливаясь по старому городу, можно, случайно посмотрев вверх, встретиться с задумчивым взглядом коровы). По этой же причине стены оставляют незаоконченными, чтобы в случае необходимости надстроить еще один этаж.

Дома в деревнях и городах Древнего Египта очень были похожи на те, что нам известны по многочисленным моделям домов из кирпича-сырца, так называемые «дома Ка», которые древние египтяне оставляли в своих гробницах.

Египтянам были известны и другие строительные материалы: дерево (его использовали очень бережно, так как

в Египте нет строевого леса), пальмовые листья, тростник и стебли папируса, который в изобилии рос по берегам реки. Питри в своей книге «Социальная жизнь в Древнем Египте», которая представляет собой один из наиболее ценных источников информации, высказывает мысль, что в додинастические времена (до 3200 г. до н. э.) вожжи имели разборные деревянные дома, которые во время наводнения можно было легко перевезти в пустыню, а весной поставить на зеленом пастбище рядом с шалашами пастухов.

Доски шириной 12—14 дюймов и высотой 6—7 футов устанавливали вертикально так, чтобы они заходили одна за другую, образуя панель. Когда ночная роса или сирокко⁶ расширяли или сжимали дерево, доски свободно перемещались относительно друг друга, так как они связаны были только по краям. Дверные проемы делались со всех сторон, чтобы помещение хорошо проветривалось в тихую и теплую погоду. Вдоль стен устанавливались ложа, где спала стража вожж. По такому же образцу, *но только из кирпича* (курсив мой.— Л. К.) строился дом вечности умершего вожж. Этот стиль сохранился до XVIII династии.

Жилки пальмовых листьев или тростник связывали в пучки, скрепляли глиной и использовали как колонны до того, как для этой цели стали применять дерево или камень. Даже в наши дни можно увидеть такие колонны, поддерживающие тяжелый *шадуф*, водоподъемник, используемый феллахами для подъема воды из нижнего канала в верхний. Интересно отметить, что когда египтяне начали возводить свои монументальные строения в камне (около 2800 г. до н. э.), то по-прежнему придерживались старых форм. Так, в Саккара, рядом со Ступенчатой пирамидой Джосера, можно видеть колонны с желобками, которые предвосхищали дорические на две тысячи лет. Возможно, что своей формой они обязаны связкам тростника, поддерживавшим крышу в домах из кирпича-сырца. Жилки пальмовых листьев и тростник смешивали также с илом и укладывали поперек деревянных стропил. Такие крыши до сих пор еще строят в Египте. Бревна использовались в додинастические времена для дверных перемычек. Вы можете увидеть их каменную имитацию над «фальшивыми дверьми» более поздних каменных мастаб.

Другая характерная особенность всех египетских домов, за исключением самых бедных, в древние времена и поныне — это двор. В такой жаркой стране, как Египет,

двор — неотъемлемая принадлежность дома. Поэтому почти перед каждой моделью дома вы увидите двор, окруженный стеной, а более богатые дома имели внутренние дворы. Часто посреди двора располагался небольшой бассейн. Подобное расположение двора можно видеть в римских виллах Помпеи. Там, так же как в Египте, окна выходили во двор, а не на улицу. Внешние египетские дома выглядели непримечательно: голые стены из кирпича-сырца, под крышей крохотные оконца. В Египте такое яркое солнце, что маленькие окошки вполне достаточны, чтобы освещать внутренние помещения дома. Комнаты, обращенные во внутренний двор, часто вообще не имели окон. Отраженного солнечного света вполне хватало, чтобы освещать комнаты, которые обычно не имели стены со стороны двора. Просторные лоджии, поддерживаемые колоннами, выходили в прохладный, тенистый сад, отгороженный высокими стенами от внешнего мира.

Со временем некоторые характерные особенности египетских домов стали исчезать: дома вельмож стали просторнее и удобнее, колонны из жилок пальмовых листьев заменили колонны из камня и дерева, а стены из кирпича-сырца покрывали нарядной штукатуркой и украшали цветными фресками. Однако дома бедного люда мало изменились.

Развитие городов за редким исключением почти не планировалось. Большие города, такие, как Мемфис и Фивы, росли бесплано, подобно средневековому Лондону. Даже в «новом» городе Эхнатона в Тель-эль-Амарне, хотя основные улицы и были вчерне разработаны, пригороды все же представляли собой сплошной лабиринт узких улочек. Исключения бывали только в том случае, если фараон приказывал произвести крупные общественные постройки, и для рабочих возводили новый город. Такой город я видел в Мединет-Абу. Прямые узкие улицы пересекаются под прямым углом, а сотни небольших домов барачного типа практически мало чем отличаются друг от друга. Питри описал еще один город подобного типа, построенный в Кахуне во времена XII династии:

Дома были разной величины: от четырехкомнатных до шести-комнатных, но на одной и той же улице все дома были одинаковые. Улицы отличались длиной. На улице длиной 62 фута располагались два дома, на улице длиной 230 футов — восемь-девять домов... Ширина улиц колебалась от 11 до 15 футов. Посреди улицы

были выкопаны сточные каналы наподобие староанглийских. Трутуара не было, так как в городе не было транспорта.

Дома попроще имели открытые дворы со стороны, противоположной входу. С одной стороны располагалась одна общая комната, с другой — кладовые, лестница из которых вела на крышу. Более просторные дома для ремесленников имели открытый двор. Четыре комнаты выходили во двор, а пять других располагались по внешней стороне дома... Двери были деревянные, пороги и перемычки, встроенные в стену, тоже. Когда отверстие под шкворень изнашивалось, в него подкладывали кусок кожи, обычно старые сандалии...

Учитывая различие в климате и обычаях, такие дома для ремесленников были, несомненно, лучше домов для рабочих на промышленном севере Англии.

Санитария и канализация, насколько нам известно, были не на таком уровне, как у древних народов, например у минойцев Крита. В Кносском дворце Миноса, часть которого была построена за две тысячи лет до н. э., детально на научной основе разработана канализационная система. Дождевая вода стекала с крыш в трубы, проходившие по стене, а затем в подземные канализационные трубы такого большого диаметра, что сквозь них, согнувшись, мог пройти человек. Из ванн использованная вода отводилась в трубы, а на половине царницы до наших дней сохранилась примитивная уборная, которая, как предполагает Артур Эванс, имела систему промывки «унитаза». Древние египтяне не имели такой канализационной системы по той простой причине, что она была им не нужна. Правда, крыши были снабжены стоками, чтобы вода не собиралась на них и не просачивалась в помещение, но в отличие от Крита в Египте так редко шли дожди, что в подземной канализации не было необходимости.

Другое дело — удаление нечистот и человеческих экскрементов. В кварталах, населенных беднотой, отбросы, по всей вероятности, оставляли бродячим по помойкам собакам и птицам, как это делают многие египтяне в наши дни. Мне кажется, что подобная точка зрения верна, потому что в древнем медицинском папирусе, дошедшем до нас, наиболее часто упоминаются глазные заболевания; и по сей день они являются бичом Египта. Трахома и офтальмия переносится мухами, которые размножаются в отбросах. Широко сейчас распространенные болезни египтян — билхарзия или шистосоматозы встречались также и в Древнем Египте. Эти болезни вызывают небольшие черви, которые

проникают в кровь. Своим распространением болезнь обязана антисанитарии — привычке феллахов испражняться вблизи ирригационных каналов. Крошечные организмы из кала и мочи зараженного поселяются в определенного вида улитках, где они размножаются, развиваются, выходят в воду и попадают под кожу и в кровь человека. Несколько экземпляров этих червей были найдены в древнеегипетских мумиях.

Но, прежде чем осудить бедного египетского крестьянина за его антисанитарные привычки, давайте ознакомимся с условиями его работы. Большую часть дня он проводил в поле. Это означает, что он все время находился в воде или возле нее, так как плодородие почвы зависит от ирригационных каналов. Даже если в доме феллаха была уборная, он мог ею пользоваться только ночью. Днем у него не было выбора.

Земляные уборные находят в развалинах больших и малых египетских домов. Однако неизвестно, были они связаны с подземной выгребной ямой или вычищались ежедневно. Лично я считаю, что египтянам были известны выгребные ямы. В нескольких деревнях Нижнего Египта египетские и европейские врачи, исследовавшие местные санитарные условия, показали мне придуманную феллахами систему удаления человеческих экскрементов, которая, несомненно, была очень древней. Крестьяне выкапывали глубокие ямы, обкладывали их обожженным кирпичом, не пропускающим воду, а поверх строили уборную. Через несколько месяцев они открывали яму, вычищали ее и оставляли на некоторое время открытой, чтобы солнце убило вредные организмы. Экскременты разбрасывали по полям в качестве удобрения. Такой способ мог применяться и во времена фараонов.

Дворцы царей и дома вельмож были, конечно, намного более красивы и удобны по сравнению с домами простых людей. Во времена XVIII династии, когда жил Рехмира, дома знати достигли таких удобств и изысканности, которые едва ли могут быть повторены в наши дни. Я думаю, что в некотором отношении они были более комфортабельны и намного лучше приспособлены к местному климату, чем дома европейского типа, в которых живут богатые египтяне в наши дни на окраинах Каира.

Они все еще строились из кирпича-сырца, но их стены украшали изящные фрески, на которых яркими красками

были изображены звери, растения и птицы. Некоторые из этих восхитительных фресок были открыты Флиндерсом Питри в Тель-эль-Амарне. Сейчас их можно увидеть в Анималианском музее Оксфорда. От богатства и общественного положения владельца зависели размеры и планировка дома. Однако основные элементы домов оставались неизменными. Прежде всего, сад окружала высокая стена. В ней был один-единственный вход, пройдя через который посетитель оказывался у домика привратника. Если дом был очень большим, от домика привратника расходились три дорожки. Первая вела к самым лучшим комнатам: колонным залам для приемов и меньшим комнатам для еды и отдыха, вторая — на женскую половину, в гарем хозяина, третья — на половину слуг, где находились столовая, кухни и кладовые. Семья занимала примерно шестнадцать комнат, включая три зала с колоннами. Под женскую половину отводили двенадцать комнат или больше. Иногда там тоже был зал. Кухни и кладовые размещались в четырнадцати комнатах, включая помещение для слуг. Прямо за домом находился большой открытый двор с двойным рядом тенистых деревьев. Иногда и там были кладовые. Таким образом, дом насчитывал пятьдесят-шестьдесят комнат. Все они в целях безопасности имели одну узкую дверь. В подобных домах жили вельможи очень высокого общественного положения, такие, как Рехмира.

Были дома меньших размеров, в которых жили чиновники среднего достатка. Такие дома, окруженные садовой оградой, занимали площадь около 50 квадратных футов. В садовой ограде тоже была единственная дверь, которая приводила к домику привратника. Оттуда вы могли по открытой лоджии пройти к северной части дома и попасть в центральный колонный зал. К нему примыкали четыре группы комнат: комната хозяина с его ложем, женская половина и кухня, мужская половина, иногда с подсобным помещением, и группа небольших комнат — кладовые. Из кладовых лестница вела на крышу. В комнатах обычно настилали полы. Если почва была влажной, египтяне забивали в землю короткие вертикальные трубки, которые образовывали дренажную систему, а сверху прикрывали их кирпичами.

Отсюда следует, что дом высокопоставленного египетского чиновника был огромным. Ему нужны были комнаты не только для него самого, его гостей и слуг, но также для

взрослых детей, если они не были женаты, и для детей его нескольких жен. Нужны были помещения для лошадей и колесниц, кладовые, винные погреба и амбары для зерна. Иногда амбары строили в саду, но в небольших домах их размещали на крыше.

Однако не следует забывать, что большую часть времени древние египтяне проводили на открытом воздухе, как это принято в наши дни в Южной Европе. Комнатами они пользовались только ночью или в зимнее время. Отдыхающего после работы египетского чиновника мы нашли бы во дворе или в саду. Египтяне были большими любителями садов, возможно, потому, что их окружала жестокая и бесплодная пустыня. Деревья привозили из Азии, чтобы пополнить немногочисленные местные виды. Их заботливо высаживали и любовно выхаживали. Деревья не только плодоносили, но и давали тень. Яркий солнечный свет пробивался сквозь листья и давал возможность расти цветам. Большие, выложенные орнаментом водоемы для рыб служили двум целям: сами они украшали сад, а рыба уничтожала комаров. Возможно, поэтому малярия не представляла серьезной проблемы в Древнем Египте.

Искусный садовник мог достичь очень высокого общественного положения. Одна из самых очаровательных гробниц в Фиванском некрополе принадлежит Сенуферу, главному садовнику царя. Потолок из необтесанных камней оставлен в естественном виде и расписан таким образом, что кажется, будто с него свисают гроздья винограда. Только очень знатный или богатый человек мог построить себе гробницу в некрополе.

Мебель в египетских домах также варьировалась в зависимости от общественного положения владельца, но, вообще говоря, ее было намного меньше, чем в наши дни в европейских или американских домах. Дворцовая мебель царей и вельмож была красивой и изящной. Основными предметами были кровати, стулья, столы и лари для одежды. Любимую мебель египтяне помещали в гробницы главным образом во времена XVIII и XIX династий, а остальную изображали на многочисленных стенных рельефах и рисунках.

Возьмем, например, стулья. Их было меньше, чем в европейских домах, так как египтяне имели обыкновение сидеть по-восточному на полу или на подушках дивана: именно так изображены часто гости на пиршестве. Во вре-

мя еды они не возлежали, как это делали древние греки и римляне.

Египтяне никогда не садились вокруг общего обеденного стола. Столы, изображенные на стенных рисунках гробниц, очень маленького размера. Каждый гость на пиршестве должен был иметь свой собственный стол, на который раб ставил различные деликатесы.

Конструкция египетской мебели с точки зрения мастерства превосходна. Для соединения частей мебели использовались не искусственно согнутые угловые детали, а встречающиеся в природе в готовом виде. Спинки стульев поддерживались сзади диагональными растяжками, как у древних резных кресел. Высокие тонкие ножки столов скреплялись поперечинами и диагональными распорками. Линии кушеток и стульев плавные и гармоничные, пропорции верны и совершенны. Для подвешивания маленьких, переносных алтарей использовались простейшие пружины.

Лично я нахожу мебель времени XVIII династии несколько витиеватой. Знаменитый трон Тутанхамона, по моему мнению, сделан грубо и перегружен орнаментом. Я отдаю предпочтение детскому деревянному стульчику, инкрустированному слоновой костью, который был также найден в гробнице. Вероятно, им пользовался царь, когда был маленьким. Еще более вульгарны, чем трон, некоторые вещи из дворца, найденные в гробнице Тутанхамона. Взять хотя бы хорошо известный алебастровый алтарь в виде ладьи. Сделан он красиво и материал превосходный, но если не принимать во внимание маленькую очаровательную фигурку царицы Анхесенамон с веером в руках (она сидит на носу лодки), то эта вещица, на мой взгляд, не многим отличается от вещей викторианской эпохи.

Со времен Древнего царства до нас дошло немного мебели, но та, что сохранилась в виде изображений на настенных рельефах, свидетельствует о том, что во времена строителей пирамид мебель была более стандартной. Под влиянием ощущения простоты, силы и величия, исходящего от диоритовой статуи Хефрена, некоторым кажется, что эти качества проступают в очертаниях такой мебели. Наиболее прекрасные образцы ее — это, конечно, кровать, стул, балдахин и переносное кресло царицы Хетепхерес, матери Хеопса, которые были найдены рядом с пустым саркофагом в глубокой шахте у подножия Великой пирамиды.

Кровати древних египтян также очень интересны. Они

намного выше современных, а матрац слегка наклонен от головы к ногам. Каркас образовывали массивные брусья, суживавшиеся на конце. Соединения (в ус) были самыми разнообразными. Найдено шесть различных типов таких соединений. Сам матрац представлял собой веревочную циновку, плотную, но достаточно упругую. Матрац, вероятно, покрывали подушками, и люди, которые спали на нем, говорят, что он вполне удобен. Питри утверждает, что деревянный подголовник тоже очень удобен, но я этому не верю. Эти полукруглые подголовники всегда нескромо смущали современного человека. Ими еще пользуются в наши дни в некоторых частях Африки. Они, вероятно, поддерживали тяжелые парики, которые египтяне не снимали даже на ночь. Трудно сейчас объяснить, почему они не снимали их. А может быть, они пользовались подголовниками, когда отдыхали днем. Питри утверждает также, хотя я этому не смог найти доказательств, что древние египтяне всегда спали, вытянувшись на спине. Он ссылается на то, что тела египтян, умерших в додинастическую эпоху, захоронены в скорченном положении, их колени подтянуты к подбородку, а уже в династическую эпоху умерших закапывали вытянутыми во весь рост. Однако погребальные обычаи не могут здесь служить доказательством.

Не надо думать, что вся египетская мебель была сделана добротнo, нет-нет да и обнаружится недобросовестная работа. Иногда шиповое соединение деревянных деталей было очень мелким, тогда с противоположной стороны делали специальные вставки, дабы показать, что соединение выполнено как требуется. Дешевые сорта дерева покрывали фанеровкой. Инкрустацию слоновой костью имитировали белой краской. Что касается краски, то не было таких трюков викторианских жуликов, которые бы не были знакомы древним египтянам. Еще во времена III династии (2800 г. до н. э.) они имитировали структуру дерева с его характерной волнистостью и сучками. Гранит также успешно фальсифицировали с помощью краски. Известковые колонны в Амарне выкрашены под глазурованную плитку. Даже мозаичные ювелирные изделия имитировали крашеной глазурью.

Если бы египтяне эпохи Нового царства разделяли наше пристрастие к древностям, то могли бы на потребу коллекционерам изготавливать «подлинные произведения

искусства» Древнего царства. К счастью для археологов, они этого не делали. Тем не менее искусные подделки их современных потомков весьма трудно отличить от настоящих изделий древних египтян.

Довольно распространенным видом мебели в египетских домах были ларцы для хранения полотна, одежды, оружия и других вещей. Они были очень красивыми и часто инкрустировались слоновой костью, ляпис-лазурью, сердоликом и другими материалами. Прекрасные экземпляры их найдены в гробнице Тутанхамона. Дома освещались масляными лампами. Некоторые из них изготовлялись из полупрозрачного алебастра и раскрашивались с внутренней стороны. Когда зажигали фитиль, рисунок проявлялся. На миниатюрные алтари ставили фигурки Амона, Исиды, Осириса и других богов. Во дворцах царей и домах их богатых подданных часто для украшения мебели использовались золото и серебро. В праздничные дни египетские дома, вероятно, были особенно красивы. Мягкий свет отражался от золота и серебра, подчеркивал яркость красного сердолика и голубой ляпис-лазури, сверкали драгоценные камни в ожерельях и браслетах женщин.

Что же ели древние египтяне? У богачей меню было обильным и разнообразным. На стенах гробниц, где изображены пиршества, мы видим дичь, вероятно вареную, жареную или тушеную, говядину, тушеную и жареную. В заупокойных молитвах египтяне просили, чтобы в меню покойного на небесах вошли хлеб, пиво, говядина и дичь. В них упоминается десять сортов мяса, пять видов птиц, одиннадцать разновидностей фруктов и «всевозможные сласти». У богачей излюбленные блюда из века в век менялись: на еду устанавливалась мода. В книге «Жизнь в Древнем Египте» Эрман подчеркивает, что один из царей XIX династии оставил надпись, в которой говорится, что во время его путешествия вместе с придворными по различным городам Египта к обеду ему предлагали на выбор «десять сортов хлеба и пять сортов лепешек, среди которых едва ли хоть один сорт был в употреблении во времена Древнего царства».

Как и мы, египтяне не отказывались попробовать «заморские» блюда. В одной священной книге говорится, что боги «ели прекрасный хлеб *куатх*» — специфический хлеб семитов.

Отличное вино им привозили из Чару, пиво — из Кви-

да, высококачественное масло — из «Ерса, Хета, Сангара и Течеса». Все эти города не были египетскими.

О том, как древние египтяне готовили пищу, известно нам очень немного. Гуся, излюбленное национальное блюдо, жарили над тлеющими углями. Так же жарили и рыбу.

Выпечка хлеба повсеместно считалась очень важным занятием. По всей вероятности, египтяне не знали мельниц. Они толкли зерно огромными пестами. Более мелкую муку получали, перетирая зерно между двух камней. Затем замешивали тесто (обычно этим занимались женщины; сохранилось много произведений искусства, изображающих этот процесс), делали круглые плоские лепешки и пекли их на углях. Некоторые формы, в которых выпекались пирожные, очень напоминают современные, но я думаю, что по вкусу они были сродни современному арабскому хлебу, похожему на жесткий картон.

Основными напитками были пиво и вино. Пиво было любимым напитком простых египтян. Сохранилось много рисунков времен XII династии, изображающих процесс пивоварения. Пиво производили из местного ячменя или, как тогда говорили, из «зерна Верхнего Египта». В эпоху Древнего царства различали четыре сорта пива, включая «черное пиво» и «темное пиво».

Вино пили царь и знать. Во дворце Эхнатона, раскопки которого в Тель-эль-Амарне вели Питри и другие археологи, были найдены кувшины из-под вина. На каждом из них был записан сорт. Если судить по содержанию некоторых поэм и надписей в гробницах, пьянство было распространенным явлением и даже поощрялось. Но, несмотря на то что в них ярко описываются последствия невоздержанности, сведения о лечении не сохранились.

Египтяне Древнего царства ели, сидя на корточках, однако в эпоху Рехмира народ уже пользовался столами и стульями. Ели они руками, а после еды ополаскивали руки водой, как это и сейчас делают на Востоке. На рисунках, изображающих «столовые», можно видеть большие кувшины и тазы, почти такие же, как в викторианскую эпоху. На столах стояли цветы. Гостям надевали венки из цветов. Любовь к цветам и зеленым растениям всегда была отличительной чертой народа Древнего Египта.

А сейчас, ознакомившись с домами, мебелью и обычаями египтян, встретимся с самими людьми.

НА ПИРШЕСТВЕ У РЕХМИРА

Отдохнув после долгого путешествия и отчитавшись перед фараоном, Рехмира решил отпраздновать свое возвращение домой и пригласил нас с вами.

За рекой солнце заходит за Фиванские холмы, а в огромном храме Амона-Ра жрецы совершают последние обряды. Их руки протянуты к Ра, нисходящему к «своему горизонту». После отупляющей дневной жары на Фивы опустилась освежающая прохлада, оживившая город. Внизу, на набережной, перекликаются лодочники. Из харчевен и пивных над водой разносятся звуки музыки и аплодисментов. Женщина высунулась из верхнего окна и позвала проходящего мимо гребца, который своим грубым ответом вызвал целый поток брани.

Просители, тщетно ожидавшие весь день у ворот какого-то высокопоставленного чиновника, закутываются в плащи и бредут по узким улочкам домой. Их босые ноги поднимают небольшие облачка серой пыли.

Предположим, что мы живем в Фивах неподалеку от дома везира. В назначенное время наши слуги подают нам колесницу. Мы садимся в нее и в сопровождении двух или трех факельщиков начинаем свое короткое путешествие. Улицы полны народа. Часто нам приходится прижиматься к краю узкой дороги, чтобы дать возможность пройти скоту. А один раз мы простояли посреди дороги целых пять минут, пока не прошел отряд воинов: обнаженных по пояс людей с копьями и щитами в руках. Впереди шли военачальники. Но вот улицы начали расширяться. Мы минуем высокие стены, из-за которых выглядывают верхушки пальм. Привратник, сидящий у своей сторожки на трехногом табурете, радуется приближающемуся вечеру и болтает с друзьями. Из прохода между домами выскочила собака и набросилась на наших лошадей. Ее отогнал возница. Воздух был теплым и влажным, и мы себя прекрасно чувствовали в легкой одежде, хотя слуги запаслись на обратную дорогу теплой.

Наконец мы прибыли. Наша колесница останавливается у высокой стены дома везира. Привратник в праздничной одежде, с жезлом в руке, стоит у освещенных две-

рей и руководит слугами. Несколько человек подходят к нашему вознице, чтобы показать место, где можно поставить колесницу. Мы выходим из колесницы и поднимаемся по лестнице. Прибывают другие колесницы с гостями, стройными мужчинами и элегантными женщинами в безупречных одеждах из «гофрированного» льна и в тяжелых черных завитых париках, обрамляющих лица. Друзья приветствуют друг друга. Слышатся смех и оживленная беседа. В сопровождении рабов мужского и женского пола мы идем по длинному коридору к главному помещению для приемов, залу с колоннами.

Когда мы входим, нас встречает еще больше рабов и служанок. Мужчины одеты в белые накрахмаленные короткие юбки. На девушках практически ничего нет, кроме небольшого куска материи, обернутого вокруг бедер, ожерелий, ручных и пожных браслетов из разноцветных бусин. Они порхают среди гостей, вручают каждому по цветку лотоса и обносят всех лакомствами и кубками вина или пива. Все это, конечно, предшествует основному угощению, которое состоится позже, когда гости рассядутся по своим местам.

Мы находимся в высоком зале. Колонны выкрашены темно-красной краской, а капители сделаны в форме бутона лотоса. Мягкий свет алебастровых ламп освещает цветные фрески на стенах; на них изображены цветы, деревья, порхающие между ветвей птицы и бабочки. Глаз скользит по колоннам, потом по цветным капителям, стропилам потолка, которые также ярко разрисованы. Стоит страшный шум. Мы пробираемся через толпу женщин с обнаженными плечами и мужчин в темных тяжелых париках в дальний конец зала, где нас поджидает везир.

Рехмира в своей жестко накрахмаленной одежде из тонкого льна, с многочисленными складками, которые поддерживает пояс с богатым орнаментом, представляет собой величественную фигуру. Его прощипательные и лукавые глаза улыбаются нам из-под черного парика. Блеснули золотые браслеты: он протянул нам руку для приветствия. Рядом с ним стоит госпожа Мернет, старшая жена, которая, подобно всем египетским женщинам ее ранга, принимает участие во многих делах своего мужа. Она также знатного происхождения, и Тии, злая жена главного министра, скажет вам, что Рехмира очень хорошо сделал, женившись на ней, так как ее состояние было

больше, чем его. Высокое общественное положение, которое занимали египетские женщины, было отчасти результатом того, что наследование всегда велось по женской линии. Даже фараон мог стать царем, только женившись на царской наследнице.

Мериет — красивая женщина. Ей тридцать пять. Она на двадцать лет моложе своего мужа. Несмотря на то что она уже не так стройна, как ее дочери, у нее еще неплохая фигура, которую подчеркивает плотно облегающая одежда, откровенно демонстрирующая ее формы. На ее голове также большой парик из натуральных волос, плетенный в сотни тугих косичек, которые свисают до обнаженных плеч. На руках золотые браслеты. Ногти на руках и на ногах окрашены хной. Ее темные глаза кажутся огромными и более продолговатыми из-за сине-зеленой краски, которой она их обвела. Немало времени она вместе со служанками посвятила своему туалету.

Рядом с Мериет стоят две самые любимые дочери, одетые так же, как их мать. Старшая — Нофрет, высокая, стройная и властная (она жрица бога Амона; ей дано право потрясать систром перед фараоном, когда он входит в храм, чтобы совершить жертвоприношение), чем доставляет немало забот своей матери и огорчений молодым людям, которые хотели бы жениться на ней. Ее младшая сестра Тахает лишена той холодной, классической красоты, какой наделена Нофрет. Однако она умна и живая по характеру. Ей семнадцать лет. Она несколько ниже своей сестры. Сейчас она радуется тому, что этот прием не похож на все другие, какие до сих пор устраивал ее отец. Сегодня по ее просьбе приглашены не только чиновники двора, но и их сыновья и дочери. Но не дочери интересуют Тахает, она и до этого часто с ними встречалась. У нее нет возможности встречаться с молодыми людьми, один из которых, Синухет, сын главного министра, очень интересует ее. Тии, мать Синухета, считает ее дерзкой девочкой, но Синухет думает иначе.

Сейчас к нам приближается Тии, худощавая женщина с тонкими поджатыми губами и бегающими птичьими глазами. Мериет приветствует ее хотя и не искренне, но с хорошо разыгранной сердечностью. Тии всегда вызывала у нее раздражение. Она, конечно, знала, что Рехмира пригласил главного министра, который был самым высоким чиновником при дворе, но его жена... Тии проходит

сквозь толпу к своему месту, и Мерпет шепчет мужу: «Где она достала такие серьги?» Но вот она уже улыбается следующему гостю.

Рядом с везиром стоит Кенамон, младший из его взрослых сыновей, красивый восемнадцатилетний юноша. Старшие сыновья Рехмира, Менхепер-Сене и Аменхотеп, уже женаты. Они вместе с женами сидят среди гостей. Кенамон — военачальник отряда отборных воинов, охраняющих дворец, которых называют «сопутствующие его величеству»; пост он получил по протекции отца. Однако это энергичный и гордый молодой человек; он уже устал от своих церемониальных обязанностей и страстно желает действовать. Кенамон принужденно улыбается гостям отца, а глаза его ищут в толпе лишь одного человека, которым он восхищается и которого хотел бы видеть — военачальника Аменемхеба, героя нескольких военных походов. Кенамон тайне надеется, что если он понравится Аменемхебу, то будет легче убедить отца и даже, что более важно, мать разрешить ему перейти в действующую армию. Наконец, он появляется, стройный мускулистый мужчина лет сорока пяти с волевым загорелым лицом. Он улыбается Рехмира с порога, и Кенамон бросает на отца полный любопытства и надежды взгляд.

Входят другие уважаемые гости, здороваются и проходят в зал, где накрыты столы. Среди них начальник города Фивы, его жена и сын; носитель опахала царя⁷ и его жена; главный жрец Амона, его жена и дочь; царский садовник и его толстая, невзрачная супруга; учитель царя и главный писец со своим меланхоличным сыном, военачальником отряда колесниц. Его зовут Сенмут. Он знатного происхождения, но тем не менее застенчив. К тому же он влюблен в Нофрет.

Постепенно все гости перешли из приемного зала в другой, где в определенном порядке расставлены для уважаемых гостей золотые и инкрустированные стулья. Остальные гости усаживаются на соломенные циновки и подушки, разложенные на полу. Женщины грациозными движениями поправляют узкие юбки и приводят в порядок завитые парики. Девушки-рабыни надевают на гостей гирлянды из цветов и вручают каждому кусок благовонного жира, который он или она кладут на свой парик. (В течение вечера жир постепенно таял и стекал на лицо и шею, что, по-видимому, было очень приятно.)

Гости принимаются за еду. По стенам зала расставлено множество небольших столов с жареным мясом, курицей, утками, голубями, различными овощами и хлебом самой разнообразной формы. Тут же на металлических подносах стоят кувшины с вином. На каждом кувшине указан возраст вина. Всем известно, что у Рехмира прекрасный винный погреб. Бронзовые кубки быстро опорожняются и наполняются снова. Беседа становится более оживленной. Рабы и рабыни преподносят гостям деликатесы, которые те едят руками, а ножами пользуются только, чтобы разрезать мясо. Маленькая Небет, восьмилетняя дочь Мерие, которая сидит рядом с матерью, решительно принимается за цыпленка, в то время как ее старший брат, десятилетний Пер-гор, ест жареную котлету. Чашки для ополаскивания рук и салфетки передаются по кругу, так что гости могут смыть жир со своих рук. Управляющий энергично руководит прислугой⁸.

Гости разбились на отдельные группы. Рехмира говорит с Аменемхебом о его недавнем походе. Юный Кенамон сидит рядом с отцом и старается не пропустить ни единого слова.

— Я разговаривал с Мерира в Асиуте,— говорит везир.— Их снова беспокоят ливийцы. Третий набег за двадцать месяцев!

— Я слышал об этом,— отвечает военачальник.

— Они застали гарнизон врасплох. Пятьдесят человек убили прямо в постели. Когда, наконец, протрубили тревогу, враги скрылись, прихватив с собой половину женщин и большую часть имущества.

Аменемхб хмурится, смотрит на свое кольцо.

— Я знаю,— говорит он.— Мерира прислал мне полный отчет. Кроме того, я получил донесение от начальника гарнизона.

— Певеро? — поднял брови везир.— Какого ты о нем мнения?

— Не слишком высокого.

— Такого же мнения придерживается губернатор.

— Я собирался сместить его еще несколько месяцев назад, но человек, которого я наметил на его место, был в то время в Нубии. Во всяком случае, тебе приятно будет услышать, что Певеро отозван. Новый человек отъезжает завтра.

— Хорошо.

Неподалеку Мериет беседует с женой учителя царя, которая перебирает пальцами ожерелье хозяйки.

— Прелесть, дорогая,— говорит жена учителя.— Оно сирийское?

— Да, мой муж привез его из Гебала, и это,— она вытягивает руку, на которой блестит браслет, в сторону прекрасных ваз на ближайшем столе,— тоже из Гебала. И ткани с удивительной окраской из Тира! Целые тюки!

— Как бы я хотела, чтобы мой муж тоже мог путешествовать! — вздыхает жена учителя.

— Не знаю,— отвечает Мериет, отправляя в рот кусок цыпленка.— Рехмира всегда уезжает надолго. Я скучаю по нему. К тому же мальчики отбиваются от рук, когда отца нет дома.

— Пер-гор всегда был хорошим мальчиком,— замечает подруга, кивая в сторону маленького сына Мериет. Тот показывает Аменемхебу скульптурку воина, которого Рехмира привез ему из путешествия. Его младшая сестренка Небет, не желая отстать от него, везет игрушечную лошадку на колесах. Мериет нежно притягивает к себе ребенка, вытирает маленький ротик девочки и подзывает к себе дородную рабыню.

— Дети разыгрались,— говорит она рабыне.— Отведи Небет в кровать и скажи Пер-гору, чтобы он шел спать.

С большой неохотой дети уходят с няней. Гости машут им вслед.

Мериет протягивает бокал слуге, чтобы он его наполнил, и продолжает прерванную беседу.

— За Пер-гора я не беспокоюсь,— говорит она.— С ним я справлюсь. Я беспокоюсь за Кенамона. Он мечтает только об армии. Я думала, что он будет доволен, если муж устроит его царским телохранителем, но ошиблась. Он хочет участвовать в походах, как Сенмут. Видите? Кенамон забился с ним в угол. Я уверена, что они говорят о сирийском походе.

Кенамон, которому наскучил разговор отца с Аменемхебом, подошел к меланхоличному молодому человеку, Сенмуту, военачальнику отряда колесниц, участвовавшему в сирийской кампании фараона. Сенмут из дальнего конца зала наблюдает за Нофрет и поэтому рассеянно слушает восторженные вопросы Кенамона.

— Какой высоты горы?

— Огромной.

Они выше Фиванских холмов?

Сенмут смеется.

— Если ты двадцать Фиванских холмов поставишь друг на друга, то и тогда они будут ниже сирийских гор. Там холодно, клянусь Гором, там очень холодно. — Сенмут делает вид, что дрожит от холода при одном воспоминании. — Вот почему сирийцы так тепло одеваются.

Он снова смеется.

— Они, наверное, для того носят бороды, чтобы им было теплее.

Кенамон тоже смеется. Однако слова Сенмута произвели на него сильное впечатление. Подобно большинству египтян, он никогда не видел гор и не знал другого климата, кроме теплого климата Нильской долины.

— И там Нил на небе? — спрашивает Кенамон.

— Так говорят жрецы. Вода падает с неба, это верно. Но это не река, а дождь.

— Но и у нас иногда бывает дождь, — возразил Кенамон.

— Ты называешь *это* дождем, — смеется его собеседник. — Здесь он только моросит, и земля высыхает через час. Там вода льется с неба несколько дней, а то и недель. А снег?

— Снег? Что это такое?

— В нашем языке даже нет такого слова. Он белый, падает с неба, как дождь, и ужасно холодный. От него болят кости, руки становятся бесчувственными. Ты не можешь застегнуть доспехи и не чувствуешь в руках тетицу. Сам Сэт придумал снег.

— Все равно мне хочется пойти туда, — вздыхает Кенамон. Он с любопытством смотрит на Сенмута, который вытащил из-под одежды тонкий свиток папируса.

— Что это? — спрашивает сын везира.

Сенмут, не спуская глаз с Нофрет, которая сидит в окружении молоденьких девушек, отвечает:

— И потом тебе скажу. О, идут танцоры. Мутардис все еще в вашем доме?

— Да, — отвечает юноша. — Мой отец безумно любит ее. Я думаю, что ей несказанно повезло.

— Тсс! — предупреждает Сенмут. В дальнем конце зала появляется группа певцов и музыкантов.

— Отлично, — говорит Кенамон. — Это только мужчины. Она придет позднее.

Музыканты в одинаковых белых юбках, с украшениями на груди и руках проходят в центр зала. В руках у них инструменты: арфа, лиры, флейты и небольшие квадратные барабаны. Музыканты усаживаются на полу. Заиграли флейты, затем включились арфа и лиры, барабанистики начали отбивать ритм.

Они поют песни в честь бога Амона-Ра. Несомненно, Рехмира заранее договорился с певцами, так как знал, что у него будет верховный жрец Амона.

Мериет прерывает беседу с женой начальника города и замечает:

— Смотри, Нозем опять пьяна.

Действительно, толстая жена главного садовника фараона выпила слишком много вина. Многие гости тоже навеселе, но бедная Нозем напилась сверх всякой меры. Ее покачивает, она громко и часто смеется. Ее парик сбил на сторону, краска под глазами растеклась. Гости, сидящие рядом, смеются над ней, а когда раб наполняет ее кубок, она едва не роняет его на пол. Однако никто, даже Мериет, не шокирован ее поведением. Всегда на пиршестве кто-нибудь напьется. Но Нозем напивается раньше других. Раб стоит рядом с ней с кубком в руке и внимательно наблюдает за ней.

Но вот певцы-мужчины уходят, и появляется новая группа музыкантов. На сей раз это молодые девушки, одетые в коротенькие юбки с бахромой и с бусами на шее. Затем выходят двое — юноша и девушка. Они идут слегка танцующей походкой. Юноша подходит к девушке и опускается перед ней на колени, вытянув руки. Девушка делает вид, что хочет убежать. Тогда он поворачивается к ней спиной и прячет лицо в ладонях. Она легкой походкой возвращается к нему. Он поворачивается к ней, встает и начинает петь. Девушки аккомпанируют ему на флейтах и лирах.

Сестра⁹ — на другом берегу.
Преграждая дорогу любви,
Протекает река между нами.
На припекке лежит крокодил.

Вброд я иду по волнам,
Пересекая течение.
Храбрости сердце полно.
Тверди подобна река.

Среди слушателей воцаряется тишина. Все сидят с губками в руках, и взгляды их полны сентиментальности. Некоторые положили руки на плечи друзей. В темных углах обнимаются пары.

Любовь укрепляет меня,—
Как от воды заклинанье,
Пропетое девой.
Я вижу ее приближенье — и руки протер.

Синухет, сын главного министра и Ти, сидит рядом с родителями. Он смотрит через весь ярко освещенный зал, мимо певцов, на группу людей, окружающих везира. Одна пара темных глаз смотрит прямо на него. Это глаза Тахаст. Встретившись с ним взглядом, она отворачивается и начинает забавляться цветком лотоса, который держит в тонких пальцах. Но Синухет не спускает с нее глаз.

Сердце выиграло,
Как бы имея вечность в запасе.
Царица моя, подойди,—
Не медли вдали от меня!

Ее обняв, я ощущаю
Ответное объятие рук ее,
Напоминающее негу Пунта¹⁰,
Смолою благовонной умащенье.

(Пер. В. Погановой)

Певец закончил песню. Раздается взрыв аплодисментов. Снова слышатся звуки флейт и лир. Девушка-певица робко и кокетливо выходит вперед. Она поет, обращаясь к юнгоше:

Брат мой, приятно мне купаться
В твоем присутствии.
Ведь ты можешь смотреть на мои прелести
Сквозь тончайшую тунику из дарского льна,
Когда она становится влажной.
Иди ко мне со своей красной рыбой,
Которая так красиво лежит на моей ладони.
Иди и смотри на меня.

В этот момент раздался шум. Это Нозем свалилась со стула. Муж помог ей подняться, но у нее начался приступ рвоты. Некоторые гости засмеялись. Раб кинулся к ней с чашей. Нозем попробовала подняться, но ноги ее подогнулись, и она растянулась на полу, толкнув жаровню с

углями, которую поставили в углу для обогрева (ночью стало холодно). Раскаленные угли рассыпались по комнате. Одна из дам вскрикнула и отпрянула назад, опрокинув стул. Рабы бросились тушить пожар. К ним присоединились некоторые гости. С ними побегал и Синухет. Но его не интересовал пожар. Он добежал до колонны, закрывшей его от везира и его жены. Тахает, которая тоже выбежала вперед, чтобы посмотреть на это зрелище, вдруг оказалась рядом с ним. Не говоря ни слова, он обнял ее и поцеловал. Все это заняло одну секунду. Она вырвалась из его объятий и вернулась к родителям. Юноша медленно побрел к своему стулу в противоположный конец зала. Все в порядке! Даже Тиш ничего не заметила.

Однако один человек все-таки видел эту сцену. Это была Нофрет, старшая сестра Тахает. Она сидела чуть в стороне от родителей в окружении девушек из знатных семей, с которыми весь вечер проговорила о модах, мужчинах и обменивалась придворными сплетнями. В отличие от своих подруг Нофрет не очень интересовалась мужчинами. Ее больше интересовали их должности. Это совсем не означало, что она была корыстной. Ей незачем было быть такой. Ведь она — дочь везира и жрица бога Амона — пользовалась привилегией идти впереди самого фараона, когда тот входил в храм царя богов. Всю свою жизнь она провела в обществе высокопоставленных царских чиновников, оплота царской власти. Когда она выйдет замуж, а рано или поздно она должна будет сделать это, то ее мужем будет один из этих чиновников¹¹. В любом случае он будет очень знатным. И ее дети тоже со временем займут высокие посты. Вот почему ее удивила Тахает. Кто такой Синухет? Красивый юноша, из знатной семьи, не без таланта, но не имеющий никакого отношения к государственным делам. Таких, как он, у нее, Нофрет, могло быть человек двадцать. Вот и Сенмут, молодой вбеначальник отряда колесниц, влюбленно смотрит на нее. Глупец! Разве кто-нибудь слышал о том, чтобы дочь везира вышла замуж за воина?

Что же касается любви, то для этого существуют наложницы, женщины, подобные Мутардис, главной фаворитке ее отца. В этот момент вошла танцовщица в сопровождении молоденьких полуобнаженных девушек. На них были короткие льняные одежды, а грудь, руки и щиколотки украшали бусы. Одни несли тамбурины, другие —

люти. Их темные волосы украшали цветы, а глаза были сильно накрашены.

Гости захлопали в ладоши и привстали со стульев, когда Мутардис скользнула в центр зала. Ей было около тридцати. Кожа ее была темнее, чем у большинства подруг, так как в жилах танцовщицы текла нубийская кровь. Черный парик, ниспадающий на плечи, обрамлял ее холодное красивое лицо. Даже во время самых чувственных движений оно оставалось неподвижным. Казалось, оно не имело ничего общего с ее чувственным телом. Мутардис делала плавные, змееподобные движения. Бедра ее двигались в ритме музыки, который она время от времени отбивала кастаньетами. Она то запрокидывала голову назад, то наклоняла ее вперед, и тогда черные кудри закрывали ей глаза. Вот она распростерла руки, упала на колени и медленно поднялась, вибрируя при этом всем телом. А хор девушек тем временем исполнял древнюю песню:

Царская дочь, сладостная любовью,
Прекраснейшая из женщин.
Отроковица, подобной которой никогда не видели,
Волосы ее чернее мрака ночи.
Уста ее слаще винограда и фиников.
Ее зубы ровнее, чем зерна.
Они прямее и тверже зарубок кремневого ножа.
Грудь ее стоят торчком...

Рехмира внимательно наблюдает за танцовщицей, подавшись вперед на стуле. Тии говорит своему покорному мужу:

— Никто бы и не подумал, что у нее четверо детей от него.

Подперев подбородок руками, Сенмут думает о танцовщице, с которой он познакомился в Кадеше. Нофрет изирует равнодушно и отчужденно. Такое может нравиться только мужчинам.

Сладостная, сладкая любовью, говорит жрица Хатор
Мутардис;

Сладостная, сладкая любовью, говорит царь
Менхеперра.

Госпожа, сладостная любовью, говорят мужчины.
Повелительница любви, говорят женщины.

(Пер. А. Ахматовой)

Танец кончился. С последними звуками кастаньет и барабанов Мутардис выскальзывает из зала. Ее голова

опущена, черные кудри закрывают лицо. Гости топают ногами и бьют в ладоши. Нозем снова чуть не соскользнула со стула, но ее удержал муж. Меркет смотрит на своего супруга. Он улыбается и отводит в сторону глаза.

Пиршество близится к концу. В сопровождении двух молодых рабов в зал входит пожилой арфист. Он раскланивается направо и налево. Арфист слеп и уже много лет служит Рехмира. Он знает много песен, которые пели в Египте тысячу лет назад. Его отец был арфистом, и дед тоже. Он садится на почетное место рядом с хозяином и настраивает свой инструмент. В это время Сенмут наклонился вперед и передал Кенамону свиток папируса, который держал целый вечер.

— Передай это, пожалуйста, Нофрет, когда я уйду, — говорит он, робко заглядывая другу в глаза. Кенамон, ни слова не говоря, прячет свиток под тунику.

Звучит песня, которую пели на египетских пиршествах в незапамятные времена и которая записана на стенах многих гробниц. В ней ясно выражено сомнение египтян в существовании загробной жизни, к которой они так тщательно готовились. Верховный жрец полагает, что эта песня немного греховна, но Рехмира она нравится.

Одни поколения проходят, а другие продолжают
существовать

Со времен предков.

Боги, бывшие некогда,

Покоятся в своих пирамидах.

Благородные и славные люди

Тоже погребены в своих пирамидах.

Они строили дома —

Не сохранилось даже место, где они стояли,

Смотри, что случилось с ними.

Среди гостей воцарилась тишина. Мысли Рехмира витают далеко отсюда. Он думает о заброшенных гробницах, которые повстречались ему по пути, когда он плыл вверх по реке — пирамидах Хеопса, Хефрена, Джосера...

Я слышал слова Имхотепа и Джедефгора,

Слова, которые все повторяют.

А что с их гробницами?

Стены обрушились,

Не сохранилось даже место, где они стояли.

Словно никогда их и не было.

Никто еще не приходил оттуда,

Чтобы рассказать, что там,

Чтобы поведать, чего им нужно,

И наши сердца успокоить,
Пока мы сами не достигнем места,
Куда они удалились.

Отуманенный вином, Сенмут опустил голову на грудь. Его охватила невыносимая, черная тоска, которая, однако, не в силах побороть его безответную любовь к Нюфрет. И это все, что может предложить ему жизнь? Неужели только подведение итогов, достигнутых предками и запечатленных в величественных памятниках? Неужели только краткий миг бытия, заканчивающийся смертью? Арфист продолжает песню, но слова ее не радуют Сенмута.

А потому утешь свое сердце,
Пусть твое сердце забудет
О приготовлениях к твоему просветлению.
Следуй желаниям сердца,
Пока ты существуешь.
Надуши свою голову миррой,
Облачись в лучшие ткани.
Умасти себя чудеснейшими благовоньями
Из жертв богов.
Умножай свое богатство
И не давай обесилеть сердце.
Следуй своим желаниям и себе на благо.
Свершай дела свои на земле
По велению своего сердца,
Пока к тебе не придет тот день оплакивания.
Утомленный сердцем не слышит их криков и воплей.
Причитания никого не спасают от могилы.
А потому праздный прекрасный день
И не изнуряй себя.
Видишь, никто не взял с собой своего достоинства.
Видишь, никто из ушедших не вернулся обратно.

(Пер. А. Ахматовой)

Песня кончилась. Гости поднялись и собираются уходить. Они прощаются с хозяином и хозяйкой и в сопровождении рабов с факелами в руках идут нетвердой походкой по дорожке, ведущей к домику привратника. Там уже их ждут колесницы. Возницы занимают свои места, скороходы стоят наготове. Луна высоко поднялась над верхушками пальм, и факелы первых отъехавших гостей слабо светятся вдалеке.

В пустом зале Нюфрет читает папирус, который ей передал брат. На нем одним из самых лучших писцов Фив написана древняя поэма.

Семь дней не видал я любимой.
Болезнь ододела меня,
Наполнилось тяжестью тело.
Я словно в беспамятство впал.

Ученые лекари ходят —
Что пользы больному в их зелье?
В тупик заклинатели стали:
Нельзя распознать мою хворь.

Шепните мне имя Сестры —
И с ложа болезни я встану.
Посланец приди от нее —
И сердце мое оживет.

Лечебные пободу книги,
Целебные снадобья прочь!
Любимая — мой амулет:
При ней становлюсь я здоров.

От взглядов ее молодею,
В речах ее — черпаю силу,
В объятьях — неуязвимость.
Семь дней глаз не кажет она!

(Пер. В. Потаповой)

Нофрет с развернутым свитком в руке подходит к жаровне и бросает его в горящие угли. Некоторое время она наблюдает, как свиток извивается и рассыпается в золу. Потом в сопровождении рабов уходит на женскую половину дома.

Глава V

ЕГИПЕТСКИЕ ЖЕНЩИНЫ

За исключением Рехмира, членов его семьи (чьи имена нам известны из надписей на его гробнице) и Аменемхеба, все персонажи предыдущей главы вымышлены. Однако их прототипы можно найти в древнеегипетской литературе или в надписях на гробницах. Я собрал их всех вместе, создал им условия для личных контактов и каждому придумал биографию. Но я могу заверить любого читателя этой книги, что мой полет необузданной фантазии не сбьет его с истинного пути. Каждое событие, описанное здесь, могло произойти в действительности, а некоторые из них вполне реальны. Прототип дома Рехмира можно

увидеть на рисунках в фиванской гробнице. Там он изображен во всех деталях: с домиком привратника, садом, с тремя галереями, колонными залами, гаремом и комнатами для слуг. Вы можете увидеть такой рисунок в гробнице Эйе в Тель-эль-Амарне. Можно привести и другие примеры. Изображение празднеств часто встречается в египетских гробницах. Большинство подробностей пира Рехмира я почерпнул из сцен, изображенных в его собственной гробнице. Там можно увидеть музыкантов, танцующих девушек и гостей с цветами лотоса в руках, которые смотрят представление, в то время как рабы подают им напитки и еду.

То, что дети иногда посещали такие празднества, доказывает одна фреска гробницы Тель-эль-Амарны, где изображены маленькие дочери Эхнатона и Нефертити, сидящие рядом с креслами своих родителей. Даже игрушечная собачка Небет имеет свой прототип, который был найден в гробнице. В другой фиванской гробнице вы можете увидеть пьяную Нозем, испытывающую приступ тошноты, а рядом стоит раб и держит перед нею чашу. В еще одной гробнице изображен слепой арфист, а над его головой начертана та самая песня, которую я вложил в уста певца. Все приведенные песни: любовные, гимны Амону-Ра, песня, под которую танцевала Мутардис, — подлинные. Если даже они были записаны на папирусе раньше или позднее времени Рехмира, нет никаких доказательств того, что эти песни или подобные им не пели при нем. Что касается самого везира и его красавицы-жены, то их портреты можно еще сегодня видеть в фиванской гробнице, пожалуй, одной из самых интересных в некрополе. На одном рисунке изображен везир, выходящий из лодки после путешествия в Средний Египет. Там нет записи о его посещении Вавилона, но в равной степени и нет доказательств того, что он там не был. На стенах его гробницы изображено много сцен из его жизни. Некоторые из них будут описаны в последующих главах. Там мы снова встретимся с Нофрет, Синухетом и Тахает, Кенамоном и Сенмутотом.

То обстоятельство, что женщины в доме Рехмира пользуются гораздо большей свободой, чем это можно было ожидать в восточной стране, способно вызвать недовольство читателей, которые только что начали изучать Древний Египет. Однако они ошибаются. Одна из наиболее гуман-

ных и привлекательных сторон жизни Древнего Египта, приближающая ее к нам, — семейная жизнь. В образованной среде женщину почитали и уважали. Многие надписи на стенах гробниц и многие дошедшие до нас письма свидетельствуют о любви и уважении к женщинам. Одно из высказываний великого мудреца Ани звучит так:

Никогда не забывай, что сделала для тебя твоя мать... Она родила и вырастила тебя. Если ты ее забудешь, она может осудить тебя. Она может «обратиться к богу, и он услышит ее жалобу». После предписанных месяцев она родила тебя и кормила тебя три года. Она воспитала тебя, а когда ты ходил в школу и учился писать, она каждый день приходила к учителю с хлебом и пивом для него.

Другой мудрец, Птахотеп, дает следующий совет:

Если ты склонен к добру, заведи себе дом,
Как подобает: его госпожу возлюби.
Чрево ее насыщай, одевай ее тело.
Кожу ее умащай благовонным бальзамом.
Сердце ее улаждай, доколе ты жив!
Она — превосходная пашня для своего господина.

(Пер. В. Потаповой)

Однако мужчина мог иметь несколько жен. А если он был богат, то и многочисленных любовниц. В некоторых надписях упоминаются «красивые певицы» и другие прислужницы в «доме женщин». Тем не менее главная жена всегда занимала самое высокое положение. На росписях в гробнице ее всегда изображают вместе с мужем на пиру или на охоте, она помогает присматривать за хозяйством или принимает подношения. Ее называют «его любимая жена» или «его дорогая». Многие женские имена красноречиво говорят о той любви, которую питали к ним их мужья. Например, «Первая любимица», «Единственно любимая», «Моя владычица, подобная золоту» и «Это моя царица»¹². Если принять во внимание, что в некоторых странах Востока предпочтение отдается мальчикам (как у арабов в наши дни), то в Древнем Египте дочерей, судя по их именам, почитали не меньше сыновей. Некоторые имена очень трогательные: «Идет красавица», «Владычица отца своего» и довольно странное имя «Красивая, как ее отец». Мне кажется наиболее трогательным имя, очевидно данное отцом дочери после смерти жены, возможно умершей во время родов. Оно звучит «Замени ее...»

Сыновьям также давали нежные имена: «Идет богатство», «Любовь отца своего» и наверняка маленькому сыну воина — «Военачальник наемников». Другие имена, которые в равной степени могли быть даны как мальчикам, так и девочкам, звучат так: «Моя собственность», «Я этого хотел», «Приятный» и «Добро пожаловать»¹³.

В Лейдене (Голландия) хранится папирус, на котором вдовец написал письмо своей умершей жене. Оно дышит такой любовью и нежностью, что трогает наши сердца даже спустя три тысячи лет. После смерти жены осиротевший муж заболел. Вероятно, какой-нибудь жрец или маг сказал ему, что своим несчастьем он обязан плохому отношению к жене при ее жизни. «Анхере, покойная жена, — сказал маг, — рассердилась на своего мужа. Он должен написать ей письмо, чтобы умилиستивить ее опечаленный дух». Вдовец, который, по всей вероятности, был неплохим мужем, последовал этому жестокому совету и написал письмо, полное боли и любви:

Какое зло я причинил тебе, что очутился в столь плачевном положении? Что я тебе сделал, зачем ты наложила свою руку на меня, если я не причинил тебе никакого зла? Ты стала моей женой, когда я был молод, и я был с тобой. Меня назначали на различные должности, но я оставался с тобой. Я не бросал тебя и не огорчал твое сердце... Помнишь, когда я командовал пехотинцами фараона и отрядом колесниц, я велел прийти тебе, чтобы они пали ниц перед тобой и одарили тебя всевозможными подношениями... Когда ты заболела и болезнь причиняла тебе большие страдания, я пошел к главному врачу, и он лечил тебя. Он делал все, что ты ему говорила. Когда же мне пришлось сопровождать фараона в его походе на юг, я мысленно был с тобой. Я провел эти восемь месяцев, не думая о еде и питье. Когда я вернулся в Мемфис, то упросил фараона, чтобы он отпустил меня к тебе, и я неутешно оплакивал тебя вместе со всем моим домом.

Анхере умерла, вероятно, в тот момент, когда ее муж был за границей.

Вместе с тем не следует идеализировать брачные отношения египтян. Мужчина мог быть верным и покладистым мужем, но если он имел возможность позволить себе иметь несколько жеп, брак редко бывал моногамным. Цари и знать содержали большие гаремы точно так же, как это делают сейчас некоторые восточные принцы. В упоминавшейся уже гробнице Эйе можно видеть изображенный во всех подробностях гарем со скучающими евнухами под дверями женских комнат и с его обитательницами: одни гримируются, другие — расчесывают волосы, третьи —

разучивают песни и танцы, чтобы веселить своего повелителя. Большинство этих женщин были, вероятно, рабынями и не считали свое положение унижительным. Более того, для женщины было почетно «читать благосклонность в глазах своего господина». Дети таких женщин воспитывались в гареме, но дети главной жены занимали привилегированное положение. Рабыни и наложницы находились вне закона и могли быть изгнаны по желанию хозяина.

В египетской литературе мы находим образы разных женщин: верная жена, хорошая мать, пылкая молодая девушка, проститутка, куртизанка и соблазнительница. Последний тип женщин встречается наиболее часто. Советы, как избежать ее сетей, приводятся в Книге мудрости, содержащей высказывания таких мудрецов, как Имхотеп, Ани и Птахотеп:

Если дружбой дорожишь
Ты в дому, куда вступаешь
Как почтенный гость иль брат —
Обходи с опаской женщин!
Не к добру сближение с ними.
Раскусить их мудрено.
Тьмы людей пренебрегли
Ради них свою пользой.
Женских тел фаянс прохладный ослепляет,
обольщает,
Чтобы тотчас превратиться в пламенеющий
сардоникс.
Обладание ими — краткий сон.
Постижение их — подобно смерти!

(Пер. В. Потановой)

Чтобы избежать западни, юношам советовали пораньше жениться и завести детей, которые считались самой большой радостью: «Твоя жена подарит тебе сына, похожего на тебя».

Высокое социальное положение «респектабельных» женщин в Древнем Египте проистекало из системы матриархата, на которой основывалась семья. Вся земельная собственность наследовалась по женской линии от матери к дочери. Если мужчина женился на наследнице, то владел ее собственностью до тех пор, пока она была жива. После смерти жены собственность переходила к дочери или к мужу ее дочери. Этот обычай нигде так ярко не проявлялся, как в царской семье, так как многие фараоны

женились на своих сестрах и даже дочерях. Часто такие браки носили чисто формальный характер. Фараон мог жениться на своей несовершеннолетней дочери. Маргарит Муррей в своей книге «Блеск Египта» пишет:

Брачные законы Древнего Египта никогда не были сформулированы, и узнать их можно, только изучив браки и генеалогию. Тогда становится ясным, почему фараон женился на наследнице, не обращая внимания на кровосмешение, а если наследница умирает, то он женился на другой наследнице. Таким образом он оставался у власти... престол переходил строго по женской линии. Жена царя была наследницей. Женившись на ней, царь вступал на трон. Царское происхождение не играло никакой роли. Претендент на престол мог быть любого происхождения, но если он женился на царице, то сразу становился царем. Царица была царицей по происхождению, царь становился царем, женившись на ней.

Обычай престолонаследия по материнской линии проливает свет на жизнь Клеопатры. Первый раз она вышла замуж за своего младшего брата, который таким образом получил право на трон. Когда он умер, Клеопатра вышла замуж за второго брата, который, в свою очередь, стал царем. От первых двух браков у нее детей не было. Когда Цезарь завоевал Египет, то он вынужден был жениться на Клеопатре, чтобы в глазах египетского народа узаконить свое вступление на престол. Затем Антоний, женившись на Клеопатре, также обеспечил себе право на трон. Цезарю она родила сына, Антонию — сына и дочь. Когда пал Антоний, появился Октавий. Но, как говорит Муррей, «она мудро предпочла смерть».

Родственные отношения не были препятствием для брака в Древнем Египте. Царицы часто выходили замуж за своих братьев, а цари женились на своих дочерях, например Снофру, Рамсес II и Аменхотеп IV (Эхнатон). Это делалось с целью сохранить чистоту царской крови и обеспечить право на престолонаследие лишь членам царствующего дома. Однако такая практика, вероятно, была менее распространена среди подданных фараона. Тем не менее во времена Римской империи Диодор писал: «В Египте вопреки обычаям всех других народов существует закон, по которому братья и сестры могут сочетаться браком».

Часто думают, что в результате кровосмесительных браков рождаются дети с умственными или физическими недостатками. Однако это не обязательно. Фактически та-

кая практика может даже улучшить род. К физической или умственной неполноценности потомства в кровосмесительном браке приводит какой-либо недостаток одного из родителей. Такое, вероятно, произошло в конце правления XVIII династии. «Фараон-еретик» Эхнатон, хоть и наделенный блестящим умом, был физически уродлив, а его наследник Тутанхамон умер совсем молодым^{13а}.

Право наследования по женской линии давало египетским женщинам ощутимую власть. Питри пишет:

Предки чаще прослеживались по женской линии, чем по мужской. Отец был только обладателем титула, мать была связующим звеном семьи... То же самое можно сказать о собственности. Ее наследует *небет пер*, хозяйка дома, а не *неб пер*, хозяин дома.

Дошедшие до нас брачные контракты свидетельствуют о том, насколько уважались права женщин.

В контракте, датированном 580 г. до н. э., но, вероятно, основанном на более ранних контрактах, будущий муж дает клятву, что если он оставит свою жену, «разлюбив или предпочтя другую (не говоря уже о неверности женщины)», то он отдаст приданое и часть собственности, унаследованной им от отца и матери, в пользу детей, которых она может родить.

Другой брачный контракт, составленный несколько позднее, содержит такие строки: «Я беру тебя в жены. Если я не буду заботиться о тебе или возьму другую жену вместо тебя, то я дам тебе...» (далее указана сумма денег). Тот же человек, подписавший контракт, согласен с тем, чтобы половина имущества его отца, которое дала ему мать, «и остальное, по контракту перешедшее от нее... будет принадлежать тебе, так же как и права на него»¹⁴.

Если брак оказывался неудачным, то развод предоставлялся беспрепятственно. Мужчина должен был произнести перед официальными свидетелями следующие слова: «Я отказываюсь от тебя как от жены. Я ухожу от тебя. Я не претендую на тебя. Я говорю тебе: „Возьми себе мужа в любом месте, в которое ты уйдешь“». Однако разведенную жену нужно было обеспечить материально. Точно так же жена, желающая развестись с мужем, должна была уплатить компенсацию:

Если она при людях встанет и скажет: «Я развожусь с моим мужем», то стоимость развода будет оплачивать она. Она возвратит Асгору [мужу] пять сикелей и все деньги, которые он ей вручил, она отдаст и уйдет куда хочет¹⁵.

Не было нерасторжимых браков. С браком не связывали никаких религиозных обрядов. Сугубо светский контракт накладывал на человека серьезные обязательства в случае его нарушения.

Как у большинства народов во все времена, воспитание детей и домашнее хозяйство были уделом египетских женщин. Им были доступны лишь немногие профессии: жрицы, акушерки, танцовщицы и плакальщицы. Молодые женщины, становясь жрицами, обучались священным песням и танцам. Однако это не была культовая профессия в том смысле, как мы ее понимаем сейчас. Жрицы не давали обета безбрачия. Светские танцовщицы принадлежали к более высокой профессиональной прослойке по сравнению с храмовыми танцовщицами. Широким признанием пользовалась еще одна профессия в Египте — профессия плакальщицы. Во время похорон плакальщицы шли с растрепанными волосами за гробом и громко причитали по покойнику. Эти женщины также принадлежали к низкой социальной прослойке.

Нам очень трудно представить себе облик египетских женщин, так как мы можем судить лишь по женам и дочерям зажиточных людей, чьи изображения мы находим в гробницах. Об основной массе женщин нам ничего не известно. Очень редко, и то лишь на стенах гробниц некоторых важных сановников, можно увидеть их маленькие фигурки. Они собирают колосья в поле, ссорятся (на одном рисунке изображены две девушки, вплепавшиеся друг другу в волосы), танцуют для своих господ или оплакивают их смерть. Иногда мы находим статуэтки женщин, мелющих зерно каменными жерновами, как это делают их потомки в наше время. Жизнь египетской женщины-крестьянки представляла собой изнурительный труд, часто прерываемый на короткое время рождением ребенка, как это происходит сейчас на Востоке. В отличие от своих более состоятельных сестер она быстро старилась и умирала в относительно молодом возрасте. Если сыну такой женщины удавалось занять более высокое социальное положение (такая возможность существовала в Египте), тогда ей и ее мужу была обеспечена спокойная старость, и, может быть, даже они могли заполучить гробницу вместо безвестной могилы. Но от подавляющего большинства женщин не осталось и следа, как будто их никогда и не было.

Древние египтяне не оставили нам романов. Их повествования полны главным образом скучными хрониками о войне и завоеваниях. Тщетно мы бы пытались найти в них образы египетских женщин, какие нам известны по жизнеописаниям Зенобии, Аспасии или Пoppеи. Клеопатра осталась жить на страницах книги Плутарха. Но она принадлежала к роду Птолемеев, и в ее жилах текла кровь вождей Македонии и дочерей Нила. Женщины Древнего Египта остаются для нас загадкой, так как о них известно очень мало. Но даже в наше время не прекращает удивлять людей прелестная головка Нефертити. Как бы радовались египетские дамы, если бы узнали, что спустя даже пять тысяч лет они могут вызывать восхищение!

Возможно, их обаяние объясняется тем, что в результате многократных изменений мужского идеала женской красоты современному идеалу более близок облик древнеегипетской женщины, чем красавиц классических времен, эпохи средневековья или Возрождения. Стройные дамы XV в. с тонкими талиями и узкими, облегающими юбками близки современной моде, но их лица холодны и отчужденны. В руках они сжимают католические трезники, а их мысли кажутся нам неземными. Пышные рубенсовские женщины XVII в. немного более удобоваримы для нашего пресыщенного вкуса. Красавицы Греции и Рима восхищают, но не волнуют нас. Они кажутся такими же холодными, как мрамор, из которого они изваяны. Но если надеть на Нефертити платье «от Диора», и она войдет в нем в фешенебельный ресторан, то будет встречена восторженными взглядами присутствующих. Даже ее косметика не вызовет пересудов.

На стене комнаты, в которой я пишу, висят два рисунка с моими любимымицами. Первый представляет собой фриз, на котором изображена процессия молодых девушек, идущих перед фараоном. Его нашел Закария Гонеим в гробнице Херуефа, вельможи времен XVIII династии. Одна из девушек этого фриза могла быть Нофрет. На другом рисунке изображена богиня, чья статуэтка находится в Каирском музее. Всякий раз, когда я прихожу в музей, я подолгу задерживаюсь у этой прелестной скульптуры. Я не знаю, кто она, и никогда не пытался это выяснить. Но для меня, одного из многих ее поклонников, она воплощает в себе тот тип египетской женщины, о котором давно умерший обожатель писал:

Любимая мужем супруга, влекущая, сладостная любовью,
С чарующими устами и приятной речью.

Все, что исходило из ее губ, было подобно творению Истины.

Женщина превосходная, восхваляемая в своем городе.
Всякому протягивает она руку помощи,
Говорит хорошее и рассказывает то, что любят слышать,
Творит то, что нравится людям,
Уста ее не породили никакого зла.
Все любят ее...

(Пер. А. Ахматовой)

Глава VI

ДРУЗЬЯ И ВЛЮБЛЕННЫЕ

Не трудно провести соответствующие параллели между жизнью Древнего Египта и современностью. Тем не менее, если мы хотим быть честными до конца, мы должны понимать, что карьера египетского законоведа или чиновника не совсем походила на карьеру его современного коллеги. Жизнь египетского воина, участника сирийской кампании, отличалась от жизни GI — американского солдата, воевавшего в Корее, или от жизни английского пехотинца в Малайе. Однако существует одна очень важная общечеловеческая черта, которая объединяет нас с древними египтянами и настолько приближает их к нам, что прошедшие столетия не играют никакой роли. Я имею в виду любовь. Страстность и нежность египетских любовных поэм заставляют трепетать наши сердца, несмотря на то что теплые тела, которые вдохновили их, давно уже превратились в прах, и только филологи бесстрастно исследуют строки, написанные когда-то для любимых глаз.

Тахает и Синухет встречались очень редко, и то под надзором родителей. Но молодые люди всегда находили возможность встретиться наедине. Дошедшие до нас любовные поэмы выдают нам тайны человеческих страстей, понятные всем, кто когда-либо любил. Однако представим себе, что они находятся в разлуке. Молодая девушка Тахает принимает друзей в саду дома своих родителей. Они возлежат возле бассейна в тени смоковниц. Одни рабы подают им вина и различные яства, другие — танцуют и поют, чтобы развлечь их. Тахает в платье из тонкого льна,

с гирляндой цветов на плечах, лениво опершись на локти,
слушает песню, которая называется «Цветы в саду».

Цветок мех-мех влетаю в свой венок.
Как полный мех уравновешен мехом,
Так сердце у меня в ладу с твоим;
И, волю дав ему, лежу в твоих объятьях.

Мое желание — снадобье для глаз:
При взгляде на тебя они сияют!
Я нежно льну к тебе, любви ища,
О мой супруг, запечатленный в сердце!

Прекрасен этот час!
Пусть он продлится вечность,
С тех пор, как я спала с тобой,
С тех пор, как ты мое возвысил сердце,

Ликует ли, тоскует ли оно —
Со мной не разлучайся!

В моем венке — вьюнок.
Я вью венок — твой юный лоб венчать.

Ведь я тебе принадлежу,
Как сад,
Где мной взделены цветы
И сладко пахнущие травы.

Ты выкопал прохладный водоем,
И северного ветра дуновение
Привносит свежесть,
Когда вдвоем гуляем у воды.

Рука моя лежит в руке твоей.
По телу разливается блаженство,
Ликует сердце.
Мы идет бок о бок...

Мне голос твой — что сладкое вино.
Я им жива.
Еды с питьем нужнее мне
Твой взгляд.

(Пер. В. Потановой)

Песня кончилась, гости довольны. Рабы вновь наполняют кубки вином. Другая певица начинает свою песню. Она подходит к сикомору и обращается к девушке, лежащей в его тени:

Шелест листвы сикомора
Запаху меда подобен.
Ивышние ветви его
Свежестью взор веселят.

Грузно свисают плоды,
Яшмы краснее.
Листья под стать бирюзе,
Лоском поспорят с глазурью.

Ствол будто выбит из камня
Серого с голубизной.
Манит к себе сикомор,
В зной навевая прохладу.

Владелица сада
Любимому пишет письмо
И дает отнести
Быстроногой садовника дочке:
«Приходи погостить в окруженье подруг!»

Деревья в роскошном цвету.
Шатер и беседка
Тебя ожидают здесь,
И домочадцы, как мальчики, рады тебе.

Нагруженных пожитками слуг
Выслать вперед поспеши.
Предчувствие встречи с тобой
Пьянее вина.

Челядь сосуды несет
С пивом различных сортов,
Хлеба и овощи,
Пряные травы, плоды в изобилье.
О, приходи провести
Три усладительных дня под моими ветвями!

Друга сажают
По правую руку прекрасной.
Она опьяняет его
И покорна ему.
Где стояло хмельное — гости хмельные лежат.
Она остается с любимым.

Обыкновенье у них —
Уединяться под сенью моей.
Что видел — то видел... Но я не болтлив
И не обмолвлюсь об этом ни словом.

(Пер. В. Потаповой)

В это время Синухет, который, как все образованные
египтяне, умел читать, сидел в доме отца и читал свиток

папируса. Он учится на жреца, и его отец (он сейчас от-
дыхает под колоннадой) думает, что его сын изучает
священные писания. Он, вероятно, был бы оскорблен, если
бы увидел, что в действительности читает Синухет:

Когда наконец устроишь ты ложе, слуга?
Говорю тебе:
Покров из виссона возьми, чтобы тело ее облегал.
Только не вздумай царское класть полотно!
Простого — белёного — остерегайся подавно!
Тканью, что миррой пропитана, ложе укрась для нее.

Быть бы мне черной рабыней,
Мойщицей ног!
Мог бы я вволю
Кожей твоей любоваться.

Рад бы стиральщиком стать я
На один-единственный месяц:
Платья твои отмывать
От бальзама и мирры душистой.

Быть бы мне перстнем с печатью на пальце твоём!
Ты бы меня берегла,
Как безделушку,
Из тех, что жизнь услаждают.

(Пер. В. Потановой)

Солнце клонится к закату. Тени деревьев в саду ста-
новятся длиннее, и поднявшийся легкий ветерок гонит
мелкую рябь по поверхности бассейна. Звуки лютен и арф
тихо разносятся над водой, смешиваясь с щебетанием и
смехом молодых девушек. Теперь девушка поет дуэтом с
юношей. Начинает песню девушка:

Пусть приходит Брат, когда захочет,
Он найдет дом открытым,
Он найдет постель, покрытую лучшим полотном,
И прекрасную девушку в этой постели.

Юноша отвечает:

Хорошо умеет бросать петлю Сестра,
Не забываясь об уплате налога на скот.
Она накидывает на меня петлю из своих волос,
Она притягивает меня своими глазами,
Она опутывает меня своими ожерельями,
Она ставит на мне клеймо своим перстнем.

(Пер. А. Ахматовой)

Его партнерша опять обращается к нему:

Твоей любви отвергнуть я не в силах.
Будь верен упоению своему!
Не отступлюсь от милого, хоть бейте!
Хоть продержите целый день в болоте!
Хоть в Сирию меня плетью гоните,
Хоть в Нубию дубьем,
Хоть пальмовыми розгами — в пустыню
Иль тумакими — к устью Нила.
На увещеванья ваши не поддамся.
Я не хочу противиться любви.
Любовь к тебе вошла мне в плоть и кровь
И с ними, как вино с водой, смешалась,
Как с пряною приправой — померанец
Иль с молоком душистым мед.
О, поспеши к Сестре своей,
Как на ристалище — летящий конь,
Как бык,
Стремглав бегущий к яслям.
Твоя любовь — небесный дар,
Огонь, воспламеняющий солому,
Добычу бьющий с лету ловчий сокол.

(Пер. В. Потаповой)

Однако не все молодые люди в Фивах проводили время за чтением любовных поэм или слушая любовные песни в садах. Так, например, Кенамон получил разрешение от своего отца Рехмира принять участие в охоте вместе со своим другом Сенмутом и другими юными аристократами. На охоту компания молодых людей отправилась в пустыню за Фиванские холмы. Ночью они разбивали палатки, а днем шли. Наконец они добрались до места, где надеялись хорошо поохотиться. Им было известно, что в этом районе водятся львы и леопарды. Но Сенмут сомневался, смогут ли они их найти. «Если мы повстречаем несколько газелей или каменного козла, — говорил он, — то нам уже сильно повезет».

Кенамон был настроен более оптимистично. Однако его не столько интересовала успешная охота, сколько возможность побеседовать с Сенмутом, молодым военачальником отряда колесниц, перед которым он преклонялся. Ранним утром, когда под лучами восходящего солнца зарделся песок пустыни, они затаились вблизи низкой гряды. Пока загонщики понесли легкую сеть, в которую собирались загонять дичь, оба молодых человека усеялись на песок друг против друга. Кенамон с благоговением дотронулся

до большого лука Сенмута; воин брал его с собой в сирийский поход. Рядом стояли слуги с колчанами, полными стрел.

— Мой отец думает,— сказал Кенамон,— что Они¹⁶, возможно, возвратятся в страну горных жителей весной.

— Я слышал разговоры об этом.

— Может быть, Амон даст силу его оружию.

Сенмут кивает головой, улыбается, но не отвечает.

— Почему ты улыбаешься? — спрашивает Кенамон.

— Потому что у горных жителей тоже могущественные боги.

— Но победил Амон.

— Победил Менхеперра¹⁷. Если бы он не был великим воином, Амон вряд ли помог бы нам.

Кенамон смеется.

— Не скажи этого при моем отце,— говорит он.

— Или Нофрет?

— Даже Нофрет не поймет тебя.

— Ведь она жрица.

— Да, но только потому, что ее заставил отец. Ее никто и ничто не интересует, кроме ее самой.

— Ты несправедлив к своей сестре, Кенамон.

— А ты попросту тратишь время,— ответил юноша.— Я не хотел тебе говорить, но ты бы сам узнал об этом. Она сожгла твою прекрасную поэму.

Сенмут встает, берет лук из рук Кенамона и перебрасывает колчан через плечо.

— Они идут,— говорит он и быстро поднимается на песчаный холмик. За ним спешит Кенамон. Со стороны пустыни доносятся отдаленный лай собак и громкие крики загонщиков. Оба охотника со своей свитой замерли в ожидании на вершине холма, прикрыв глаза от ярких лучей солнца. Рядом с каждым стоит слуга, чтобы вручить своему хозяину новый колчан, когда у того кончатся стрелы.

Из легкой дымки вдруг вынырнули две газели и помчались в сторону ограждения, не заметив его. Сенмут схватил лук, припал на одно колено и натянул тетиву. Но, прежде чем он успел отпустить тетиву, Кенамон выпустил стрелу и промазал. Сын везира громко выругался, за что отец не похвалил бы его. Но пока он доставал вторую стрелу, загудела тетива лука Сенмута, и одна из газелей рухнула, подняв тучи песка.

— Бей вторую! — закричал Сенмут. Но Кенамон снова промахнулся.

— Ты должен научиться стрелять лучше сирийцев! — засмеялся его друг.

Вместе с другими охотниками они сбегают по склону холма, так как с севера к ним приближается песчаное облако, в нем постепенно выделились три или четыре группы испуганных животных: каменные козлы, газели и зайцы, спасавшиеся от настигавших их собак.

Гудят тетивы, длинные стрелы со свистом разрезают воздух. Далеко разносятся возбужденные голоса загонщиков, охотников и их слуг, перемежающиеся громким лаем собак.

Уже семь бездыханных газелей лежат на песке. Раненый каменный козел бредет к холму со стрелой в боку, но падает от стрелы Кенамона. Это его первое попадание в цель.

Внезапно Сенмут с отвращением отдает свой лук слуге.

— Надоело мне, — говорит он Кенамону. — Вернемся в лагерь.

Не сказав ни слова, а только удивленно взглянув на друга, Кенамон садится в колесницу и следует за Сенмутом.

Постепенно голоса охотников и лай собак стихают, и вот уже больше ничего не слышно, кроме мягкого стука копыт по песку и тяжелого дыхания лошадей. Они подъезжают к палаткам, стоящим в *вади*, и выходят из колесниц. Сенмут говорит:

— Тот слух, что дошел до тебя, — правда. Менхеперра возвращается в Сирию.

— Когда?

— Месяца через два, а может быть, и раньше.

— Ты пойдешь?

— Да, потому что идешь ты.

Прежде чем Кенамон успел выразить свою радость, Сенмут поспешно добавил:

— Твой отец знает об этом. Он скажет тебе в нужное время. Аменемхеп его убедил. Тебя должны зачислить в мой полк. Но не думай, что война — продолжение охоты. Тебе нужно будет научиться шагать дни напролет без еды и питья, научиться управлять колесницей на горных дорогах. Ты будешь сражаться с почти невидимым врагом,

который прячется за скалами и внезапно нападает на тебя, когда ты едешь в походной колонне. Он убивает твоих воинов и исчезает, прежде чем ты успеваешь натянуть тетиву своего лука.

— Но ты сражался с бедуинами много раз,— возразил Кенамон,— и остался жив.

— Возможно, мне повезло. Я предпочел бы быть убитым, чем попасть к ним в плен. Я видел, что они делают с пленными...

— Тогда почему ты хочешь вернуться в Сирию? А ведь ты хочешь вернуться, я знаю.

Сенмут нахмурился.

— Наверное, не только из-за войны,— говорит он.— Да, я рад этому тоже — приключения, опасность. Но есть еще что-то, из-за чего я хочу вернуться. Я люблю горы, чужой город, чужие деревья, чужих богов. И среди их женщин есть очень красивые.

Он задумывается.

— Нет, даже не это. Ты не можешь себе представить, что для тебя будет означать отъезд из Египта. Когда ты покинешь свою страну, она перестанет быть для тебя той же самой. Египтяне, которые никогда не оставляют собственного дома, имеют неверное представление о жизни. Они думают, что Египет — это мир, но это не так. Мир — это множество неизвестных стран, которые можно познать. Подожди, ты еще увидишь и Кадеш и Тубихи, ты узнаешь дорогу в Мегер¹⁸.

— Где это?

— В горах. Там небо темное даже днем, потому что дубы, кипарисы и кедры закрывают его. Там водятся львы, леопарды и гиены, а не только безобидные газели. Там есть ущелье Мегиддо — пропасть глубиной две тысячи локтей, полная валунов и щебня, и за каждым кустом притаился бедуин.

— Надеюсь, я все это скоро увижу,— сказал Кенамон.

Вдали послышались лай собак и человеческие голоса. Охотники возвращались в лагерь. Сенмут встал, поправил пояс с пристегнутым к нему мечом, хлопнул друга по плечу и проговорил:

— Если хочешь жить, расскажи об охоте своему отцу. Ты должен научиться стрелять лучше, чем сегодня.

АРМИЯ ФАРАОНА

Я не собираюсь тут же последовать за Сенмутом и Кепамоном в Сирию, так как сохранились свидетельства древних египтян, которые дадут нам более подлинную картину войны в Азии, чем та, которую мог бы придумать я. Я процитирую эти свидетельства в данной главе немного позднее. Сначала необходимо рассмотреть организацию армии фараона не только во времена Тутмоса III, но и в более ранние, и в более поздние времена. Этой информацией я обязан главным образом Р. О. Фолкнеру. Читатели, которые желают ознакомиться с этим вопросом более подробно, могут обратиться к интересной статье «Военная организация египтян», которая опубликована в журнале египетской археологии («Journal of Egyptian Archaeology», том 39).

Во времена Древнего царства накануне войны «местные чиновники должны были формировать ту часть войск, которая находилась под их командованием... Поэтому полностью мобилизованная армия включала в себя большое количество подразделений типа милиции, где призывники отбывали воинскую повинность и занимались военной подготовкой». Другими словами, система набора новобранцев очень походила на феодальную систему, существовавшую в Европе в средние века. В текстах Древнего царства армейское подразделение называется «батальоном». Численность его нам неизвестна, но если верить текстам, армия насчитывала «многие десятки тысяч» людей, так что такое подразделение можно приравнять к дивизии.

Недостаток подобной системы, как и в средние века, заключался в том, что она предоставляла слишком большую власть местным магнатам. Например, в период смут, последовавший за упадком Древнего царства, пользуясь отсутствием центральной власти, правители провинций вели междоусобные войны. Однако, по всей вероятности, в распоряжении фараона находилась небольшая кадровая армия. В противном случае, как подчеркивает Фолкнер, фараону было бы трудно выйти из критической ситуации при нападении на страну или при восстании. Поэтому

царь, вероятно, имел небольшую, хорошо обученную армию, которая всегда была под рукой в случае необходимости.

На стенах гробниц эпохи Древнего царства в Саккара и Дешабша изображены батальные сцены; по ним можно судить, что египетские войска были хорошо обучены. Вероятно, войско из дисциплинированных воинов регулярной армии и укрепленное ополченцами играло основную роль на поле брани. Большую часть того, что нам известно о военной организации в эпоху Древнего царства, мы получили из хроник некоего Уны, который описывает войска, участвовавшие в походе в Азию. Уна нигде не упоминает о существовании регулярной армии, но

и не говорит о том, что такой армии не было. Он просто отмечает, что для призыва на военную службу в Египте использовались все возможные людские ресурсы. Поэтому он считал само собой разумеющимся существование небольших воинских подразделений, постоянно находящихся на службе.

Следует помнить, что в мирное время набор рекрутов производился для выполнения общественных работ, например, в каменоломнях. «Генералами» иногда называли чиновников, исполнявших обязанности не только военного характера. Из известных нам «генералов» с I по VII династию

трое командовали походами на Синай, трое руководили работами в каменоломнях в Вади-Хаммамата, а один... в Туре. Принц Камт-дженет, сын царя Исеси, нес службу, вероятно, за границей, некий Хердени командовал отрядом новобранцев, в то время как другой находился в Элефантине и командовал нубийскими наемниками.

Хотя в хрониках эпохи Древнего царства упоминаются только «генералы» или «командующие армией», в регулярной армии наверняка были военачальники и более низкого звания. И действительно, мы можем их найти на изображениях батальных сцен в Саккара и Дешабша. Они имели знаки различия, по которым можно было определять их чин и «род войск»:

На дощечке из Синая царя Джосера [2800 г. до н. э.] генерал несет жезл и секиру. В изображении батальной сцены в Дешабша военачальник, наблюдавший за работой саперов, опирается на жезл. К его поясу пристегнут кинжал...

Система воинской повинности, существующая в Европе едва ли две сотни лет, в Египте известна с раннего периода его истории. Еще пять тысяч лет назад молодые египтяне призывались на военную службу. Какое-то время они служили в армии под командованием местного военачальника, а затем возвращались к своей обычной жизни, но оставались военнообязанными на случай военных действий. Во время службы государство кормило и одевало их. Нам ничего не известно о том, получали ли они какое-нибудь жалование, но то, что у них был «командующий новобранцами», «инспекторы новобранцев» и «надзиратель над дворцовой молодежью и новобранцами», предположительно дворцовой стражей, соответствующей нашей гвардии, мы знаем.

Одной из главных задач армейских подразделений во времена Древнего царства и в более поздний период была охрана границ Египта и дорог, ведущих в Азию и Нубию. В функции таких гарнизонных служб входило отражение набегов бедуинов.

Во времена Среднего царства после периода смут и разброда, который наступил вслед за крушением Древнего царства, правителям провинций, или номархам, обладающим определенной властью, разрешено было держать свои собственные армии. Однако, как и в средние века, они должны были посылать определенное количество воинов на службу к фараону. Фолкнер пишет, что в постоянную армию фараона тоже вербовали на основе воинской повинности. В связи с этим он обращает наше внимание на стелу, на которой написано, что в 25-й год правления Аменемхета III армейский писец «отправился на юг, чтобы отобрать новобранцев в абидосском номе, Южный Египет». На другой стеле упоминается Нахтесебекра, «который дал одного человека из каждой сотни мужчин своему господину, когда он набирал воинов». Выделение в армию одного процента мужчин едва ли тяжким бременем ложилось на население.

Из надписей времен Среднего царства мы значительно больше узнаем о военной организации египтян. Например, наряду со званием «генерал» мы там находим звание «командир ударных войск» и «наставник слуг». Вероятно, в «ударные войска» набирали отборных воинов. Они использовались как штурмовые подразделения. «Слуги» первоначально образовывали невоенный обслуживающий

персонал фараона. Со временем они превратились в его личную гвардию телохранителей, в обязанности которой входила защита фараона во время сражений. Их можно сравнить со средневековой «лейб-гвардией». В их подчинении были царские войска. До нас дошли интересные автобиографические записки воина Себекху, жившего во времена Сенусерта III. На своем примере он демонстрирует нам, как «кадет» поднимается вверх по служебной лестнице.

Когда Сенусерт III вступил на трон, Себекху назначили «телохранителем» и поставили во главе небольшой группы из семи человек. Позднее он становится «службой Правителя» (т. е. царя) и командует уже отрядом в шестьдесят человек. Он принимал участие в нубийском походе фараона вместе с другими шестью царскими «слугами». После возвращения из похода его производят в «наставники слуг». Он командует уже сотней человек. Видимо, все семеро «слуг», сопровождавших царя в походе, были из знатных семей.

Административно-снабжение служба была возложена на многочисленных «армейских писцов». Один из них постоянно вел хронику похода. Они различались по чинам — от младшего, ведавшего снабжением небольшого подразделения, до старшего, который обеспечивал снабжение целой армии. Их службу можно сравнить со службой выплаты жалованья английской армии и интендантской службой. Однако в Древнем Египте в их обязанности также входил набор новобранцев.

В дошедших до нас записях эпохи Нового царства, т. е. того периода, в котором происходит большинство событий данной книги, мы можем найти подробные сведения об организации и снабжении армии и, что еще более важно, хронику походов, дающую нам живую картину войны во времена фараонов.

В эпоху правления XVIII династии египтяне впервые прославились как воинственный народ. Их триумф можно было бы сравнить с триумфом французской армии во времена Французской революции и последующих побед Наполеона. После падения Среднего царства Египет был завоеван азиатскими варварами гиксосами, или «пастухами». Их изгнали воинственные правители Фив, чьи наследники основали XVIII династию. С XVIII династии начинается военная слава Египта. Решив сделать свою

страну неприступной для любого вторжения из Азии, цари XVIII династии Яхмос, Аменхотеп I, Аменхотеп II и некоторые Тутмосы проникли в Палестину и Сирию, подчинили себе эти страны и оставили там сильные гарнизоны. Величайшим из царей, «Наполеоном Древнего Египта», был Тутмос III, который распространил власть Египта до Евфрата. Глядя на высохшее лицо этого великого фараона в Каирском музее, трудно поверить, что это был величайший военный гений Древнего Египта.

Фараон стоял во главе армии и на поле боя обычно принимал командование на себя, должность везира соответствовала современному военному министру. Ему помогал военный совет, которому он отдавал приказания. Однако в походе, перед тем как вступить в бой, царь советовался со старшими военачальниками. В те времена фараон располагал большой регулярной армией, созданной на национальной основе. Ею командовали профессиональные воины. Фолкнер пишет:

Действующая армия была поделена на дивизии, каждая из которых представляла собой армейский корпус, состоящий из подразделений колесниц и пехоты и насчитывающий около 5000 человек. В битве при Кадеше [известная битва Рамсеса II] дивизиями командовали царские сыновья, однако одна дивизия находилась под личным командованием фараона. Дивизии эти носили имена главных богов царства.

Двумя основными родами войск были пехота и колесницы. Любопытно, что кавалерии еще не существовало, вероятно, по той причине, что коневодство было слишком слабо развито для создания конницы. С колесницами египтяне познакомили сравнительно недавно вторгшиеся гиксосы. Их использовали подобно современным танкам и бронетанковым автомобилям, под их прикрытием наступала пехота.

Первый удар наносили колесницы. Пехота, наступавшая за ними, использовала их тактический успех или останавливала наступление врага, если битва складывалась неудачно... Колесницы атаквали также врага в момент его поражения, чтобы превратить неудачу в полный разгром. Эту фазу боя мы часто видим на рисунках, где фараон мчится на колеснице по земле, усталой телами мертвых и поверженных.

Судя по образцам, которые сохранились в египетских гробницах (например, в гробнице Тутанхамона), колесницы представляли собой легкие, безрессорные, двухколес-

ные повозки. В каждой из них находилось два человека — возничий и воин. Последний был вооружен луком, стрелами и щитом. Египетские колесницы очень напоминают нам колесницы, описанные в поэмах Гомера. Возничий подвергался большой опасности, так как у него не было оружия. Его задача заключалась в маневрировании повозкой таким образом, чтобы поставить ее в наиболее выгодную позицию для стрельбы из лука по противнику. В колесницу запрягали по две лошади. Отряды колесниц делились на «эскадроны», каждый из которых насчитывал двадцать пять колесниц. Была введена такая должность, как «начальник конюшни»; он отвечал за состояние лошадей. Так как подковы изобретены еще не были, то не было и кузнецов.

Вооружение пехоты было весьма разнообразным. Лучники помимо луков имели секиры и палицы. Копьеносцы носили с собой щиты. Их копья достигали длины шести футов и использовались как пики в средние века — для построения частокола. В состав пехоты входили отборные части, которые назывались «храбрецы фараона» или просто «храбрецы». Их долгом было возглавлять атаку. Они изображены штурмующими крепостной вал Кадеша, города, взятого Тутмосом III. Были специальные войска для несения гарнизонной службы, а также известные маджаи, «полицейские».

В начале правления XVIII династии для перевозки грузов использовались ослы. Однако Тутмос III для транспортировки лодок, с помощью которых форсировали Евфрат, приспособил повозки, запряженные волами. Впоследствии такие повозки стали частью оснащения египетской армии.

К этому времени полностью сложилась иерархия военных чинов. Рядовые воины просто назывались «членами армии». Самый нижний воинский чин назывался «наибольший из пятидесяти». Следующий чин назывался «командир сотни», а затем следовал «носитель штандарта». Во времена Рамессидов (поздний период Нового царства) эти носители штандартов командовали отрядами из двухсот пехотинцев. Добровольцы и призывники также назывались по-разному, видимо, чтобы подчеркнуть превосходство одних перед другими. Однако писцы были категорически настроены против военной службы (они были освобождены от нее).

Одному из этих писцов мы обязаны дошедшими до нас записками, отражающими его личное впечатление о военной службе в Сирии. Они были написаны немного позднее правления Тутмоса III, но условия, описанные писцом Гори, практически не отличались от тех, с которыми столкнулись Сенмут и Кенамон, когда они вслед за Менхенерра направились в Сирию.

Гори был крупным чиновником, хорошо знакомым с условиями в Сирии. Свое письмо он адресует подчиненному, некоему Аменемопе, «писцу, находящемуся в распоряжении армии», по-видимому, военачальнику по административно-хозяйственной части, ответственному за питание и снабжение войск. Аменемопе, по всей вероятности, «завалил работу» и, пытаясь скрыть это, прислал Гори напыщенное письмо, в котором хвастается своей доблестью и пытается показать свое знание местных условий.

Каждое слово ответного письма Гори выдает нам старого, закаленного в боях ветерана, бывалого и опытного. Я уверен, что за его словами, полными тайной насмешки, скрывается доброе сердце. Я представляю себе, как Гори сидит в своем учреждении в Фивах. Войны уже позади (он рад, что это все кончилось, и он вспоминает не без удовольствия те дни, когда он «командовал вспомогательными войсками... Шардана, Кехек, Мангуаша...», когда он шагал по дороге на Мегер, «где небо темное даже днем и... закрыто листьями кипарисов и дубов, где кедры вершинами достигают небес», вспоминает Яффу, где он нашел «прекрасную девушку, присматривавшую за виноградом...».

Вот несколько отрывков из этого живого человеческого документа в переводе Адольфа Эрмана, выполненном много лет назад¹⁹. Но прежде несколько слов пояснений. Аменемопе, видимо, называл себя *махи́ром* — героем, что очень раздражало старого ветерана. Он неоднократно возвращается к этому в своем остроумном ответе подчиненному:

Твое письмо перегружено высокопарными словами. Смотри, они отомстят тебе и лягут на твои плечи гораздо большей тяжестью, чем ты этого желал.

«И писец, *махи́р*», — говоришь ты снова. Допустим, в твоих словах есть истина. Тогда выходи, мы испытаем тебя.

Для тебя запряжена лошадь, быстрая, как шакал... она подоб-

на порыву ветра, когда она летит вперед. Ты отпускаешь поводья [?] и хватаешь лук. Мы увидим, что сделают твои руки. Я хочу растолковать тебе, кто такой *махир*, и показать, что он делает.

Ты не ходил до земли Хатти и не видел землю Уга? ²⁰ Ты не знаешь природу Хедема и Игедии тоже? На каком берегу Сумура лежит город?.. На что похожа эта река? Ты не ходил в Кадеш ²¹ и Тубихи? Ты не ходил со вспомогательными войсками в район, населенный бедуинами?

Ты не шагал по дороге в Мегер ²², где небо темное даже днем, так как его закрывают кипарисы [?], дубы и кедры, чьи вершины достигают небес? Там больше львов, чем пантер и гиен [?], и она со [всех] сторон окружена бедуинами.

Ты не карабкался на гору Шеве? Ты не шагал, когда твои руки лежат на... и твоя колесница мотается на веревках, когда твоя лошадь с трудом тянет ее [?]

Прошу тебя, позволь мне рассказать тебе о... Ты не хочешь карабкаться и предпочитаешь форсировать реку... Ты увидишь, какому испытанию подвергается *махир*, когда понесешь свою колесницу на плечах...

Когда вечером объявят привал, твое тело выжато... и все твои члены разбиты... Ты проснешься, когда наступит час дня... в... ночь.

Ты должен один управиться с упряжкой. Брат не придет к брату. Дезертиры [?] приходят в лагерь, отвязывают лошадь... роются [?] в ночи, крадут твою одежду. Твой конюх проснулся ночью и увидел, что они [?] сделали. Он берет то, что осталось, и присоединяется к злодеям. Он смешается с бедуинами и превратится в азиата. Недоброжелатели приходят тайно мародерствовать [?]. Они являются, когда ты спишь. Когда же ты проснешься, то не найдешь их следа. Они уже ушли с твоими вещами. Вот тогда ты станешь настоящим *махиrom* и схватишь себя за ухо ²³.

Затем Гори призывает Аменемопе показать свое знание Финикии (современный Ливан). Многие города, которые он перечисляет, можно еще узнать: Беритус (современный Бейрут), Тир и Библ. Во время моего последнего посещения Ливана я читал этот отрывок на холме, возвышающемся над древним портом Библа, и глядел вниз на лабиринт разрушенных стен, которые, может быть, видел Гори и его товарищи три тысячи лет назад.

Я расскажу тебе о другом таинственном городе — Библе. На что он похож? Их богиня — но о ней в другой раз. Ты не ходил по нему?

Расскажи мне о Беритусе, о Сидоне и Сарепта. Где расположена река Незен ²⁴ и на что похож Ус?

Говорят, что другой город лежит в море. Он называется Тир. Воду возят к нему в лодках [?], а рыбы там больше, чем песка ²⁵.

Я расскажу тебе о другом испытании — форсировании Серама. Тогда ты скажешь: Он жжет сильнее, чем укус змеи. Болезнь поражает *махира*...

...Заставь меня идти в Хамат, Дегер и Дегер-эль, города, где проливаются все *махир*. Поучи меня их пути. Покажи мне Ян. Если некто идет в Эдем, то куда повернется он лицом? Не отвернется от учащих [нас], а поведет нас [?] к ним!

Далее следует сообщение о форсировании Кармела вблизи Мегиддо, которое совершали многие завоеватели от Тутмоса III до генерала Олленби.

Покажи мне, как пройти через Мегиддо, который лежит над ним. Ведь ты *махир*, которому не занимать доблести! Такой, как ты, *махир* способен [?] идти [?] во главе войска! Вперед, о *мариси* ²³, стреляй!

Смотри, там [?]... в ущелье [?] глубиной 2000 локтей, дно которого наполнено валунами и щебнем. Ты идешь в обход [?]. Ты скрываешь лук в своей руке. Ты... слева от тебя. Ты разрешаешь своим командирам видеть только то, что приятно для их глаз, пока твои руки не нальются усталостью: «Абата Кемо ари, *махир* нам».

Значение последних ханаанских слов, как утверждает Эрман, примерно такое: «Ты убиваешь, как лев, о славный *махир*». Гори здесь демонстрирует свое знание иностранного языка подобно тому, как ветеран английской 8-й армии во время разговора может небрежно произнести по-арабски или по-немецки несколько слов, услышанных им во время войны.

Ты претендуешь на имя... *махир* [среди] офицеров Египта. Но твое имя больше походит на имя Казарди, вождя племени ашер, когда гнена нашла его на терпентинном дереве ²⁷.

Смотри, вот узкий проход, его сделали опасным бедуины, скрывающиеся за каждым кустом. Некоторые из них ростом четыре-пять локтей. Лица их свирепы, их сердца не знают жалости, и они не слушают мольбы о пощаде.

Ты один, у тебя нет помощника, и армии нет за тобой. Ты не найдешь проводника, который бы показал тебе дорогу. Дрожь охватывает тебя, [волосы на твоей голове] встают дыбом, душа твоя уходит в пятки. На твоём пути валуны и галька. Там нет удобной дороги, потому что она заросла... колючками и репейником.

С одной стороны от тебя глубокое ущелье, с другой — поднимаются горы. Ты идешь рядом со своей колесницей, управляешь [?] ею и боишься... к своей лошади. Если твоя лошадь упадет, твоя рука ²⁸ упадет и останется пустой, и твой... ремень спадет. Ты распригаешь лошадь, чтобы починить руку посреди теснины. Но ты не умеешь ее чинить и не знаешь, как скрепить их вместе [?] ...спадает со своего места. Лошадь и так уже слишком тяжело [нагружена], чтобы нагрузить на нее [это]. У тебя болит сердце, но ты вынужден идти пешком. Небо чистое, и ты думаешь о том, что враг преследует тебя по пятам. Тогда дрожь охваты-

вает тебя. Ах, будет ли такое препятствие... которое ты сможешь преодолеть! К тому времени твоя лошадь собьет ноги, пока ты найдешь ночлег. Ты постиг, что такое испытать боль²⁹.

Далее Гори, проникнувшись сочувствием к своему подчиненному, приводит случай, когда несчастный *махир*, поддавшись чарам сирийской девушки, был узнан и взят в плен.

Когда ты войдешь в Яффу, то найдешь зеленеющий луг [т. е. в пору, когда он наиболее красивый]. Ты прокладываешь дорогу в... и находишь прелестную девушку, которая сторожит виноградник. Она возьмет тебя к себе и покажет тебе цвет своего лона. Тебя узнают и приведут свидетеля. *Махир* снова подвергнется испытанию. Свою тунiku из добротного верхнеегипетского льна ты продашь [в качестве взятки, чтобы облегчить свой побег]... Каждую ночь ты спишь, завернувшись в шерстяные лохмотья. Ты дремлешь, ты пассивен. Твой... твой лук, твой... нож и твой колчан проданы, твою уздечку срезали в темноте.

Твою лошадь увели и... на скользкой земле. Впереди простирается дорога. Колесница разбита... твоё оружие увало на землю и зарылось в песок...

Но вот *махир* находит своих египетских товарищей, а они не узнают его, так как он потерял свою одежду и оружие.

Ты умоляешь: «Дайте мне еды и питья — я спасся». Они поворачиваются к тебе спиной и не слушают тебя. Они не обращают внимания на твой рассказ.

Ты идешь в кузницу. Тебя окружают кузнецы и подмастерья. Они делают все, что ты хочешь. Они ремонтируют твою колесницу... Они поправляют твою упряжь... Они дают... твоему кнуту и прикрепляют к нему ремень. Ты отправляешься на поле битвы, чтобы совершить подвиг...

Последняя фраза, конечно, полна иронии, так как Аменемопе должен привести в порядок свою колесницу, чтобы не произвести неблагоприятного впечатления при возвращении в Египет. Там мы и оставим его.

Этот документ написан во время правления Рамсе-са II. Со временем он вошел в школьные учебники и стал упражнением, которое должны были освоить молодые писцы. Перевод, который я здесь привел, выполнен очень давно. Эрман вынужден был опустить много слов, например слова, описывающие детали колесницы, которые он не смог перевести. Кроме того, он заполнил пропуски в рукописи по своему усмотрению наиболее подходящими словами. Тем не менее я не знаю другого отрывка древнееги-

петской литературы, который бы давал такую живую и убедительную картину солдатской жизни во времена фараонов XVIII династии, т. е. более трех тысяч лет назад.

Глава VIII

ПЕР-ГОР ИДЕТ В ШКОЛУ

Самым величественным зданием Фив, превышающим своими размерами царский дворец, был храм Амона. Огромные массивные пилоны с покатыми стенами, высокие колонные залы, за которыми располагались таинственные темные комнаты, где совершалось большинство священных обрядов, освещенный солнцем внутренний двор, где прогуливались бритые жрецы в белоснежных одеждах, нацеленные в небо обелиски — все это было только центральной частью города со множеством коридоров-улиц, складских помещений, сокровищниц, амбаров и жилых комнат для жриц и жрецов, которые служили Царю богов. Среди этих строений располагалась школа. В один из ее классов мы и войдем с вами сейчас. На полу, поджав под себя ноги, сидят около двух десятков мальчиков.

Перед ними сидит учитель и держит развернутый свиток папируса. Другие свитки лежат рядом. У каждого мальчика в руках черепок; на нем он старательно пишет под диктовку учителя. Позднее, когда они станут настоящими писцами, им доверят папирус, но сейчас для них вполне годятся осколки глиняной посуды. Эти школьные упражнения скоро выбросят, чтобы спустя несколько тысяч лет их откопали и отдали для исследования ученым, которым придется основательно потрудиться над расшифровкой древнего языка из-за грамматических ошибок школьников.

Одного мальчика зовут Пер-гор. Он младший сын Рехмира. Как большинству школьников всех времен, ему не очень хочется учиться. Но в отличие от современного школьника у него нет возможности поглядеть в окно по той простой причине, что в его классе нет окон. Через узкие щели под самым потолком струится угрюмый солнечный свет, отбрасывая на потолок яркие блики. Но у Пер-гора тоже есть развлечения. Так как учитель Хаемуас

стар и глух, можно поговорить со своим соседом на интересующую их обоих тему, перемежая ее время от времени игрою в шарики и камушки, которые спрятаны под туникой Пер-гора.

Но прилежание необходимо. Один из принципов писцов, много раз написанный Пер-гором, гласит, что «ухо мальчика находится на его спине, и он слушает только тогда, когда его бьют». И Хаемуас не щадит никого, даже сына везира.

Пер-гор умный мальчик. Большинство современных школьников посочувствовало бы ему, так как его занятия заключались главным образом в зубрежке и старательной переписке упражнений, которые использовались в египетских школах на протяжении нескольких поколений.

Давайте же заглянем через его маленькое плечико и посмотрим, что же он пишет.

Я отправил тебя в школу с детьми вельмож, чтобы дать тебе образование и привить навыки этой возвеличивающей профессии.

Смотри, я разговариваю с тобой как с писцом, когда он... Проспись, перед твоими товарищами [уже] лежат книги... Когда ты получишь свое задание на день... не ленись...

Сосед Пер-гора, Небамон, сын начальника зернохранилищ, переписывает другое упражнение:

Я слышал, что ты любишь развлечения. Не отворачивайся от моих слов. Неужели твой ум занят такими пустяками?

Я заставлю твои ноги спотыкаться, когда они идут по улицам. Тебя отделают кнутом из шкуры гинопотама.

Я знал многих таких, как ты, которые сидели в школе писцов и клялись «богом», что «книги — ерунда». Даже они стали писцами, и Они ³⁰ помнят их имена и дают им поручения.

Пессимизм египетского учителя, опекающего своих учеников, беспределен. Когда Пер-гор повзрослеет и познакомится с развлечениями менее невинными, чем игра в камушки, то ему дадут переписать такое упражнение:

Я говорю, что когда ты бросаешь писать, то идешь искать развлечения. Ты бродишь по тем улицам, где [?] пахнет пивом, чтобы погубить себя. Пиво отпугнет [от тебя] людей, оно погубит твою душу.

Ты похож на разбитое рулевое весло корабля, которым нельзя управлять. Ты похож на храм без бога и дом без хлеба.

Тебя сталкивают, когда ты карабкаешься на стену и разбиваешься... люди разбегаются от тебя, потому что ты причиняешь им боль.

Ты узнаешь, что вино отвратительно. Ты дашь клятву *шеде*, что ты не отдашь свое сердце бутылке [?] и забудешь *телек* ³¹.

Тебя научили петь под флейту... и играть на свирели, рассказывать под *киннор* и петь под *незех* ³².

Ты сидишь в доме [в борделе?], и девицы окружили тебя. Ты стоишь...

Ты сидишь перед проституткой, и тебя окропляют благовониями. У тебя на шее надет венок из *ишет-пену*, и ты хлопаешь себя по животу.

Ты идешь пошатываясь и [затем] падаешь лицом прямо в грязь...

Большинство дошедших до нас упражнений содержат предостережения. Но чему бы ни был посвящен текст, писец никогда не забывал восхвалять свою профессию и чернить другие. Если судить по школьной египетской литературе, учащемуся постоянно внушали, что, только овладев искусством письма, он станет образованным человеком, сможет поступить, как мы сейчас говорим, на «государственную службу».

Рядом со старым Хаемуасом, который, пока его ученики нишут, сидит прикрыв глаза, лежит грудa свитков папируса. На них записаны упражнения, которые он сам выполнял, когда был маленьким мальчиком, и по ним же выучил он не одно поколение учащихся. Давайте же взглянем в один из них.

Вот предостережение ученику, мечтающему стать воином:

Что это ты говоришь: «Говорят, приятнее [быть] воином, чем писцом»?

Приди, я расскажу тебе [об] участии воина, не имеющего недостатка [букв.: многочисленного] в хлопотах. Его приводят еще маленьким, чтобы запереть в казарму. Удар-*шифи* наносится по животу его, удар-*переш* — по бровям его. Голова его разбита в кровь [букв.: раскалывается в рану]. Повергают его, причем он избивается, как лист папируса. Он разбит из-за битвы.

Приди, [я расскажу] тебе о его походе в Сирию, о его движении по хребтам, причем его довольствие и вода на плече его подобны грузу осла, и образует шея его хребет, как у осла. Хребет спины его разбит, он пьет воду протухшую. Он гонит сон. Достигает он врага, причем он подобен подстреленной [?] птице.

Когда ему удастся вернуться в Египет, он как палка, которую изъел червь. Он болен. Его схватывает болезнь [при которой он должен лежать]. Его доставляют на осла, а его одежды украдены, и его провожатый [т. е. слуга] сбежал.

Писец Инени! Обратись к слову о том, что приятнее [быть] писцом, чем воином.

Однако ученик мог возразить, что все это относится к простому воину, а не к военачальнику. Стать военачальником отряда колесниц, что может быть лучше! Но учитель готов парировать и это возражение и преподает своему ученику другой суровый урок. Пер-гор, когда переписывал это упражнение, про себя решил рассказать его содержание своему старшему брату Ренамону.

Обрати сердце твое к тому, чтобы сделаться писцом, и ты будешь управлять населением всей земли.

Приди, я расскажу тебе [о] должности жалкой война-колесничего. Он отдан в стойла ради отца его матери с пятью рабами, [но] ему даны [только] два из них. Его ни во что не ставят. Он спешит взять лошадей из стойла перед его величеством, который да будет жив, цел и здоров. Он взял коня доброго. Он радуется, ликуя. Достигает он с ним города своего, причем он [конь] усердно бежит рысью. Он хорош в рыси... [Но] он [юноша] не знает своего положения. Продает он вещи свои от отца матери его, чтобы купить себе колесницу: дышло — за 3 *дебена*, колесницу — за 5 *дебенов*. Он спешит пуститься рысью на ней, [но] становится пешим... Бросает он ее [?] — колесницу или «его» — коня. Ноги его истерзаны... Ребра [бока] его пронзены укусами.

Приходят делать смотр войскам — *мекиу*. Он сильно утружден. Его бьют на земле, избивая сотней ударов.

Дальше снова идет неизменный рефрен:

Будь писцом! Освободит она [эта должность] тебя от податей, защитит она тебя от работ всяких.

Сбитый с толку юноша начинает думать, что, может быть, лучше стать земледельцем. Но так ли это?

Мне сказали, что ты бросил писание, предался танцам, обратил лик свой к работам в поле и отвернулся от снов бога. Вот ты не помнишь участи земледельца при [букв.: перед] записи урожая. Берет червь половину ячменя, гиппопотам съедает остальное. Мыши многочисленны в поле, саранча опускается, скот ест, воробы воруют... Горе земледельцу! Остаток [на] гумне вышел. Он [для] воров... гибнет. Упряжка [волов] подыхает при молотбе [и при] пахоте.

Писец причаливает к берегу. Он записывает урожай. Его помощники с палками, кувшты — с жилами из пальмовых листьев. Они [говорят]: «Дай, ты, ячмень». Нет [его]. Они бьют его битьем-переш. Он связан и брошен в колодез. Он погружен в воду вниз головой, его жена связана перед ним, его дети скручены. Его соседи оставляют их, убегая, и пропал их ячмень. Кроме писца! Это он управляет податями всех. [Не] учитываются у него налоги письменно [вар.: «не учитываются налоги у писца»], и нет у него урока. Да знаешь ты это.

Даже жрецы не были освобождены от принудительных работ:

Жрец стоит там как хозяин, а жрец *всё* работает в оросительном канале...

Пекарем быть и того хуже:

Пекарь печет, кладя хлеб в огонь, а голова его в печи. Хватает сын его за ногу. Случись неудача в руке сына его, [и] он падает в жар печи.

Кроме писца! Это он управляет работами всякими, которые в земле сей.

Бедный Пер-гор! Верили ли он и его однокашники во все это? Вероятно, не все верили, потому что в Древнем Египте никогда не было недостатка в войнах, земледельцах, ремесленниках, жрецах и торговцах. Но одно несомненно, если юноша хотел подняться вверх по служебной лестнице, он должен был овладеть трудным искусством письма. Насколько это было трудно, читатель может убедиться, познакомившись с учебником древнего языка. Он наверняка проникнется уважением к мальчуганам, изучавшим его в древние времена, а еще большим — к современным филологам. Спустя пять тысяч лет они сделали переводы, которые я так обильно цитирую в этой книге.

Нелегко было изучить язык, начало которому положило рисуночное письмо. Оно помогало воскресить в памяти написавшего какое-либо событие, но постороннему человеку было бы трудно что-нибудь понять. Для примера процитирую отрывок из введения в замечательную книгу Эрмана «Литература Древнего Египта»:

...если двое пришли к соглашению, что один из них должен поставлять раз в три месяца одного быка, в обмен за которого второй уплатит пять кувшинов меда, то им достаточно было изобразить луну, быка, пчел и кувшины и дополнить рисунок несколькими маленькими черточками, означающими числа. Однако третий никогда с полной определенностью не смог бы объяснить эти знаки. Поэтому такое несовершенное письмо требовало улучшения. Каждый народ пошел своим путем, и потому возникло различное написание отдельных слов и слогов.

В своей основе этот метод чрезвычайно прост. Когда египтянин хотел написать слово, которое было трудно или даже невозможно изобразить (из-за числа или сложности символов), то он заменял нужное слово на другое, легко

изображаемое и сходное по звучанию. Из контекста читатель мог легко понять, что оно в действительности означает. Например, рисунок () «ласточка» обозначал звук *wr*. Но звук *wr* также означает «великий». Поэтому читатель мог понять, какое значение слова подразумевается в конкретном случае. Или возьмем иероглиф () «жук», который имеет звучание *khpr*. Тот же звук означает «становиться». Снова процитирую Эрмана:

Так как в египетском языке, как и в родственных ему языках, значение слова привязано к его согласным, а гласные определяют его грамматическую форму, то при замене одного слова на другое прежде всего принимали во внимание те же самые согласные, а гласные могли быть любыми. Так, например, английское слово *heed* можно было бы заменить словом *head*, а слово *broad* — словом *bread*.

По этой причине древнеегипетские тексты представляют собой настоящую головоломку для современного переводчика. Древний египтянин, которому известны недостающие гласные, легко узнает, что означает слово *sdm*: «слушать», «слушает», «кого-то слушают», «может слушать», «слушающий» или «слышавший».

Этот недостаток гласных и создает трудность при переводе. Древнеегипетский читатель должен был с ходу определить, как произносится слово *sdm*: *седжем*, *сиджем* или *седжум* — и знать точное значение каждого. Однако такие случаи вызывают у современных филологов головную боль. Вот почему они так часто спорят о значении египетских слов.

Когда вы читаете переводы древнеегипетских текстов, не удивляйтесь загадочным пропускам в середине самых интересных мест. Возможно, часть рукописи не сохранилась, или после тщетных попыток понять смысл переводчик отказался дать перевод, чтобы не вводить в заблуждение читателя. Не удивляйтесь также, когда, сравнивая два перевода одного и того же отрывка, вы обнаружите разное значение одних и тех же слов, — прогресс в расшифровке текстов происходит медленно. Тем не менее многие переводы, включенные в первые работы по истории Египта, сейчас уже частично устарели. Например, такой филолог, как Алан Гардинер, или профессор Фейермен могли

дать другие переводы отрывков, которые я процитировал в переводе Эрмана.

Однако вернемся к вопросу развития письменности. Пришло время, когда простые знаки, о которых я говорил, были перенесены на такое количество слов, что пропала всякая определенность. Они стали *фонетическими* знаками. Таким образом, пишет Эрман, «слово ласточка используется не только как в первом примере для обозначения слова „великий“, *wr*, но и для обозначения согласных *w* и *r* в словах *hwr*, *swr*, *wrs*, *wrryt* и т. д.»

Можно было бы остановиться и на этом, но египтяне пошли дальше.

Они стали использовать очень короткие слова с одной согласной, для того чтобы написать эту согласную. Таким образом, они пришли к алфавиту^{32а}, состоящему из двадцати четырех согласных. Здесь мы снова встречаемся с трудностями. Эрман считал, что финикийцы, у которых древние греки заимствовали свой алфавит, переняли его, в свою очередь, от древних египтян. Такой точки зрения придерживается подавляющее число филологов, кроме Алана Гардинера. Более тридцати лет назад Гардинеру и профессору Питу было поручено опубликовать надписи, открытые и скопированные Флиндерсом Питри в Серабит-эль-Хадим в центральной части Синая. По словам Гардинера, в текстах десяти скальных таблиц «были знаки, бесспорно происходящие от иероглифов, однако там были и другие знаки, которые, без сомнения, не происходили от них». Среди неегипетских знаков филолог называет изображение головы быка.

Это, [пишет Гардинер], напомнило старое утверждение Гезе-инуса, что прототипы финикийских букв должны по форме соответствовать древнееврейским буквам. Поэтому я сказал моему товарищу: «Мы несомненно должны найти здесь прототип финикийского алефа».

Он упорно стоял на своем, и,

к моему удивлению, были найдены почти полные эквиваленты таких слов, как «*ēth*» — дом, «*tēt*» — вода [египтяне почти всегда изображали воду в виде зигзагообразной линии], «*ayin*» — глаз и «*rēsh*» — голова, не говоря о других менее очевидных эквивалентах...

Количество знаков не превышало тридцати двух, «и некоторые из них могли быть вариантными. Напрашивал-

ся естественный вывод, что письменность была алфавитной».

Тогда Гардинер выделил в этом до сих пор неизвестном тексте последовательность букв, которая встречалась не менее шести раз. Используя этот принцип, он прочитал первый знак как *B*, второй как *ayin* — характерный гортанный звук, а последний как *T*. Третий знак на некоторое время завел его в тупик:

Взглянув на финикийский алфавит в первом же учебнике, который подвернулся мне под руку, я, естественно, остановился на букве *lamedh* [диагональная линия с крючком на нижнем конце].

Подобная линия была в синайской надписи, но с крючком на верхнем конце. Однако если это была одна и та же буква, то это была буква *L*. Подставив эти согласные в слово, Гардинер прочитал его как *Ба'алат*.

Ба'алат была финикийской богиней, супругой Баала.

Семитское название божества Ба'алат египтяне обычно переводили как Хатор (так же как в Библие) и... богиня храма Серабит, [где были найдены таблицы], была хорошо известна под именем «Хатор, владычица». Там было найдено ее имя, часто встречающееся в иероглифических текстах...

Могло ли это быть случайным совпадением? Я твердо убежден, что нет. Если это так, то я стою у истоков происхождения алфавита. Цепь моих рассуждений сложилась в стройную систему, и если принять выводы, то будет уже почти невозможно отказать от посылок. Другими словами, почти невероятная удача, что имя Ба'алат прочитано правильно, и все это говорит в пользу генетической связи между египетскими иероглифами, синайскими письменами и финикийскими буквами с их традиционными названиями.

Я отклонился немного от темы для того, чтобы рассказать, что: а) неожиданные драматические события иногда могут скрасить жизнь, посвященную терпеливым, лишенным эмоций исследованиям; б) если выводы Гардинера правильные, а многие филологи поддерживают его в этом, то буквы, которыми написана эта книга, обязаны своим происхождением не финикийцам, а древним египтянам. От них они перешли через Палестину к финикийцам, а затем от греков и римлян к нам.

Так что не исключено, что очень тоненькая нить связывает нас с Пер-гором, который сидит скрестив ноги в

классе и ждет не дождется, когда кончится урок, а его уставшая уже рука старательно выводит слова:

Счастлив пищик оттого, что он достиг мастерства в своей профессии. Проявляй настойчивость ежедневно. Только так ты сможешь овладеть мастерством... Не проводи ни одного дня в праздности, иначе тебя выпорют. Ухо мальчика на спине. Он слушает, когда его бьют...

Но вот старый Хаемуас встает и начинает собирать свои рукописи. В классе поднимается шум, но учитель быстро утихомиривает учеников. Мальчики встают и под руководством Хаемуаса монотонными голосами читают молитву Амону. Потом под строгим взглядом старика они чинно выходят на улицу, залитую солнечным светом. И сразу же начинается страшный галдеж. Мальчишки разбились на шумные группы. Одни борются на земле, катаясь в пыли, другие смастерили мяч и перебрасывают его друг другу. Пер-гор и Небамон несутся сломя голову по залитой солнцем улице к огромным воротам, не обращая внимания на предупреждающие крики проходящих жрецов. Наконец они добежали до ворот. Там, к удивлению и восхищению Пер-гора, его ждал старший брат Кенамон. Он стоял в новой колеснице и пытался напустить на себя безразличный вид. Вокруг собрались мальчишки и громко восхищаются двумя холеными конями с качающимся плюмажем и золотой отделкой повозки, сверкающей на солнце.

Пер-гор — на седьмом небе. Он гордится своим старшим братом, гордится, что того назначили военачальником отряда колесничих и что он скоро отправится с фараоном в страну горцев. Однако Пер-гор такой же проказник, как и все мальчишки. Когда Кенамон гордо едет по улицам Фив вместе с братом, мальчик вспоминает одно упражнение, которое переписывал в то утро.

Под стук копыт и шум улицы он начинает громко декламировать:

Приди, я расскажу тебе [о] должности жалкой воина-колесничего.

— Что это? — спрашивает Кенамон.
Тонкий голос продолжает безжалостно:

Он спешит взять лошадей из стойла перед его величеством...
Он взял коня доброго. Он радуется, ликуя.

Кенамон пытается дать брату подзатыльник, но Пергор быстро увертывается. Отбежав от Кенамона, он приплясывает и кричит:

Достигает он с ним города своего, причем он [конь] усердно бежит рысью. Он хорош в рыси... Но он не знает своего положения.

Они уже приблизились к дому Рехмира. Кенамон сдерживает горячих коней, к которым он еще не привык. Поэтому Пергор свободно может над ним насмеяться.

Приходят делать смотр войскам — *мекиу*. Он сильно утружен. Его бьют на земле, избивая сотней ударов.

Колесница останавливается у сторожки привратника. К ней подбегают конюхи, чтобы забрать коней. Кенамон со смехом пытается поймать брата, но мальчишка оказывается проворнее его. Вбежав по лестнице, он останавливается и, приплясывая, кричит: «Будь писцом! Будь писцом!»

Привратник-нубиец и конюхи улыбаются. Крикнув последний раз «Будь писцом!», Пергор убегает. Он бежит по дорожке к дому. Кенамон поднимает ком земли и бросает ему вдогонку, но промахивается.

Глава IX

МОГУЩЕСТВО ПИСЬМЕННОСТИ

Египтяне были практичными людьми. Их огромные успехи в архитектуре и скульптуре, астрономии и математике были обусловлены чисто утилитарными целями. В отличие от древних греков, которые восхищались ими, египтяне обладали, видимо, меньшей любознательностью и не любили науку саму по себе. Абстрактные размышления были им чужды. Тем не менее греки очень многое заимствовали у них, в чем не стеснялись признаться. Например, Фалеса поражала и вдохновляла египетская цивилизация. Греки обрели в Египте огромный запас полезных практических знаний, не строго научных, в нашем понимании, а, скорее, сырьевой материал для науки.

Возьмем, например, математику, в которой древние греки продвинулись так далеко.

Египтяне, [пишет в книге «Наследие Египта» Р. У. Стоули], создали практическую систему счисления и могли просто и точно выполнять арифметические вычисления (включая действия со сложными дробями)... Они могли решать задачи с двумя неизвестными и имели элементарные понятия как об арифметической прогрессии с использованием дробей, так и о геометрической прогрессии. Они были знакомы с элементарными свойствами прямоугольников, круга и пирамиды. Таким образом, египтяне могли успешно решать математические задачи, встречающиеся им в повседневной жизни. Примеры, дошедшие до нас, проливают свет на методы решения задач, касающихся торговли, кормления скота, взимания налогов и т. д.

Большинство задач относилось к конкретным вещам: семь хлебов, пять человек — и редко применялись абстрактные числа. Несмотря на то что египтяне знали, как следует поступать в каждом конкретном случае, сомневаюсь, чтобы они ясно понимали основополагающие принципы. Примеры, [приведенные в «Математическом папирусе»], используют большей частью простые числа. Они представляют собой иллюстрацию метода, модель решений, которые легко можно было выучить наизусть и применять в решении аналогичных задач.

Тот же самый практицизм наблюдается у египтян и в области искусства. Замечательные скульптуры, вызывающие у нас восторг, создавались не для удовлетворения эстетических потребностей людей и не предназначались для массового обозрения. Некоторые из них были реалистическими портретами умерших, которые помещали в гробницы и часто прятали от посторонних глаз, так как они были вместилищами духа умершего, его «Ка». Прелестные скульптурные живописные фрески могильных часовен, жанровые сценки, которые так живо иллюстрируют нам будни древних египтян, не были декоративными украшениями, а служили для того, чтобы подчеркнуть богатство и общественное положение умершего. Они имели магическое значение: должны были обеспечить умершего в загробной жизни имуществом и роскошью, окружавшей его на земле. Военачальник снова будет во главе своей армии, вельможа будет владеть своими землями и будет всегда обеспечен едой, даже если его наследники забудут своевременно принести ее в гробницу. Живописное или скульптурное изображение становилось благодаря магии реальной вещью.

Нынешность зародилась тоже благодаря практицизму египтян. Посредством ее человек мог общаться с другими

людьми, не встречаясь и не беседуя непосредственно с ними, а с помощью записей и расчетов, записей событий и религиозных текстов, перенесение которых на папирус увековечивало их магическую силу. Иероглифическое письмо было уже достаточно хорошо развито во времена I династии, т. е. около 3200 г. до н. э. Самые ранние образцы такой письменности найдены на каменных сосудах и других предметах. Иероглифические знаки применялись даже для украшения предметов: их размещали таким образом, чтобы они соответствовали декоративным требованиям рисунка, потому что читать их можно справа налево, слева направо или даже сверху вниз. На протяжении трех тысяч лет египетской истории иероглифическое письмо использовалось для различных религиозных целей, для надписей на стенах храмов и гробниц, для монументальных надписей различного типа. Но в повседневной жизни такая письменность была неудобной. Рядовой египтянин находился в таком же примерно положении, как и мы, если бы от нас потребовали всю нашу корреспонденцию писать только заглавными буквами. А ведь писать иероглифы значительно труднее. Поэтому он придумал скоропись, которую греки называли «иератическим»³³ письмом. Язык оставался таким же, но писать было легче.

Большинство документов, которые я процитировал в этой книге, написаны иератическим письмом на папирусе. Изобретение этого материала для письма также способствовало развитию египетской письменности. В отличие от вавилонян, которые использовали таблички из обожженной глины, египтяне имели неограниченное количество папирусного тростника, в изобилии росшего по берегам Нила. Стебель растения очищали от внешней оболочки и разрезали на длинные полосы. Одни полоски укладывали параллельно друг другу, другие клали поперек. Затем этот двухслойный лист сушили под прессом. Таким способом можно было изготовить «книгу» или свиток папируса любой длины. Сохранились рукописи длиной свыше 100 футов.

В более поздние времена свитки папируса экспортировали в другие страны древнего мира, например в Грецию. Тому обстоятельству, что греческая литература дошла до нас, мы обязаны древним египтянам, так как «греческая литература была сохранена и распространялась с древнейших времен до II или III в. н. э. только бла-

годаря папирусному свитку» (Кембриджское общество по изучению Древней Греции).

Еще в ранний период египетской истории письменность, первоначально созданная для утилитарных целей, развилась в искусство. Египтяне, подобно всем цивилизованным народам, открыли, что слова обладают собственной магией. Поэтому в то время появились поэты и писатели, которые использовали язык только с одной целью — доставить людям удовольствие.

Я уже цитировал несколько фрагментов из египетской поэтической лирики (главным образом эпохи Нового Царства), поэтому в этой главе я приведу отрывки из египетской прозы.

Поэзия и народные предания существовали задолго до появления письменности; они передавались из уст в уста. Вероятно, именно таким эпическим поэмам обязаны своим существованием «Илиада» и «Одиссея» Гомера. Но если египтяне в додинастический период и знали поэзию, то она не дошла до нас. Однако ряд сказок, рассказов о фантастических приключениях, которые записали писцы, своими корнями уходят в устное народное творчество. Если не считать, как правило, скучные биографии чиновников или хроники царей и князей, реалистических произведений в ранней египетской литературе немного. Судя по сохранившимся образцам литературы, древним египтянам больше были по душе фантастические, неправдоподобные истории. Возможно, в этом проявлялся неосознанный протест против ограниченной жесткими рамками жизни, которую приходилось вести большинству из них.

Одна из самых ранних волшебных историй называется «Царь Хеопс и чародеи». Хеопс был строителем великой пирамиды около 2500 г. до н. э. Сказка очень старая, несмотря на то что рукопись, которую перевел Эрман, датирована периодом правления гиксосов, т. е. на 1000 лет позднее. Эту наивную историю, возможно, рассказывали на улицах бродячие сказители.

Царь Хеопс просит своих сыновей рассказать ему истории о великих чародеях прошлого. Первый принц, Хефрен (строитель второй пирамиды), рассказывает ему удивительный случай из времен царя Небка, одного из его предков. Жил тогда некий *херихеб* (mag) по имени Убаомер, у которого была неверная жена. Подозревая, что она находится в связи с одним простолудином и проводит с

ним время «в беседке у пруда Убаонера», волшебник сделал крокодила из воска «длиной семь пядей» и сказал своему слуге: «Когда простолюдин войдет по своему обыкновению в пруд, брось вслед за ним крокодила».

Слуга ушел и взял с собой крокодила из воска.

Жена Убаонера позвала слугу, что присматривал за прудом, и сказала: «Ступай и приготовь беседку у пруда. Я буду в ней отдыхать». Слуга снабдил беседку всем необходимым, и она провела там веселый день с простолюдином.

Когда наступил вечер, простолюдин по своему обыкновению вошел в озеро. Слуга бросил вслед за ним в воду воскового крокодила, который превратился в настоящего длиной в семь локтей и схватил простолюдина... Убаонер ждал его величества царя Небка семь дней, а в это время простолюдин лежал в воде бездыханный. Когда прошло семь дней, пришел царь Небка... и главный херихеб Убаонер предстал перед ним. И Убаонер сказал: «Может быть, ваше величество пойдет и посмотрит на чудо, которое произойдет при вашем величестве». Царь пошел с ним. Убаонер позвал крокодила и сказал: «Принеси сюда простолюдина». Крокодил... и принес ему... И его величество царь Небка сказал: «Воистину этот крокодил страшный [?].» Тогда Убаонер нагнулся и взял его в руки, и крокодил превратился в воскового крокодила...

Затем взял слово принц Бауфра и рассказал Хеопсу о «чуде, которое произошло во времена его отца Снофру, одном из подвигов главного херихеба Джаджаемамха». Тот сказал ему:

Да проследует твое величество к озеру у великого дома и повелит снарядить там барку и посадить в нее красивых девиц из внутренних покоев твоего дома. Сердце твоего величества возрадуется, когда ты увидишь, как они будут грести туда и обратно. Ты увидишь прекрасные заросли вокруг озера, увидишь поля и красивые берега, и твое сердце наполнится радостью.

Царь подумал, что это неплохая мысль, но решил ее улучшить.

И вот царь сказал: «Воистину я сделаю это. Принесите мне двадцать весел из эбенового дерева с золотой отделкой. Приведите ко мне двадцать женщин прекрасных телом, с [красивой] грудью и заплетенными косами, таких, какие еще не рожали. Кроме того, принесите двадцать сетей и раздайте эти сети женщинам вместо одежды». Все было сделано, как приказал его величество. Они гребли туда и обратно, а сердце его величества радовалось, когда он видел, как они гребут.

Но вот сидевшая впереди девушка встряхнула [?] своей косой, и подвеска в виде рыбы³⁴ из новой бирюзы упала в воду. Она умолкла и перестала грести. И весь ряд ее умолк и перестал грести. Тогда его величество спросил: «Почему ты не гребешь?».

Она ответила: «Моя подвеска в виде рыбы из новой бирюзы упала в воду». Он дал ей другую и сказал: «Я даю тебе это вместо той». Она ответила: «Я хочу мой горшок до самого дна»³⁵. Тогда его величество сказал: «Ступайте и приведите мне главного жреца-заклинателя Джаджаеманха». Его тотчас привели.

Царь объяснил ему создавшееся положение. Тогда услужливый чародей сделал в миниатюре то, что позднее совершил Моисей при переходе Красного моря.

Главный жрец-заклинатель Джаджаеманх произнес волшебное слово, и половина вод озера легла на другую. Он нашел подвеску в виде рыбы, которая лежала на черепке. Он поднял ее и отдал женщине. Вода посреди озера была глубиною двенадцать локтей, а когда она разверзлась, то ее глубина достигала двадцати четырех локтей, [другими словами, Джаджаеманх свернул воду как сукно]. Затем он снова произнес волшебное слово, и вода вернулась на свое место.

Я привел здесь только часть рассказа, но и этого вполне достаточно, чтобы познакомиться с очаровательными и незамысловатыми образами этих популярных историй. Мне они представляются причудливой смесью из «Тысячи и одной ночи» и произведений Боккаччо.

Для контраста я процитирую мою самую любимую египетскую повесть «Рассказ о Синухете». Она написана во времена XII династии, в период литературного украшения, когда «буйствовало метафоры, а декадентчины и искусственной изопренности было предостаточно. Один из писателей, живший во времена XII династии, в отчаянии жалуется на то, как трудно найти что-нибудь новое. Фактически в большинстве случаев эта литература была искусством для искусства» (А. Гардинер).

Однако в этой повести нет ничего маперного, ничего поднебного. Это произведение написано зрелым мастером, который знал, как нужно вести повествование, как очерчивать образы, как изобразить место действия, описать действие, вызвать сострадание. События, выведенные в повести, правдоподобны и могли произойти в действительности. Но правдива повесть или целиком вымышленна — она представляет собой самостоятельное литературное произведение.

Синухет был «правителем и князем» при великом царе XII династии, Аменемхете I. Когда он сопровождал сына царя, Сезостриса, в карательной экспедиции против либийцев, пришла весть, что старый царь умер. По каким-то причинам, которые он так и не объяснил, потрясенный

Синухет, то ли опасаясь гражданской войны, то ли решив, что молодой царь замышляет против него заговор, бежал.

Год 30-й, 3-й месяц [времени] Половодья, день 7-й, взшел бог к своему горизонту, царь Верхнего и Нижнего Египта Схотепибра был взят на небо. Он соединился с солнцем, причем [его] божественное тело слилось с создавшим его. Находилась резиденция в молчании и скорбении сердца. Большие врата были заперты, придворные склонили головы на колени, а народ стонал.

Вот послал его величество армию в страну Тимхи. Его старший сын возглавлял ее, благой бог Сенусерт. Он был послан, чтобы поразить чужеземные страны и сокрушить находящихся среди Техену. И вот он возвратился и привел пленников из [страны] Техену, а также бесчисленное количество рогатого скота.

Послали «друзья двора» [семеры] на запад, дабы оповестить сына царя о случившемся во дворце. Нашли его гонцы в пути, достигли они его в ночную пору. Ни мгновения не медлил он. Сокол, [т. е. Сенусерт], полетел со своей свитой, [даже] не оповестив свое войско. [Но] было также послано к детям царя, находившимся с ним в этой армии, и позвали одного из них. И вот стоял я и слышал его голос, когда он говорил, ибо я находился поблизости. Смутилось сердце мое, распростерлись руки мои, дрожь охватила все мои члены. Прыжками удалился, чтобы найти себе место, где спрятаться. Я поместился между кустами, чтобы избежать идущего по дороге.

Направился я к югу. Не намеревался я достичь этой резиденции: я думал, что произойдет там восстание, и не надеялся пережить его. Переправился я через воды Маати, вблизи сикоморы, и достиг я острова Снефру. Провел я там день на окраине полей. Отправился я на рассвете с наступлением дня. Встретил я человека, стоявшего на пути моем. Испугался он меня, боявшегося его. С наступлением времени ужина достиг я города Гау. Переправился я в барке без рулевого весла с помощью дуновения западного ветра. Прошел я к востоку от каменоломен выше «Владычицы Красной Горы» ³⁶.

Тот, кто знает Египет севернее Каира, может проследить путь беглого князя. Он сбежал из армии на западном берегу Нила, поднялся вверх по реке и переплыл ее «в барке без рулевого весла» в том месте, где река еще не разветвилась. Затем он должен был пройти мимо той местности, где сейчас находится современный Каир, потому что Красная Гора, которая называется так до сих пор, расположена вблизи Каира. И по сей день там добывают камни. От этого места Синухет повернул на северо-восток к границе, намереваясь бежать в Палестину.

Направил я стопы мои к северу и достиг я «Стен князя», сооруженных для того, чтобы отражать азиатов и сокрушать «бегущих по пескам», [т. е. бедуинов]. Пригнулся я в кустах, опасаясь, что на стене стража, [находящаяся в] дневном карауле.

Пройдя бесплодную пустыню, он достиг Суэцкого перешейка.

Пустился я в путь в ночную пору, когда озарилась земля, достиг я Петни и остановился на острове «Великой Черноты». Одолела [меня] жажда, моя гортань пересохла, мое горло было наполнено пылью. И я сказал: «Это вкус смерти!» Поднял я сердце свое, [т. е. ободрился], и овладел собой, когда услышал я рев стада и увидел я азиатов.

Узнал меня там шейх, побывавший в Египте. Дал он мне воды и сварил молоко. Отправился с ним к его племени, и они хорошо обошлись со мной.

Синухет продолжает свой путь в Сирию, «страну Речену», как называли ее египтяне. Писатель не затрудняет себя описанием тех стран, через которые проследовал беглец, и упоминает только знаменитый финикийский порт Библ, чье название было известно большинству египтян.

Страна передавала меня стране. Покинул я Библ и достиг я Кедема. Провел я там год и под[года]. Увел меня Ненши, сын Аму; был он правителем Верхнего Речену. И сказал он мне: «Хорошо будет тебе со мной, ибо услышишь ты египетскую речь». Промолвил он это, ибо знал он мои качества, слышал он о моем уме. Сообщили обо мне люди из Египта, которые находились там у него. Сказал он затем мне: «Зачем пришел ты сюда? Что случилось? Произошло ли что при дворе?»

Ответил я ему: «Царь Верхнего и Нижнего Египта Схотеписира удалился в горизонт, и неизвестно, что из-за этого может произойти». Затем сказал я [только] половину правды: «Вернулся я из похода против страны Техену; рассказали мне [об этом]. Мой рассудок помутился, сердце мое покинуло мое тело. Оно увлекло меня на путь бегства, хотя не говорили худого обо мне и не плевали мне в лицо, не слыхал я дурных речей и не было услышано мое имя из уст докладчика. Не знаю я, что привело меня в эту страну. Это было подобно побуждению бога».

Кажется, что Синухет примирился с длительным изгнанием, и поэтому он принимает приглашение Ненши поселиться на его земле. Изгнанный египетский вельможа усваивает привычки и обычаи азиатов, настоящих варваров по сравнению с ним. Он женится на старшей дочери Ненши, и та рождает ему детей. Вождь Северного Речену дает ему землю и назначает вождем самого храброго племени. И Синухет служит Ненши верой и правдой в мирное время и в годину войны.

Провел я [там] многие годы. Дети мои стали сильными, каждый из них повелевал своим племенем. Гонец, направлялся

ли он на север или на юг ко двору, останавливался он у меня, ибо я останавливал всех людей. Давал я воду жаждущим и направлял заблудившегося на дорогу. Выручал я ограбленного. Когда азиаты осмеливались оттеснять правителей чужеземных стран, я давал советы при их выступлении. Правитель этой [страны] Речену заставил меня провести много лет в качестве военачальника его армий. Каждая страна, против которой я выступал, после того как я побеждал ее, была оттеснена от пастбищ и колодцев.

Пришел силач из Речену и вызвал меня в шатре моем. Это был витязь, и не было равных ему. Покорил он страну целиком, и он сказал, что будет биться со мной. Намеревался он ограбить меня, думал он захватить скот мой по совету племени своего. Этот правитель, советовался со мной, и я сказал: «Не знаю я его; поистине не знаком я с ним, чтобы иметь доступ в стойбище его. Открывал ли я когда-нибудь ворота его или взламывал его ограду? Это [только] зависть, ибо видит он меня выполняющим твои поручения. Воистину подобен я быку из рассеянного стада среди другого стада, нападает на него бык из [этого] стада, длиннорогий бык бодает его, бывает ли человек низкого звания, которого любят, после того как он стал главою? Не бывает варвара, который был бы вместе с обитателем Дельты. Что может укрепить [?] папирус [?] на горе? Ибо любит бык битву, и должен ли [другой] могучий бык любить отступление из опасения, что тот может сразиться с ним! Если склонно его сердце к борьбе, пусть скажет он желание свое. Разве известна богу судьба или же знает он, что случится?»

Ночью натянул я свой лук и приготовил стрелы свои. Извлек я кинжал свой, привел я в порядок свое оружие.

Лишь озарилась земля, как пришли [люди] Речену. Собрал он племена свои, собрал он [добрую] половину стран. Замыслил он этот поединок. И вот направился он тогда, когда стоял я рядом с ним. Все сердца горели за меня. Мужчины и женщины стонали, [и] все сердца болели за меня. Они говорили: «Существует ли другой силач, могущий сразиться с ним?»

Вот упал под него, секира, связка [метательных] копий, после того как увернулся я от оружия его и дал пролетать мимо меня его стрелам одна за другой, до последней. Набросился он на меня, но пронзил я его, и стрела моя осталась у него в затылке. Закричал он, упал на свой нос. Поверг я его [собственной] его секирой. Я испустил победный клич на его спине, а все азиаты завопили. Воздал я хвалу Монту, в то время как его [силача] рабы оплакивали его. Правитель этот Ненши, сын Аму, заключил меня в свои объятия.

Прошли годы, и Синухетом овладело сильное желание вернуться на родную землю. В этом месте автор переходит на поэзию:

Некогда бежал беглец, [теперь] докладывают о нем при дворе. Влачился влачащийся вследствие голода, [теперь] я даю хлеб соседям. Покинул человек свою землю из-за наготы, [теперь] у меня белые одежды и льняные ткани. Бежал человек, ибо не было у

него кого посылать, [теперь] множество у него рабов. Прекрасен дом мой, обширно жилище мое, помнят обо мне при дворе.

Далее следует молитва, обращенная не к определенному богу египетского пантеона, не к Амону, Пта или Гору, а просто к богу.

О бог, кто бы ни был ты, предопределивший это бегство, будь милостив и возврати меня на родину. Да допустишь ты узреть мне место, в котором постоянно пребывает сердце мое. Что может быть важнее того, чтобы тело мое было погребено в земле, в которой я родился? Приди на помощь [мне]. То, что произошло, — счастливое событие. Оказал мне бог милость... Да будет милосерден ко мне царь Египта, да живу я милостью его. Да приветствую я «Владычцу земли»³⁷ во дворце его, [и] да услышу я приказания ее детей.

Царь направляет Синухету благожелательное послание и разрешает ему вернуться в Египет, так как ему нечего бояться.

Что совершил ты, чтобы [опасаться]? Сделано ли что-либо тебе? Ты не злословил, чтобы нужно было выступать против слов твоих. Не говорил ты дурного против совета знатных, чтобы следовало противиться речам твоим.

Он упоминает царицу, которая, вероятно, неплохо относилась к изгнаннику:

Это твое Небо, которое находится во дворце, прочно оно и долговечно сегодня. Покрыта глава ее знаками царского [достоинства] страны, дети ее при дворе. Ты соберешь драгоценности, которые они дадут тебе. Будешь ты жить дарами их.

Синухет с благодарностью принял послание царя, и после долгих лет разлуки возвращается в Египет, и предстает перед фараоном. Его охватывает дрожь, и, распростершись перед Сезострисом, он теряет дар речи.

Сказал тогда его величество одному из «друзей царя»: «Подними его и пусть он говорит со мной». Затем его величество сказал: «Ну, вот ты пришел. Ты блуждал по чужеземным странам, после того как совершил бегство. [Теперь] одолела тебя дряхлость, достиг ты старости. Немалое дело — погребение тела твоего. Не похоронят тебя варвары. Не действуй во вред себе, не действуй против себя. Ты не говоришь, [хотя] названо твое имя!»

В конце концов Синухет, который был все еще одет в азиатское платье, произносит зачинаясь несколько слов благодарности: «Вот я перед тобой. Тебе принадлежит жизнь: да поступит твое величество согласно своей воле».

Приказано было привести царских детей, и сказал его величество своей царственной супруге: «Вот это Синухет, который возвратился, как азиат, [точно] создали его бедуины».

Испустила она очень громкий крик, и воскликнули разом все дети царя. Сказали они затем его величеству: «Воистину это не он, о повелитель, господин мой!»

История заканчивается превращением Синухета снова в египтянина. Это место напоминает сцену из шестой книги «Одиссеи», когда измученный путешествием Одиссей оmyвает тело и надевает новые одежды, перед тем как пойти на встречу с царем Алкиноем.

Поместили меня в доме сына царя, в котором находились прекрасные вещи. Прохладное помещение... [там] имелись драгоценности из сокровищницы, одеяния из царского полотна, *мирра*, лучшее благовонное масло царя и придворных, которых он любит, находились в каждой комнате. Каждый слуга находился при исполнении своих обязанностей.

Сделали, чтобы сошли годы с моего тела: остригли меня и причесали мои волосы, грязь была возвращена пустыне, а одежды — обитателям песков. Я был одет в лучшие льняные ткани, умащен превосходным маслом. Я спал на постели. Предоставил я пески тем, кто находится среди них, а деревянное масло тем, кто им мажется.

Ему предоставили роскошный дом, и, что самое важное для египтянина, ему была приготовлена гробница, его «дом вечности».

Была построена мне пирамида из камня среди пирамид. Начальник каменотесов, которые строят пирамиды, разметил землю. Начальник художников расписывал в ней. Начальник скульпторов вытесывал в ней, и заботился о ней начальник работ в некрополе. Все вещи, которые кладут в гробницу, были там положены... Его величество приказал сделать мне это. Не существовало простого человека, для которого было сделано подобное. Я находился в милости царя до прихода дня кончины.

Я прошу простить меня за то, что я не полностью привел здесь эту замечательную повесть. К тому же у меня нет возможности познакомить читателей с другими образцами египетской литературной прозы. Я процитировал здесь несколько отрывков для того, чтобы показать, какого рода повести и поэмы любили читать или слушать образованные египтяне.

Мне кажется, что литература Древнего Египта может приблизить нас к народу фараона в большей степени, чем

это делают их произведения искусства. Однако хотелось бы предупредить читателя, что не вся их литература равноценна. Очень много произведений скучных, несовершенных и мрачных. Я рекомендовал бы народные сказки, биографические романы, такие, как «Путешествие Унамона», любовную лирику (которой присуща чарующая нежность) и лучшие религиозные стихи, особенно «Гимн Атому» Эхнатона.

Но египтяне никогда не были мистиками, и даже в своем высочайшем взлете они не достигли силы и красоты древнееврейской поэзии.

Глава X

РАБОЧИЕ И РЕМЕСЛЕННИКИ

Я был художником, искусственным в искусстве, выдающимся в своем умении... Я знал (как изобразить) жест мужчины и осанку женщины... бросок копья, вызывающий недовольство гиппопотама, и движения бегуна...

*Из надписи на гробнице скульптора
(XII династия)*

До сих пор мы имели дело главным образом с образованным правящим классом Египта: крупными чиновниками, военачальниками, законоведами и сборщиками налогов, жрецами и писцами. Это бесспорное меньшинство оставило нам самовосхваляющие надписи на стенах гробниц. Но подавляющее большинство, создававшее богатство Египта, — строители, художники, крестьяне, ремесленники и рабочие остались для нас бессловесными. Сохранилось лишь несколько слов на стенах гробниц. Даже инженеры, которые проектировали пирамиды и храмы, организовывали и обучали огромную рабочую массу вытесывать гигантские гранитные блоки для колоссальных статуй и строить лодки, перевозившие от Асуана до Мемфиса грузы до 650 тонн, оставили нам очень мало сведений о своих методах работы. Поэтому первый вопрос, срывающийся с губ удивленного туриста, когда он впервые видит вели-

кую пирамиду, колонный зал Карнака или миниатюрные украшения из благородного металла, звучит примерно так: «Как они это сделали?»

К счастью для нас, вельможи эпохи Древнего царства и более поздних времен любили отражать на стенах своих гробниц деятельность своих многочисленных слуг. Внимательно изучив эти рисунки, а также орудия труда, дошедшие до нас, египтологи многое узнали о рабочих и ремесленниках той эпохи и в большинстве случаев могут дать ответ на этот вопрос.

Таким вельможей был везир Рехмира. Среди прочих обязанностей на него возлагалась ответственность за огромное имущество храма Амона. Кроме того, как говорит надпись на стене его гробницы, он был главным ревизором обширных мастерских храма, где один из его сыновей, Мери, был управляющим. Другой сын, старший, которого звали Менхеперра-Сонеб, был храмовым писцом, оприходовавшим налоговые сборы. Воспользовавшись рисунками на стенах гробницы как путеводителем, последуем сейчас за везиром в его инспекционной поездке.

Прошло уже несколько недель с того момента, как армия Тутмоса выступила из Фив в поход на землю Речену. В походе его величество сопровождало много молодых людей. Среди них были сын Рехмира, Кенамон, и его друг, Сенмут. С уходом фараона ответственность везира, и без того высокая, еще более возросла, так как в отсутствие царя ему приходилось управлять страной. Вчера он дал аудиенцию послам Пунта, Кефти (Крита), Сирии и Нубии, принесших дань, которую везир принял вместо своего царственного повелителя. Несколько часов он восседал на позолоченном кресле, в то время как мимо него проходили чужеземцы, неся на своих плечах дань, а писцы записывали наименование и количество приношений. Первыми прошли представители Крита, стройные темнокожие люди с черными курчавыми волосами. Они гордо несли продукты своей родины.

Одна ваза из ляпис-лазури с золотыми ободками и ручками... десять кусков серебра... одно золотое блюдо... золотая львиная голова... золотая голова хохлатой птицы... золотой кубок с изображением головы каменного козла... золотая львиная голова... большая серебряная ваза с двумя ручками... кинжал в голубых ножнах...

Голос писца звучит монотонно. Рехмира клюет носом на своем троне и думает: «Когда же, наконец, кончится эта процессия?»

Затем пошли темнокожие нубийцы с юга с их характерными дарами. Они несут страусовые перья и яйца, черное дерево, слитки золота, шкуры леопардов и жирафов, слоновьи бивни, ведут за собой леопардов, бабуинов и жирафов для царского зоопарка. За ними идут рабы-ткачи, главным образом женщины и дети, они будут работать в храмовых мастерских.

Днем, до приема даров, Рехмира председательствовал в зале суда, так как, кроме всего прочего, он еще является верховным судьей. Эта процедура оказалась еще более утомительной, потому что дел разбиралось много, а день выдался жаркий. Когда Рехмира был моложе, он гордился своим назначением и тогда же решил посвятить себя высоким идеалам справедливости. Он смело записал эти идеалы на стене своей гробницы: «отправлять правосудие беспристрастно и следить за тем, чтобы обе стороны были удовлетворены, решать спор между бедным и богатым так, чтобы истец не заливался слезами из-за твоего решения...»

Но когда он сидел в переполненном зале и слушал полемiku адвокатов, которую почти заглушали голоса из коридора, шумно требующие допуска в зал, то почувствовал острую душевную усталость. Рехмира знал, что некоторые его чиновники берут взятки, и пытался пресечь это, но взысканничество процветало. Было бы также очень хорошо «решать спор между бедным и богатым, невзирая на лица», но что можно поделаться, если богатый оказывал давление на суд? У Рехмира было много врагов. Тем не менее он стремился как можно лучше исполнять свои обязанности, и как наставление своим преемникам он начертал во всю длину стены своей гробницы «обязанности везира». Прочитаем отрывок из этой надписи:

Это он будет допрашивать о недоимках каждого храмового хозяйства. Это он будет налагать все подати доставкой продовольствия [?] в пользу [?] всякого, кому они будут даваться. Это он будет слушать все дела. Это он будет взимать подати в пользу... управлений... Это он будет открывать сокровищницу вместе с начальником казны. Это он будет осматривать подати... Это он будет осматривать питье каждые десять дней... Это он будет предоставлять суда каждому лицу, имеющему право на их предоставление. Это он будет посылать всех доверенных дворца к... когда владыка будет путешествовать.

(Пер. Ю. Я. Перепелкина)

«А царь, наверное, *всегда* будет в походе», — вздыхает Рехмира, вспоминая о том, сколько раз он был свидетелем выступления царя в поход. Он улыбается, когда ему на ум приходит одна фраза, которую он написал на стене своей гробницы. Хотя она и правдива, она удивила некоторых:

Смотри, каково положение везира. Оно не из приятных. Оно горькое, как желчь...

Сегодня день его очередного посещения мастерских храма Амона, которыми заведует его сын, Мери. Мозг везира всегда напряженно работает, даже тогда, когда он с восхищением наблюдает, как в руках ремесленников рождаются прекрасные вещи. У него есть свои мысли о методах работы. В надписи на стене своей гробницы он назвал себя «дающий указания каждому человеку о его обязанностях при выполнении всевозможных работ». Мери не всегда соглашается с ним; так как все сыновья обычно думают, что они лучше своих отцов знают, как и что нужно делать. Колесницы с везиром и его свитой проносятся через парадные ворота и останавливаются у храмовых мастерских. В окружении слуг с опахалами Рехмира входит в помещение.

В мастерских просторно и шумно. Стоит неумолчный шум молотков, пил и сверл, в нос бьет смешанный запах древесных стружек, масла, горячего металла и пота. Мери, высокий, серьезный молодой человек в черном парике и с должностным жезлом в руке, следует за отцом из помещения в помещение. Сначала они проходят в ювелирный цех. Здесь рабочие вырезают и полируют бусины из малахита, карнеола, ляпис-лазури и других полудрагоценных камней. Отверстия в них они проделывают тонкими бронзовыми сверлами, приводимыми во вращение тетивой лука. Петля на тетиве надевалась на сверло, и лук быстро тянули то в одну, то в другую сторону. За другим верстаком ремесленник из крошечных кусочков стекла выкладывает мозаичный рисунок на золотом нагруднике. Камни, которые используют ремесленники в своей работе, привезены из различных районов Азии: хрусталь и халцедон из Восточной пустыни, бирюза из Синая, ляпис-лазурь из Западной Азии. Но среди них нет драгоценных камней: алмазов, рубинов, сапфиров и опалов.

Рехмира берет золотой нагрудник и внимательно рассматривает мозаику.

— Стекло,— говорит он насмешливо и кладет его на место.

— Во времена наших предков, сын мой, для этого использовали бирюзу и аметисты! *Что за времена!*

Он продолжает осмотр. В следующем помещении рабочие сверлят каменные вазы тяжелым каменным сверлом с помощью кривошипа, наваливаясь всей тяжестью на сверло сверху. Сверла были каменными, иногда медными. Но вопреки часто встречающейся легенде египтяне не знали способа обработки меди, при котором она становилась тверже современной. Поэтому при сверлении или резании твердого камня у них был громадный расход металла.

Они входят в столярный цех. Рехмира показали ручку для веера, инкрустированную шкатулку для похоронных принадлежностей, статуэтку из эбенового дерева с серебряной головой, оправленную в золото. Везир повертел в руках эти вещи и подошел поближе к плотникам, чтобы понаблюдать за их работой. В глубине цеха два плотника распиливают бревна на доски. Бревно привязано к стойке, и один из них вставляет клинья в щель, чтобы она не закрывалась. Пила идет *плавно*, без толчков.

Рядом другой плотник пилит доски на нужную длину для столяра-краснодеревщика. Давайте осмотрим инструменты краснодеревщика. У него есть два долота — обычное и длинное, узкое,— топор, тесло (им он пользуется вместо рубайка), молоток в виде дубины, киянка, шило (которое используется вместе с тетивой лука для сверления отверстий), линейка, угольник для выверки прямых и острых углов. Любой современный столяр, оказавшись в Древнем Египте в 1500 г. до н. э., узнал бы большинство инструментов, за исключением, пожалуй, молотка, у которого не было рукоятки.

В одном месте рабочий толчет штукатурку куском красного песчаника, пока клей греется на огне. В другом — двое рабочих грунтуют сундук перед позолотой. Рехмира особенно заинтересовался алтарем из кедра, украшенным эбеновым деревом, который изготавливали четверо рабочих. Один рабочий вырезает углубления и закладывает туда кусочки эбенового дерева, а его товарищи аккуратно набирают рисунок, ровняя его полукруглы-

ми кусками белого песчаника, наподобие современной наждачной бумаги. Рехмира знает толк в таких делах, или по крайней мере так ему кажется. Его рука гладит полированное дерево.

— Превосходный кусок кедра, — говорит он, вспомнив вдруг с тоской горы Ливана, окружающие Библ. «Вряд ли, — думает он, — я увижу их когда-нибудь снова...»

Он мысленно отмечает, что необходимо добавить еще одно предложение к тексту, который он готовит для стены своей гробницы.

Этот вельможа управляет руками своих рабочих...

Может быть, так? Нет, лучше вот как:

Этот вельможа учит и руководит рабочими, которые изготавливают мебель из слоновой кости и эбенового дерева, дерева *ssndm*, дерева *mrw* и настоящего ливанского кедра...

Он все еще продолжает рассеянно ощупывать инкрустированную поверхность, когда из дальнего конца мастерской до него доносится голос сына.

— Отец! Хочешь посмотреть на работу металлургов?

— Конечно.

По правде говоря, ему не хочется смотреть на печи и расплавленный металл, так как день очень жаркий. Но сегодня отливают огромные бронзовые петли для ворот храма. Поэтому он входит в задымленный кузнечный цех. За ним осторожно, боясь испачкать свои кипенно-белые одежды, идет его свита.

В цехе так шумно, что Мери приходится почти кричать, когда он объясняет производственный процесс своему отцу. Здесь грохочут молоты, ревут несколько печей, работающих на древесном угле. У печей стоят почти нагие рабочие, орудующие парой ножных воздуходувных мехов. Один из них, сначала опираясь на одну ногу, а затем на другую, растягивает выпустившие воздух мехи с помощью веревки. С каждой новой струей воздуха из мехов пламя разгорается ярче, и сыпятся искры. Придворные приуныли и выглядят несчастными.

На земле лежит большая форма из обожженной глины для выплавки тяжелой дверной петли. Рядом стоят кувшины со смесью меди и олова. Форма имеет семнадцать отверстий для заливки металла. Операция заливки очень ответственна. Если хотя бы один рабочий ошибется, он

может испортить всю работу. Но все идет хорошо. Медь и олово залиты в глиняный тигель, а люди расставлены у печи. Когда металл расплавился, рабочие подходят к форме и отработанными движениями, слаженно, по команде мастера, заливают жидкую бронзу в семнадцать отверстий. Все секции огромных бронзовых ворот будут отлиты таким же образом. Потом их соберут, отполируют и покроют чистым золотом. Рехмира задумывает еще одну сцену для фрески в своей гробнице.

В другой части цеха чеканщики работают с золотом и серебром. В дальнем конце помещения аккуратно взвешивают золотые кольца, перед тем как передать их кузнецам. После готовые изделия взвесят, чтобы убедиться, что вес их точно соответствует количеству отпущенного металла. Везир кивает головой в знак одобрения этой меры предосторожности против воров.

Сначала металл расплющивают в плоские пластины с помощью «колотушки» из твердого камня. Затем на прочном металлическом стержне, врытом в землю, пластине ударами молотка придают форму вазы. Для этого на стержень надевают сменные насадки: плоскую, изогнутую или ребристую в зависимости от того, какой формы будет ваза. Места соединений запаиваются.

Рехмира и его свита с облегчением выходят из кузницы. попрощавшись с сыном, Рехмира идет к причалу, чтобы понаблюдать за разгрузкой огромных глыб известняка, которые доставили по реке из Мемфиса. Гигантский храм Амона-Ра в Карнаке постоянно перестраивается и расширяется. Все египетские цари стараются превзойти своих предшественников в почитании царя богов, и Тутмос III не исключение. Один корабль длиной 150 футов уже пришвартовался к причалу, другой на подходе. Гребцы спускают парус, травят канаты и бросают каменный якорь. Другие суда гребцы подтягивают к месту якорной стоянки баграми, а впередсмотрящий измеряет глубину воды шестом.

Везир некоторое время наблюдает за разгрузкой, а затем, обменявшись парой слов с начальником грузчиков, садится в колесницу и едет домой.

Эта небольшая сценка, основанная исключительно на настенной росписи в гробнице Рехмира, дает представле-

ние о методах работы некоторых египетских ремесленников в один из периодов династической истории. О египетском искусстве и ремесле можно написать целые книги. Тот, кто хочет изучить этот вопрос более подробно, может познакомиться с очень полезными работами Питри «Искусство и ремесло в Древнем Египте» и «Инструменты и оружие», хотя обе они сейчас устарели и читать их нужно критически. Однако достоверность Питри можно устанавливать, сравнив его с

утверждениями и теориями инженеров, архитекторов и других технических специалистов, которые никогда не упоминали после краткого осмотра египетских памятников, что они консультировались археолога.

Так пишет Р. Энгельбах. Его глава под названием «Механические и технические приемы производства и материалы» в книге «Наследие Египта» послужила мне чрезвычайно полезным и заслуживающим доверия кратким руководством по данной теме. Так как я не профессиональный археолог, то хорошо представляю, как легко скатиться на ложный путь, хотя и очень привлекательный. К сожалению, Древний Египет все еще остается заманчивым охотничьим угодьем для некоторых чудаков, и если не быть верным заслуженным авторитетам, то можно очутиться в трясине утраченных знаний, оккультной практики, теории реинкарнации и всех тех фокусов, которые препятствуют выработке правильного представления о Древнем Египте. Правда о нем для меня более привлекательна, чем любая фантазия.

Приведем несколько примеров. Начнем с каменоломни. Любому, кто восхищался громадным обелиском на Площади Согласия в Париже или гранитным колоссом в Национальном музее в Англии, приходил в голову вопрос, каким образом древние египтяне без помощи взрывчатки и не имея твердого режущего инструмента (так как орудия из железа стали использовать в довольно поздний период египетской истории) могли вытесывать из камня огромные блоки. Может показаться невероятным, но эти гранитные глыбы были отделены от скалы с помощью шарообразных молотков из долерита. Иногда для этой цели использовали медное долото и деревянную колотушку. По медь довольно мягкий металл, а так как египтяне не умели делать его более твердым, то расходы металла должны были быть огромными.

ра до Эсне. Мелкозернистый известняк, твердый и похожий на мрамор, они добывали в Кау и Бени-Гассане. Затем песчаник, гранит нескольких сортов — розовый, серый и черный. Добывали также алебастр, главным образом в Хатнубе, вблизи Тель-эль-Амарны. Главным карьер для добычи базальта, который они часто использовали для мощения полов храмов во времена Древнего царства, находился в Файюме.

Главным источником гранита был Асуан в Верхнем Египте, где и сейчас можно видеть, каким образом древние египтяне откалывали огромные строительные блоки от скалы. Способ этот состоял в следующем: в скале пробивалась галерея, в которую согнувшись мог войти человек, затем твердым, тупым инструментом, наподобие кирки, рабочий прорубал узкие вертикальные траншеи, отделяя блок от скалы со всех сторон, кроме основания. В основании блока пробивали глубокие щели под клинья. В эти щели молотками загоняли металлические клинья и били по ним до тех пор, пока блок не откалывался от основания. Если щели под клинья располагались таким образом, что невозможно было нанести по клину сильный удар, то применялся другой метод. В щели плотно загоняли деревянные клинья, которые затем пропитывали водой. Древесина впитывала воду, расширялась и отделяла камень. Энгельбах проверил этот способ и обнаружил, что расширение дерева происходит за десять часов.

В Асуане можно видеть тысячи таких щелей для клиньев, некоторые довольно больших размеров. Египтяне более позднего поколения, чем строители пирамид, когда сносили памятники своих предков, использовали те же самые способы откалывания гранитных блоков.

Однако задолго до того, как блоки будут вырублены в каменоломне и обработаны каменщиками, другие люди должны были провести сложные математические расчеты, чтобы определить объем необходимого строительного материала для строительства пирамиды и с величайшей точностью спроектировать ее. Например, они измеряли угол наклона горизонтальной плоскости на единицу высоты, который назывался *секед*. Чтобы разрезать облицовочный камень под нужным углом, они отмеряли по вертикали один локоть, а затем выставляли по горизонтали секед. Затем каменщик прочерчивал линию, которая показывала, в каком направлении нужно резать камень. Интерес-

но, что многие линии, проведенные египетскими каменщиками, сохранились на постройках до наших дней. Я видел в карьерах каменные блоки, грубо расписанные знаками, обозначающими бригаду, ответственную за блок.

Такие реликты приближают к нам рабочих Древнего Египта. Помню, как во время моего последнего посещения Египта, направляясь в Саккара, я увидел часть недавно обнаруженной Закарием Гонеймом пирамиды. Сооружение относится к 2700 г. до н. э. Оно было, вероятно, построено Секхемхетом, наследником царя Джосера, воздвигшего Ступенчатую пирамиду, которую признают самой древней каменной постройкой в мире. Гонейм раскопал значительную часть засыпанной пограничной стены высотой 15 футов. Песок покрывал ее 5000 лет, поэтому прекрасно сохранилась поверхность известняка. На белой известняковой стене, блоки которой выглядят так, словно они были вырезаны вчера, видны тонкие красные линии — отметки горизонтальной плоскости. Древние египтяне окунали веревку в красную краску, растягивали ее и прикладывали к стене так, как это делают каменщики в наши дни.

Еще более необычно выглядят также выполненные красной краской незаконченные рисунки, которые рабочие малевали на стене в минуты отдыха. Вот рисунок, изображающий охоту на льва: человечки, похожие на кегли, преследуют животное с копытами в руках. Вот портрет ливийца в длинном, необычном одеянии и в высоком головном уборе. Такого человека они, вероятно, видели где-нибудь на краю пустыни. Я стою в свежевырытой траншее, смотрю на освещенные солнцем рисунки, на белую стену, и у меня невольно возникает чувство, что рабочие Секхемхета только что ушли на обед и могут вернуться в любой момент.

Несмотря на то что математические расчеты, которые использовались при проектировании отдельных построек, не дошли до нас, все-таки по математическому папирусу Ринд мы можем судить о тех задачах, которые себе ставили и решали древние египтяне. Р. У. Слоули в книге «Наследие Египта» приводит несколько примеров, в которых использует современную терминологию.

Задача. Треугольник данной площади имеет высоту, которая в 2,5 раза больше основания. Найти основание и высоту...

Комментарий. Вероятно, свойства равнобедренного, если не любого треугольника, которые описываются формулами, приведенными ниже, были известны египтянам. Однако не легко доказать это заключение по имеющимся в нашем распоряжении данным:

$$A = \frac{bh}{2}; h = \sqrt{2 \left(\frac{Ah}{b} \right)}; \quad b = \frac{b}{h} \sqrt{\left(2A \frac{h}{b} \right)},$$

где A -площадь, b -основание и h -высота.

Другой пример, который приводит Слоули:

Задача. Найти площадь круга диаметром 9 локтей.

Комментарий. Решение (из задачи, приведенной в папирусе) предполагает использование следующего правила: отнять $1/9$ от величины диаметра и результат возвести в квадрат. Полученное число будет равнозначно π (отношению длины окружности к ее диаметру), т. е. 3,1605... Площадь вычислялась разбивкой поверхности на квадраты для того, чтобы получить приближенное значение числа π , равное 3,1415.

Я приношу извинения читателям, которые, так же как и я, находят этот комментарий несколько запутанным, но он вызывает еще большее уважение к древним египтянам.

Знание математики было необходимо при решении задач, связанных со снабжением материалами, распределением работ и пищи для воинов и трудового люда. Давайте вернемся на время к нашему другу писцу Гори, о котором мы говорили в главе VII. Он вынужден был сделать выговор своему подчиненному Аменемоне, «армейскому писцу», за его невежество в военном деле. В другой части того же самого папируса он просит Аменемоне объяснить ему, как узнать количество материала, необходимое для строительства ramпы.

Предположим, что ты умный писец и тебя поставили во главе войска! Нужно построить ramпу 730 локтей длиной, 55 локтей шириной, со 120 перегородками, набитую соломой и укрепленную брусьями, 60 локтей высотой в наивысшей точке, 30 локтей в середине, с... 15 локтей и его... 5 локтей. Военачальник спрашивает, сколько нужно для этого кирпичей. Писцы собираются, но среди них нет одного знающего. Все они бросаются к тебе и говорят: «Мой друг, ты умный писец! Реши нам быстро задачу! Твое имя всем известно. Пусть найдется здесь хотя бы один, который превзойдет остальных тридцать! Не говори, что ты чего-то не знаешь. Ответь нам, сколько кирпичей нужно для этого». Смотри, размеры лежат перед тобой. Каждая перегородка 30 локтей и 7 локтей ширины...

Бедный Аменемопе! Когда он должен был рассчитать количество провианта, необходимое для его армии, то оказался в тупике.

Вспомогательные войска, которыми ты командуешь, насчитывают 1900 человек, (а также) 520 шардапа, 1600 кехек, 100 машауаша, 880 негров — всего 5000 человек, не считая военачальников. Тебе доставили в подарок хлеб, скот и вино. Людей много, а провизии для них мало. 300 пшеничных хлебов, 1800... хлебов, 120 коз различных пород, 30 мер вина. Воинов так много, а провизии недостаточно. Ты получаешь провизию и направляешь ее в лагерь. Армия снабжена. Провизию быстро делают, и каждый воин получает свою порцию. Бедуины смотрят на это тайком и говорят: «*Соффер йод*» [жаргонное выражение. Ироническая фраза, вероятно, означает «О мудрый писец...»].

Наступил полдень. В лагере становится жарко. Они говорят: «Время выступать. Не гневайся, о командир вспомогательных войск. Мы должны еще долго маршировать. Почему нет хлеба? Наш ночлег еще далеко».

Аменемопе в отчаянии начинает бить воинов, но они потом отомстят ему, пожалуются на него правителю.

Ты приходишь, чтобы дать пищу! Но придет время, и кто-то останется без царского писца. То, что ты берешься бить нас, — нехорошо. Он услышит это и пошлет тебя на смерть...

Любой военачальник, которому поручили бы снабжение армии продовольствием, посочувствовал бы Аменемопе. Возможно, все это произошло не из-за плохого знания им арифметики. Скорее всего, другой полк получил «высвободившийся» рацион. После этого небольшого отступления давайте вернемся к строительству пирамид. Некоторые каменные блоки, из которых они построены, весят десятки тонн. Кладка выполнена настолько виртуозно, что, как пишет Питри,

...средняя толщина пиза с восточной стороны облицовочных камней северной грани равна 0,02 дюйма. Поэтому среднее отклонение среза камня от прямой линии не превышает 0,01 дюйма на длину 75 дюймов... этого пиза. Поверхность камней площадью 35 квадратных футов не только тщательно обработана, но и плотно прилегает друг к другу...

Как были установлены эти огромные блоки с такой точностью? Из механических приспособлений у древних египтян были только рычаг и каток. Они еще не знали блока, так что каменные глыбы нельзя было подтянуть наверх и осторожно поставить на место. Тот факт, что блоки не были найдены, еще не доказывает, что они не

существовали вообще. Однако к этому выводу нас подводят и другие факты. Например, на рисунках, изображающих древнеегипетские суда, на тоне мачты блоки отсутствуют. Реи вытаскивали вверх. На рисунках некоторых гробниц изображены матросы за этим занятием. Вместе с тем, если бы египтяне использовали блоки, то им были бы необходимы захваты или «анкерные болты», для того чтобы зацепить глыбу. Тогда на глыбах должны были остаться следы, но таких следов не обнаружено.

Строительство велось, вероятно, следующим способом. Сначала выравнивали основание, для чего «вокруг площадки, которую нужно было выровнять, выкапывали ров и заливали его водой. Во многих точках измеряли высоту площадки относительно зеркала воды и ровняли площадку» (Р. Энгельбах). Тогда можно объяснить ту небольшую ошибку в выставке платформы, которая частично проходит под великой пирамидой. Платформа идеально ровная, но с северо-восточной стороны поднята на 6 дюймов относительно юго-восточной стороны. Вероятно, платформу выверяли при северо-восточном ветре, в результате чего появилась ошибка.

Камни втаскивали на деревянных салазках по насыпи, ведущей к пирамиде. Первый ряд укладывали на естественное скальное основание. Когда выравнивали верхнюю часть первого ряда, на него клали следующий ряд. Для этого к верхней части его пристраивали наклонную плоскость. По наклонной плоскости втаскивали каменные глыбы и рычагами устанавливали их в нужное положение. Когда был уложен второй ряд камней, наклонную плоскость подстраивали до уровня следующего ряда. С каждым рядом наклонная плоскость становилась все длинней и длинней, так как угол наклона должен был оставаться неизменным. Энгельбах полагает, что тонкий слой известкового раствора, который заливался между камнями, способствовал получению почти идеально ровной кладки.

Такой же способ использовался при строительстве храмов с их колоннами и пилонами. Тщательное планирование, скудный набор механических приспособлений и хорошая организация многочисленной рабочей силы позволяли это делать.

Речной транспорт в значительной степени облегчал строительство. Египтяне редко перевозили тяжелые грузы на большие расстояния по суше, так как всю страну пере-

секает река. Лодки, как мы уже видели выше, играли очень важную роль в их жизни. Суда больших размеров строились даже в додинастическую эпоху (до 3200 г. до н. э.). В одной записи, относящейся к правлению Снофру (III династия), упоминается лодка длиной 100 локтей (172 фута), а во времена XVIII династии лодки могли перевозить груз до 650 тонн. Суда были самых различных типов: военные, грузовые для перевозки скота и даже частные «яхты»... Сохранилось много изображений строителей лодок, которые всегда пользовались большим спросом.

Однако вначале строители находились в трудном положении из-за отсутствия подходящей древесины, так как доски для обшивки лодок было невозможно изготовлять из таких местных деревьев, как смоковница. Поэтому египетские судостроители разработали специальную конструкцию, при которой использовались короткие доски. Геродот пишет об этом так: «...вырезают доски локтя в два длину, складывают их вместе как кирпичи; затем эти ряды двухлоктевых бревен скрепляют проходящими пазом гвоздями, деревянными, густо вбиваемыми. Сколотивши таким образом плот, кладут на него связывающие доски поперек. Ребер такое судно не имеет вовсе; пазы изнутри законопачиваются папирусом»³⁸.

Распоры предохраняли борта лодки от разрушения, а прочные канаты, привязанные к каждому концу распора и проходящие через неподвижные опоры по бортам корпуса, создавали нужную жесткость в продольном направлении. В таких лодках египтяне совершали дальние путешествия и перевозили большие грузы. Однако и здесь нужно быть осторожным и не дать древнеегипетским художникам ввести нас в заблуждение. Например, они изобразили пятисоттонный обелиск на *палубе* большой лодки. В этом случае лодка была бы очень неустойчивой. Вероятно, такие большие грузы сплавляли на плотах.

Плотницкое дело, в котором египтяне были большие мастера, обязано своим развитием кораблестроению. Совершенное владение техникой обработки дерева уже было достигнуто во времена I династии. Мы можем судить об этом по дошедшим до нас резным и инкрустированным шкатулкам. К местным породам дерева можно отнести смоковницу, иву, тамариск, *персею* и *сиддер* (по-арабски *набк*). До 3000 г. до н. э. начали импортировать кедр, кипа-

рис, ель, тис и бук, а позднее эбеновое дерево. Почти все виды соединений, которые используют современные плотники, были уже известны 5000 лет назад. Детали гробов III династии соединены вполдерева, в ус и потайной ус. В то время (2800 г. до н. э.) египтяне изготавливали фанеру, состоящую из шести слоев дерева различных пород. Гвозди были обычно деревянные, но для закрепления фанеровки использовались крошечные золотые гвоздики. Соединение типа шип — паз было также хорошо известно в этот ранний период и широко использовалось для соединения узких досок, которые изготавливались из отечественной древесины. Колесницы, легкие и прочные, с двойными спицами в колесе, представляют собой прекрасные образцы плотницкого искусства.

Практически у египтян не было только одного современного плотницкого инструмента — рубанка. Но они изготавливали свои изумительные изделия с помощью тесла и не нуждались в рубанке. В египетских гробницах сохранилось много образцов плотницкого инструмента: наугольники, уровни, стамески, деревянные молотки и пилы, которые очень мало отличаются от своих современных двойников.

Даже высокоученые древнеегипетские писцы питали к этим прекрасным ремесленникам величайшее уважение³⁹. Один из писцов Среднего царства пишет о рабочих-металлургах:

Но видел я медника за работой его у отверстия печи его, причем пальцы его как у крокодила, а он более смраден, чем рыба икра.

О резчике по дереву тот же самый писец пишет:

Каждый мастер, работающий теслом, устает более землеша. Поле его — дерево, а орудия его — медь. Ночью, будучи свободным, он делает более того, что сделали его руки. Ночью он зажигает огонь⁴⁰.

Несмотря на то что на протяжении длительного периода египетской цивилизации многочисленную рабочую силу, насчитывающую сотни тысяч человек, представляли ткачи, они остались невоспетыми. А. Эрман говорит:

...Они щедро расточали все свое мастерство, на какое только были способны, чтобы получить тончайшее и белейшее полотно, и достигли в этом большого совершенства. Стоит только напомнить

читателям, что белоснежные одежды представителей высших классов были настолько тонки, что сквозь них просвечивало тело. Некоторые их полотна можно было бы сравнить с нашим шелком.

Хлопок, конечно, еще не был известен, поэтому ткачи использовали исключительно лен. Египтяне начали возделывать лен очень рано. На росписях гробниц эпохи Среднего царства изображены большие чаны, в которых кипятили лен. Сначала стебли очищали от оболочки, а затем били по ним молотками до тех пор, пока они не становились мягкими. Потом полученные таким образом волокна очищались от мусора. Во времена Среднего царства процесс очистки производился руками. На росписях изображены люди, старательно отбирающие волокна и складывающие их вместе перед тем, как свить нитку. Но во времена Рехмира ткачи уже пользовались гребнями.

В Британском музее есть несколько образцов ткацких станков и челноков; в них использовался тот же самый принцип, что и в современных станках, только все, конечно, делалось вручную. Нитки сначала смачивали, а затем свивали с помощью веретена. Рядом, на земле, стоял горшок с грубыми нитками. Прядильщик пропускал нитку через руку или вилку. Нужно было обладать высоким мастерством. На одном из рисунков мы видим женщин, управляющих двумя веретенами одновременно, и каждая при этом сучила две нитки из двух различных сортов льна. Они ухитрялись делать это, балансируя на табуретке, практически без одежды, чтобы два веретена и нити не запутались в их платьях.

Египтяне достигли также высокого мастерства в обработке шкур. Красивые шкуры применялись для производства сидений для стульев, ими обтягивали щиты и колчаны. Особенно ценилась шкура леопарда.

Однако позволить себе тончайшие льняные одежды могли только богачи. Бедняки довольствовались самыми грубыми тканями и кожами животных.

Кроме того, египтяне делали прекрасные веревки (необходимые для транспортировки огромных памятников), фаянс и стекло. До нас дошли куски веревки, изготовленные из пальмового волокна, толщиной 5 дюймов. По прочности эти веревки не уступали нашим. Производство фаянса также достигло очень высокого уровня. Египтяне изготавливали его из истолченного в порошок кварца, смешивали его с клейким веществом (вероятно, с содой), а

потом обжигали. Из фаянса делали вазы и такие статуэтки, как хорошо известные фигурки ушебти, найденные в сотнях гробниц. Они пользовались изделиями из стекла, но дутье им оставалось неизвестным вплоть до прихода римлян. Египтяне обматывали стеклянными стержнями конус, а затем снова нагревали, сплющивали и полировали. Иногда их отливали, как при изготовлении стеклянной подпорки для головы, найденной в гробнице Тутанхамона. Золото добывали в большом количестве в Нубии и других местах. Изделия египетских ювелиров близки тончайшим работам итальянских мастеров эпохи Возрождения. Золото использовали для покрытия огромного количества самых разнообразных предметов. Его было так много, что Тушратта, царь Митанни, писал Аменхотепу IV (Эхнатону):

Пришли мне много золота, больше золота, потому что в стране моего брата, [т. е. Эхнатона], золото такая же обычная вещь, как пыль...

Золотой гроб Тутанхамона — величайшее произведение древнеегипетских ремесленников — весит 300 фунтов. Во времена царя Шешонка (XXII династия) общий вес золота и серебра, отданных храму, превышал 20 тонн.

Изделия египетских ремесленников прославили их на века. Нас поражает и удивляет замечательная золотая маска Тутанхамона, но мы никогда не узнаем, кто ее создал. Тысячи людей, трудившихся на строительстве пирамид, воздвигших колонны в Карнакском храме, создавших алебастровые вазы, шкатулки, инкрустированные эбеновым деревом и слоновой костью, ожерелья из сердолика и ляпис-лазури, оставили о себе память в виде этих творений. И только случайно археолог находит в мусоре около пирамид кусок веревки, корзину рабочего или какие-нибудь медные инструменты — безмолвных свидетелей труда безвестных миллионов, которые работали на избранных.

МАГИЯ И МЕДИЦИНА

Прошло несколько месяцев, и вот мы снова находимся в большом доме везира Рехмира. Однако общая атмосфера дома сейчас сильно отличается от той, что запомнилась нам после нашего первого визита. С женской половины не слышатся звуки музыки. Слуги молча выполняют свои обязанности, и никто из них не поет. Когда мы видим Рехмира, идущего с женой по двору, то замечаем, что вид у них очень озабоченный. Нофрет, старшая дочь везира, заболела лихорадкой.

Давайте последуем за родителями, когда они входят в спальню своей дочери. Другие члены семьи уже там: Тахает со своим мужем Синухетом (за то время, что мы не виделись с ними, они успели пожениться) и старший сын Менхеперра-Сонеб со своей женой. Они стоят недалеко от кровати, на которой лежит Нофрет. Ее лицо покраснело и блестит от пота. Она положила руку на лоб и стонет. Ее бьет дрожь, и она без конца повторяет: «Мне холодно... мне холодно...»

Рядом с кроватью стоит придворный лекарь с помощниками. Однако он не смотрит на Нофрет. Он склонился над небольшим столиком, на котором лежит амулет, завязанная узлом веревка, и маленькие кувшинчики с лекарствами. Лекарь делает пассы над амулетом и веревкой, быстро повторяя заклинание. После этого он берет амулет и прикрепляет его к рубашке девушки, повыше сердца. Веревкой он обматывает ее лоб. Сделав несколько пассов над пациенткой, он направляется к родственникам. Все покидают комнату, оставив только служанку присматривать за больной.

— Через день, если Амон будет милостивым, — говорит лекарь, — демон покинет ее...

За пятьсот миль от того места, в пустынной долине вблизи Оронта, в палатке лежит военачальник отряда колесниц Сенмут. Он без сознания. Несколько часов назад, находясь в арьергарде армии фараона, в узкой теснине, он попал в засаду. Бедуины бросили огромные валуны на до-

рогу, заблокировав проход, а затем стали осыпать воинов камнями. Не имея возможности маневрировать, воины соскочили с колесниц и бросились врукопашную. Это была отчаянная схватка, в которой молодой Кенамон отличился храбростью и находчивостью.

В начале битвы враги предприняли атаку специально на Сенмута, чей чин легко можно было определить по его одежде и знаменосу. Он сам и его колесничий были ранены первыми же стрелами. Лошади были убиты, а колесница опрокинулась. Полуослепший от крови, залившей глаза, Сенмут оказался окруженным копейщиками бедуинов. Он убил двоих, прежде чем третий обрушил на его плем тяжелый удар палицы. Сенмут упал как раз в тот момент, когда Кенамон, заметивший его безнадежное положение, пробивался к нему с отрядом копейщиков. Бедуины были отогнаны. Но еще до этого Кенамон послал несколько отважных воинов вместе с трубачами на прорыв вражеского окружения, чтобы они оповестили о нападении основные силы армии. Некоторым смельчакам удалось прорваться. Тутмос услышал отдаленные звуки труб в долине и послал на выручку пехоту. После тяжелого и кровопролитного сражения бедуины отступили в горы, оставив сотню убитых и умирающих. Затем Кенамон принес своего друга, который был без сознания, в палатку главного лекаря. Он стоял и с тревогой смотрел на забинтованное лицо друга, пока врач при свете масляных светильников делал операцию.

Здесь уже не было никакой магии. Сначала лекарь очистил рану, остановил кровь и ловко сшил рассеченные ткани. Затем он внимательно осмотрел пациента и обнаружил, что левая рука и нога Сенмута парализованы. Лекарь исследует ссадины на черепе, убеждается, что на черепе трещин нет, и приходит к выводу, что паралич вызвало давление на мозг, которое нужно ослабить.

Хирургические инструменты лекаря лежат на столе рядом с кроватью: кривые ножи различной формы, сверла и пилы. С помощью небольшой острой пилы лекарь снимает часть черепа и удаляет оболочку, чтобы вскрыть мозг. Затем осторожно удаляет запекшуюся кровь и очищает поврежденную ткань, пришивает удаленную оболочку и ставит на место часть черепа, заклеивает его и забинтовывает голову.

Когда лекарь закончил, уже светает. Ржание лошадей

и отдаленные звуки труб слабо разносятся в неподвижном воздухе. На немой вопрос Кенамона лекарь отвечает:

— Сейчас ничего не могу сказать. Еще рано делать выводы.

Он кладет руку на грудь Сенмута.

— У него здоровое сердце. Он должен выжить, но еще долго не сможет двигаться. Он должен остаться здесь на несколько недель. А потом его можно будет перевезти в Кадеш.

На встревоженном лице Кенамона появляется улыбка. Лекарь кладет руку на плечо молодого человека и добавляет:

— Не печалься, сын мой. Как у всех солдат, у него очень прочный череп...

Нереально? Нет, не совсем. Такие операции древние египтяне делали даже в додинастические времена. Найден ряд черепов со следами трепанации. Пациенты иногда выживали после таких операций, о чем говорит тот факт, что отсеченная часть черепа срасталась с соседними костями. О других операциях, таких же сложных, как эта, которые делали египетские лекари-хирурги, нам известно из хирургического папируса Эдвина Смита. Папирус датирован началом Нового царства (приблизительно 1500 г. до н. э.). Эта самая древняя в мире книга по хирургии приводит сорок восемь случаев, начиная с ушибов черепа и кончая повреждениями позвоночника, методически систематизирует их.

Этот замечательный документ доктор П. Г. Собхи Бей, профессор медицины, описывает так:

Каждому случаю предшествует краткий заголовок, содержащий диагноз, затем следует другой, более подробный диагноз, краткий, но четко сформулированный план операции, а иногда и консервативного лечения. В большинстве случаев более поздний [египетский] комментатор добавил к ним пояснительные заметки для того, чтобы растолковать трудные для понимания термины или неясные места, содержащие в оригинале устаревшие слова и выражения.

Следовательно, этот папирус был, вероятно, одним из стандартных учебников, которые использовались в египетских медицинских школах, и существовал, разумеется, намного раньше даты, проставленной на рукописи. Фактически ему могло быть 5000 лет.

Есть и другие медицинские папирусы. В папирусе Эберс рассматриваются нарывы, киста и другие подобные болезни, в папирусе Кахун затронуты вопросы гинекологии. Часть папируса Честер-Битти посвящена рецептам и лекарствам при болезнях прямой кишки и геморрое. Папирус Хёрст содержит 250 рецептов или отрывки из них. Остальные папирусы находятся в Британском музее и в Турине. Некоторые из этих папирусов содержат одинаковые отрывки текста и, вероятно, переписаны с одной и той же работы лекаря.

Можно ли предположить, что египтяне были хорошо осведомлены о строении человеческого тела? Конечно, они знали анатомию намного лучше, чем другие древние народы, благодаря широко распространенному обычаю бальзамировать и мумифицировать трупы. Уоррен Доусон в книге «Наследие Египта» пишет:

Этот обычай прежде всего предоставил возможность накопить наблюдения в области сравнительной анатомии, потому что он помог практикующим познать аналогию между внутренними органами человеческого тела и животных. С внутренними органами животных человек был уже давно знаком благодаря освященному веками обычаю резать животных для приготовления пищи или для принесения их в жертву. Знаменательно, что различные пероглифические знаки, обозначающие части тела и особенно внутренние органы, изображают органы млекопитающих, а не человека. Это доказывает, что знания анатомии млекопитающих у египтян были древнее, чем знание анатомии человека. Кроме того, они установили существенное сходство между строением человека и животных.

В языке древних египтян существовало не менее 200 анатомических терминов, которые доказывают, что они могли распознавать и различать большое число органов человека, которые менее осведомленные люди рассматривали бы как единое целое. Они познали важную роль сердца:

Основа науки врача — знать работу сердца. К нему подходят сосуды, для каждого движения тела...

Но они не постигли кровообращение. Для обозначения мускулов, артерий и вен они использовали одно и то же слово: кровеносные сосуды, связанные с сердцем, они называли тем же самым словом, что и мускулы. Они думали также, что сердце — вместилище разума и чувств, и придавали значительно меньшее значение головному мозгу,

несмотря на то что знали, как повреждение мозга влияет на работу определенных мышц тела. Они считали сердце настолько важным органом, что бальзамировщики вновь вкладывали его в тело покойного перед погребением, в то время как другие внутренние органы удалялись и бальзамировались отдельно. Однако, как говорит Уоррен Доусон,

...кое-какие верно подмеченные наблюдения древних египтян наводят нас на мысль, что в очень древние времена была принята серьезная попытка понять строение и функционирование тела и его органов, а также влияние повреждений на их работу. Было, например, замечено (как мы знаем из папируса Эдвина Смита), что мозг окружен оболочкой и что его полусферы имеют извилины, что повреждение мозга приводит к нарушению контроля над определенными мышцами тела, напряжению лицевых мышц и другим последствиям... что некоторые повреждения можно с успехом лечить, а другие, наоборот, совершенно не поддаются лечению.

Возникает вопрос: почему египтяне, делавшие такие серьезные операции при лечении ран, обращались к магии, когда сталкивались с внутренними расстройствами, у которых не было очевидной причины? Почему малярию Нофрет лечили с помощью магии, а контузию Сенмута вполне реальными средствами? Следует помнить, что для египтян не существовало четкой границы между магическим и физическим. Для них это было одно и то же. Если бы Сенмут заболел малярией, то лекарь использовал бы те же самые средства, какие использовал его коллега в Фивах для лечения Нофрет.

Ответ, вероятно, должен быть таким: там, где не было очевидной причины болезни, ее приписывали злему духу, поселившемуся в теле больного. Задача врача в этом случае заключалась в изгнании демона либо с помощью заклинаний, колдовства, либо с помощью лекарств, первоначально выбранных скорее за свои магические качества, чем терапевтические. Фактически медицина развивалась из магии, и нужно быть очень смелым человеком, чтобы утверждать, что в наше время магия полностью исчезла из медицинской практики. Только сейчас мы это называем психотерапией.

Так, в египетских папирусах Эберс и Хёрст лекарь обращается с речью к демону, поселившемуся в теле больного, т. е. он полагает, что недуг вызван ядом, который выделяет демон, находящийся в теле пациента. Если заклинания были неэффективны, то прибегали к помощи не-

обычайно отвратительной еды, чтобы вынудить злой дух покинуть тело. Современные люди, жалующиеся на то, что им приходится глотать неприятные на вкус лекарства, должны быть благодарны судьбе, что живут не в Древнем Египте. Там им бы предложили истолченных (или живых) насекомых, экскременты или другие отталкивающие снадобья растительного или животного происхождения. Эти древнеегипетские рецепты случайно через греческие, римские или арабские медицинские учебники попали в Европу и возродились в магических формулах средневековых колдунов. В форме народных суеверий они дожили и до наших дней. Магическая формула богинь судьбы Макбета могла быть почти полностью почерпнута из рецепта, помещенного в книге египетского врача:

...Пусть змеи болотной чрево,
Мозг ехидны, псов язык,
Совьи крылья, волчий клык,
Жало красной медяницы,
Левый глаз веретеницы
И концы лягушечьих ног
Погрузятся в киняток!..

(Пер. М. В. Вронченко)

Алан Гардинер, говоря о магии египтян, выделил две ее составные части — *словесную* и *мануальную*. В известных медицинских папирусах (а точнее сказать, в медико-магических) зачастую мануальная часть ритуала предшествует словесной части.

Мануальная часть часто принимает форму заклинаний над глиняной статуэткой, ниткой бус, связанной в узел веревкой, исписанным куском ткани... или каким-нибудь другим предметом. Эти предметы, приобретшие магическую силу, обычно клали на тело больного или привязывали к нему.

Если больной не выздоравливал, «рецепт» замесили на другой.

Какими же болезнями страдали древние египтяне? Нам много об этом могут сказать статуи, рисунки и исследование мумий. Врачи установили случаи заболевания детским параличом, болезнью Потта и рахитом. Болезни глаз, такие, как трахома и офтальмия, были распространены так же широко, как и в современном Египте. Шистосоматоз, страшная изнурительная болезнь, которой в наши дни страдает восемьдесят процентов сельского населения,

была известна еще в древние времена, а возбуждающие ее черви найдены в мумиях.

Древние египтяне страдали от зубной боли и ходили лечиться к квалифицированным дантистам.

В одной гробнице, относящейся к периоду пирамид, был найден череп, на котором ясно видны следы успешной операции по дренажу гнояника на корне первого коренного зуба. В другом черепе два зуба искусно связаны вместе золотой проволокой, видимо, для того, чтобы прикрепить качающийся зуб к более устойчивому соседнему и предотвратить его выпадение... (Доктор Собби Бей).

У египтян были окулисты, «стражи заднего прохода», врачи-терапевты, «которые знали тайну и специализировались по жидкостям тела». Медицинские папирусы содержат рецепты лечения болезней легких, печени, желудка, мочевого пузыря, а также головного мозга и черепа (включая средства предотвращения выпадения волос или против поседения), лечения ревматизма, артрита и женских болезней.

Сведения о многих лекарствах и рецептах дошли до нас благодаря трудам Плиния, Diosкорида, Галена и других греческих историков.

Труды классиков, [говорит Доусон]... часто представляют собою ступеньки, по которым учения древних медиков достигли Европы, не говоря уже о непосредственном заимствовании... Из Египта пришли к нам самые древние медицинские книги, первые сведения из области анатомии, первые опыты в хирургии и фармакологии, первые сведения об использовании шин, бинтов, компрессов и других средств и первая медицинская и анатомическая терминология...

Так что не торопитесь осуждать древних египтян за то, что их врачи начинали с магии. Многие лекарства, которые они прописывали, до сих пор используются в современной фармакологии. Так, к растительным средствам можно отнести акацию, анис, ячмень, кассию, касторовые бобы, касторовое масло, горькую полынь, кориандр, огурцы, тмин, мак, шафран, к минеральным — алюминий, медь, полевой шпат, серу, красную охру, карбонат и бикарбонат натрия, мышьяк и селитру. Все они упоминаются в медицинских папирусах. Среди прочих средств использовали животный жир, кровь, костный мозг, желчь, пень и селезенка.

Совершенно ясно, что на протяжении тысячелетий прописывались именно те средства, которые показали

свою эффективность при лечении определенных болезней. Так научная медицина постепенно развилась из магии. Доктор Собхи Бей, не только замечательный врач, но и египтолог, пишет:

...Различные рецепты (в папирусах Эберс и Хёрст), вполне разумные и смягчающие болезненные ощущения, представляют собой комплекс знаний об общих физиологических свойствах и воздействии растительных, животных и минеральных лекарств. Обратите внимание, например, на то, что лекарства прописывали, чтобы вывести кишечных червей или остановить понос... не следует придавать значение небольшим разделам папирусов, отведенным магии.

Когда я последний раз встретился с доктором Собхи в Каире, он сообщил мне один факт, в который я вынужден поверить, так как Собхи изучал древнеегипетскую медицину на протяжении многих лет. Да и проверить его у меня нет возможности. Речь идет об одном медицинском папирусе, в котором приводится рецепт лечения ран и открытых язв. Древние врачи прописывали в этом случае один из видов *плесени*.

Пенициллин в 2000 г. до н. э.? Может быть, это и звучит фантастически. Но кто знает?!

Глава XII

ТОРГОВЛЯ

Полдень. По пыльной, забитой народом дороге, ведущей к пристани Фив, идут два человека. Один из них — высокий, широкоплечий нубиец. Он держит за руку маленького возбужденного мальчика. Мальчик тычет пальчиком то направо, то налево, тянет своего сопровождающего за руку, требуя, чтобы тот остановился. Здесь мужчина с дрессированной обезьяной, там танцует молоденькая девушка, а сидящие вокруг нее на корточках мужчины хлопают в ладоши. Неподалеку акробатка вяжет свои гибкие члены в узлы. Столько интересного для маленького мальчика! Но его рослый спутник продолжает идти вперед и не обращает внимания на то, что творится вокруг. Он не останавливается потому, что маленький мальчик не кто иной, как Пер-гор, сын везира, а его спутник всего лишь верный слуга, привратник у дверей дома знатного

человека, которому поручили встретить Пер-гора у школы и привести домой, но мальчик уговорил нубийца разрешить ему посмотреть на базар.

Когда они пришли на пристань, там под разгрузкой стояли два больших корабля с зерном. Зерно предназначалось храму Амона. Писцы бдительно следили за разгрузкой и записывали количество мешков, которые выносили на берег на своих потных спинах носильщики. Однако не все зерно поступало на место назначения. Каждый член экипажа получал в качестве платы меру зерна. Некоторые из них торговались со скупщиками, сидевшими скрестив ноги на пристани в окружении кувшинов и корзин. Денег за зерно не предлагали — их еще не было. Вся торговля была меновой.

Пер-гор тянет своего провожатого сквозь толпу то в одну, то в другую сторону. Вот сидит на корточках торговец рыбой. Рядом стоит его тростниковая корзина. С ним торгуется какая-то женщина. Еще один торговец предлагает мазь. А здесь продают небольшие белые лепешки. Покупатель предлагает в обмен ожерелье, но продавец лепешек презрительно машет рукой. «Тогда возьми эти сандалии впридачу», — говорит мужчина, и сделка совершена ⁴¹.

Но сидит другой торговец с корзиной разноцветных предметов украшений. Рядом продают рыболовные крючки. Темнокожие гребцы смотрят на торговцев с палубы корабля. Один из них бросил связку фиников стайке смеющихся девушек.

Ни один в этой огромной толпе покупателей и торговцев не получил ничего наличными. Все платежи производились только натурой. Эта же система существовала и на очень высоком социальном уровне. Крупные чиновники извлекали доход из того имущества, которым они владели или управляли от имени царя. Царь сам был крупнейшим землевладельцем. Нам, живущим в век сложных банковских операций и системы денежного обращения, такой порядок покажется примитивным. Но древние египтяне считали его очень удобным. Они торговали на рынке, выплачивали жалованье, ссужали под проценты и собирали налоги, не пользуясь деньгами, которые переходят из рук в руки. В то же время, несмотря на то что можно было

гуся обменять на зерно или скот на лесоматериалы, был установлен эталон относительной стоимости товаров.

Во времена Нового царства таким эталоном стоимости стала спираль из медной проволоки, которая называлась *утен*. Этот эталон получил настолько широкое распространение, что спираль стала иероглифическим знаком, обозначающим *утен*. Но это совсем не означало, что медная спираль переходила из рук в руки при совершении сделок, кроме тех случаев, вероятно, когда возникала необходимость компенсировать небольшую разницу в стоимости. Но цена товаров в большинстве случаев соизмерялась именно с ней.

Служитель Тутмос из храма Тота изображен с податным списком, в котором стоимость каждого предмета оценена именно таким способом:

Кожа сыромятная, 4 куса, стоимость в меди 8 *утен*.

Кожи, выделанные в доспехи, 1 кусок, стоимость в меди 5 *утен*.

Палка, трость для опоры, инкрустированная, 1 штука, стоимость в меди 4 *утен*.

Мотыга, цена в меди 2 *утен*.

А. Эрман в своей книге «Жизнь в Древнем Египте» упоминает другую сделку, в которой за быка было уплачено 119 *утен*,

но ни один из них не был передан из рук в руки. Одна инкрустированная трость заменила 25 *утен*, другая, с менее сложным рисунком,— 12 *утен*, 11 кувшинов меда пошли за 11 *утен* и так далее.

Другой египетской единицей стоимости был *дебен*. Первоначально это слово означало «кольцо», но со временем оно стало означать не сам предмет, а его вес или стоимость. Подобные единицы стоимости существовали и в других странах. Халдеи одно время использовали для этой цели слитки металла. В наши дни у некоторых африканских и других примитивных племен таким же образом используются бусы или другие предметы удобного размера.

Внутренняя торговля Египта велась, по всей вероятности, не очень широко по той простой причине, что каждый ном или провинция обеспечивали себя сами, производя все необходимое для жизни. У каждого царя или жреца были собственные ткачи, пивовары, плотники и другие ремес-

ленники. Крестьяне сами выращивали продукты питания. Такое положение вещей нельзя даже сравнивать с нашим цивилизованным временем, когда домашняя хозяйка может прийти в магазин и купить продукты, привезенные из самых дальних уголков земного шара. Не было в Египте и оптовых торговцев в современном смысле этого слова. В отличие от финикийцев и греков — поставщиков и посредников других народов — египтяне удовлетворяли только свои собственные потребности.

Единственным исключением из этого правила была внешняя торговля. На протяжении всей своей истории Египет оживленно торговал с соседними странами, которые находились под его контролем, такими, как Нубия, Сирия и Ливия ⁴¹.

Нубия (современный Судан) была известна египтянам со времен Древнего царства, а возможно, и раньше. Время от времени египтяне совершали набеги на эту страну, и ее народ вынужден был откупаться данью. Особенно активными на этом поприще были цари XII династии. Наиболее распространенный мотив, запечатленный на царских памятниках того времени, — вереница пленных негров, закованных в кандалы, и среди них женщины с детьми за спиной. Из Нубии в качестве военных трофеев или предметов торговли поступали: слоновая кость, эбеновое дерево, золото, драгоценные камни, а также такие экзотические товары, как страусовые перья (для вееров) и яйца, обезьяны, пантеры и жирафы.

Добыча главным образом пополняла сокровищницы фараона и жречества. Но были и такие страны, слишком удаленные, чтобы их можно было завоевать, например острова Эгейского моря и «страна Пунт», с которыми египтяне несомненно торговали ⁴¹⁶. Местонахождение загадочной «страны Пунт» до сих пор точно не определено. Одни исследователи полагают, что она могла находиться на западном побережье Индии, другие — на африканском побережье, к югу от Красного моря, там, где сейчас находится Сомали.

На стене храма царицы Хатшепсут (предшественницы Тутмоса III) в Дейр-эль-Бахри можно видеть знаменитый скульптурный рельеф, на котором во всех подробностях изображена экспедиция в Пунт. Рельеф дошел до нас почти в таком виде, в каком он предстал перед маленьким Пер-гором и его братом Кенамоном, а также перед мно-

гими поколениями молодых людей, обуреваемыми страстью к путешествиям.

Едва ли кто-нибудь лучше А. Эрмана описал этот рельеф:

В одной из гаваней Красного моря стоит флот, который должен перевезти воинов ее величества в далекую страну. Длина судов 65 футов. На каждом судне по тридцать гребцов. Гигантские паруса, подобно крыльям птиц, выступают над бортами корабля. На весельных лодках переправляют на корабли огромные кувшины с провизией. На берегу, в тени деревьев, к которым привязаны корабли, приносят жертву богине «Хатор, владычице Пунта», чтобы она «ниспослала попутный ветер». Но вот поднимают паруса, матросы взбираются на реи, чтобы закрепить концы канатов, гребцы опускают на воду свои длинные весла, а из деревянной надстройки на носу, где стоят два капитана, слышится команда: «Лево руля!» Корабли отчаливают от берега. Так «царские воины поплыли по морю. Они начали свое прекрасное путешествие в страну бога и счастливо доплыли до Пунта».

На другом барельефе изображено прибытие в Пунт. Художник, возможно сам участвовавший в путешествии, изобразил примитивные хижины на сваях, к единственной двери которых можно было взобраться только по лестнице. Египтяне не скрывали своего презрения к этим бедным жилищам, разбросанным среди пышной тропической растительности. Мужчины были одеты в юбки. У них были бороды клинышком и косички. Точно такими же они изображены на рельефах времен Хуфу, т. е. 1000 лет назад. Когда египтяне сошли на берег, народ Пунта покорно выступил им навстречу под предводительством своего вождя, жена которого была огромных размеров, она страдала слоновой болезнью. Ее гротескная фигура стала мишенью для жестоких насмешек художника. Тело несчастной женщины (он с издевкой называет ее «принцессой») бесформенно выпирает из одежды. За ней изображен осел. Надпись под ним гласит: «Осел везет свою жену».

Но вот начинается торговля. Египтяне бегают вверх и вниз по сходам, несут эбеновое дерево, слоновую кость, «белое золото из страны Аму, благовонную древесину, всевозможные краски для глаз, ведут бабуинов, обезьян, борзых, рабов и их детей. Никогда ничего подобного не было привезено какому-либо царю со дня сотворения мира».

Самый ценный товар, который прославил Пунт, — ладан. Египтяне берут не только куски ладана, но и деревья, чтобы посадить их в Египте.

Что же получил народ Пунта взамен? На столе, установленном на берегу моря, восхищенные туземцы рассматривают товары, привезенные гостями: цветные ожерелья, кинжалы и боевые топоры, хлеб, пиво, вино, фрукты и «другие прекрасные египетские товары», которые наверняка были значительно дешевле тех, что они получили взамен.

Египтяне торговали также с Критом, «островами Великого моря» и с Сирией. Египетские оружейники ездили в страну Речену, продавали там свои изделия и часто покупали или захватывали семитских девушек в качестве рабынь.

К товарам, импортированным Египтом из Сирии в обмен на зерно и другие продукты, можно отнести корабли, колесницы, повозки, оружие, музыкальные инструменты, напитки («пиво из Кведе, вино из Хару»), лошадей, быков, коров и другой скот.

Но все это богатство шло лишь в царские кладовые и сокровищницы богов. Египетские труженики не могли и думать о том, чтобы купить для себя продукты. Их существование целиком зависело от воли хозяев.

Все население, от самых высокопоставленных людей до беднейших слоев, безжалостно облагалось налогом. Возникает вопрос: как египтяне, не имея монетной системы, собирали эти налоги? С крестьянами и землевладельцами все было просто — они отдавали часть своего урожая, скот и одежду, которую изготавливали их жены и дочери. Но как взимались налоги с многочисленной армии писцов и чиновников?

Эти люди обладали богатствами и могуществом благодаря дарам царя, т. е. государства. В обмен за свои услуги высокопоставленный чиновник мог получить в знак уважения и почета прекрасную «виллу», изящную повозку, роскошную лодку, много рабов, не считая скота, продуктов питания, вина и одежды. Неудобство, с точки зрения чиновника, заключалось в том, что все эти подарки были *записаны на его имя*. Когда сборщик налогов оценивал имущество, он всегда мог подсчитать состояние конкретного человека и взять с него соответствующий налог.

Египтяне, находившиеся на любой ступени социальной лестницы, платили налоги с не большей охотой, чем сегодня это делаем мы. До нас дошли многочисленные жалобы на то, что имущество, подлежащее обложению нало-

гом, оценивалось неправильно, имелись случаи вымогательства и несправедливости.

Вот жалоба пастуха по имени Тутмес. Очевидно, некий Паере, который должен был отдать осла, держал его у себя:

Чанна, военачальник отряда «Сияющие, как солнце», несший службу в стране Дапер, дал тебе осла и приказал отдать его Тутмесу. Но ты не отдал его мне. Тогда я поймал тебя, когда ты был в Мемфисе вместе с начальником копиюшши Аменмосе, и сказал тебе: «Дай его мне». Ты сказал мне: «Не веди меня в суд. У меня есть осел, но, если ты пошлешь за ним, я тебе его отдам». Так ты сказал и поклялся жизнью своего господина, что ты прикажешь привести его ко мне. Но ты не прислал его ко мне, а сейчас они ⁴² требуют от меня плоды той работы, которую должен был выполнить осел. И так из года в год, хотя осел находится у тебя ⁴³.

Поэтому не стоит завидовать древним египтянам, за исключением, пожалуй, одного обстоятельства — им не приходилось заполнять анкеты для подоходных налогов.

Глава XIII

ФАРАОН И НАРОД

В слабо освещенном колонном зале стоит группа молодых девушек. Завитые локоны тяжелых черных париков касаются плеч. Одежды из тончайшего полупрозрачного льна мягкими складками ниспадают на обутые в сандалии ноги. Ногти на руках и ногах покрашены хной. В тонких руках они держат сестры, деревянные рукоятки с прикрепленными к ним металлическими кольцами. В кольца вставлены стержни, на которые свободно нанизаны маленькие металлические квадратики. Если ими потрясти, то они издадут громкие и приятные звуки. Девушки — жрицы Амона-Ра. Ими руководит выздоровевшая Нофрет.

Дочь везира рада, что поправилась к этому большому событию. В Фивах сегодня праздник, так как фараон Тутмос III, Менхеперра, царь Южного и Северного Египта, любимый Амоном, с триумфом вернулся после победы над Речену. Вчера она наблюдала за тем, как армия вступала в Фивы. Сегодня в храме Амона вместе с другими жрицами она будет петь и танцевать перед фараоном, когда тот

придет в храм совершить жертвоприношение. В ярко освещенном солнцем дворе застыли в ожидании шеренги бритых, одетых в белые одежды жрецов. Этот внутренний двор ведет в колонный зал, за которым находится святилище бога. Только жрецы имеют право заходить на этот двор. Но здесь есть и другие дворы, окруженные колоннами и колоссальными статуями. Все дворы связаны между собой массивными каменными пилонами, перед которыми на высоких мачтах развеваются флаги. Дворы уже забиты народом. Люди расположились в определенном порядке, соответственно своему социальному положению. Чиновники держат в руках символы своих должностей. В центре двора оставлен широкий проход для царя и его свиты.

Снаружи, за первым пилоном, над которым развеваются флаги, широкая аллея сфинксов, прямая как стрела, ведет к пристани. Если встать на пристани и посмотреть направо и налево вдоль берега реки, то можно увидеть застывшие шеренги воинов-египтян, вооруженных копьями и щитами, негров из Судана и наемников из племени шардана, одетых в рогатые шлемы. За спинами воинов толкается, жестикулирует и громко кричит толпа простолюдинов. Каждый ярд пути, по которому должен пройти царь, кишит ими.

Вдруг раздается крик. Вдалеке, на освещенной солнцем реке, показалась большая флотилия лодок: сверкающая золотом на солнце царская ладья, лодки с придворными, царскими телохранителями и речной охраной. Менхепера, могущественный завоеватель, гроза врагов Египта, вновь идет совершить жертвоприношение своему отцу, Амону, и везет с собой богатую военную добычу, чтобы одарить храм царя богов. Идет сорок второй год его царствования. За это время семнадцать раз он выводил свою армию из Фив и семнадцать раз возвращался с победой. От Нубии на юге до далекого Евфрата на востоке он подчинил множество мелких государств. Цари соседних государств, Митанни и Хеттов, боятся его.

Я простираю свои руки 1,2
и устанавливаю границы для тебя...

Так обращается Амон к Тутмосу в победном гимне:
Земля во всю длину ее и в ширину, жители Запада и Востока
подчиняются тебе.

Ты попираешь все страны, и твое сердце радуется.
Никто не может одолеть тебя,
в то время как я руковожу тобой, поэтому ты достигнешь их.
Ты форсируешь с победой и могуществом воды Большой
излучины⁴⁴ Нахарины...

Высокопоставленные чиновники во дворе перестали шептаться и застыли в напряженной тишине. Рехмира поигрывает золотым браслетом. Аменемхеп поправляет свой шлем. Нофрет откидывает назад локоны своего парика. Пронзительные звуки труб и рев толпы становятся все громче, так что можно уже различить отдельные возгласы: «Жизнь! Благоденствие! Здравье!.. Жизнь! Благоденствие! Здравье!..»

Бритые жрецы смотрят на огромные распахнутые бронзовые ворота. Они слышат звук тяжелых шагов, стук копыт и грохот колесниц. Процессия входит во внешний двор. Тысячи людей падают ниц прямо в пыль.

«Жизнь! Благоденствие! Здравье!.. Жизнь! Благоденствие! Здравье!» — раздается на тысячу голосов.

На бронзовые двери падают первые тени. Появляется процессия. Впереди идут жрецы в белых одеяниях. За ними медленно маршируют военачальники царской стражи в высоких, украшенных перьями головных уборах. Их юные лица решительны и серьезны. Золото блестит на обнаженном оружии. Наконечники их копий отражают солнце. Затем проходят опахалоносцы с огромными веерами из страусовых перьев. Наконец, в золотом паланкине, который несут на плечах двенадцать вельмож, появляется сам фараон. Как по мановению волшебной палочки, все присутствующие, за исключением жрецов и самых высокопоставленных чиновников, падают ниц.

Стройные жрицы, которых ведет Нофрет, медленно выступают вперед, трясут сестры и поют:

Сколь великолепен он, вернувшийся с победой!
Это Амон велел ему покарать князей Палестины.

Жрецы вторят низкими голосами:

Весь народ, весь народ дома Амона празднует,
потому что Амон-Ра любит правителя...

Тутмос III — небольшого роста мужчина с пухлым женственным лицом. Ему уже за семьдесят, но годы, проведенные в суровых походах, закалили его тело и огрубили

черты его лица. Его обнаженные загорелые руки — в перевязи мускулов, а его осанке может позавидовать юноша. Голову царя украшает высокая корона, которая на протяжении 1500 лет символизирует единство двух земель. На его челе двойной знак, олицетворяющий Верхний и Нижний Египет, — сокол и змея. В своих крепких руках он держит еще две эмблемы Верхнего и Нижнего Египта — крюк и бич. На Тутмосе длинная юбка из «гофрированного» льна, на ногах — изящные золотые сандалии.

Если бы мы чудесным способом могли перенестись в то время, если бы могли стать невидимками и раствориться в распростертой, поверженной ниц толпе,

быть среди них, но не быть ими, остаться с образом мышления, который не был их образом мышления,

то мы, вероятно, удивились бы и возмутились. Мы увидели бы только жалкого коротышку в непомерно большом головном уборе, окруженного нелепой помпезностью, ставленника продажного двора и циничных жрецов, которые эксплуатировали темные массы в своих личных интересах. Даже более терпимые из нас почувствовали бы сентиментальную жалость к миллионам трудящихся, которые строили памятники для царя, работали на его полях и проливали кровь в его войнах. «Народ фараона... — подумали бы мы, — бедняги».

Но мы были бы неправы. Древние египтяне испытывали совершенно иные чувства к своему царю. Чтобы мы могли понять их образ мышления, нам придется напрячь свое воображение.

Во-первых, царь был наделен главным образом религиозными функциями. Он был посредником между народом и теми невидимыми силами, которые управляли судьбами людей. Он был также представителем народа в более широком значении этого слова, чем вкладываем в него мы.

В царе воплощались здоровье и зрелость нации. За тысячелетия до описываемых событий, когда цивилизация только начала развиваться в долине Нила, царь правил до тех пор, пока был физически здоров. Когда его оставляли силы, его приносили в жертву. Этот обычай распространен среди многих примитивных народов. Со временем он был

забыт, но его пережитки сохранились в форме праздника *хеп-сед*. Через определенные промежутки времени, каждые тридцать три года, царь участвовал в церемонии, которая символизировала обновление его здоровья и силы⁴⁵. В частности, приносилась жертва на алтарь богов Северного и Южного царств. Например, во времена Джосера (2800 г. до н. э.) царь должен был пробежать определенное расстояние, чтобы испытать свои физические силы. На одном из самых замечательных барельефов Ступенчатой пирамиды Джосер изображен в ритуальном беге.

Для древних египтян царь не был человеческим существом, а был богом, сыном Амона-Ра. Он никогда не умирал, а соединялся со своим отцом Амоном. Он «восходил к его горизонту». Возьмем описание смерти Аменхета I из «Истории о Синухете», цитированной в IX главе:

Взошел бог к своему горизонту, царь Верхнего и Нижнего Египта Схотенибра⁴⁶ был взят на небо. Он соединился с солнцем, причем (его) божественное тело слилось с создавшим его...

Верили ли сами цари в то, что они боги и сыновья богов? Я думаю, что да; если учесть атмосферу религиозного почитания и святости, которая окружала египетских царей с колыбели, вы тоже поверите в это.

Жизнь царей была наполнена ритуалами и символикой. Каждый час был расписан.

Все часы были строго расписаны для выполнения различных обязанностей. Предаваться удовольствиям не было времени. После подъема первым делом нужно было прочитать поступившие сообщения и продиктовать ответы. Затем следовали церемониальное очищение, возложение одеяний и эмблем, жертвоприношения. Перед этим актом верховный жрец в присутствии царя и свиты, окружавшей его, произносил молитву за здоровье царя, перечислял все его достоинства и проклинал все левольные прегрешения, возлагая всю вину на министров. Так осуществлялась критика государственных дел, которые благодаря могуществу жречества могли официально контролироваться ими^{46а}. Считается, что таким образом оказывалось влияние на царя и проверяли его действия. Не установлено, кто выполнял обряд жертвоприношений — царь или верховный жрец, но это был царский ритуал, и он осматривал внутренности... Он заканчивал этот обряд передачей храму вина, масла или других жидкостей, предназначенных для жертвенного возлияния. Потом следовала проповедь, во время которой жрецы зачитывали указы, законы или отрывки из исторических событий, интерпретированные в духе времени.

Пище царя следовало быть простой и скудной. Это означало, что он соблюдает режим, чтобы сохранить свое здоровье ради благополучия страны. В Африке, когда царь слабеет, его убивают, чтобы предотвратить недуг страны. Из этого следует, что египетское жречество ведет свое происхождение от колдунов и магов, а не вождей...⁴⁷

Когда судили государственных преступников, включая членов царской семьи, процедура происходила в строгом соответствии с существовавшей законностью. Царь не присутствовал. Со смертью своих подданных он не прекращал заботиться о них. Если при жизни он давал им землю, то и после их смерти он награждал их землей для будущей жизни, чтобы можно было совершать жертвоприношения на могилах. «Таким образом, — говорит Питри, — царь содержал свою свиту не только при жизни, как наместник, но и после их смерти, когда они покоились в гробницах».

Я часто думал над тем, что страсть Тутмоса к войнам и любовь к военным походам можно отчасти объяснить его желанием уклониться от ритуальных обязанностей и проявить свою индивидуальность военачальника.

Давайте же внимательно присмотримся к нему, когда он сидит, придавленный тяжестью короны. На его челе блестят царские символы — изображения кобры и сокола. Крюк и бич он держит у груди, точно в том положении, которое предписывает традиция вот уже 2000 лет.

«Жизнь! Благоденствие! Здоровье!» — кричат слуги фараона. Но когда носильщики несут Тутмоса через колонный зал к слабо освещенному святилищу, где он как верховный жрец должен совершить перед Амоном священный обряд, он знает, что он фараон.

Фараон приносит жертву золотой статуе Амона в сокровеннейшей части храма. В сопровождении жрецов, один из которых в маске сокола олицетворяет Гора, а другой в маске ибиса — Тота, он открывает двери в святилище, окуривает статую ладаном, окропляет ее водой из священного озера, преподносит ей корону и эмблему и ставит перед ней жертвенную пищу. Святилище освещается через небольшое отверстие в потолке. Издалека слабо доносится пение жрецов.

Тем временем огромная процессия, как блестящая разноцветная змея, извивается по украшенным улицам Фив

и медленно приближается к храму. Поднимая пыль, маршируют колонны копейщиков. За ними следуют лучники, вооруженные длинными луками, перекинутыми через плечо. Колчаны болтаются на боку. Идут нубийцы, вооруженные палицами, чужеземные наемники: ливийцы, шардана, бородатые сирийцы. Длинной сверкающей вереницей громыхают колесницы. Блестит сбруя на солнце, качаются разноцветные перья на головах лошадей. Рев толпы то стихает, то возрастает, когда идут воины. Проезжают повозки с военной добычей, запряженные волами, и проходят вереницы ослов, нагруженные награбленным добром из городов Эркату, Тунина и Кадеша: украшениями из золота и полудрагоценных камней, золотыми и серебряными сосудами, миррой, ладаном, вином и медом. Гонят скот: быков, телят, антилоп, газелей, каменных козлов... а за ними пленных — сотни жалких рабов, мужчин и женщин, которые тащатся за процессией, окруженные воинами.

Но самых важных пленных в процессии нет. Семь или восемь царьков и князей поработенных земель ждут в вестибюле храма. На них грязные и рваные одежды, руки крепко связаны за спиной. И воины со свирепыми лицами охраняют их. Толпа ждет, когда фараон выйдет из святилища. Эти люди по древнему обычаю должны быть принесены в жертву Амону^{47а}.

Процессия останавливается. Военачальники быстро ходят между рядами, выкрикивая команды и перестраивая своих воинов. Все приготовились к тому моменту, когда фараон выйдет из храма, чтобы сесть в золотую колесницу во главе своей победоносной армии.

Одно подразделение отряда колесниц останавливается прямо перед входом в храм. Ему оказана честь занять почетное место, как отличившемуся в бою. В одной из колесниц стоят Сенмут и Кенамон.

Сенмут уже оправился от своих ран. Тем не менее он стал хромотать, а одна сторона его лица перекошена. Он с горечью думает о том, что это был его последний поход. Для Кенамона это был радостный эпизод в его жизни: он пролил кровь в тяжелом походе, участвовал в боях и выполнял свои обязанности настолько хорошо, что получил повышение. Но его радость омрачает беспокойство за судьбу друга.

— Скорее бы мы тронулись,— сказал Сенмут, накрутил вожжи на руку и заткнул их за пояс.

— Сейчас совершают жертвоприношение,— ответил Кенамон.

— Варварский обычай,— пробормотал Сенмут, и лицо его исказилось.

— Однако это обычай,— возразил Кенамон без особого энтузиазма.

Сенмут сердито посмотрел на него.

— Ты говоришь так же, как твой отец,— сказал он.— Это *обычай*. В Египте всегда все делают согласно обычаям. Так делали наши отцы, значит, так должны делать и мы.

— Но азиаты сделали бы с нами то же самое.

— Разве это причина подражать варварам?

Кенамон вздыхает и говорит:

— Кажется, тебе не нравится Египет.

— Неправда,— отвечает друг.— Я люблю Египет. Но почему я должен одобрять все, что здесь делают? Не все чужеземцы приносят в жертву своих знатных пленников. Кефтиу не делают этого.

— Нет, они делают это, Сенмут. Паибесе рассказывал мне, что они приносят пленных в жертву своему богу — Быку.

— Твой Паибесе глупец. Он имел в виду прыжки через быка, но это не то же самое.

— Прыжки через быка?

— Да. Кефтиу заставляют пленных сражаться с быком на арене. Они должны перепрыгивать через его рога. Если пленники смелые и ловкие, то они могут избежать смерти. Мы же просто разбиваем нашим пленным головы дубиной...

Жуткий рев толпы донесся со стороны храма и прокатился по всему городу. Сенмут вздрогнул.

— Все кончено,— сказал он,— сейчас мы тронемся.

Тела пленных лежали в луже крови посреди колонного зала. Нофрет и другие жрицы, потрясая систры, начали петь боевой гимн Амону. Их высокие голоса эхом отдавались под высокой крышей и смешивались с голосами жрецов:

Я пришел, чтобы повелеть тебе убить князей Захи.

Я швырнул их к твоим ногам посреди гор.

Я заставил их увидеть твое величие во всем блеске,

так что ты озаряешь светом их лица наподобие моему лику.

Я пришел, чтобы повелеть тебе убить азиатов.
Ты должен снести головы азиатам из Речену.
Я заставил их увидеть твоё величие во всей красе,
когда ты сжимаешь в руках оружие в боевой колеснице...

Носильщики медленно выносят паланкин царя из храма. Толпа снова падает ниц, когда он садится в свою боевую колесницу и едет во главе войска. Под пронзительные звуки труб, гул бубнов и грохот барабанов процессия начинает своё движение.

Сенмут дергает вожжи.

— А как бы мне хотелось побывать в Кефтиу, — говорит он.

Глава XIV

ДОМ ВЕЧНОСТИ

Пришла осень, а с ней наводнение. Далеко на юге воды Голубого Нила, вздувшиеся от дождей, хлынули в главное русло, неся с собой сокровище — плодородную грязь — с гор Абиссинии (Эфиопии). Но древние египтяне никогда не слышали ни об Абиссинии, ни о Голубом Ниле. Для них мир кончался на юге Нубии, а животворный разлив, это ежегодное чудо, приходил как дар бога Ра. В Фивах и других городах, стоящих на реке, жрецы занимались измерением уровня поднявшейся воды в Ниле и сравнивали его с уровнем предыдущих лет. Этот год оказался годом «добротного Нила». Писцы уже подсчитывают ожидаемый урожай и величину налога, который предстоит собрать. Река начала подниматься три месяца назад, в августе, когда египтяне отмечали праздник «Высокий Нил». В сентябре он поднялся до самой высокой отметки. Сейчас октябрь, и через несколько недель вода начнет спадать. Сев начнется в поябре.

Странная тишина нависла над величественным городом. Там, где несколько месяцев назад были зеленые поля, простиравшиеся до подножия известковых холмов, сейчас стоит вода. Вы можете взять лодку на восточном берегу и доплыть на ней почти до самого некрополя на западном. Многие крестьяне не работают, некоторых привлекли на строительство храмов. С далекого Асуана прибывают боль-

шие лодки с грузом гранита для Карнака, где идут работы по реконструкции и расширению храма. Бригады рабочих тянут за канаты, помогая себе ритмичной песней, шестисоттонный обелиск, который медленно движется к нужному месту.

Раннее утро. Широкую коричневую реку непрерывно бороздят поперек лодки. Их паруса отбрасывают длинные тени в сторону утесов на западном берегу. Голоса лодочников далеко разносятся по воде. Где-то выводит заунывную мелодию флейта.

В одной из лодок, большой и красивой, отделанной золотом, сидят Рехмира и его жена Мерьет. Они направляются посмотреть гробницу Рехмира, его дом вечности, высеченный в скалах на западном берегу. Гробница приготовлена для везира заранее, и в этом нет ничего необычного. Люди высокого социального положения гораздо больше уделяют времени и забот своему дому вечности, чем земному жилищу. Жизнь коротка, а смерть длинна. «Дом» более точное слово, чем «гробница», так как египтяне строили гробницу как вечное обиталище для своего «Ка», или духа.

Гробницы отличались размерами в зависимости от богатства и положения, занимаемого владельцем, но тем не менее все они были построены по общему образцу. Глубокая шахта вела в замурованную погребальную камеру. В нее помещали бальзамированное тело умершего. Там же была камера, в которой устанавливали статую покойного и часто — его жены. Все статуи были обращены лицом к жертвенной камере или часовне, где родственники умершего вельможи совершали жертвоприношение для его духа. Статуя — точный портрет умершего — считалась местом обитания его духа, который оставляет тело, чтобы отвеждать приношения. Стены этих камер, как было описано в предыдущей главе, покрыты росписью и барельефами, изображающими деятельность усопшего при жизни, которую он стремился продолжать и после смерти. На стенах также начертаны священные тексты. Их цель — помочь умершему, когда он явится в Зал Суда Осириса. Родственники, изображенные совершающими жертвоприношение, должны посредством симпатической магии стать истинными потомками умершего и не забывать своего долга перед ним.

Лодка приближается к причалу. Везир и его жена сту-

пают на берег, садятся в паланкины, и слуги несут их вверх по склону горы. Они идут по улицам города. В нем живут бальзамировщики, гробовщики, резчики и художники, мастера по изготовлению погребальной утвари и жрецы, обязанные регулярно совершать жертвоприношения в гробницах. В одной из открытых дверей они видят расписной позолоченный гроб, прислоненный к стене. Это мастерская гробовщика, где родственники усопшего могут выбрать то изделие, которое им понравится. Там же на столах расставлены небольшие ящики для мумий. Неподалеку стоят палатки бальзамировщиков. Их раскидывают, когда нужно набальзамировать тело умершего, и сворачивают после завершения работы. От одной палатки исходит сильный запах соды. В ней стоит содовая ванна, в которой держат тело определенное количество дней.

Процесс бальзамирования и мумифицирования обычно длится семьдесят дней. Однако существуют более быстрые и дешевые способы бальзамирования. Бальзамировщик может предложить вам на выбор в соответствии с вашими материальными возможностями три способа. Самый дорогой заключается в следующем:

...прежде всего с помощью железного крючка извлекают из головы через ноздри мозг; так извлекают, впрочем, только часть мозга; потом острым эфиопским камнем делают в паху разрез и тотчас вынимают из живота все внутренности; вычистивши полость живота и выполоскавши ее пальмовым вином, снова вычищают ее перетертыми благовониями; наконец живот наполняется чистою растертою смирною, касоей и прочими благовониями, только не ладаном, и заливается. После этого труп кладут в самородную щелочную соль на семьдесят дней; дольше держать в соли не дозволяется. По прошествии семидесяти дней покойника обмывают, все тело обворачивают в тонкий холст, порезанный в тесьмы и снизу смазанный гумми, который в большинстве случаев употребляется у египтян вместо клея. Тогда родственники получают труп обратно, готовят деревянную человекоподобную фигуру, кладут туда труп, закрывают ее и сохраняют в могильном склепе, поставивши стойми подле стены.

Если же родственники покойного во избежание больших расходов желают бальзамировать по умеренной цене, то бальзамировщики поступают таким образом: в клистирные трубки наливают кедрового масла и наполняют им живот, но при этом не делают разреза в паху и не вынимают внутренностей; масло вливают через задний проход, не выпускают промывательного назад и кладут труп в соль на определенное число дней; в последний день выпускают из живота кедровое масло, влитое в него раньше. Свойство этого масла такое, что вместе с ним из живота выходит все его содержимое; в соли распускается мясо, так что от покой-

ника остаются только кожа да кости. После этого возвращают покойника родственникам, потому что ничего больше с ним не делают.

Третий способ бальзамирования, употребительный для бедняков, состоит в следующем: редечным маслом вычищают живот покойника и потом кладут его на семьдесят дней в соль⁴⁸.

Так Геродот в V в. до н. э. описал процесс бальзамирования, однако методы эти были традиционными и использовались на протяжении тысячелетий. Тела мужчин и женщин времен XVIII династии бальзамировались точно такими же способами.

Рехмира и Мериет в своих паланкинах поднимаются по склону холма к гробнице, но слуги, несущие их, вынуждены остановиться, чтобы пропустить похоронную процессию. Первыми идут слуги. Они несут алебастровые кувшины с пищей и драгоценной мазью. За ними следуют мужчины с деревянными сундуками, с одеждой и украшениями умершего. Двое тянут салазки. На салазках стоят пузатые кувшины с бальзамированными внутренностями, удаленными из тела покойника. Перед салазками шествует торжественно декламирующий нараспев жрец-тпец. Другие жрецы идут рядом с телом покойного. На других салазках на ложе под навесом покоится мумия.

«С миром, с миром, к великому богу», — кричат жрецы, когда процессия проходит мимо. За жрецами следуют члены семьи и друзья покойного. Группа профессиональных плакальщиц рвет на себе волосы, бьет кулаками в грудь и испускает душераздирающие вопли.

Везир и его жена не спускают глаз с процессии, пока она не скрылась за скалой. Тогда они подают сигнал носильщикам, те поднимают паланкины и несут их по крутой тропинке к входу в гробницу.

Перед гробницей расчищена площадка шириною 60 футов. За ней возвышается плоская, обтесанная скала, которая служит ей фасадом. Высокий вход расположен точно по центру. Навстречу выходит руководитель работ, чтобы приветствовать своего господина. Он падает на колени и касается лбом земли. Затем поднимается и почтительно отходит в сторону. Вельможа с женой направляются к входу. Утреннее солнце сквозь дверной проем освещает внутренность гробницы. Кажется, будто сотни человеческих фигурок шагают вдоль оштукатуренных стен. Красновато-коричневая кожа мужчин, бледно-кремовые лица

женщин, голубые, зеленые и красные драгоценные камни — все светится каким-то волшебным светом.

Чтобы создать такую иллюзию, справа и слева от входа установлены бронзовые зеркала. Поэтому солнечным светом освещается не только коридор напротив входа, ориентированный с востока на запад, но и боковые коридоры.

Гробница фактически имеет Т-образную форму. Поперечина буквы Т идет параллельно фасаду, а длинное плечо тянется от входа в глубь горы более чем на 100 футов. Этот узкий коридор в виде воронки расширяется под довольно большим углом от входа до дальней стены, так что потолок у нее значительно выше, чем у входа. В верхней части стены, как раз под расписным потолком, находится ниша, в которой установлены статуи Рехмира и Мериет. Они сидят как живые: рука Мериет нежно обвивает талию мужа. Эффект — поразителен, особенно в тот момент, когда солнечный свет падает на скульптурную группу.

В дальнем конце зала рабочий, взобравшись на леса, раскрашивает рисунки, которые начертили художники. Другие рабочие старательно обводят иероглифические тексты, поясняющие изображенные сцены. Пока Мериет критически осматривает свою статую, ее муж перечитывает тексты, написанные на нижней части южной стены. В них говорится о его назначении на должность везира. На изображении перед Тутмосом, сидящим в своей высокой короне и погребальных одеждах Осириса, стоит Рехмира, титул которого написан над его головой. А текст звучит так:

Руководящие принципы, предписанные везиру Рехмира. Со звыв совета в приемном зале фараона — жизни, процветания и здоровья ему! — введение в курс дела вновь назначенного везира.

Его величество сказал ему: «Ступай в зал везира и внимательно следи за всем, что происходит в нем. Смотри, это объединение всей страны. Смотри, [положение] везира не такое уж и приятное. Оно скорее горькое, как желчь. [Смотри], вот бронза, которая окружает золото дома его [господина]. Смотри, это не должно уйти от твоего внимания или внимания чиновников. Смотри, как все, что человек делает в доме своего господина, он одобряет. Посмотри, то, что он делает, не... для любого.

Смотри, если проситель из Верхнего или Нижнего Египта, [которые] объединены в одну страну, придет в суд... слушать [свое дело], то ты должен проследить за тем, чтобы вся процедура шла в соответствии с установленным порядком...

Смотри, всякий раз как должностное лицо слушает дела, то пусть он это делает публично. Пусть вода и воздух сообщат обо всем, что он может сделать. Смотри, его поведение вполне объяснимо. Если он делает что-нибудь [неподобающее] и он виноват, то его не следует снова назначать на эту должность, но люди узнают о полномочиях [истинного] судьи...

Мериет наскучил длинный текст, который читает ее муж, и она забрела в одну из боковых камер. Здесь рабочие наносили последние штрихи на роспись, изображающую семейный праздник. Рехмира и Мериет, оба огромных размеров, сидят со своими гостями. Играет небольшая группа музыкантов. Рядом с ними приведены слова песни:

[Положи] бальзам на волосы Маат, потому что с ней здоровье и жизнь!.. О Амон, для тебя вознеслись небеса, земля утоптана для тебя. Пта своими руками создает часовню для отдыха твоего сердца. Приди, о северный ветер! Я видел тебя, когда я был на башне.

Под другой росписью, где две женщины и две юные девушки, дочери Рехмира, протягивают ему сестры, которых он касается руками, текст гласит:

Наслаждение видом хорошей пищи, музыки, танца и песни, смазывание бальзамом и втиранием оливкового масла, запахом лотоса, хлебom, пивом, финиковым вином и всевозможными лакомствами, преподнесенными «Ка» властелина, начальника города, Рехмира, его искренне любимой женой, хозяйкой его дома, Мериет, которая всегда с ним.

На нижнем рисунке один из сыновей Рехмира, Аменхотеп, и два его брата преподносят цветы со словами:

Наслаждение, радостное ликование и участие в доброй трапезе, летний лотос для ноздрей и [масло] бальзама, подходящее для короны, для «Ка» властелина, начальника города и везира Рехмира и его жены Мериет.

Стройные молодые девушки надевают изящные ожерелья на шеи матрон и наливают вино или пиво в их чаши со словами:

Для твоего «Ка»! Празднуй!

Три женщины слушают музыку, пьют вино, мажутся бальзамом и говорят:

Неужели это Маат, на чьем лице написано желание напиться?

Мернет возвращается к мужу, и они направляются в другой конец коридора полюбоваться рисунком, изображающим посещение им мастерских храма Амона. Везир, чья фигура намного крупнее фигур рабочих, стоит, опираясь на свой жезл, в окружении свиты из сорока человек и смотрит на работу ювелиров, просверливающих бусы, создателей алебастровых ваз, столов, изготовляющих инкрустированные шкатулки из дерева, кожевников, ремесленников, сапожников.

Этот вельможа руководит своими рабочими, которые изготавливают мебель из слоновой кости и эбенового дерева, дерева *ssndm*, дерева *mgw* и настоящего кедра с горных склонов Ливана.

Тут же отливают бронзовые двери для храма Амона. Художник только что закончил роспись и ждет от везира одобрения. Рехмира доволен не только росписью, но и сопровождающим текстом, который гласит:

Азиатская медь, которую его величество вывез из страны Речену после победы над ней, чтобы отлить для храма Амона в Карнаке две двери, покрытые золотом, которое блестит (?) подобно горизонту небес. Начальник города и везир Рехмира руководит этим.

Супруги возвращаются в главный зал, где установлены статуи. На северной стене записана история семьи везира. В ней упоминается наряду с именами других его предков имя его дяди Уосера, который также был везиром. На росписи Рехмира и Мернет изображены сидящими за столом, в то время как их сын Менхеперра-Сонеб, «писец храма Амона», облаченный в леопардовую шкуру, освящает их пищу. Там же изображен и другой их сын, Аменхотеп. Но нет Кенамона, который показан на другой росписи. Зато имеются все три дочери: Тахает, Мут-Нюфрет и Хенет-тови.

Напротив всю южную стену занимает огромная надпись, подробно рассказывающая о назначении Рехмира на должность везира и где он старается польстить своему царю.

Когда закончился второй день и наступило утро, меня снова призывали в приемную благого бога, Менхеперра — да живет он вечно! — подобно Гору, победоносный бык, возвращающийся со славой в Фивы. Его величество уже знает, что произойдет. Нет ничего такого, чего бы он не знал. Во всем подобен он Тоту. Нет

таких дел, которые бы он не разрешил. Он ведает... любое дело подобно великой владычице письма. Он предназначает подобно богу, который повелевает и вершит.

Его величество отверз свои уста и молвил мне такие слова: «Смотри, мои глаза отсылают меня к моему сердцу, [ибо так же, как и мое величество], оно ведает много решений и нет конца им. Прощительность моя никогда не ослабевает. Поэтому ты должен делать то, что я тебе говорю. Тогда Маат будет спокойна за свое положение». Он настоятельно советовал мне: «Вооружись, будь решительным и неутомимым, искореняй зло...»

Следующие тысячи слов текста мы бы назвали самовосхвалением. Но мы были бы несправедливы к везиру, если бы обвинили его в тщеславии. Конечно, какая-то доля тщеславия у него была, как и у большинства людей, достигших высокого положения. Однако в надписях на стенах своей гробницы он не хвастает перед людьми, а отчаянно старается оправдаться перед богами подземного царства:

Я судил [бедных и] богатых одинаково. Я спасал слабого от [неистового] приступа ярости. Я высушивал слезы с [помощью] возмездия. Я защищал незамужних вдов. Я устраивал сына на место отца. Я выручил старика, отдав ему свой посох, на что старуха сказала: «Какой великодушный поступок...»

Мерплет нежно берет мужа за руку. Солнце поднимается все выше, и в гробнице становится жарко и душно. Она хочет выйти на свежий воздух. Но везир задерживается на какое-то время, чтобы посмотреть на роспись, на которой он изображен принимающим дань и подарки от чужеземцев.

На ней видна процессия азиатов из Речену, которых покорила Тутмос. Носильщики несут, о чем говорит надпись, слитки меди, кувшины оливкового масла, золотые и серебряные кольца, свинец, лесоматериалы, тянут колесницы и ведут лошадей.

Прибытие с миром вождей Речену и всех земель далекой Азии в почтительном поклоне [пропуск в тексте], их дань на их спинах, в надежде на то, что им будет дарована жизнь в обмен за преданность его величеству. Они видят его великие победы. Страх перед ним царит в их сердцах.

Его отец и любимец бога, доверенное лицо царя, начальник города, везир Рехмира, принимает дань от различных земель...

Есть среди них люди из Пунта, Нубии, с Крита (страны Кефтиу) и островов Средиземноморья. Везир и его жена с любопытством смотрят на изображение курчавых

людей с тонкими талиями, гордо несущих богатые дары своей земли: золотые и серебряные вазы, конусообразные золотые чаши тончайшей работы, головы быков из чистого золота, богато украшенное оружие, превосходящее своей красотой оружие азиатов. Рехмира встречает посланцев. Он знает, что они прибыли как купцы, как представители свободного и равноправного государства, а не как люди, находящиеся под властью фараона.

Доверенный монарха, начальник города и везир Рехмира принимает дань...

Мериет отвернулась от росписи и сказала:

— Хотела бы я знать, где сейчас Сенмут...

— Он уже должен переправиться через Дельту, — ответил муж, выводя ее из гробницы.

Сенмут по совету Рехмира отправился с посольством на далекий остров, на котором почти никто из египтян не был. Неутомимый молодой военачальник, который после похода в Сирию больше не в состоянии был удовлетворять свою страсть к путешествиям, нашел для себя выход. Сейчас он находится на пути в страну Кефтиу и, может быть, никогда уже не увидит Египет.

Когда они выходят из гробницы, солнечный свет бьет им в глаза. Они садятся в свои паланкины, и их несут вниз по тропинке мимо поселения рабочих к реке. Разместившись в лодке, Рехмира смотрит на отметку уровня воды, обнаженную спавшей рекой. Кивком головы он обращает на нее внимание Мериет и говорит: «Вода начинает спадать». Скрипят снасти. Под дуновением слабого бриза лениво расправляется парус. Лодка движется через Нил к Фивам. Везир удобно усаживается под навесом и смотрит на город, раскинувшийся на противоположном берегу.

Итак, все начинается сначала. Скоро с полей сойдет вода, и сеятели пойдут по черной грязи. Они будут петь песни и разбрасывать зерна. Затем черные просторы полей затуманятся зеленью, и вот уже жнецы выйдут со своими кривыми серпами собирать урожай. Он видел все это уже столько раз! На стене своей гробницы он написал:

Рехмира... рожденный Бет и жрецом-уабом Амона, Неферубен, сыном начальника города и везира, Амоту, наслаждается видом коров, восхищается работами на полях и наблюдает за работой во все времена года, летом и зимой...

А слуги кричат:

Прими свежие продукты... и ешь, о начальник города и везир, счастливое начало, счастливый день, счастливый год, свободный от зла...

«Сын Нефер-убен...» Его отец был только простым жрецом Амона, когда родился он, Рехмира. Может быть, старик был пророком и предвидел великое будущее своего сына, когда назвал его Рех-ми-Ра — «Мудрый, как Бог Ра»? Это была приятная мысль. Да, боги были добры к нему.

Однако с величием пришли и заботы. «Смотри, положение везира, смотри, не такое уж и приятное...» Было бы, конечно, преувеличением утверждать, что это чувство не покидало его, но иногда он испытывал легкую ностальгию по своей беззаботной юности, когда он, как Сенмут, молодой чиновник, уезжал за границу. Сенмут... он позавидовал ему, что тот отправился в такую далекую страну, как Кефтиу. Он, Рехмира, тоже хотел бы побывать там, но сейчас совершать такие путешествия ему не под силу.

Что ждет его в будущем — трудно сказать. Он надеялся прожить долгую жизнь. Но фараон стар, и когда он взойдет на свой горизонт, а новый займет его место, кто знает, что может произойти? Можно привести множество примеров, когда высокопоставленные чиновники покидали свои посты с приходом нового фараона. Все в руках божьих.

Он обнял за плечи жену. Да, они прожили хорошую жизнь. У него много детей, и ему суждено было увидеть, как некоторые из них стали любимцами царя. Гробница для него уже готова. Каждый должен обеспечить себе благоденствие в предстоящей жизни. Он честно служил царю, и царь знает ему цену:

Он видел, что часовня моей гробницы будет последней для меня навсегда. Он видел, что мое имя останется в ней навеки, сохранится миллионы лет и память обо мне останется в ней навечно...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ФАКТЫ ИЛИ ВЫМЫСЕЛ?

Когда я начал писать эту книгу, то не мог решить, как ее закончить. Моей целью было нарисовать живую реалистическую картину, насколько это возможно, повседневной жизни древних египтян по такому плану: религия, система управления, жилища, развлечения и досуг, положение женщин, образование, жизнь рабочих и ремесленников, воина, врача и правоведа, литература, функция фараона по отношению к собственному народу. Чтобы не скатиться к простому перечню фактов, я решил представить весь этот материал в полубеллетристической форме, хотя и знал, что этот путь, несмотря на свою привлекательность, труден и довольно опасен, так как меня могут обвинить в том, что я искажаю историческую правду и много фантазирую.

Поэтому мне бы хотелось заверить читателей, прочитавших эту книгу, что основная ее часть основана на фактическом материале, а там, где я придумывал сценки и действующих лиц, то опирался на письменные источники. Для большей убедительности, я сейчас отделил факты от «вымысла».

Рехмира, его жена Мернет, его дочери Мут-Нофрет и Тахает, его сыновья Менхеперра-Сонеб, Аменхотеп и Мери были реальными людьми. Их имена можно прочитать на стенах гробницы, где приведено и имя Кенамон. Однако археологи не знают, был ли последний сыном или внуком Рехмира. Все три сына везира были жрецами или чиновниками. Но о профессии Кенамона не сказано ни слова. Поэтому я сделал его воином.

Все сведения о Рехмире можно найти в его гробнице, надписи на стенах которой очень подробно описывают его обязанности. О его семейной и социальной жизни не известно ничего, кроме того, что он устраивал приемы и пиры, которые изображены и описаны на стенах его гробницы. То же самое можно найти и в гробницах других египетских чиновников.

Что касается путешествия, описанного в главе I, и посещения гробницы, о чем говорится в главе XIV, то они основаны на надписях, сохранившихся в ней. Нам ничего

не известно о жизни Мут-Нофрет, Тахает и Кенамона, но все события, в которых они принимают участие, могли произойти на самом деле. Приведу несколько примеров. Но-зем, напившаяся на приеме: в некоторых гробницах сохранились изображения пьяных женщин, одна из которых испытывает приступ рвоты⁴⁹. Описание приема в саду Тахает основано исключительно на любовной поэме «Дерева в саду». Охота Сенмута и Кенамона почерпнута из описания и изображения на стене гробницы. Мальчик Пер-гор вымышлен. Однако юные сыновья вельмож действительно посещали школы при храмах. Приведенные школьные упражнения подлинные. Приключения Кенамона в Сирии вымышлены, но основаны на подлинных документах, описывающих азиатскую кампанию фараона. Военачальник Аменемхем, помогший Кенамону принять участие в Сирийском походе, лицо реальное. Его гробница находится в Фиванском некрополе, на стенах которой описаны его подвиги. В тексте говорится о том, что Аменемхем первым устремился в брешь в стене Кадеша в 42-м году правления Тутмоса. Он был любимцем Тутмоса III, а его жена была нянькой царя.

Молодой Синухет, возлюбленный Тахает, лицо вымышленное. Вымышлен также и Сенмут. Однако подробности его военной карьеры заимствованы из жизни других военачальников. Даже его назначение послом весьма правдоподобно. Сохранилась надпись, повествующая об одном военачальнике, отряда колесниц, представлявшем свою страну при чужеземном дворе. Читателям может показаться, что мысли, которые он высказывает, выходят за рамки мышления среднего египтянина. Однако следует заметить, что история знает множество примеров, когда образ мыслей молодых людей намного опережал их эпоху.

В качестве примера я могу сослаться на фараона Эхнатона, который спустя короткое время после смерти моего героя произвел религиозную и эстетическую революцию, упразднив одним махом культ Амона и сотни более мелких богов, заменив их поклонением единственному богу Атону. Если судить по искусству, которое он поощрял, то на него, вероятно, оказал сильное влияние Крит, страна Кефтиу.

Профессия Нофрет очень правдоподобна. По обычаю на эту должность назначали дочерей вельмож. Иногда

сама царица выступала в роли верховной жрицы, «невесты Амона». Лечение ее болезни тоже правдоподобно. В медицинских папирусах можно найти много примеров, когда в качестве «лекарства» от лихорадки применяли чары и заклинания. Вот один из них:

Выходи, о болезнь! Сын болезни! Кто ломает кости, разрушает череп, расстраивает мозг и вызывает боль семи отверстий в головах последователей Гора, которые обратились к Тоту! Смотри, я принес лекарство против тебя, молоко той, что родила мальчика, и благоухающую смолу! Может быть, это выгонит тебя? Уходи в землю! Сгинь! Сгинь! Сгинь! Сгинь! ⁵⁰

В этом случае упоминаются лекарства, но зачастую использовались только чары.

Войны Тутмоса III хорошо описаны в «Анналах», а торжественная процессия к храму Амона изображена на стене храма. В тех же самых надписях говорится, что царь лично «размозжил дубиной головы пленным вождям». Неясно только, что это за акт — реальный или символический. В какой-то период египетской истории он был, несомненно, реальным. Такие же варварские акты описаны в более поздних надписях по сравнению с временем Тутмоса III. Например, один из Рамсесов изображен возвращающимся с триумфом в Фивы, а на носу его корабля висят вниз головой семь сирийских вождей. Я думаю, что такие жертвоприношения совершались еще во времена царя-воина Тутмоса III, однако сомнительно, чтобы их совершал сам царь.

В то же самое время египтяне не были такими жестокими, как ассирийцы или другие восточные народы. Например, обычай убивать слуг царя и хоронить их в его гробнице был отменен еще в ранний период египетской истории. Мертвых слуг заменили фигурками ушебти. Ритуальное убийство царя, когда он не мог уже править, было также заменено ритуальной церемонией «хеб-сед». Можно привести и другие примеры. Гуманные законы, записанные на стене гробницы Рехмира, заставили меня поверить в то, что такие люди, как Сенмут, были нередки в Древнем Египте, и, следовательно, его протест против пережитков варварских обычаев вполне правдоподобен.

Читателям может быть интересно знать, как сложилась дальнейшая жизнь Рехмира. Нам известно об этом очень немного. Он пережил Тутмоса III и жил во времена правления его наследника Аменхотеп II. Рисунок на

стене гробницы изображает везира, совершающего путешествие по реке для встречи с молодым царем, который возвращается в Фивы после смерти отца, процарствовавшего пятьдесят четыре года. Такие рисунки продолжают появляться и во времена правления Аменхотепа II, но затем внезапно обрываются, что наводит на мысль о трагическом конце.

Оставил ли везир свой пост во времена правления нового фараона — неизвестно. Может быть, все сложилось для него хорошо. Однако в его гробнице остались следы попыток стереть его имя, изображения его самого и его жены везде, где осквернители находили его имя. Такая судьба постигала любую египетскую гробницу, как только торжествовали враги ее владельца. Тело его не было найдено. Де Гарис Дэвис, чью прекрасную книгу «Гробница Рехмира в Фивах» могут прочитать те, кого интересует этот период египетской истории, пишет:

В углу двора близ левой стороны фасада находится небольшая погребальная шахта (которая, возможно, была вырыта во время постройки гробницы), предоставляющая доступ к погребальной камере с юга. Шесть других погребальных шахт внутри гробницы затоплены. Ни в одной из них не были обнаружены следы погребального инвентаря, принадлежавшего первоначальным обитателям. Или место захоронения Рехмира еще не найдено, или была проявлена исключительная «забота» о том, чтобы не оставить о нем никакой памяти. Ему было отказано даже в защите богов в тех храмах, где он должен был оставить поминание. Когда смотришь на то, как небрежно затерто его имя на стенах гробницы, то не веришь, что такое отношение к нему было продиктовано жгучей злобой. Скорее, ему было отказано в похоронах в Фивах. Возможно, что его выслали в какую-нибудь отдаленную провинцию Египта и там похоронили⁶¹.

Однако, несмотря на ущерб, запущенность и разрушения, которым гробница подверглась за 3000 лет своего существования, она представляет собой самый впечатляющий и интересный образец гробницы вельможи эпохи Нового царства. Когда я снова посетил ее в 1953 г., после реставрационных работ, выполненных Службой древностей египетского правительства, то решил сделать везира центральной фигурой моей книги. Надеюсь, что я поступил справедливо.

Мне хочется почтительно сказать его «Ка»: «Пусть радуется твое сердце, о вельможа, и пусть во всех твоих делах тебе сопутствует удача!»

¹ Альфред Великий (ок. 849 — ок. 900) — король Уэссекса с 871 г. При нем произошла консолидация англо-саксонских королевств вокруг Уэссекса.

² Статуэтки слуг, помещаемые древними египтянами в гробницы, чтобы они служили своим хозяевам в загробном мире.

³ Прямоугольная, обычно сложенная из кирпича гробница, с наклонными наружными стенами, напоминающая по форме скамью перед домом, отчего произошло их название.— *Примеч. ред.*

⁴ Грузоподъемность некоторых египетских судов достигала 650 тонн.

⁵ Фивы, конечно, греческое название города. В то время, о котором я пишу, город назывался Но-Амон (Уасет).

⁶ Сирокко (*ит.*) — знойный ветер, дующий в средиземноморских странах.— *Примеч. ред.*

⁷ Обладатель этого странного титула был одним из самых важных чиновников в государстве, своего рода камергером.

⁸ Несмотря на то что социальная жизнь древних египтян была несколько свободнее, чем у арабов, все же неженатые мужчины и незамужние женщины не могли встречаться так, как это делается сейчас на Западе. В домах знати для женщин выделялась отдельная половина, но в некоторых случаях, подобных описываемому нами, женщины могли находиться в обществе мужчин, о чем свидетельствуют многочисленные рисунки на стенах гробниц, выполненные в тот период. Но, вероятно, сидеть вместе могли только супружеские пары. На встречи молодых людей смотрели неодобрительно, как это и сейчас принято на Востоке и в некоторых западных странах. Тем не менее маловероятно, чтобы эти барьеры служили серьезным препятствием для таких встреч.

Мне хорошо известно, что восточные свадьбы обычно «подготавливают» на основе семейных союзов и материальных соображений. Но, если меня попытаются убедить, что молодые люди в Древнем Египте никогда не любили, я этому никогда не поверю.

⁹ В египетских любовных песнях слова «сестра» и «брат» означали «любимый» или «любимая», которые не обязательно были связаны родственными узами.

¹⁰ Страна, лежащая, по-видимому, на юге африканского побережья Красного моря.

¹¹ Предостережение влюбленным: он мог быть ее братом или даже отцом.

¹² Особенно мне нравится имя «Она полезна для здоровья».

¹³ Однако были и другие имена, которые выражали значительно меньшую радость при появлении отпрыска: Кисон («Еще один брат!»), Неннека («Бесполезный»), Нендисси («Я не поддамся ей!»), Энтенсу («Он — ваш!») и Нехехендисен («Загробный мир тому, кто дал его!»).

^{13a} Здесь автор допускает ошибку. Эхнатон был рожден не от кровосмесительного брака.— *Примеч. ред.*

¹⁴ F. Petrie. Social Life in Ancient Egypt. L., 1923.

¹⁵ Брачный контракт, заключенный между иудеями, жившими в Элефантине (Верхний Египет) в 442 г. до н. э.

¹⁶ Фараон.

¹⁷ Тройное имя фараона Тутмоса III.

¹⁸ Вероятно, в Ливане.

¹⁹ A. E r m a n. Die Literatur der Agypter. Tübingen, 1923.

²⁰ Расположены вблизи Дамаска. Ханаанские названия.

²¹ Город на реке Оронт.

²² Видимо, местность в Ливане.

²³ Вероятно, жест отчаяния.

²⁴ Река Литани, впадающая в море севернее Тира.

²⁵ Город Тир расположен на небольшом скалистом острове.

²⁶ Близкое понятие слову «махир».

²⁷ Возможно, намек на какой-то распространенный в то время сюжет, не дошедший до нас.

²⁸ Слово «рука» здесь, вероятно, означает часть колесницы или ее упряжи.

²⁹ Все тексты школьных упражнений даны в переводе О. Д. Берлева.— *Примеч. ред.*

³⁰ Фараон.

³¹ Шеде, телек — опьяняющие напитки.

³² Киннор, незех — иностранные музыкальные инструменты.

^{32a} Египтяне никогда не писали алфавитным письмом. В их системе письменности существовали знаки, которые можно было назвать алфавитными, но они писали всегда сложной комбинацией, состоящей из различных знаков, а не только алфавитных.— *Примеч. ред.*

³³ Иератическое письмо, греч. «священное» — названо так греками, полагавшими, что оно предназначается для записей сакральных текстов.— *Примеч. ред.*

³⁴ Украшение для волос. Подвеска еще не утратила свой цвет. Подобные украшения имели значение амулета.— *Примеч. ред.*

³⁵ Несомненно, это пословица: «Я хочу целиком свою собственную вещь» (А. Эрман).

³⁶ Повесть о Синухете дана в переводе И. С. Кацнельсона.

³⁷ «Владычица земли», «Владычица всего» — супруга фараона.

³⁸ Перевод Ф. Г. Мищенко.

³⁹ Здесь автор ошибается. См. предисловие.

⁴⁰ Перевод О. Д. Берлева.

⁴¹ Такая сценка изображена на стене одной гробницы в Саккара.

^{41a} Автор неточен. Вплоть до эпохи Рамессидов это было не торговлей, а взиманием дани, подарков. Только в позднюю эпоху Рамессидов стала развиваться внешняя торговля, монополизированная египетским государством.— *Примеч. ред.*

^{41b} С островов Крит и Кипр получали подарки и дань. Из страны Пунт получали дань и то, что фактически захватывали силой в результате грабительского обмена.— *Примеч. ред.*

⁴² Сборщики налогов.

⁴³ A. E r m a n. Die Welt am Nil.

⁴⁴ Евфрат.

⁴⁵ Позднее эта церемония проводилась с более короткими интервалами.

⁴⁶ Тропное имя фараона XII династии Аменемхета I (2000—1930 гг. до н. э.).— *Примеч. ред.*

^{46a} Устаревшая, ошибочная точка зрения.— *Примеч. ред.*

⁴⁷ W. M. F. Petrie. Social Life in Ancient Egypt.

^{47a} См. Предисловие.

⁴⁸ Перевод Ф. Г. Мищенко.

⁴⁹ В тексте написано, что одна гостя говорит: «Видишь, я хочу допьяна напиться, внутренности мои сухи, как солома» (Пер. А. Ахматовой).

⁵⁰ Shorter. Everyday Life in Ancient Egypt.

⁵¹ Egyptian Expedition Publications, Metropolitan Museum of Art, N. Y.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Дж. Брэстед. История Египта с древнейших времен до персидского завоевания, М. 1915.
- Геродот. История (перевод Стратановского). Л. 1972.
- Г. Картер. Гробница Тутанхамона. М. 1959.
- Е. Amelineau. Nouveaux Fouilles d'Abydos (1895—1904). 3 vol. P., 1899—1904.
- James Baikie. Egyptian Antiquities in the Nile Valley. L., 1932.
- James Baikie. The Amarna Age. N. Y., 1926.
- G. Belzoni. Narrative of the Operations, etc. L., 1820.
- Edwyn Bevan. The Land of the Two Rivers. L., 1917.
- Charles Breasted. Pioneer to the Past. L., 1947.
- J. H. Breasted. Ancient Records of Egypt. Vol. 1—5. Chicago, 1906—1907.
- J. H. Breasted. The Development of Religion and Thought in Ancient Egypt. N. Y., 1912.
- E. A. W. Budge. The Nile. L.—Cairo, 1897.
- E. A. W. Budge. The Literature of the Ancient Egyptians. L., 1914.
- E. A. W. Budge. The Gods of the Egyptians. L., 1904.
- E. A. W. Budge. The Rosetta Stone in the British Museum. L., 1929.
- N. de Garis Davies. The Rock Tombs of El Amarna. Part 1—6, L., 1903—1908.
- N. de Garis Davies. The Tomb of Rekhmire at Thebes. 2 vol. N. Y., 1943.
- J. de Morgan. Recherches sur les Origines de l'Egypte. P., 1896.
- Drioton and Lauer. Sakkarah: the Monuments of Zoser. Le Caire, 1939.
- E. Edel. Neue Keilschriftliche Umschreibungen Aegyptischer Namen aus den Bogazkoytexten. B., 1948.
- I. E. S. Edwards. The Pyramids of Egypt. L., 1947.
- Arthur Evans, sir. The Palace of Minos. 4 vol.
- Elliot-Smith and Dawson. Egyptian Mummies. L., 1924.
- Erman and Blackman. The Literature of the Ancient Egyptians. L.
- R. O. Faulkner. Egyptian Military Organisation.— «Journal of Egyptian Archaeology», vol. 39. L., 1953.

- H. Frankfort. City of Akhnaten. L., 1933.
- H. Frankfort, J. Wilson and Th. Jacobsen. Before Philosophy. L., 1949.
- A. H. Gardiner. Treaty of Alliance between Hathusil and Ramesses II. L., 1920.
- A. H. Gardiner. The Attitude of the Ancient Egyptians to Death and the Dead. Cambridge, 1935.
- A. H. Gardiner. Topographical Catalogue of the Private Tombs of Thebes. L., 1913.
- S. R. K. Glanville. The Legacy of Egypt. L., 1945.
- G. Maspero. Les Momies Royales de Deir-el-Babari. P., 1889.
- S. Merser. The Religion of Ancient Egypt. L., 1949.
- M. Murray. The Splendour that was Egypt. L., 1949.
- T. E. Peet. The Great Tomb-robberies of the Twentieth Egyptian Dynasty. Oxford, 1943.
- J. D. S. Pendlebury. Tell el Amarna. L., 1935.
- W. M. F. Petrie. Social Life in Ancient Egypt. L., 1923.
- W. M. F. Petrie. Naquada and Ballas. L., 1896.
- W. M. F. Petrie. Royal Tombs of the First and Second Dynasties. L., 1901—1902.
- W. M. F. Petrie. Pyramids and Temples of Gizeh. L., 1883.
- W. M. F. Petrie. Social Life in Ancient Egypt. L., 1923.
- W. M. F. Petrie. The Building of a Pyramid in Ancient Egypt. L. 1930.
- G. Reisner. The Tomb of Hetepheres.—«Museum of Fine Arts Bulletin». Boston, 1927—1929.
- A. W. Shorter. Everyday Life in Ancient Egypt. L., 1932.
- A. Weigall. The Glory of the Pharaohs. N. Y., 1923.
- L. Woolley. Digging up the Past. L., 1940.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Перевернув последнюю страницу второй книги Котрелла, читатель завершил увлекательное путешествие в древнюю страну пирамид, полную сказочной романтики и чарующих тайн. Автор рассказал об открытии древнейших памятников египетской культуры, провел читателя в мрачные глубины великих пирамид, поведал о том, как более четырех тысяч лет назад было разграблено захоронение царицы Хетепхерес — матери фараона Хеопса, о чем так никогда и не узнал ее грозный сын.

Вместе с автором читатель проник в таинственные переходы фиванских гробниц, любовался величественной красотой фиванских храмов, верхом на ослике пробирался среди пустынных развалин когда-то блистательной столицы Эхнатона — грозного деспота и выдающегося религиозного мыслителя, переживал волнующий момент, когда впервые более чем через три тысячи лет после похорон был вырван из тьмы и ослепительно засверкал под лучами электрического фонарика огромный позолоченный ковчег фараона-мальчика Тутанхамона. Вместе с автором читатель присутствовал на банкете у жившего три с половиной тысячи лет назад египетского вельможи — везира Рехмира, сидел за его праздничным столом в окружении его домочадцев и гостей, прислушиваясь к их разговорам, улавливая живое биение сердец, сокровенные мысли и чувства людей, от которых нас отделяет бездна нескольких тысячелетий.

Автор поведал своему читателю о многих интереснейших фактах из истории Древнего Египта, ознакомил с наиболее яркими явлениями самобытной культуры этой великой древней страны, рассказал о некоторых проблемах современной египтологической науки. И пусть в ряде случаев автор допускал ошибочные утверждения, естественные для популяризатора египтологии, а не египтолога-специалиста (все эти ошибки оговорены в предисловии и в комментариях), все же достоинства книг Котрелла очевидны — их автор, достаточно сведущий в египтологической литературе, предстает перед своим читателем как замечательный рассказчик, прекрасно владеющий ярким образным словом, что позволяет

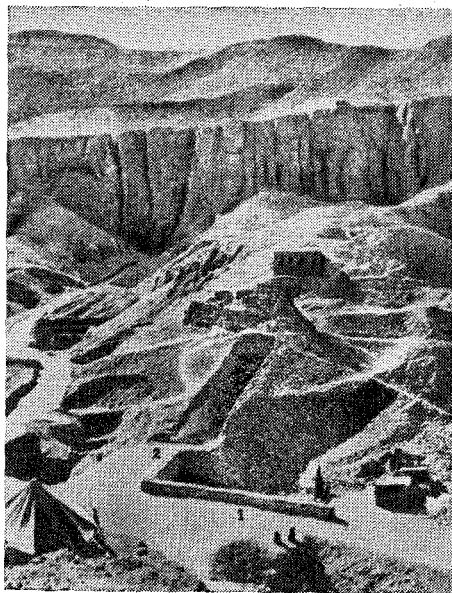
ему создавать для читателя иллюзию соприсутствия, иллюзию видения всего того, о чем он узнает из книг Котрелла.

Книги Котрелла не могут не заинтересовать, и не исключено, что какой-нибудь юный читатель, покоренный величием древней цивилизации долины Нила, о которой он узнал из книг Котрелла, захочет посвятить египтологии всю свою жизнь.

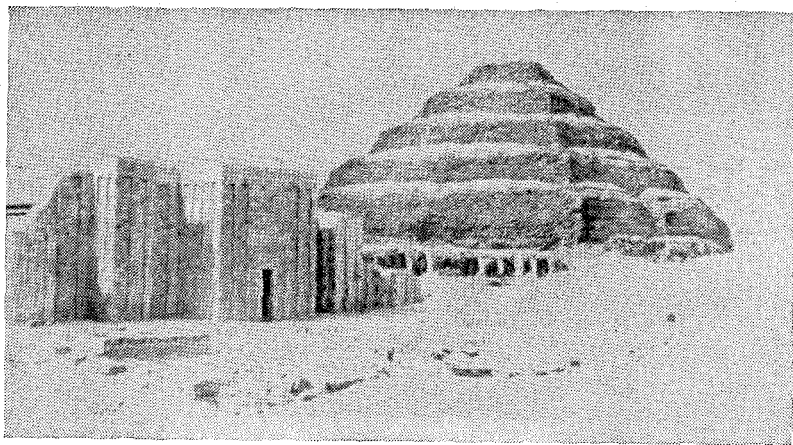
И. А. Стучевский

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Долина царей. 1 — Вход
в гробницу Тутанхамона.
2 — гробница Рам-
сеса VI

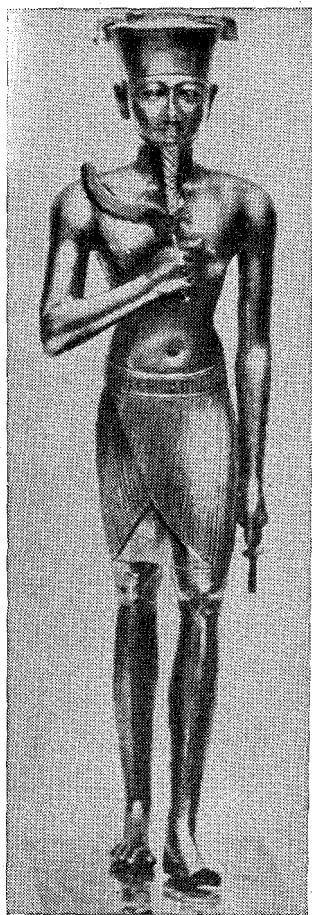

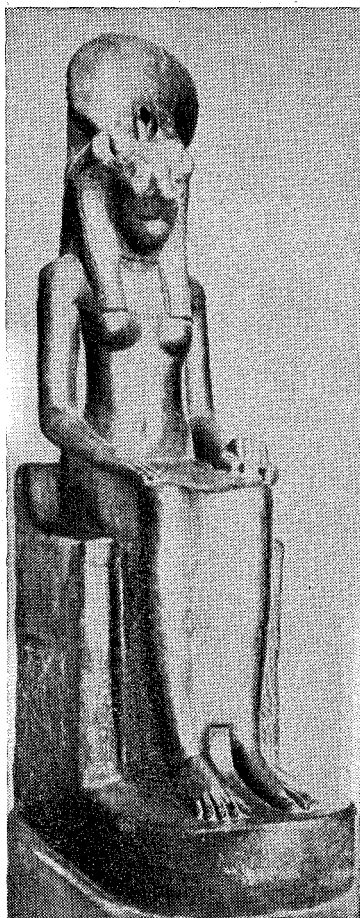
Погребальный дворец Джосера в Саккара.
Ограда и Ступенчатая пирамида

Карнак. Деталь Гипостильного зала

Бог Амон. Золото. Из окрестностей большого храма Амона в Карнаке. XVIII династия

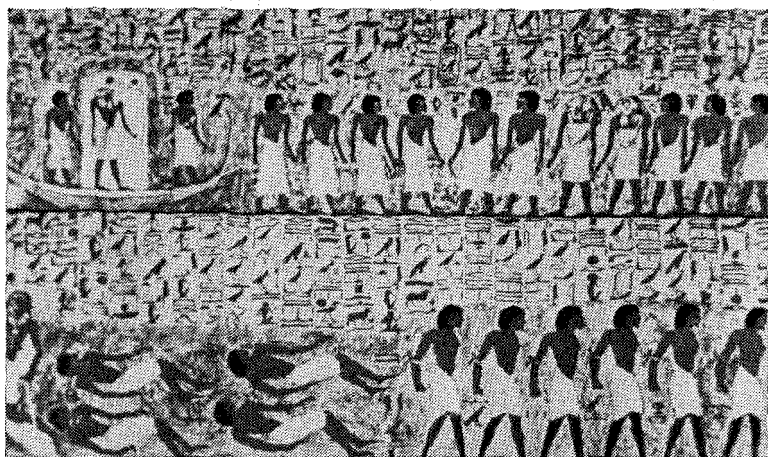

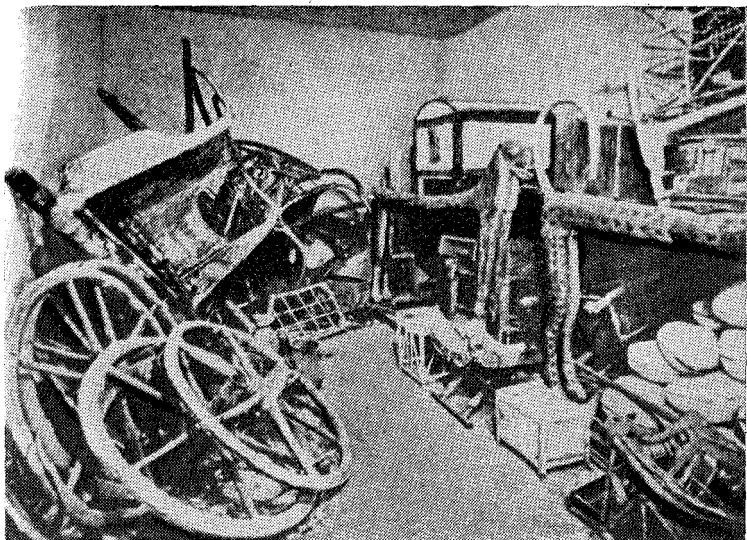
Сидящая богиня войны.
Серый гранит. XVIII династия

Фрагмент деревянного оклада
в мастабе высокопоставлен-
ного вельможи III династии.
На фрагменте умерший сидит
перед жертвенным столом

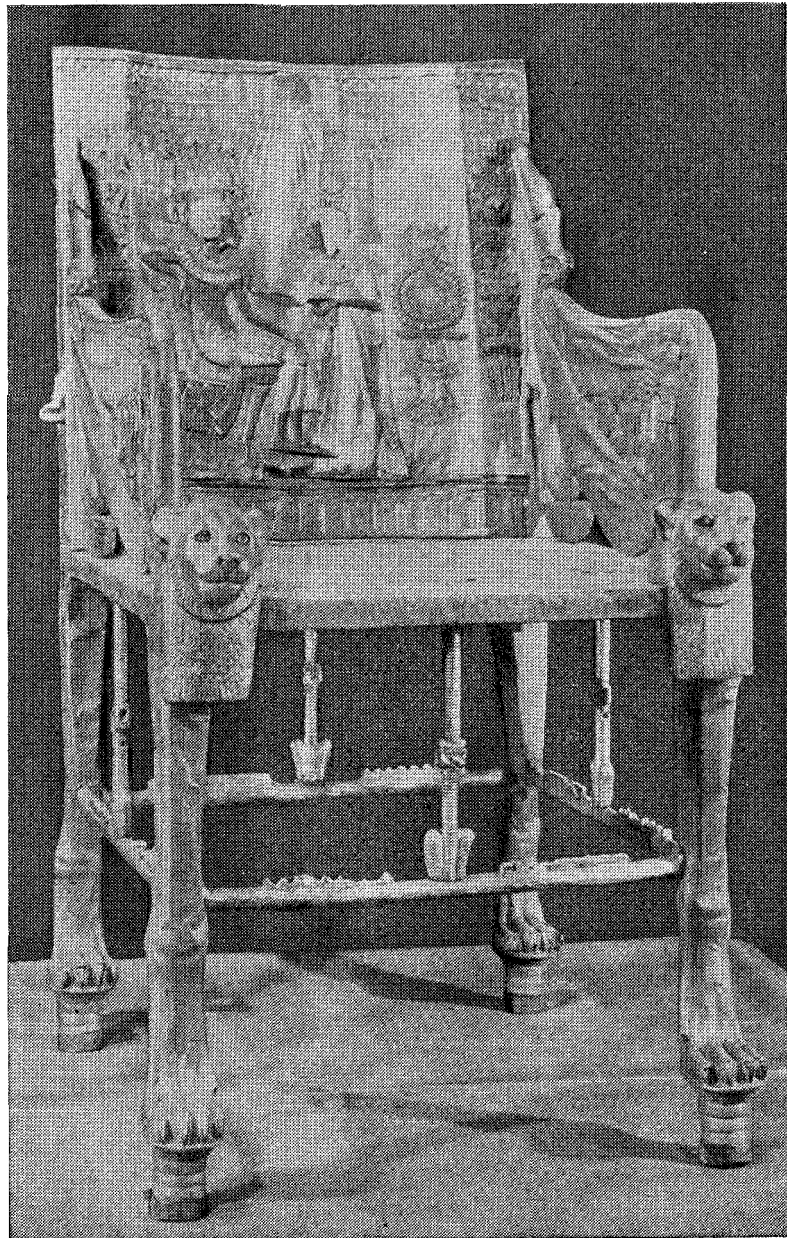
Первая глава Книги врат. На-
стенная роспись в гробнице
фараона Хоремхеба. Зал сар-
кофагов. XVIII династия

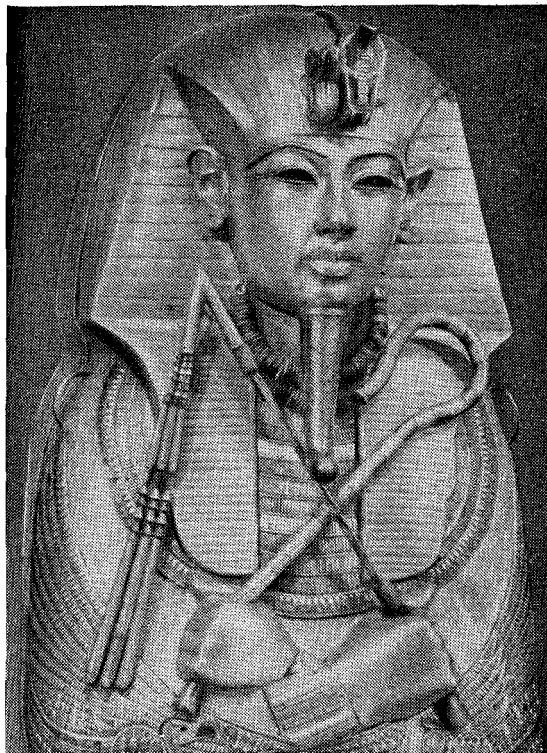

Гробница Тутанхамона. Внутренний вид передней комнаты в момент открытия. Южная часть. Колесницы и ложа с головами зверей. Под передним ложем белые овальные коробки с запасами провизии

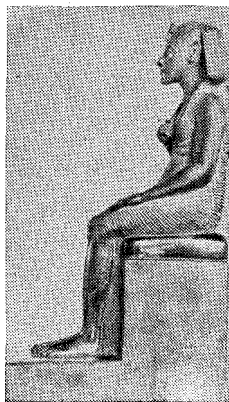
Статуя «Ка» (двойника) Тутанхамона

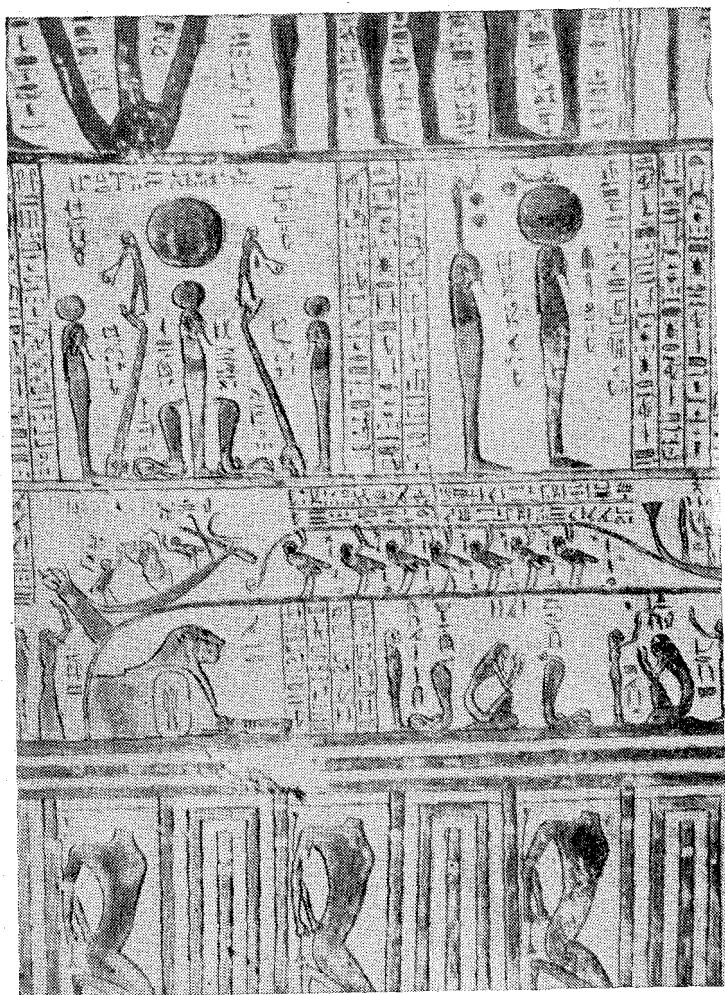

Верхняя часть третьего (внутреннего) антропоморфного гроба Тутанхамона

Сидящий фараон Аменхотеп IV (Эхнатон). Известия. (Ноги и сидение реставрированы). XVIII династия

←
Золотой трон Тутанхамона. На спинке изображена Анхесенпаамон, умащающая царя

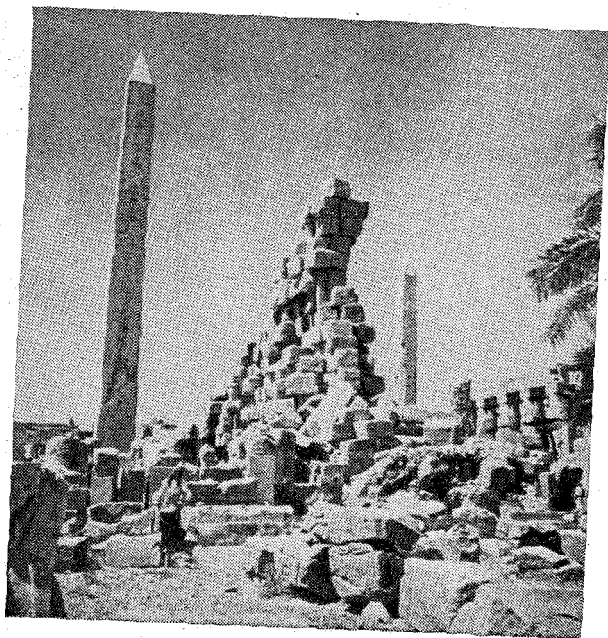

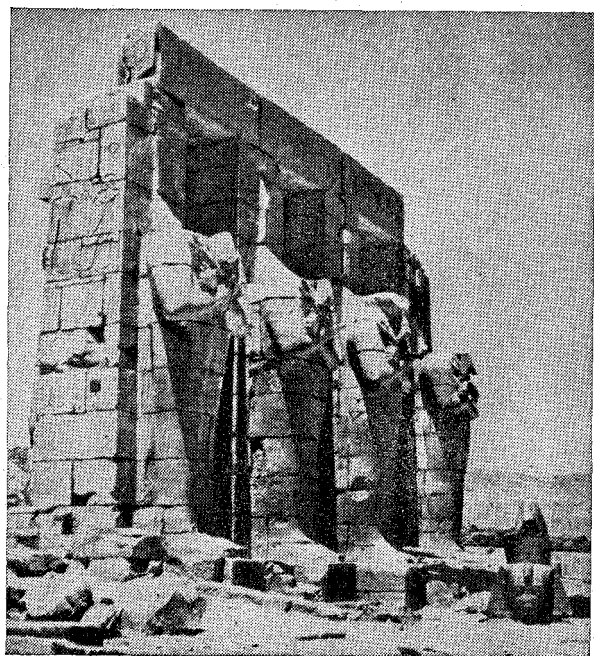
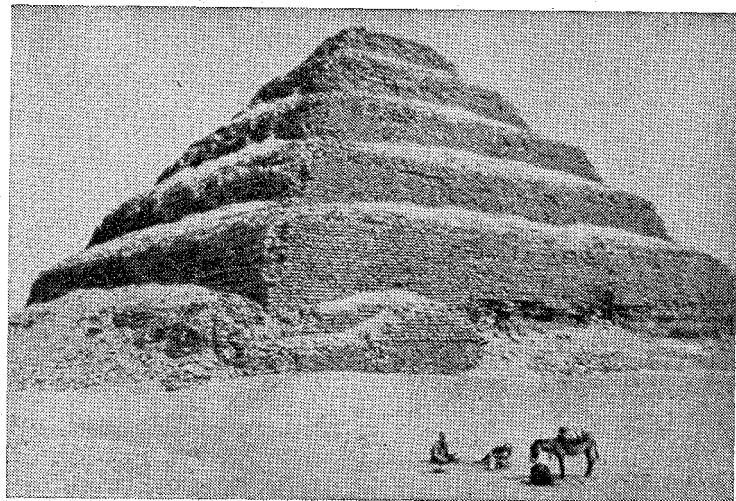
Настенная роспись в гробнице Рамсеса VI

Статуя женщины. Известняк.
XVIII династия

Карнак. Четвертый пилон
и обелиск Хатшепсут

←
Саккара. Ступенчатая пирамида Джосера. III династия

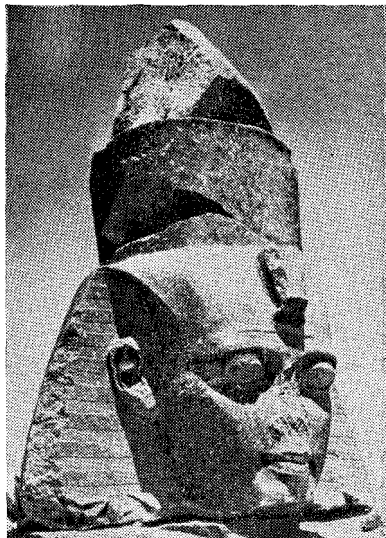

Луксор. Большой зал,
вид с юга

Храм в Бир Бен Нага.
Один из входов.
Меропитический период

←
Фивы. Рамсессеум —
колоессы Рамсеса II.
Второй внутренний двор

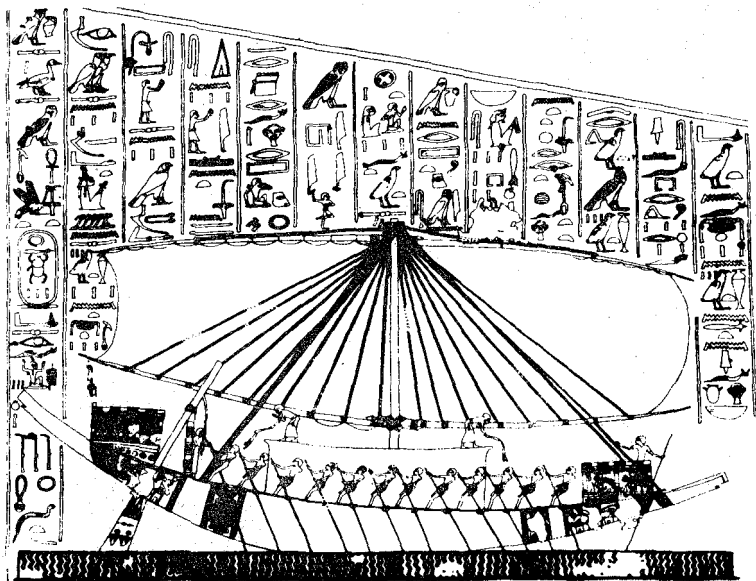
→
Рехмир и его жена, получающие подарки от своих детей (Фреска из гробницы Рехмира)

Фивы. Голова Рамсеса II

Знатные дамы. Настенная роспись в гробнице Везерхета в Фивах. XIX династия

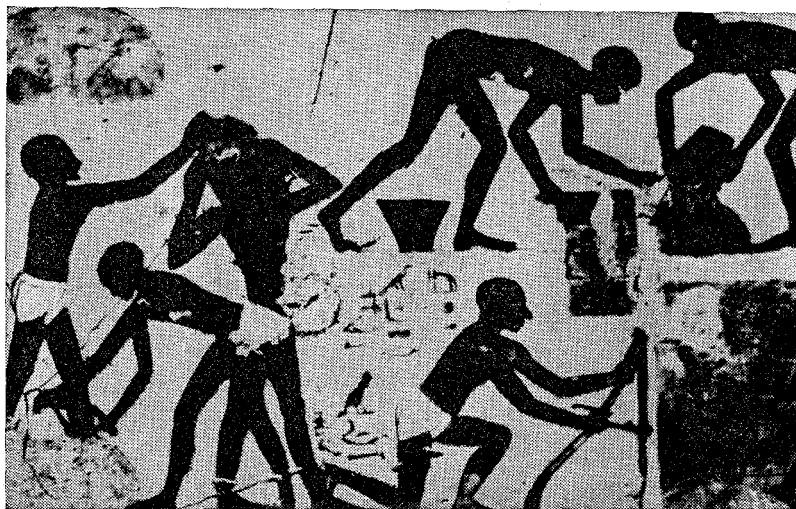
—
Ладья Рехмира (фреска из его гробницы)

Производство металлической посуды (настенная роспись в гробнице везира Рехмира). XVIII династия

«Производство кирпичей для реконструкции мастерских Амона в Карнаке». Такова подпись под этой росписью в гробнице Рехмира в Фивах. XVIII династия

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. С. Кацнельсон. Книги Леонарда Котрелла и история Египта</i>	3
<i>Династии древнего Египта</i>	22

ЗАБЫТЫЕ ФАРАОНЫ (перевод Ф. Л. Мендельсона)

Введение	24
<i>Глава I. Страна и ее история</i>	27
<i>Глава II. Расширение границ</i>	41
<i>Глава III. Происхождение пирамид</i>	51
<i>Глава IV. Как и для чего строили пирамиды</i>	64
<i>Глава V. Мать Хеопса</i>	79
<i>Глава VI. «Стовратные Фивы»</i>	92
<i>Глава VII. «Город мертвых»</i>	99
<i>Глава VIII. Долина царей</i>	111
<i>Глава IX. Забытые фараоны</i>	123
<i>Глава X. Величайшее открытие</i>	139
<i>Глава XI. Весь мир потрясен</i>	145
<i>Глава XII. Паломничество в Ахетатон</i>	159
<i>Глава XIII. Город солнечного бога</i>	175
<i>Глава XIV. Будущее египтологии</i>	192
Приложение	
Царствование Эхнатона	201

ЖИЗНЬ ВО ВРЕМЕНА ФАРАОНОВ (перевод В. И. Андрушова)

Введение	206
<i>Глава I. Земля, народ и его боги</i>	208
<i>Глава II. Возвращение Рехмира</i>	220
<i>Глава III. Дома и мебель</i>	231
<i>Глава IV. На пиршестве у Рехмира</i>	243
<i>Глава V. Египетские женщины</i>	256
<i>Глава VI. Друзья и влюбленные</i>	265

<i>Глава VII.</i> Армия фараона	273
<i>Глава VIII.</i> Пер-гор идет в школу	283
<i>Глава IX.</i> Могущество письменности	292
<i>Глава X.</i> Рабочие и ремесленники	303
<i>Глава XI.</i> Магия и медицина	321
<i>Глава XII.</i> Торговля	328
<i>Глава XIII.</i> Фараон и народ	334
<i>Глава XIV.</i> Дом вечности	342
Послесловие	
Факты или вымысел?	352
Библиография	359
Послесловие (<i>И. А. Стучевский</i>)	361
Иллюстрации	363

Котрелл Л.

К73 Во времена фараонов. Пер. с англ. Ф. Л. Мендельсона и В. И. Андрушова. Предисл. И. С. Кацнельсона. Послесл. И. А. Стучевского. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982.

380 с. с ил. («По следам исчезнувших культур Востока»).

Книги известного английского популяризатора археологии Леонарда Котрелла «Забутые фараоны» и «Жизнь при фараонах», тесно связанные между собой, объединены в русском издании в одном томе. Автор излагает историю Египта с древнейших времен до эпохи Нового царства, до конца времени правления XVIII династии, т. е. примерно с XXVI в. до н. э. до XIV в. до н. э., на основе описания наиболее значительных археологических открытий. Читатель узнает об открытии потайной гробницы царицы Хетхерес, фиванского некрополя и гробницы Тутанхамона. Широко используя древние тексты, Л. Котрелл рассказывает о быте древних египтян, их верованиях, культуре.

Леонард Котрелл

ВО ВРЕМЕНА ФАРАОНОВ

*Утверждено к печати
Редакцией серии
«По следам исчезнувших культур Востока»*

Редактор Л. З. Шевриц
Младший редактор М. В. Малькова
Художник Э. С. Зарянский
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор Э. С. Теплякова
Корректор Л. И. Письман

ИБ № 14519

Сдано в набор 13.11.81. Подписано к печати
30.06.82. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типограф-
ская № 2. Гарнитура «Обыкновенная новая».
Печать высокая. Усл. п. л. 20,16. Усл. кр.-отт.
20,47. Уч.-изд. л. 21,47. Тираж 30 000 экз. Изд.
№ 4715. Зак. № 1790. Цена 1 р. 60 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

Выйдет:

Дандамаев М. А.

Вавилонские писцы. 16 л.

Исследуются проблемы клинописной писцовой культуры древней Месопотамии (архивное дело, библиотеки и библиотечная техника, школы и т. д.). Освещаются социальное и экономическое положение писцов и писцов-переводчиков, а также их роль в храмовом и государственном управлении и на службе у частных лиц. Даны наиболее типичные биографии писцов, выяснены продолжительность их жизни, экономическое и социальное положение, а также юридический статус.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов и «Академкнига», а также по адресу: 117192, Москва В-192. Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

Выйдет:

Клочков И. С.

**Духовная культура Вавилонии: Человек, судьба, время.
10 л.**

Исследуются различные аспекты духовной культуры древней Месопотамии II—I тысячелетий до н. э. Освещаются этические воззрения вавилонян, их понимание судьбы, времени. Делается попытка дать представление о системе ценностей вавилонской культуры.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов и «Академкнига», а также по адресу: 117192, Москва В-192. Мичуринский проспект, 42, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».